

В. И. КОЛЧАК
А. В. КОЛЧАК

**Избранные
труды**

В.И.КОЛЧАК
А.В.КОЛЧАК

**Избранные
труды**

С.-Петербург
«Судостроение»
2001

ББК 63.3
К60

Издание выпущено при поддержке Администрации Санкт-Петербурга

Составители: *В. Д. Доценко, А. А. Смирнов*

Колчак В. И., Колчак А. В.
К60 Избранные труды / Под ред. В. Д. Доценко. — СПб.: Судостроение, 2001. — 384 с., ил.

ISBN 5—7355—0592—0

В книгу вошли наиболее известные исторические и военно-научные труды и воспоминания отца и сына — генерал-майора В. И. Колчака и адмирала А. В. Колчака. Авторы рассказывают об обороне Севастополя в Крымскую войну 1853—1856 гг. и Порт-Артура в Русско-японскую войну 1904—1905 гг., истории Обуховского завода. Труды А. В. Колчака посвящены проблеме развития Российского флота, в том числе Морского генерального штаба.

Для широкого круга читателей.

ББК 63.3

ISBN 5—7355-0592—0

- © Составление, В. Д. Доценко,
А. А. Смирнов, 2001
- © Предисловие, В. Д. Доценко, 2001
- © Вступительная статья, А. А. Смирнов,
2001
- © Издательство «Судостроение», 2001

ПРЕДИСЛОВИЕ

В книгу включены важнейшие литературные произведения Василия Ивановича и Александра Васильевича Колчаков. Об А. В. Колчаке сегодня опубликованы десятки книг. Среди них монографии К. А. Богданова «Адмирал Колчак» (СПб., «Судостроение», 1993 г.), И. Ф. Плотникова «Александр Васильевич Колчак: Жизнь и деятельность» (Ростов-на-Дону, «Феникс», 1998 г.), В. Г. Краснова «Колчак. И жизнь и смерть за Россию» (в 2 кн., М., «Олма-Пресс», 2000 г.) и другие. Однако произведения самого А. В. Колчака для широкого круга читателей все еще остаются недоступными. Этим изданием мы не только хотим еще раз напомнить биографию А. В. Колчака, но и познакомить с его литературным и военно-теоретическим наследием.

В книге публикуются дневник А. В. Колчака периода обороны Порт-Артура, находящийся в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота, доклад «Какой России нужен флот» (более точным было бы название «Какой флот нужен России»), опубликованный в 1908 г. в журнале «Морской сборник», сообщения «Службы генерального штаба», сделанные в 1911 г. офицерам дополнительного курса военно-морских наук Николаевской Морской академии, а также «Сообщение в офицерском союзе Черноморского флота и собрания делегатов армии, флота и рабочих в Севастополе» (1917). В справочнике «Военные флоты 1909 г.» А. В. Колчак опубликовал интересную работу «Современные линейные корабли», в которой показал тенденции и перспективы развития линкоров флотов крупнейших морских держав мира. Часть этой работы также помещена в книгу.

В период Первой мировой войны, будучи флаг-капитаном по оперативной части командующего Балтийским флотом, А. В. Колчак

разработал «Инструкцию для уклонения от атак подводных лодок», опубликованную в 1915 г. с грифом «секретно». Небезынтересно отметить, что А. В. Колчак проявил интерес к подводным лодкам еще в 1907 г.: на страницах журнала «Морской сборник» он опубликовал статью известного французского конструктора подводных лодок М. Лобефа «Настоящее и будущее подводного плавания». Будучи на службе в Морском генеральном штабе, А. В. Колчак разработал проекты комплектования флота личным составом: «Регламент о прохождении службы офицерами флота» и «Обзор состояния нижних чинов в Морском ведомстве в 1907 г.». Он предлагал создать в России своего рода «морское сословие». Несколько работ А. В. Колчака посвящены проблемам исследования Мирового океана. Среди них «Наблюдения над поверхностными температурами и удельными весами морской воды, произведенные на крейсерах „Рюрик” и „Крейсер” с мая 1897 по март 1898 г.» (1899), «Последняя экспедиция на остров Бенетта, снаряженная Российской императорской академией наук для поисков барона Толля» (1906), «Научные результаты русской Полярной экспедиции в 1900—1903 гг. под начальством барона Э. В. Толля» (1909), «Лед Карского и Сибирского морей» (1909). В 1909 г. А. В. Колчак перевел на русский язык работу датского океанографа М. Кнудсена «Таблицы точек замерзания морской воды», а в 1906—1909 гг. участвовал в издании четырех карт арктических морей. Поскольку эти работы к настоящему времени утратили научное значение, от их опубликования мы отказались.

В своей главной работе «Какой России нужен флот» А. В. Колчак обосновал необходимость иметь для России сильный военный флот. Боевым ядром возрождаемого на Балтийском море флота должны стать линейные корабли. Это не означает, что он недооценивал роль подводных лодок и морской авиации. В те годы и подводные лодки, и морская авиация еще не представляли собой серьезной боевой силы. Из всех морских театров А. В. Колчак важнейшим считал Балтийский. Это положение он обосновал сосредоточением на побережье Балтийского моря основных производительных сил страны и ее столицы. В то же время значение Северного и Тихоокеанского театров военных действий он недооценивал. Говоря о значении отдельных классов кораблей, А. В. Колчак отдавал первенство линейным кораблям: он выступал против строительства кораблей береговой обороны (броненосцев береговой обороны, мониторов и канонерских лодок) и ратовал за ограничение строительства миноносцев. На вопрос, какой же флот нужен России, он ответил: «России нужна реальная морская сила, на которой могла бы быть основана неприкосновенность ее морских границ и на которую могла бы опереться

независимая политика, достойная великой державы, т. е. такая политика, которая в необходимом случае получает подтверждение в виде успешной войны.

Эта реальная сила лежит в линейном флоте и только в нем, по крайней мере в настоящее время мы не можем говорить о чем-либо другом. Если России суждено играть роль великой державы — она будет иметь линейный флот как неперенное условие этого положения».

В статье «Современные линейные корабли» (1909) А. В. Колчак проанализировал развитие кораблей этого класса за 50 лет и показал их перспективы. При этом он выделил следующие особенности развития линкоров:

- увеличение числа орудий крупных калибров и исчезновение артиллерии среднего калибра;
- увеличение калибра противоминной артиллерии;
- увеличение поверхности и мощности бронирования;
- увеличение скорости хода;
- изменения конструктивных особенностей корпуса (отсутствие тарана и развитие внутренней противоминной защиты).

Как считал А. В. Колчак, эти изменения были вызваны прежде всего опытом Русско-японской войны 1904—1905 гг. Он выделил семь уроков, оказавших наибольшее влияние на развитие линейных кораблей:

- увеличение дистанции боя до 90 каб.;
- необходимость ведения артиллерийского огня тактическими группами кораблей;
- возрастание разрушительной силы снарядов;
- большие площади бронирования и конструктивные меры по обеспечению живучести кораблей;
- обеспечение плавучести и остойчивости кораблей при получении ими подводных пробоев;
- малая эффективность противоминной артиллерии (калибром менее 75 мм);
- возрастание роли скорости кораблей в тактическом и стратегическом отношениях.

А. В. Колчак сформулировал требования, предъявляемые к проекту линейного корабля для программы судостроения, разрабатываемой в 1909 г., а также привел сравнительные характеристики линкоров многих стран (по артиллерии, бронированию, скорости). Он отмечал, что «корабли строятся и должны строиться на основании определенных стратегических и тактических положений; критика того или другого корабля возможна только при надлежащей оценке

этих положений. Каждый флот, конечно, должен и будет сохранять в тайне элементы своих боевых единиц и свои тактические соображения, и только ближайшая война может выяснить окончательно: на правильном ли пути находились авторы проектов тех или других линейных кораблей, при помощи которых будет решаться участь этой войны».

В работе «Служба генерального штаба» А. В. Колчак привел обширный перечень литературы на русском и иностранном языках об истории затронутой проблемы. Прежде чем перейти к изложению вопроса, касающегося службы и организации генерального штаба, он остановился на общих проблемах управления силами и методологии командующего при разработке плана операции. Он подчеркивал роль командующего в искусстве выработки замысла, отметив, что замысел должен быть результатом творчества одного человека, а не группы. Он показал роль генерального штаба в подготовке государства к войне. «Военная сила, проигравшая войну, проиграла ее до начала военных действий», — так оценивал А. В. Колчак итоги Русско-японской войны 1904 — 1905 гг. По его мнению, война была проиграна прежде всего потому, что о ней серьезно никто не думал и никто к ней не готовился. Он писал: «Вопроса о подготовке к войне не было вовсе, равно как и не существовало никакого плана войны».

Основная часть работы посвящена организации и деятельности морских генеральных штабов России, Германии, Англии, Франции, Италии, США и Японии. При этом А. В. Колчак предложил структуру Морского генерального штаба и функциональные обязанности его основных подразделений. Только 24 апреля 1906 г. в русском флоте было учреждено сначала управление Морского генерального штаба, а затем 5 июня 1906 г. — Морской генеральный штаб (в котором служил А. В. Колчак).

В связи с появившимся общественным интересом к имени адмирала А. В. Колчака наши современники вспомнили и о его отце — генерал-майоре В. И. Колчаке (1837—1913). Почти 40 лет он отдал совершенствованию сталепушечного производства в России. Был участником обороны Севастополя в Крымскую войну 1853—1856 гг., о чем оставил воспоминания, назвав их «Война и плен». Значительный интерес представляют заметки В. И. Колчака об адмирале П. С. Нахимове.

Воспоминания В. И. Колчака об обороне Севастополя свидетельствуют о наблюдательности и определенном литературном даровании автора. Он завершает их такими словами: «После севастопольской жизни долгое еще время казался мне каждый звук полетом ядра, разрывом бомбы, а резкий шорох — шипением ракеты, шуршанием

осколков гранат. Но протекло 50 лет после беспримерной осады, и как будто не было ее. Последние войны отодвинули эту кровавую оборону на задний план. Уже никто не говорит о Севастополе».

Особый интерес представляет работа В. И. Колчака «История Обуховского сталелитейного завода в связи с прогрессом артиллерийской техники». Впервые она была опубликована в 1901 – 1902 гг. в журнале «Морской сборник». Эта работа не потеряла своей актуальности и в настоящее время и остается непревзойденным трудом по истории Обуховского завода — одного из лучших предприятий России на рубеже XIX – XX вв. Историю завода В. И. Колчак изложил достаточно подробно и с большим знанием дела (он прослужил на заводе более 35 лет). В труде он приводит интересные сведения из биографий П. М. Обухова и Н. И. Путилова, стоявших у истоков сталепушечного производства в России. Однако в связи с некоторой перегруженностью этой работы приложениями и специфическими техническими подробностями текст печатается с сокращениями.

Надеемся, что публикацией избранных трудов В. И. Колчака и А. В. Колчака мы откроем еще одну из интереснейших страниц истории России.

*В. Д. ДОЦЕНКО,
кандидат исторических наук,
профессор Военно-морской академии им. Н. Г. Кузнецова,
капитан 1 ранга*

ОТЕЦ И СЫН. ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Долгое время адмирал А. В. Колчак был символом «черной контрреволюции», и иного определения для него в официальной истории страны не существовало. Только сейчас стало возможным увидеть другого Колчака, говорить о его вкладе в развитие отечественной науки.

Если бы не события октября 1917 г., на фасаде главного здания Обуховского завода в С.-Петербурге, в музее обороны Севастополя 1854 – 1855 гг. на Малаховом кургане сверкало бы имя военного писателя, горного инженера-металлурга и офицера морской артиллерии, впоследствии генерал-майора – Василия Ивановича Колчака, отца будущего Верховного Правителя.

По преданию, род Колчаков ведется от турецкого офицера, попавшего в русский плен и оставшегося в России (сын адмирала Ростислав, уже живя в Париже, в 30-е годы опубликовал небольшую монографию об истории своего рода). Во всяком случае у малороссийского дворянина Ивана Лукича Колчака, проживавшего в Одессе, 1 января (по ст. ст.) 1837 г. родился сын Василий. Мальчика приняли в Одесский Ришельевский лицей (созданный на юге Российской Империи по подобию Царскосельского). В 1854 г. семнадцатилетний Василий Колчак закончил лицей и стоял на пороге выбора жизненного пути.

9 апреля 1854 г., в страстную пятницу, перед Одессой появились восемь английских и французских вооруженных пароходов и открыли огонь по порту и городу из 350 орудий. Им отвечала лишь одна береговая батарея прапорщика Щеголева. Когда бóльшая часть артиллеристов выбыла из строя, к офицеру подбежали три лицеиста. Двое встали у пушек, третий подвозил заряды...

После ожесточенного боя, расстреляв боеприпасы и лишившись всех орудий, батарейцы отступили вместе с тремя студентами. Несомненно, пример товарищей оказал на Василия Колчака огромное влияние. Начиналась Восточная (Крымская) война, и выпускник лицея записался добровольцем в юнкера морской артиллерии. Однако в морских сражениях ему участвовать не пришлось.

В начале 1855 г., совершив 100-километровый марш с транспортом пороха из Николаева, юнкер В. Колчак прибыл в осажденный Севастополь и был назначен помощником командира круговой башни Малахова кургана. Здесь он был произведен в офицеры. 4 августа 1855 г. комендант севастопольского гарнизона князь Васильчиков вручил ему Георгиевский крест. Василий Колчак стал и свидетелем гибели адмирала П. С. Нахимова.

27 августа, раненым при последнем штурме кургана, он был взят в плен французами. Пережил долгие месяцы плена. Неизвестно, был ли прапорщик В. Колчак в Севастополе знаком с другим офицером — графом Л. Н. Толстым, но позже «Севастопольские рассказы», несомненно, читал. К пятидесятилетию севастопольской обороны В. Колчак издал свои воспоминания. Богаче событийно (ведь автор «Войны и мира» сумел избежать плена), они не уступают и в художественности. Еще в плену обвинения севастопольцев в том, что они «Малахов курган проспали и прообедали», заставили его взяться за перо. Прапорщик В. Колчак написал статью «На Малаховом кургане», тут же напечатанную не только в Петербурге — в журнале «Морской сборник», — но и в Париже.

После войны ему легко далась бы военная карьера. Но... Прапорщик Колчак вновь стал студентом — столичного Горного института, факультета металлургии. Став горным инженером, работал на уральских металлургических заводах, а в 1863 г. вернулся в Петербург, став военным представителем по приемке орудий и снарядов. И до 1899 г. (хотя еще в 1889 г. в чине генерал-майора вышел в отставку) заведовал сталепудинговой мастерской на Обуховском заводе. Именно в этой мастерской разрабатывались технологии производства орудий крупного калибра, превосходившие продукцию заводов Армстронга и Круппа. Свой опыт Василий Иванович обобщил в «Истории Обуховского сталелитейного завода в связи с прогрессом артиллерийской техники».

4 (18) ноября 1874 г. в казенной квартире Обуховского завода у него родился сын Александр.

Герой Севастопольской обороны, писатель и широко образованный специалист, Василий Иванович воспитывал сына в духе рыцарского служения православному престолу и Отечеству, чести и

жертвенности во благо родины. Обучил и первой основе гражданственности — умению чтить авторитет и в то же время оставаться внутренне свободным. Будущий командующий Черноморским флотом слушал отцовские рассказы об адмиралах Нахимове, Корнилове, Бутакове... Неудивительно, что мальчик избрал службу морского офицера.

13 сентября 1888 г. Александр Колчак был зачислен в Морское училище. Впрочем, была и прозаическая причина выбора места учебы — четырнадцатилетний юноша был на всем казенном, отец-генерал, живший на пенсию, не смог бы оплатить учебу в ином учебном заведении. И служба в аристократических полках русской гвардии, в гвардейском флотском экипаже была мичману А. Колчаку также не по карману. В сентябре 1894 г. в личном деле новоиспеченного мичмана Колчака в графе «состояние» была сделана запись «Ни за ним, ни за родителями... недвижимого имущества, родового или благоприобретенного, не имеется». Весь капитал в начале самостоятельной жизни — 300 рублей — премия им. адмирала Рикорда (одного из основателей Русского географического общества), полученная за окончание с отличием Морского корпуса. Кто мог тогда предположить, что через 25 лет в распоряжении этого офицера будет половина золотого запаса Российской Империи...

Мало кто знает, что доклад о результатах экспедиции по спасению барона Толля, с которого начинается повесть, в Русском географическом обществе читал лейтенант флота А. В. Колчак. Это он вместе с несколькими смельчаками совершил дерзкое плавание на легком вельботе к острову Беннета, нашел место последней стоянки группы Толля и привез неопровержимые доказательства не только гибели барона, но и отсутствия в природе таинственной «земли Санникова» (намного позже советские полярники установили, что на месте призрачной «земли» расположена крупная банка — отмель, на которой по несколько лет задерживались высокие айсберги, принимаемые издали за горы). Но до этого, с 1900 г., Александр Васильевич, являясь офицером экспедиционной яхты Толля «Заря», проводил обширные исследования льдов русских арктических морей. Э. В. Толль в своем донесении Президенту Императорской Академии наук великому князю Константину Константиновичу в 1901 г. писал: «Станции начинались всегда гидрографическими работами, которыми заведовал лейтенант Колчак; эта научная работа выполнялась им с большой энергией, несмотря на трудности соединить обязанности морского офицера с деятельностью ученого».

Признавая заслуги гидрографа «Зари», один из островов, открытых в Таймырском заливе, Толль назвал в честь Колчака (в 1937 г.

остров «репрессировали» и присвоили ему имя Расторгуева — каюра собак на «Заре»). Уже после возвращения из японского плена А. В. Колчак по материалам экспедиций на «Заре» издаст монографию «Льды Карского и Сибирского морей». Походы в Арктику принесли Александру Васильевичу славу (его стали называть не иначе как Колчак-Полярный), авторитет полярного гидрографа (морской министр именно его отправил в качестве эксперта на международные переговоры по определению статуса острова Шпицберген в 1908 г.), две премии Императорской Академии наук, орден Святого Владимира 4-й степени и... личное счастье.

В начале марта 1904 г. участники экспедиции по поискам барона Толля прибыли в Иркутск. Здесь лейтенанта Колчака ждали отец и невеста — Софья Омирова — и весть о начале Русско-японской войны. Позади были годы тяжелых зимовок и плаваний... Впереди война, бой, может быть, смерть. Молодые люди не стали откладывать счастья и 5 марта 1904 г. обвенчались в маленькой церквушке в Иркутске. Кто мог знать тогда, что купола сибирских церквей будут осенять не только семейный союз, но примут на себя последний взгляд адмирала в день расстрела на берегу иркутской реки Ушаковки.

Уже через день после свадьбы, оставив на попечение жены и отца материалы научных исследований, офицер флота Колчак мчался в Порт-Артур — в эскадру адмирала С. О. Макарова. Степан Осипович радушно принял лейтенанта, но сразу доверять ему миноносец, как тот просил, не спешил. (В 1919 г. в Перми Верховный Правитель России адмирал Колчак примет старшего лейтенанта флота Вадима Макарова и так же участливо отнесется к сыну прославленного русского флотоводца. Вадим Макаров будет служить флагманским артиллеристом в речной флотилии белой армии и закончит свой жизненный путь в эмиграции в США и будет похоронен в Нью-Йорке. Кстати, в гражданской войне на стороне белых — в Добровольческой армии генерала Деникина — сражались и сын академика Павлова, и единственный настоящий сын черноморского лейтенанта Шмидта.) Лишь позже Колчак стал командиром миноносца «Сердитый».

В ноябре 1904 г. приказом командира военного порта контр-адмирала И. К. Григоровича Колчак был переведен на сухопутный фронт. Итог Порт-Артурской осады для Александра Колчака: ордена Святой Анны с надписью «За храбрость», Святого Станислава 4-й степени с мечами, тяжелая болезнь и плен. Однако, командуя батареями 47 и 120-мм орудий на сухопутном фронте, он не только вел дневник, но и составил «Записки о действиях артиллерии», получившие высокую оценку специалистов. В истории развития отечественного вооружения отмечено, что первый миномет изобрел под Порт-Артуром

мичман Власьев. Изучив дневник лейтенанта Колчака, можно добавить, что начало боевому применению этого оружия положил он.

Вернувшись из плена, А. В. Колчак был «Высочайшим соизволением награжден золотым оружием с надписью „За храбрость”» и принял предложение перейти на службу во вновь учрежденный Морской генеральный штаб. В 1912 г., когда капитан 2 ранга Колчак примет решение снова вернуться на флот командиром эсминца «Уссуриец», начальник Морского генерального штаба подпишет ему прощальный благодарственный адрес, в котором будут такие слова: «Ввиду исключительной энергии и отменных дарований, проявленных Вами во время плодотворной службы Вашей, я в 1910 г. призвал вас на пост Начальника 1-й Оперативной части Морского генерального штаба.

Будучи поставлены на страже численного и материального состава Морских Сил Балтийского моря в тяжелую пору неурядицы, беспорядка и распутицы, Вы непреклонною стойкостью убеждений и принятыми сообразно потребностям времени решительными мерами оказали ценные услуги делу воссоздания Балтийских сил».

Начальник Морского генерального штаба не льстил уходящему подчиненному. Работа А. В. Колчака в Адмиралтействе совпала с периодом формирования двух судостроительных программ Российской Империи, с утверждением бюджета флотов, в первую очередь Балтийского, Государственной Думой. Колчак разработал два проекта по изменению принципов комплектования личного состава ВМС: «Регламент о прохождении службы офицерами флота» и «Обзор состояния нижних чинов в Морском ведомстве в 1907 году». По примеру Франции, он предлагал учредить в России «морское сословие», подобно казачьему, в котором в кавалерии служили многие поколениями. По мнению начальника оперативной части Морского генерального штаба, в военный флот следует призывать исключительно моряков торгового морского флота, рыбаков, речников. Из них необходимо образовать особое «морское сословие», в которое бы записывались моряки военно-морского флота и после увольнения в запас. Фактически Колчак предлагал провести социальную реформу, в результате которой в стране должно было появиться новое сословие.

Одновременно с воссозданием Балтийского флота, который почти весь погиб на Дальнем Востоке, Колчак не забывал об арктических походах. В архиве сохранился текст его Докладной записки, направленной Совету Министров, с целью «производства гидрографических исследований Северного Ледовитого океана от Берингова пролива до устья реки Лены».

Правительство прислушалось к мнению соратника барона Толля, тем более что развитие Северного морского пути после поражения в войне с Японией было необходимо для сугубо военных целей. В 1909 г. в строй вступили два ледокольных транспорта — «Таймыр» и «Вайгач». Командиром «Вайгача» Император Николай II назначил А. В. Колчака еще 29 мая 1908 г. Суда, построенные по инициативе Александра Васильевича на Невском судостроительном заводе, были в своем роде образцами прогресса в ледокольном судостроении. Колчак перевел «Вайгач» из Кронштадта во Владивосток южным путем через Суэцкий канал, и транспорт вошел в состав Сибирской флотилии. Но Колчаку больше не пришлось совершать полярных плаваний — ощущение приближающейся мировой войны уже не отпускало его из строевого флота.

Даже в письмах жены капитана 1 ранга А. В. Колчака — Софьи Федоровны Омировой, отправленных ему весной, летом и осенью 1912 г. на Балтийский флот, ощущается приближение большой беды. Она писала ему часто, он отвечал из Либавы короткими телеграммами и открытками. И все оттягивал переезд семьи в эту базу флота, будто чувствуя опасность для жены и сына в приграничном городе.

24 августа 1912 года

«...Несчастье нашего поколения не в одной слабости духа, но, главное, в неуравновешенности, в отсутствии каких бы то ни было духовных норм, так как религия и даже правила чести и верности, чувство чести утрачены. Материализм и нечестность погубили Россию в эту войну и погубят все, на чем основана жизнь человеческая. Ваши жизнерадостные и нечистые на руку моряки особенно типичны. Но в атмосфере скуки и уныния лежит опасность.

А что, Сашенька, не поступил ли ты в академию? Пожалуй, следовало бы, пока возможно, или ты бесповоротно решил, что без нее обойдешься? Тогда надо бы хоть на профессора защитить диссертацию, если это возможно. А в Черное море не хочешь? Все же я мечтаю, что ты там будешь командовать судном 1 ранга.

„Кому деньги дороже чести, тот оставь службу“, — говорил Петр Великий, т. е. честолюбивым людям надо мириться со сравнительной бедностью и огорчаться нечего, если не хватает того или другого».

23 сентября 1912 года

«Дорогой милый мой Сашенька!

Тут говорят о неизбежности войны между Турцией, Сербией, Болгарией и Грецией. Судя по газетам, было плохо на Балканском полуострове. Вот тебе и Либав! Я уверена, что ты всю зиму просидишь в Генеральном штабе, а весной будущего года и Россия вмешается в эту сумятицу».

Софья Федоровна ошиблась всего на год.

19 июля 1914 г. капитан 1 ранга А. В. Колчак встретил в должности флаг-капитана штаба Балтийского флота по оперативной части.

Но вплоть до лета 1915 года в боях ему участвовать не пришлось — командующий флотом адмирал Н. О. Эссен ценил своего любимца.

17 апреля 1915 года из Петрограда поступила высочайшая телеграмма:

«Мы, Николай II,

Нашему Капитану 1 ранга Александру Колчаку 1-му.

При засвидетельствовании Главнокомандующего VI армией о мужестве и личной распорядительности, оказанных Вами во время выполнения опасной операции большого боевого значения, Всемилостивейше пожаловали Мы Вас, Указом, в день 9 февраля 1915 года Капитулу давшим, Кавалером Императорского Ордена Нашего Святого равноапостольного Князя Владимира III степени с мечами».

Осенью того же года Колчак на посту начальника минной дивизии заменил заболевшего командира. И уже 7 октября под его руководством была выполнена десантная операция флота в немецком тылу в районе мыса Домеснес. Балтийцы уничтожили роту немцев, взорвали мосты и другие объекты военного назначения и благополучно вернулись на корабли. За эту операцию, спланированную совместно с командующим 12-й русской армией генералом Радко-Дмитриевым, Колчак был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. За ним все более прочно закрепляется слава мастера минных постановок. Он — признанный начальник минной дивизии Балтийского флота, в которую входили все новейшие эскадренные миноносцы.

10 апреля 1916 г. А. В. Колчак получил телеграмму от командующего флотом с поздравлением по случаю производства в контр-адмиралы и с назначением командующим Морскими силами Рижского залива. Александр Васильевич стал адмиралом на 42-м году жизни, как и С. О. Макаров.

31 мая три эсминца «Новик», «Победитель» и «Гром» под флагом контр-адмирала Колчака разгромили неприятельский конвой в Норчепингской бухте. За 37 минут боя противник потерял вспомогательный крейсер «Герман», два вооруженных траулера и пять транспортов. Этот успех принес Колчаку славу боевого адмирала.

28 июня ему присвоили чин вице-адмирала и назначили на должность командующего Черноморским флотом.

В истории отечественного флота трудно найти случай, когда контр-адмирал с выслугой в два с половиной месяца становился вице-адмиралом и командовал флотом в 42 года.

Между тем такой молниеносный взлет был результатом не только личных качеств флотоводца, но и победы царской дипломатии и общего состояния дел на фронте. Министр иностранных дел Сазонов добился от стран Антанты свободы действий России в отношении

стратегических проливов Босфор и Дарданеллы. Начали готовить «босфорскую операцию», в результате которой планировалось не только установить русский контроль над проливами, но, возможно, и взять Константинополь и вывести Турцию из войны. Для этой десантной операции готовился особый экспедиционный корпус во главе с выпускником Академии Генерального штаба М. Свечиным. Операцию предполагали провести весной 1917 г. Требовался комфлота, способный за летне-осеннюю кампанию 1916 г. установить контроль русского флота над Черным морем и заблокировать германские крейсера «Гeben» и «Бреслау». И хотя вслух этого старались не произносить, важность задачи, поставленной перед Колчаком, чувствовали все.

С 9 июля 1916 г. вице-адмирал А. В. Колчак официально принял на себя командование Черноморским флотом. Но еще до поднятия флага, едва прибыв в Севастополь, он получил радиосообщение, что «Бреслау» вышел из Босфора курсом на Новороссийск. Колчак тут же вывел навстречу флагманский линкор «Императрица Мария», крейсер «Кагул» и шесть эсминцев. Немецкий крейсер уклонился от боя, и лишь «Императрице Марии» удалось дать один залп с предельной дистанции.

На следующий день личному составу Черноморского флота был объявлен первый приказ нового командующего:

«Повелением Государя Императора я 9 июля вступил в командование флотом Черного моря.

Государь Император преподал мне как Верховный Командующий указания и предначертания о деятельности флота Черного моря и изволил высказать свое мнение о значении флота Черного моря в настоящей войне и о задачах его, сводившихся к великим историческим целям.

Я не буду ни называть, ни говорить о них, но пусть каждый из нас помнит и знает, что Государь Император верит, что Черноморский флот, когда ход событий войны приведет его к решению исторической судьбы Черного моря, окажется достойным принять участие в этом решении».

Назначение Колчака было хорошо воспринято и в военно-морских кругах, и широкой общественностью.

В июле 1916 г. командующий Балтийским флотом адмирал В. И. Канин писал ему из Гельсингфорса:

«Глубокоуважаемый Александр Васильевич!

Мы все с таким участием следим за тем, что у Вас делается и как Вам Бог помогает. Поздравляю Вас с хорошим вступлением в должность. Выйти в море для преследования неприятеля в первое же утро по подъеме флага — очень хороший признак и вполне соответствует Вашему активному характеру и образу действий. Конечно, жаль, что не удалось захватить „Бреслау“.

Ваш В. Канин».

В Севастополь пишет и «салонная львица» Петрограда баронесса В. Черкасова:

«Искренне и сердечно поздравляю Вас с высоким назначением и Монаршей милостью. Слава Богу, справедливость начинает торжествовать, и Россия понекому отделяется от засосавшей ее рутины. Вот уже вторично призывают Вас „стать в положение“. 10 лет тому назад Вас выбрали для работы в Генеральном штабе, тогда очень пужались в вашей помощи.

Да хранит Вас Бог от двух врагов: от зависти и злобы людской, а с остальным Вы справитесь сами.

Глубоко Вас уважающая баронесса В. Черкасова».

Однако ни восторженные поклонники, ни соратники адмирала не представляли, какое страшное, почти мистическое потрясение ожидает молодого командующего Черноморским флотом.

20 октября 1916 г. на сева-топольском рейде взорвался и затонул новейший линкор — флагманский корабль Черноморского флота «Императрица Мария». Волны навечно скрыли тела инженера-механика мичмана Игнатьева, двух кондукторов и 225 матросов... и одну из самых мрачных тайн в истории отечественного флота. Общепризнанная причина трагедии не установлена и по сей день. Догадок множество — от диверсии германской агентуры до преступной халатности команды... Долгие годы эта катастрофа бросала тень подозрения и на Колчака, что особенно подчеркивала советская историография. Но вот личное письмо самого Колчака, направленное морскому министру вскоре после гибели линкора, не только определяющее его мнение на причину взрыва, но и обрисовывающее общую картину дел на Черноморском флоте.

«Глубокоуважаемый Иван Константинович!

Мое личное горе по поводу гибели лучшего корабля Черноморского флота так велико, что временами я сомневался в возможности с ним справиться. Я всегда думал о возможности потери корабля в военное время в море и готов к этому, но обстановка гибели корабля на рейде и в такой окончательной форме действительно ужасна. Самое тяжелое, что теперь осталось, и, вероятно, надолго, если не навсегда, — это то, что действительных причин гибели корабля никто не знает и все сводится к одним предположениям. Самое лучшее было бы, если оказалось возможным установить злой умысел, по крайней мере было бы ясно, что следует предпринять, но этой уверенности нет, и никаких указаний на это не существует. Ваше пожелание относительно личного состава „Императрицы Марии“ будет выполнено, но я полагаю высказать свое мнение, что суд желателен был бы теперь же, так как впоследствии он потеряет значительную долю своего воспитательного значения.

В настоящее время я свел все линкоры в одну бригаду, выделив „Императрицу Екатерину“ как свой флагманский корабль в непосредственное подчинение Штабу. С вступлением в строй линкора „Император Александр III“ приходится подумать о втором флагмане, и я пока никого не имею в виду. Больших офицеров необыкновенно много, и я не знаю, чем объяснить это явление.

Хочу просить Ваше Превосходительство — помогите Черноморскому флоту в отношении ремонтных средств. Положение становится чрезвычайно трудным: число тральщиков постоянно убывает, так как в ремонт судов вступает больше, чем выходит, так же в отношении подводных лодок — фактически я могу располагать не более двух лодок, в отношении миноносцев нового типа максимум когда у меня бывает их пять — обыкновенно три-четыре.

А. Колчак»

Несмотря на эту тяжелую потерю, Черноморский флот кампанию 1916 г. в целом завершил неплохо. Серией минных постановок у турецкого побережья, активностью эсминцев и подводных лодок черноморцам-колчаковцам удалось взять под контроль большую часть акватории Черного моря. Впоследствии немецкий историк Г. Лорей так охарактеризовал результаты их боевой работы: «Турецкий флот находился в неблагоприятном положении. Вследствие неприятельской оградительной деятельности большие корабли были вынуждены к бездействию».

Главную задачу, поставленную Императором Николаем II и Верховным Главнокомандующим генералом Алексеевым, — к весне 1917 г. быть готовым к выполнению десантных операций в Босфоре и овладеть Черным морем — адмирал Колчак выполнил.

Свержение самодержавия в России Черноморский флот пережил относительно спокойно. Не было массовых избиений офицеров и тем более убийств, не было безумия, творившегося на Балтийском флоте. Черноморцы ограничились сменой «Боже, царя храни» на «Марсельезу» да офицеры и адмиралы сняли погоны. Командующий флотом присягнул Временному правительству, сразу сняв с себя подозрения в нелояльности к новой власти.

Но за внешним спокойствием, которое царило в Севастополе, таилось тяжелое предчувствие большой грядущей беды. В апреле 1917 г. Командующий Черноморским флотом адмирал А. В. Колчак побывал в революционном Петрограде. Впечатление было удручающим: флот, вооруженные силы страны, само государство были на грани полного развала. Вернувшись, 25 апреля адмирал выступил в Союзе офицеров с докладом о положении на Балтике, в столице и на фронте. Он определил главную сторону, заинтересованную в развитии революции в России, и главный смысл всей революции: «Она ведет нас к поражению, к гражданской войне и к государственному разложению и к гибели. Это нужно и полезно прежде всего Германии!» Колчак не ограничился одним докладом, он убедил верные ему команды флагманского корабля «Георгий Победоносец» и штаба флота обратиться ко всем с призывом — «Отечество в опасности!» Призыв поддержали команды эсминца «Фидониси» и крейсера

«Очаков», некоторые флотские и армейские части. Доклад адмирала перепечатали многие газеты Крыма и Кавказа, вызвав большой общественный резонанс.

Окрыленный первым успехом, командующий флотом направил на Балтийский флот многочисленную делегацию черноморцев — агитировать против большевиков и сепаратного мира. В ответ большевики направили в Севастополь всего пять моряков-балтийцев... И уже через месяц Колчак понял, что его безграничной власти на Черноморском флоте пришел конец. Эсминец «Жаркий» отказался выйти на позицию, против офицеров выступили команды эсминца «Керчь», крейсера «Дакия», линкоров «Синоп» и «Три Святителя». Не было и речи не только о подготовке к босфорской операции, но и о какой-либо боевой службе вообще. Большевики потребовали разоружения командного состава. 6 июня 1917 г. матросы линкора «Георгий Победоносец», подстрекаемые большевиками, потребовали от адмирала сдать оружие. Это был последний день его командования Черноморским флотом. Оскорбленный флотоводец отдал матросам свой личный револьвер, а золотую саблю с надписью «За храбрость», полученную из рук императора в награду за оборону Порт-Артура, разломив, бросил за борт со словами: «Море меня наградило, морю я и возвращаю награду! Таким флотом я командовать больше не желаю!»

Вечером представители Севастопольского исполнительного комитета произвели обыск в кабинете адмирала, объявив ему, что по постановлению Совета он снят с поста командующего флотом. Ночью Колчака разбудил дежурный офицер — Глава Временного правительства Керенский телеграммой вызывал его в Петроград. Утром 7 июня Колчак, присоединившись к американской военно-морской миссии во главе с адмиралом Гленноном, отбыл в столицу, навсегда покинув Севастополь и действующий русский флот.

Путь в Петроград через всю страну, уже пораженную революцией, был нескорым. У Колчака было достаточно времени для общения с американскими моряками. США лишь в апреле 1917 г. вступили в мировую войну. На деле для их военно-морских сил это была первая серьезная война в истории. Опыта у них не было никакого. У бывшего командующего Черноморским флотом будущее было весьма туманным. Зная Колчака как блестящего практика минного оружия, американский адмирал предложил ему временно перейти на службу во флот США — преподавателем минного дела в военно-морскую академию. Колчак отказался, однако адмиралы договорились, что он даст ряд консультаций.

В Петрограде А. В. Колчак оказался втянутым в политический водоворот. Республиканский национальный центр наметил две кандидатуры в военные диктаторы: генерала Л. Г. Корнилова и адмирала А. В. Колчака. Поскольку генерал находился на Украине, пост начальника военного отдела Центра (фактически будущего военного диктатора) занял Колчак. Заговорщики прочили его в состав нового правительства. И кто знает, как бы сложилась судьба Александра Васильевича, окажись он в августе 1917 г. в Петрограде? И как бы сложилась судьба России, если бы к моменту выступления Корнилова в столице находился решительный лидер, авторитетный в войсках? Тем более что Всероссийский Союз офицеров преподнес ему почетное Георгиевское оружие с приветственным адресом. Судьба упорно толкала его на политическую стезю. Но время его еще не пришло...

В начале июля в Петрограде произошел так называемый «июльский кризис» — Керенский стал полновластным главой очередного временного правительства. Это совпало с решением морского командования отправить Колчака на время войны на службу в США (адмирал Гленнон не забыл бесед в экспрессе Севастополь — Петроград и того, что Америке нужны опытные военно-морские специалисты). К тому же до Керенского дошла информация о роли Колчака в национальном центре, и он не упустил случая избавиться от «морского Корнилова» под благовидным предлогом. 27 июля 1917 г. Колчак уехал из Петрограда, как оказалось, навсегда покинув свой родной город, своих близких, воспитавший его Балтийский флот. В Россию он вернется уже вождем Белого движения — признанным Верховным Правителем России.

Контрреволюционная эпопея А. В. Колчака не нуждается в описании. Подчеркну лишь, что все другие командующие Добровольческими армиями — Деникин, Юденич, Миллер — признали его главнокомандующим и носителем всей верховной политической большевистской власти. Почему?

Об октябрьском перевороте и о приходе к власти правительства Ленина адмирал узнал в Японии, где он остановился на пути в Россию из Сан-Франциско. Русский посол предложил ему возглавить борьбу за освобождение страны, но адмирал не дал согласия, намереваясь сначала добраться до Севастополя, где оставалась его семья, либо вступить в Добровольческую армию генерала Корнилова, хоть рядовым стрелком.

В Омске он был принят группой депутатов Учредительного Собрания, сбежавших из Петрограда и учредивших Директорию. Адмиралу предложили занять пост военного и морского министра. В ноябре 1918 г. в целях сосредоточения всей власти для борьбы с большевиками

он был утвержден диктатором — Верховным Правителем Сибири и Дальнего Востока. И только на Парижской международной конференции, состоявшейся в начале мая 1919 г., А. В. Колчак был признан представителями стран Европы, США и Японии главой русского государства. Тем более что на весну 1919-го выпал наиболее успешный период наступления колчаковских войск.

Ему была обещана военная и финансовая помощь в обмен на признание независимости Финляндии, Польши, Прибалтийских государств, национальных государственных образований Закавказья, Средней Азии, Бессарабии и Украины. Адмирал отвечал за всех белых бойцов: «Мы Россией не торгуем!» Это было патриотично, но не политично. Большевики согласились на распродажу территории Российской Империи... и уже через три года после прихода к власти вернули Украину, через пять — Закавказье и Среднюю Азию, через 22 года — Прибалтику, Бессарабию... Колчак и Деникин стояли на смерть «за единую неделимую». Возможно, что в этом главная причина поражения белых армий.

*Александр СМЕРНОВ,
действительный член
Русского Географического общества РАН*

В. И. Колчак

ВОЙНА И ПЛЕН

1853—1855

Из воспоминаний о давно пережитом

*Его императорскому Высочеству
Великому Князю Александру Михайловичу
всепреданнейше посвящает автор*

В ноябре 1898 года я, в качестве участника Севастопольской обороны, получил приглашение на торжество открытия в Севастополе памятника адмиралу Павлу Степановичу Нахимову. Бастионы, Малахов курган, когда-то залитые кровью, заваленные грудями тел и артиллерийских снарядов, а теперь мирно почивающие под покровом свежей зелени; давно знакомые изгибы севастопольских бухт, помолодевшие как будто лица старых товарищей по кровавым дням обороны, вдруг нахлынувшие воспоминания о днях незабвенной молодости — все это, точно громадный вал, поднялось в душе и смыло 50 лет, что прошли с тех пор над моей головой, с их счастьем и несчастьем. Как живые, ярко встали предо мною потрясающие и трогательные моменты, сцены, образы, лица, мысли, чувства, ощущения... Набрасывая их теперь на бумагу, я ничего не имею в виду, кроме передачи, главным образом, личных впечатлений — впечатлений человека, четыре с половиной месяца* переживавшего моральную и физическую пытку вместе с защитниками Малахова кургана.

Некоторые исторические сведения о Севастопольской обороне и важных ее моментах помещены мною для наибольшей ясности и

* С 15-го апреля по 27-е августа 1855 года.

полноты изложения и отчасти для того, чтобы восстановить в памяти читателей историческую связь событий, имевших место полвека тому назад. Упомянутые сведения заимствованы мной из современных и последующих книг и журналов, в том числе источниками послужили: «Записки об осаде Севастополя» Н. Берга, 1858 г.; «Защита Севастополя» Н. Дубровина, 1872 г.; сборник рукописей о Севастопольской обороне, составленных севастопольцами; Морской сборник за 1855 г.; *Le maréchal Canrobert (souvenirs d'un siècle)*, par Germain Barst. Tome II, 1901.

В. Колчак

I

Причины войны России с Англией, Францией и Турцией. — Синопское сражение. — Блокада русских портов союзным англо-французским флотом. — Эпизод из осады Соловецкого монастыря

Начало 50-х годов прошлого столетия ознаменовалось полным расцветом политического влияния Императора Николая I на ход дел европейских держав, не исключая отсюда и «коварного Альбиона». Завистливым противником этому влиянию могущественного монарха явилась тайная, а потом и явная коалиция заинтересованных государств, в состав которой вошли Франция, только что преобразовавшаяся из республики в империю Наполеона III, Англия, Турция и впоследствии Сардиния. Дело было поведено очень издалека. Под угрозой французского десанта в Сирию Порта признала все захваты латинского духовенства в Святой Земле. Вполне понятно, что русское правительство предписало своим представителям в Турции отстаивать права православной церкви. По требованию Императора Николая Павловича султан издал два фирмана, восстановившие привилегии подданных на прежних основаниях, но, чтобы избежать столкновения с католической Францией, велел иерусалимскому каймаку не торопиться с приведением этих фирманов в исполнение.

Подобная «дипломатичность» вызвала прибытие в Константинополь чрезвычайного русского посла князя Меншикова. На ряд поставленных им вопросов и требований Порты отвечала увертками и молчанием, а затем, заручившись поддержкой Франции и Англии, и прямым отказом. Русский посол уехал из Константинополя. Англо-французский флот двинулся к пределам Турции для ее защиты, якобы на точном основании трактата 1841 года. Русские войска вступили

в придунайские княжества. Война с Турцией была объявлена (4 октября 1853 г.)*. А когда прогремели громы Синопской победы, число наших врагов увеличилось еще двумя державами: Францией и Англией. Сбросив маску, наши противники объявили теперь, что несогласия между Россией и Турцией являются для них вопросом далеко не первой важности, не более как предлогом «обессилить Россию, отнять у нее часть областей и низвести отечество наше с той ступени могущества, на которую оно возведено Всевышней десницей» (Высоч. ман. 11 апреля 1854 г.).

Еще в конце марта 1854 года два военных английских судна подошли к Одессе и потребовали у графа Остен-Сакена отчета о стоящих в гавани коммерческих судах, и притом в столь оскорбительной форме, что им было отвечено пушечным выстрелом, после чего они удалились. А 10 апреля перед Одессой выстроилось восемь военных неприятельских пароходов, в том числе один 84-пушечный корабль. Заметив на одной из береговых батарей орудия (батареи были наскоро возведены перед тем, и только одна была вооружена четырьмя 24-фунтовыми пушками), суда открыли огонь. Командовавший батареей прапорщик Щеголев отвечал на выстрелы неприятеля с помощью нескольких студентов Одесского Ришельевского лицея, заступивших место убитых канониров. Но сопротивление, разумеется, было немыслимо. Не прошло и трех часов, как от нашей батареи осталось одно воспоминание, хотя Щеголев и студенты остались целы и невредимы. Сжегши пристань и несколько купеческих судов, неприятельский флот удалился, вопреки международному праву нарушив неприкосновенность мирного коммерческого порта. Несколько днями позже, благодаря густому туману и незажженному маяку, английский пароходофрегат «Тигр» с полного хода врезался в песчаный, увенчанный отвесной скалой берег в нескольких верстах от Одессы. На «Тигре» были орудия очень крупного калибра, но невозможность обстреливать наши войска, немедленно прибывшие к месту действия, заставила англичан спустить флаг после того, как выстрелами нашей полевой батареи было ранено несколько человек

* Начало военных действий состоялось 11 октября 1853 года, когда по распоряжению генерал-адъютанта Лидерса, еще до официального объявления войны Высочайшим манифестом от 20 октября, отряд дунайской флотилии отправился в Галац для охраны наших границ по верховью Дуная и был встречен сильным огнем из турецкого укрепления Исакчи. Завязалось артиллерийское дело; наши суда, произведя в неприятельском лагере и городе пожар, вышли из боя с незначительными потерями и прошли вдоль реки до города Рени, сбивая турецкие пикеты и кордоны. В самом начале перестрелки был убит командир флотилии капитан-лейтенант А. Ф. Варнаховский — первая жертва кровопролитной борьбы, завязавшейся через несколько месяцев под Севастополем.

офицеров и командир «Тигра», капитан Джиффорд, вскоре умерший от раны. На судне оказалось несколько человек гардемарин, представителей лучших домов Англии *. Наши моряки пытались спасти самое судно, но через день к месту катастрофы подошли три гигантских военных парохода, тоже английских, и разнесли своими снарядами плотно осевшего в песок «Тигра». Однако нашим удалось, работая по ночам, разобрать и спасти почти всю паровую машину, которая была в то время редкостью в русском флоте. Впоследствии эта машина была поставлена на одно из наших судов. Рассказанными случаями исчерпываются все действия союзников под Одессой.

Затем все наше южное, западное-северное побережье в течение 1854—1855 гг. было блокировано союзным англо-французским флотом. Главные силы союзников направились к Севастополю. Значительная эскадра крейсировала в Балтийском море, блокируя Кронштадт, Свеаборг, Нарву, Транзунд, Ревель, по временам бомбардируя береговые укрепления и захватывая лайбы с товаром. Не менее грозные флотилии направились к Петропавловску, Соловецкому монастырю и в Белое море.

Англо-французский флот, под общей командой английского адмирала Прейса, направился от западных берегов Америки к Петропавловску, где застал во внутренней гавани три наших судна: фрегат «Аврора», корвет «Оливуца» и транспорт «Двина». Англичане говорили, что эта первая экспедиция (1854 г.) была предпринята без особого предписания, чем объясняется все дальнейшее поведение адмирала Прейса, боявшегося, очевидно, ответственности перед своим правительством.

На холмистом мысу, замыкающем с одной стороны Петропавловскую гавань, была устроена единственная наша батарея, вооруженная пушками с «Авроры». Суда наши стояли лагом к песчаной косе, замыкающей вход в гавань с другой стороны.

Прибыв в Авачинскую губу, союзный флот стал на якорь вне наших выстрелов. Затем, уже на другой день, оба флагманских фрегата, отбуксированные ближе к нашей батарее, открыли огонь из 60 орудий большого калибра. К несчастью, в тылу батарей высился скалистый обрыв. Неприятельские снаряды, ударяясь в скалу, осыпали

* Когда пленную команду «Тигра» вели под конвоем в караптин, на Михайловской площади, где на время Пасхи были устроены пародные качели, разыгралась, по рассказам очевидцев, трагикомическая сцена: увидев на переполненной народом площади высокие столбы с перекладинами, английские юнги и некоторые матросы вообразили, что это виселицы и что их без дальних разговоров повесят... Раздались стоны и рыдания... Начальнику конвойного отряда стоило немалого труда растолковать англичанам, в чем дело.

наших артиллеристов частым градом каменных осколков. Вскоре храброму командиру батареи, князю Максутову, оторвало ядром руку, большая часть прислуги была переранена — батарея смолкла, когда все орудия оказались подбитыми. Неприятельские фрегаты отошли для исправления повреждений, нанесенных нашим огнем.

Вероятно, повреждения эти, равно как и количество убитых и раненых, были значительнее, чем рассчитывали союзники. По крайней мере адмирал Прейс был так потрясен своими потерями, что застрелился у себя в каюте после приведения их в известность. Командование английской эскадрой перешло к старшему из судовых командиров, сэру Ф. Никольсону.

Адмирал и другие убитые были похоронены тут же, на неприветливом и пустынном берегу. Среди союзников начались несогласия по поводу дальнейших военных действий. А у нас тем временем кипела работа: батарею чинили, подбитые пушки заменяли новыми.

Наконец Никольсон добился от своих союзников согласия атаковать город с тыла. Со всех судов отвалили шлюпки с десантом, направляясь к Никольской горе, гребень которой отделяет город и гавань от Авачинской губы. Но на самой вершине этой горы союзники были неожиданно встречены дружным залпом наших стрелков, немедленно после залпа яростно ударивших в штыки. Первые ряды неприятеля были буквально опрокинуты стремительностью удара, и вся масса атакующих, около 800 человек, ринулась в ужасе вниз, по крутому склону горы к шлюпкам. Паника была так велика, что французы кидались в английские шлюпки, а англичане во французские... На берегу осталось множество убитых, в том числе и начальник десанта, капитан Паркер. Наша стрелковая цепь, состоявшая всего из двухсот человек, преследовала своим огнем бегущего неприятеля.

Простояв в бездействии еще несколько дней, союзный флот ушел в Сан-Франциско, откуда сэр Никольсон и отправил в Англию тот знаменитый рапорт, в котором уверял, что Петропавловск по своим укреплениям является вторым Севастополем, что его невысказанно взять с такими ничтожными силами, какими располагал союзный флот, но что их храбрая атака хотя и обошлась недешево, но зато причинила русским десятикратный урон. Лучшее всего было то, что в Англии были уже известны из русских источников результаты Петропавловского дела, когда этот «правдивый» рапорт дошел по назначению...

Все это не помешало англичанам возобновить в 1855 году атаку Петропавловска и стянуть для этой цели значительные силы. В Тихий океан был отправлен адмирал Брюс на линейном корабле с несколькими фрегатами. Другой адмирал, Стерлинг, начальник

эскадры в китайских водах, получил приказание отправить за определенную широту и долготу, на расстояние 150 миль от Петропавловска, четыре судна — фрегат, два винтовых корвета и пароходофрегат «Барракута» — для соединения с эскадрой Брюса. Эта флотилия представляла сама по себе достаточно грозную силу для открытия действий по Петропавловску. Однако суда шесть недель крейсировали в виду Петропавловска, до прибытия главных сил, не решаясь даже заглянуть в гавань, — что позволило нашим судам беспрепятственно зайти в Амур, даже не встретившись с неприятелем. Почему англичане боялись подойти к Петропавловску хотя бы на нужное для наблюдения за портом расстояние — неизвестно, тем более что они отлично знали об отсутствии каких бы то ни было наших судов в Тихом океане, кроме маленькой шхуны «Восток».

Так или иначе, но шесть недель, вплоть до прихода адмирала Брюса, пропали совершенно даром. Соединенная под начальством Брюса эскадра направилась к берегам Камчатки, где внезапный шторм рассеял все неприятельские суда. «Барракута», с разобшенными колесами, держалась под парусами, а потому вскоре потеряла из виду остальные суда. Когда ветер стих, Стерлинг развеял пары и направился к Авачинской бухте. Не заметив около нее ни одного английского судна, он решил, что они, очевидно, уже вошли в бухту. Из боязни опоздать к военным действиям он тоже вошел в бухту и даже подошел к самой гавани. Велико было его изумление, когда по берегам он не увидел и следа вооруженных укреплений, а в самой гавани не встретил ни одного русского судна. Догадавшись, что раньше адмирала «завоевал» Петропавловск, Стерлинг поспешил выйти в самое море до наступления ночи. К утру, когда собралась перед Авачинской губой англо-французская эскадра, адмирал приказал развести пары. На «Барракуте» котлы еще не успели остыть, и Стерлинг подошел под корму адмиральского судна. Брюс хорошо знал отца Стерлинга, да и сам Стерлинг долгое время состоял при нем флаг-офицером. В конце концов Стерлинг получил приглашение от адмирала на завтрак. За завтраком Брюс спросил капитана, где он был накануне вечером, когда все суда стали понемногу стягиваться к бухте. И, желая сообщить адмиралу виденное им в Петропавловске и боясь в то же время навлечь на себя его неудовольствие за самовольный вход в неприятельский порт, Стерлинг притворился, что не расслышал, и только на вторичный вопрос ответил: «В Петропавловске...» Адмирал чуть не свалился со стула.

— Да вы с ума сошли! — почти закричал он Стерлингу, не спуская с него глаз.

Стерлинг рассказал все, что видел. Убедившись, что рассказчик в здравом уме, адмирал тотчас же потребовал к себе всех судовых командиров; одним из первых приехал сэр Никольсон. Узнав от адмирала, в чем дело, он захохотал и стал утверждать, что Стерлинг попал в какую-нибудь новую бухту, а никак уж не в Петропавловск. Уверенность Никольсона смутила даже самого Стерлинга, но, кинув взгляд на карту, он понял, что никакая опшибка невозможна и что вблизи нет ни одной бухты, мало-мальски напоминающей Авачинскую. Загорелся спор. Никольсон мысли допустить не мог, чтобы русские оставили без боя свой «второй Севастополь». Однако адмирал приказал паровым судам взять парусные на буксир, и вся непобежденная армада двинулась в Петропавловск.

Город и гавань были пусты. Ни о каком «Севастополе» не было и помину. Единственным человеческим существом во всей окрестности оказался какой-то агент американского торгового дома, поднявший над своим жилищем американский флаг... Англичане обшарили все дома и с необычайной энергией принялись за уничтожение батареи, усердно взрывая мерзлую землю. Во время стоянки адмирал, катаясь как-то по заливу, случайно наткнулся на один из транспортов Русско-Американской Компании: не успевшее вовремя уйти из Петропавловска судно было, со спущенным рангоутом, спрячено в одной из бухточек залива. Англичане, разумеется, торжественно увели этот приз, оказавшийся единственным трофеем их «победы».

Как видно, эта повсеместная блокада зачастую оказывалась в сущности пародией на настоящую войну. В Балтийском море дело ограничилось лишь взрывом наших казарм на Аландских островах да захватом нескольких лайб. Очевидно, все надежды союзников основывались на операциях у южных берегов России, под Севастополем. Не обошлось и без весьма забавных происшествий, к каким, несомненно, принадлежит и эпизод из «осады» Соловецкого монастыря. Приводим целиком, во всей неприкосновенности, донесения «Архимандрита ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря Александра к архангельскому военному генерал-губернатору адмиралу Хрущову»:

«Сего июня месяца 15-го числа (1855 года) вечером, прибыл линейный винтовой корабль большого калибра из океана, прошел за остров Соловецкий с северной стороны и на восточной встал на якорь 16 числа утром в 6 часов, расстоянием от монастыря 14 верст.

Распоряжения нами сделаны следующие: заведывающий военной командой при Соловецком монастыре штабс-капитан Степанов отправился с пятью орудиями лесом к берегу, где остановился корабль, поручил там заведывать оными фейерверкеру Рыкову, а сам возвратился

в монастырь; тогда я отправился туда же. Неприятель в 4 часа пополудни перешел на другое место и бросил якорь с южной стороны острова, расстоянием от одного в 5 верстах, в самом виду монастыря, на чистом месте, и занял Заяцкий остров, где в церкви Св. Апостола Андрея Первозванного в прошлом году англичане разрубили двери. Там находится гостиница и другие строения, за коими надзор имеют два рясофорных послушника из отставных солдат. Англичане простояли близ острова более суток, а 17 числа, в 6 часов пополудни, снялись с якоря и ушли, как будто в Кемь или село Шую.

По уходе неприятельского корабля я отправился на остров Заяцкий узнать, что там происходило, где нашел своих старцев обоих невредимых и здоровых, которые сообщили мне следующие подробности.

а) На остров выходило множество англичан — большей частью офицеров; между ними один только знал по-русски. С одним из наших старцев обращались ласково, а другой, из чухон, недавно принявший веру православную, говорить не умеет хорошо по-русски и глух; этого они не трогали.

б) Спрашивали: тот ли у вас Архимандрит, что прошлый год был? Сколько в монастыре войска и орудий? — и когда старец показал малое количество, то они, улыбаясь, говорили ему, что им все известно, сколько чего в монастыре есть.

в) Осматривали все в церкви и строениях, но не было нигде ничего ими взято.

г) На этом острове было 12 баранов и один козел; баранов всех англичане перестреляли, что и нам видно было, и взяли на корабль, а козла пожалели за ласковое с ними обращение, но хотели тоже взять.

д) Написали записку на английском языке, вручили старцу Мемнону и приказали ему отдать Архимандриту.

е) Приказали объявить Архимандриту, чтоб им непременно прислал на мясо быков, которых они видели на Соловецком острове; а если не придет, то и сами заберут; и чтоб им ответ был на это через три дня, потому что к этому времени они обратно будут на Заяцкий остров.

Старец Мемнон осмелился им сказать:

— Как вам не грех нападать на святыню! Вам слава будет, когда вы города будете брать, а не монастырь... Я и сам солдат был и в Париже был и города брал, а церквей мы не касались...

Переводчик всем офицерам рассказал замечание старца. Все они молчали. Только переводчик сказал старцу:

— Мне жаль вас. Россия добрая, а я у вас по городам многим бывал и в Киеве и в пещерах был. Что ж нам делать!.. Мы действуем, как нам приказано.

Англичане во время нахождения на острове занимались снятием плана с Соловецкого монастыря. Место было вполне для того удобное, оттуда все в виду».

Таково одно донесение. Далее в «Известиях из портов» было напечатано:

«12 августа, в 8 ч. утра, показался в виду Соловецкого монастыря английский трехмачтовый пароход. Пройдя малым ходом по W стороне монастыря, пароход стал на якорь у Заяцкого острова, на том месте, где и прежде стоял английский пароход. Лишь только брошен был якорь, отвалили шлюпки и пристали к Заяцкому и другим смежным с ним островам, где пробыли до зари. По пробитии которой с парохода последовало три выстрела из пушки.

На другой день, в два часа пополудни, пароход снялся с якоря и скрылся по направлению к Онеге.

По уходе парохода Архимандрит Соловецкого монастыря послал за живущим на Заяцком острове при церкви и строениях сторожем рясофорным монахом Мемноном для узнания: что делали англичане на острове?

Прибывши к Архимандриту, старец Мемнон объявил, что бывшие ныне на острове англичане не те, которые приходили прежде: между ними был только прежний офицер, знающий будто по-русски. Англичане стреляли на островах зайцев и птиц. При этом старший из англичан объявил Мемнону свое и всех офицеров желание видеть Архимандрита, когда они через три дня придут снова к обители. Находящегося на Заяцком острове козла англичане ласкали, но с лукавым видом.

Архимандрит приказал Мемнону, если снова явятся англичане, отвечать им, что свидания с ними иметь не может, а если они имеют до него какую надобность, то пусть пришлют бумагу, на которую последует ответ не иначе, как с разрешения высшего начальства.

17 августа тот же пароход возвратился к Заяцкому острову и стал на якорь на прежнем месте. Около 7 ч. пополудни к этому пароходу присоединился и другой, тоже трехмачтовый. С обоих пароходов 17 и 18 августа ходили шлюпки на Заяцкий и другие острова. Один из пароходов 18 числа иллюминирован был флагами, вероятно по случаю какого-либо торжества. 19 числа оба парохода снялись с якоря и при сильном попутном ветре на всех парусах и под парами ушли в море.

По удалении пароходов Архимандрит отправился на Заяцкий остров узнать, что там происходило. Старец Мемнон сообщил Архимандриту, что на обоих пароходах были англичане, что один из этих пароходов был тот самый, который похитил в прошлый раз монастырских баранов, что матросы этого парохода — грабители, нахалы и грубияны: издевались над старцем, разломали дверь в кладовую и забрали из нее все съестные припасы. Офицеры же по островам стреляли зайцев и птиц. Главный из англичан спрашивал старца, передал ли он Архимандриту их желание видеть его. Старец отвечал:

— Передал, но он не поедет до вас.

— Почему? — говорят.

— Потому что не боится вас.

Англичане засмеялись. Главный из англичан показал старцу пистолет и сказал, что пистолет этот он хотел подарить Архимандриту. Переводчик, бывший первый раз в добром расположении, теперь был весьма мрачен и перед старцем по-русски бранил свое начальство. Козел, на которого англичане, казалось, имели покушение, скрылся между камнями на горе и пролежал там более суток, пока не ушли англичане...»

Тем «военные действия» англичан и закончились.

II

Мой приезд в Севастополь. — Первая встреча с обозом убитых. — Переправа на Южную сторону. — В канцелярии начальника штаба. — Дорога на Малахов курган. — На Малаховом кургане. — Капитан Станиславский. — Работа в бомбовом погребе. — Офицерский блиндаж

Я прибыл в Севастополь в первых числах апреля месяца вместе с транспортом пороха в 1000 пудов; мы конвоировали его от Николаева. В Севастополе нас ожидали давно и нетерпеливо: запасы пороха, столь необходимого на бастионах, быстро истощались. Транспорт немедленно был принят и в тот же день переправлен на южную сторону Севастополя. Кончив сдачу пороха, все мы получили предписание отправиться в штаб начальника Южной оборонительной линии, адмирала П. С. Нахимова для получения дальнейшего назначения.

Было ясное и тихое весеннее утро. Перед нами широко расстилался Севастопольский рейд с его чудными бухтами; кое-где темнели силуэты наших весьма немногочисленных судов. На противоположных берегах ясно вырисовывались почти сходящиеся в бухту

Павловская и Николаевская батареи*. А там, далеко за рейдом, виднелся целый лес мачт неприятельской армады. По другую сторону города клубились облака белого дыма, мгновенно появляясь на гребнях холмов.

Так называемого усиленного бомбардирования не было, но отдельные раскаты выстрелов зачастую превращались в непрерывный гул, пронизываемый ревом приближающихся снарядов; следы их действия ясно были видны и здесь, на Северной стороне. Снаряды не пощадили и небольшого одноэтажного белого домика, стоявшего неподалеку от пристани. В этом домике останавливались накануне Инкерманского сражения Августейшие защитники Севастополя, Великие Князя Михаил Николаевич и Николай Николаевич.

По временам канонада несколько стихала, слышались отдельные редкие выстрелы, а затем снова разгоралась все сильнее и сильнее. Там и сям с шипением разрезали воздух ракеты, неслись на далекое расстояние через город, бухты, рейд, через Северную сторону и терялись из виду неизвестно где. Иногда очень высоко над горизонтом показывались облака дыма; это разрывались бомбы или гранаты, и осколки их с резким звуком падали на город или на рейд. Наконец мы подошли к пристани. Здесь кипела работа: перетаскивались и грузились тюки, ящики с различными материалами, провизией, бочки со спиртом, полевые орудия, морские пушечные станки, снаряды... Солдаты с ружьями, в ранцах и подобранных по колено шинелях, матросы и офицеры всех родов оружия — все это хлопотало, бегало и спешило к отходящим на Южную сторону ботам. Тут же, около пристани, сидели торговки с незатейливыми кушаньями и лакомствами; между ними толпились, шумели и балагурили опять солдаты, матросы и мужики, только что прибывшие сюда с разным грузом.

Подошла баржа; ее буксировал пароход.

На палубе лежали убитые на бастионах — какая-то куча окровавленных шинелей. Кое-где за бортом свешивались руки и ноги, обутые в толстые сапоги. Исхудалые, бледные лица, у некоторых израненные, запекшаяся кровь, широко раскрытые глаза, застывшие судороги жестоких предсмертных страданий... Тяжелое, ужасное настроение, и никогда не изгладится оно из памяти того, кто хоть раз его пережил! Трупы переносились с баржи на окровавленных полотняных носилках и в беспорядке наваливались на зеленые фурштатские телеги для перевозки на знаменитое кладбище Северной стороны.

* Ныне не существующие: Павловская батарея была взорвана нашими войсками до отступления на Северную, а Николаевская — три месяца спустя французами.

Я не в состоянии передать чувства, овладевшего мною при виде этой ужасающей картины. Мысли путались, щемила душу жалость, необъяснимый трепет овладевал всем моим существом, и все это сменялось какою-то непонятною злобой за несчастных страдальцев. А теплый весенний воздух точно вливал в меня новые силы, располагал к радости, к жизни, к приятным ощущениям... Мне было тогда лишь 17 лет.

Настало время переправы на Южную сторону. День клонился к вечеру, но канонада не прекращалась. Гремели залпы орудий, падали снаряды, повсюду носилась смерть, омрачая душу предчувствием чего-то неизбежного, рокового. Я направился к шлюпке и вскоре прибыл на Графскую пристань к широкой и довольно красивой каменной лестнице. Здесь также постоянно проносили раненых солдат и офицеров. Мне бросился в глаза слабо стонавший пластун: из-под него сквозь полотно носилок просачивалась каплями кровь и оставляла следы на площадке пристани, ступенях лестницы.

Пристань оканчивалась небольшою площадью, за которой и начинался город. Неподалеку от площади, по Екатерининской улице, близ морского собрания, в котором устроен был главный перевалочный пункт, помещалась канцелярия начальника штаба, капитана 1-го ранга П. В. Воеводского. Здесь ждало уже несколько офицеров; все они назначались на разные бастионы. Очередь дошла до меня. Адьютант сообщил мне, что я назначен на Малахов курган и туда отправлены мои отсылки (т. е. мои бумаги). Не зная ни города, ни местности, я просил указать, как пройти к Малахову кургану. Мне назначили в провожатые дежурного матроса. Мы переехали через Южную бухту к Павловской батарее. Отсюда по улицам Корабельной слободки с ее полуразрушенными и опустелыми белыми домиками мы подошли к Малахову кургану.

Вся дорога была усеяна осколками бомб; между ними попадались ядра и неразорвавшиеся снаряды. Она круто поднималась вверх и оканчивалась на вершине холма, где были расположены батареи и знаменитая башня кургана. Улица у его подошвы, по которой я шел, оканчивалась известным каждому Севастополю угловым домом Тулубьевой. Дом этот, когда-то двухэтажный, представлял одни только обвалившиеся стены, разбитые во многих местах снарядами. Здесь всегда стояли солдаты, идущие на смену команд на батареях. Тут же стояла и дежурная рота, которая сменялась пополусуточно и служила как бы резервом или входным караулом для Малахова кургана. От подошвы кургана к его вершине тянулся каменный невысокий забор для прикрытия от штурмерных пуль. На самой вершине дорога защищена земляными насыпями, траверсами и брустверами. Все

они обесформлены, пронизаны, изрыты ядрами; туры сброшены и хворост развился, рассыпался. Земля густо усыпана снарядами и осколками, кусками дерева от пушечных станков, колесами от лафетов, разорванными кокорами, сломанными гандшпугами и бабниками, разбитыми картечными картузами и пр. Все это разбросано в хаотическом беспорядке по обем сторонам дороги, которая привела меня к башне, на самый конец Малахова кургана.

Верхний этаж башни некогда был вооружен пятью морскими орудиями, но они были сбиты неприятельскими батареями еще в начале осады, 5 октября. Нижний этаж, сверху и со стороны неприятеля, защищен толстым слоем земли. С правой и левой стороны к башне примыкали земляные же насыпи. Под ними помещались блиндажи начальника Малахова кургана, начальника артиллерии, офицеров с ближайшей батареи и блиндаж генерал-майора Буссау*, в распоряжении которого стояли три армейских полка, что были на кургане. Впереди, по закруглению башни, шла Гласисная батарея. Посредине — невысокий вход, округленный аркой; перед ним выкопана глубокая потерна, ведущая в подземную галерею: она заграждала вход в башню, так что туда можно было попасть только проходя у самой стенки.

В башне я представился капитану Н. К. Станиславскому, помощнику начальника артиллерии Малахова кургана**. Он был высок ростом и отлично сложен. Смуглое, энергичное лицо оттенялось черными бакенбардами и усами; умные глаза, прямой взгляд, мужественный и симпатичный голос сразу понравились мне. На Станиславском был летний шерстяной стуртук; в петлице блестел Георгиевский крест. Кругом каземат с почерневшими каменными сводами. Против входа висит несколько образов; перед ними тихо теплятся лампы, яркими огоньками мерцают свечи. Точно маленькая часовня. У стены — несколько кроватей для офицеров, приходивших сюда на отдых. Здесь же, в углу, помещалась канцелярия армейских полков, бывших на кургане, и канцелярия начальника Малахова кургана и 4-й оборонительной линии, капитана 1-го ранга Юрковского.

* В первые месяцы осады — блиндаж генерала Хрулева.

** Начальником артиллерии Малахова кургана был тогда капитан 1-го ранга М. А. Перелешин, заведовавший вместе с тем и артиллерией на Камчатском, Вольнском, Селенгинском редутах и на Забалканской батарее. Вскоре после моего прибытия в Севастополь Перелешин был назначен начальником 3-го бастиона, а Станиславский занял его место.

После расспросов о прежней моей службе, о пути из Николаева с порохом, Станиславский сказал мне, что раньше назначения моего на батарею я должен ознакомиться со снаряжением разрывных снарядов и пригонкою к ним дистанционных трубок: «Сейчас я иду в бомбовый погреб... Здесь и займетесь этою работой». Мы вышли из башни и прошли некоторое расстояние по кургану, мимо траверсов, брустверов, батарей. По всем направлениям непрерывно рассекали воздух пули; по временам они задевали за камни, издавая особенный, резкий, похожий на кошачье мяуканье звук. Иногда ядро врезалось в земляной вал и глухо, с каким-то тяжелым воздухом, заседало в земле; неслась мимо нас с шипеньем граната, то ударяясь о бруствер и делая далекий рикошет, а то вдруг разрываясь со страшным треском, — и шуршат осколки во все стороны. По дороге слышались скорые шаги и слабые стоны: это несут раненых на перевязочный пункт. Станиславский шел рядом со мною медленно и совершенно спокойно. По временам к нему подходили матросы с записками в руках, на небольших лоскутках бумаги. Он тут же останавливался у ближайшего траверса, отвечал на требования, отдавал приказания... Но я — я ничего не слышал и не понимал. Все кругом казалось мне не то страшным сном, не то мучительным кошмаром. Точно чад какой заволок и притупил сознание. Хотелось только, чтобы время шло как можно скорее. Лихорадочное, болезненное ожидание чего-то, а чего — я и сам хорошенько не знал, одно жило во мне.

Выйдя на небольшую площадку, мы остановились перед раскрытою дверью блиндажа; это и был бомбовый погреб. По стенам уставлены на полках гранаты и бомбы. Тут же и лаборатория. За большим столом несколько матросов снаряжают бомбы и пригоняют к ним трубки. Станиславский объяснил мне сущность этой работы, сказал, что он пришлет за мною, когда я получу другое назначение на батарею, и вышел. Целые сутки я оставался в бомбовом погребе, знакомясь с несложным процессом снаряжения бомб и пригонки к ним трубок.

Работая, я не мог забыть Станиславского. Как человека, еще не усвоившего себе севастопольской обстановки и привычек, меня сильно поразило его умение владеть собой, его равнодушие к смерти, к пролетающим мимо ядрам, разрыву гранат, к этому жужжанию пуль и их кошачьему визгу при ударе о камни. Да, за короткий путь по кургану, тот путь, на котором полегли уже Истомин и Корнилов, Станиславский успел произвести на меня глубокое впечатление. Изредка сверху раздавались тяжелые удары — от разрыва снарядов, как я тотчас догадался. Удары эти потрясали бревенчатый потолок и стены блиндажа. От Станиславского моя мысль обратилась к собст-

венной особе. Я невольно задавался вопросом: какие еще ощущения придется мне испытать и хватит ли у меня сил их вынести?..

Моим предположениям, вероятно, не было бы и конца, если бы в блиндаж не вошел боцман, ординарец Станиславского, и не сказал, что начальник артиллерии требует меня в башню. Я отправился и через несколько минут получил назначение — помощником батарейного командира на Гласисную батарею. И началась моя служба на Малаховом кургане.

Наблюдение за правильностью стрельбы и исправностью земляного бруствера и амбразур, снабжение каждого орудия потребным количеством снарядов и зарядов, ежедневный отчет в убыли прислуги да требование новой и размещение ее по орудиям — вот, изо дня в день, мои занятия на батарее. Жил я в блиндаже начальника артиллерии, тут же у батареи, с левой стороны башни. Вдоль стены были устроены одна над другой полки для постелей. Место для отдыха (4 или 5 часов в сутки) на кургане всегда было свободно, так как жившие в блиндажах офицеры и командир Гласисной батареи никогда не собирались там все вместе: каждый был занят своим делом и находился на своем посту днем или ночью.

Все говорило о войне и битве в нашем жилище. Здесь была целая коллекция французских и английских пистолетов, несколько револьверов, шпак и сабель, взятых в траншеях во время ночных вылазок; кое-где валялись ружейные пули и чем-нибудь замечательные снарядные осколки, поднятые на кургане; у входной двери, на стене, подвешено на всякий случай несколько светящихся ядер*. Блиндаж тускло освещен двумя свечами, и окружающие предметы бросают тень какой-то причудливой, таинственной формы.

Жизнь моя на кургане началась томительными, однообразными днями. Постоянная стрельба, частая смена людей, ночные вылазки, фальшивые тревоги неприятеля — все это отравляло настроение, не давало покоя. Темой разговора обыкновенно служили новые раненые, у себя и на других бастионах. Вслушиваясь в эти речи, я никогда не замечал в них ни малейшего оттенка печали и раз навсегда убедился, что ко всему можно привыкнуть, как бы оно тяжело ни было. По временам слышались жалобы батарейных командиров на огромную потерю людей, с которою было сопряжено ночное исправление поврежденных днем укреплений. Люди гибли под страшным огнем, а мы нередко, за недостатком пороха и снарядов, не могли даже отвечать на неприятельские выстрелы.

* То есть освещающих пространство после выстрела.

III

Севастопольские впечатления. — Об Алминском сражении. — Балаклавская победа. — Инкерманское сражение. — Второе усиленное бомбардирование

Я давно уже освоился со всеми событиями сева­стопольской жизни, то грозными, то уми­лительными, то радостными, то горестными, мысленно переживая минувшее поражение при Алме, победу под Балаклавой, Инкерманскую неудачу, досадуя, что все это совершилось еще до моего приезда сюда, жадно слушая рассказы участников и очевидцев.

На рассвете 2 сентября 1854 года неприятельский флот подошел к берегу и остановился верстах в 15 от гор. Евпатории. Спустив с корабля гребные суда, союзники начали высадку. К вечеру было высажено на берег 45 000 человек с 83 орудиями и занята Евпатория. Выгрузка остальных войск и тяжестей продолжалась до 7 сентября. Русских войск на берегу нигде не показывалось.

Между тем наши войска стягивались с разных концов Крымского полуострова и располагались на гористом левом берегу реки Алмы, впадающей в море. Вдали виднелась Евпатория, а возле нее высился целый лес мачт неприятельских судов. С левой стороны синело море и устье Алмы. Направо находилось селение Алма-Тамак, далее деревня Бурлюк, а за нею Тарханлар — все три расположены в одну линию, вдоль наших бивуаков, на противоположном, правом берегу Алмы. Между деревьями было разбросано много татарских домиков, окруженных садами, рощами и виноградниками. Правее средней деревни, Бурлюка, на дороге, ведущей из Евпатории к Севастополю, находился деревянный мост через Алму, занятый нашими войсками. Хотя мост этот был единственным, но неприятель имел полную возможность перейти речку вброд везде, где ему вздумается.

К двум часам пополудни 7 сентября неприятель подошел к речке Булганак, переправился на ее левый берег и остановился близ реки Алмы, в шести верстах от места, занятого нашими войсками.

Для наблюдения за неприятельскими войсками был составлен смешанный отряд из пехоты, кавалерии и двух батарей пешей и конной артиллерии. После нескольких передвижений обеих армий, как союзной, так и нашей, — причем наши одетые в белые кители гусары были приняты своими же за неприятельскую кавалерию и встречены ядром, не причинившим, к счастью, никакого вреда, — наши войска стали отступать, неприятель сделал то же самое, и на правом берегу Алмы осталась только казачья цепь, следившая за движением союзников.

Число неприятеля доходило до 63 000 человек с 128 орудиями. У нас было лишь 35 000 человек и 84 орудия. С наступлением ночи вдоль Алмы вспыхнули огневые линии костров.

Еще в семь часов утра 8 сентября стало заметно движение в неприятельском лагере. С левой стороны, считая от нашего лагеря, показался подходивший к устью Алмы флот. Затем движение прекратилось вплоть до 11 часов утра, когда отряд французского генерала Боске подошел к Алме и, видя, что противоположный берег нами не занят, тотчас стал переправляться вброд и взбираться на высоты. В это время неприятельские пароходы открыли самый убийственный огонь вдоль всего расположения наших войск. Дело началось.

Французские стрелки лезли в гору и, рассыпавшись по вершине, охватили значительное пространство. Притаившийся в лождине второй батальон Минского полка вдруг с тыла и фланга был окружен зуавами, которые тотчас же открыли сильный огонь по одиноко, вдали от прочих войск, стоявшему батальону. Долгое время, несмотря на град бомб, ядер и пуль, батальон отстаивал свою позицию, но задержать движение целой неприятельской дивизии было невозможно, и батальон начал уже отступать, когда на помощь ему явился Московский полк и две батареи 17-й артиллерийской бригады. Но как только наша артиллерия выносилась на позицию, град штурцных пуль уничтожал лошадей и прислугу; неприятельские ружья били дальше наших пушек. К Московскому полку вскоре присоединились и остальные батальоны Минского полка. Несколько раз минцы и москвичи бросались в штыки, но каждый раз отступали с огромными потерями: как только наши колонны приближались к неприятелю, он отступал, разделялся на две стороны, а в очищенное им место влетали батареи и осыпали наших градом картечи и тучей пуль. Видя малочисленность нашего отряда, французы начали обходить его справа. Наши подались несколько назад.

В это же время главные силы союзников, двигавшиеся на деревню Бурлюк, атаковали сады, занятые батальоном моряков и стрелковым батальоном. Наши два батальона, рассыпанные на протяжении пяти верст, не могли остановить наступления многочисленного неприятеля и, отступив, зажгли деревню Бурлюк, не успев, однако, разрушить моста через реку Алму. Заняв сады, неприятель открыл огонь по первой линии наших войск. Англичане тем временем пытались овладеть мостом, но были отражены огнем наших батарей, поставленных против моста за укреплениями.

Бывшие в садах неприятельские стрелки своими выстрелами опустошили ряды батарейной прислуги и Бородинского полка; войска наши были отведены, чтоб уменьшить потерю, несколько назад.

Заметив это, англичане снова двинулись на мост и, несмотря на огромные потери от огня наших батарей, успели переправиться на наш берег. На них ударили в штыки два батальона Егерского Вел. Кн. Михаила Николаевича полка, но они поспешно отступили назад за мост и встретили наших егерей ужасным огнем всего фронта. Осыпанные пулями нескольких тысяч стрелков, наши егеря сразу потеряли полкового и двух батальонных командиров, большую часть офицеров и почти половину нижних чинов. Пользуясь отступлением егерей, англичане перешли мост и заняли укрепление, за которым стояла батарея, отступившая вместе с егерями. Немедленно были отправлены в помощь егерям два батальона Владимирского полка. Владимирцы пошли вперед без выстрела, взяв ружья на руку, словно на учении, стремительным ударом в штыки выбили англичан из укрепления и, заняв его, открыли губительный огонь по бежавшему через мост неприятелю.

Меж тем Боске, несмотря на огромный численный перевес своих войск, не мог преодолеть сопротивления минцев и москвичей, пока к нему не присоединилась дивизия Канробера. Минцы и москвичи, боясь быть отрезанными, стали отступать. Французы переправились через реку вслед за отступавшими, заняли высоты и овладели телеграфом. Но владимирцы на правом фланге нашем еще держались в укреплении, хоть и остались без поддержки нашей расстроенной неприятельским огнем артиллерии.

Выйдя из-под выстрелов владимирцев, англичане стали вновь строиться. Пользуясь их замешательством, владимирцы с криком «ура!» быстро выскочили из укрепления, а частью перелезли через вал и так решительно кинулись на английские батальоны, что те дрогнули и попятились. Но в этот миг загредел по наступающим владимирцам частый огонь французской батареи, успевшей переправиться через Алму на наш берег. Англичане ободрились и открыли в свою очередь ружейный огонь почти в упор по нашим войскам. Ливившись под перекрестным огнем почти всех офицеров, остатки Владимирского полка отступили за укрепление и грудью приняли атаку целой дивизии англичан, в то время как французская артиллерия поражала их продольным огнем. Наконец, обойденные свежими войсками союзников, владимирцы после получасового отчаянного боя получили приказание отступить, оставив на месте сражения 47 офицеров и 1269 человек нижних чинов. Как только наши полки вышли из-под выстрелов, неприятель прекратил огонь.

Сражение окончилось в семь часов пополудни. Войска наши потянулись к реке Каче, оставив на Алме убитыми и ранеными 4 генералов, 23 штаб-офицера, 170 обер-офицеров и 5 511 человек нижних

чинов. Но все были готовы вступить в новый, еще более беспощадный бой.

А 18 сентября союзная армия начала правильную осаду Севастополя, разочаровавшись в первоначальном плане взятия города штурмом. Выросли и севастопольские укрепления. Прогремело первое усиленное бомбардирование 5 октября, унесшее первую драгоценную жертву Севастопольской обороны — адмирала Корнилова. Ядро оторвало ему ногу у самого живота, и через три часа он скончался в полной памяти, завещав остающимся в живых защиту Черноморского флота и Севастополя. Началась та однообразная, утомительная и тяжелая для гарнизона жизнь, которая, растянувшись на 11 с половиной месяцев, стяжала себе славу под именем «Севастопольской обороны».

Чтобы несколько отвлечь внимание союзников от Севастополя, князь Меншиков, главнокомандующий, репился атаковать неприятеля с тыла, со стороны деревни Чоргун, по направлению к Балаклаве, где находились все склады английской армии.

Еще 11 октября войска наши стали спускаться в долину Черной реки и расположились бивуаком у селения Чоргун. К вечеру здесь собралось до 16 000 человек и 52 орудия полевой артиллерии.

Наступило раннее утро 13 октября. Перед глазами наших войск тянулись освещенные утренним солнцем высоты. С левой стороны виднелось селение Камары, занятое неприятельскими аванпостами. Правее этого селения на высотах в одну линию были расположены четыре укрепления, занятые частью турками, частью англичанами. Вдали, за линией укреплений, виднелось, точно в тумане, селение Кадыкой, а несколько правее его — лагерь английской кавалерии.

Войска наши двинулись тремя колоннами: левая, под начальством генерала Граббе, направилась на селение Камары; средняя, под начальством генерала Семякина, двигалась к селению Кадыкой для атаки первых трех редутов; наконец, правая, под начальством полковника Скюдери, была назначена для штурма четвертого редута. В то же время генерал Жабокрицкий должен был со своим отрядом спуститься с Инкерманских высот и обеспечить наш отряд от обхода со стороны неприятеля.

Прежде всех выполнила свое назначение колонна генерала Граббе, заняв селение Камары и дав нашей артиллерии возможность действовать против редута № 1. Вслед за тем Азовский полк двинулся на штурм этого редута. Не обращая внимания на град пуль и снарядов, азовцы, как шмели, облепили укрепление и после упорного штыкового боя принудили турок отступить. Видя, что редут остался за нами, турки, защищавшие соседние два редута, не выждали удара и бросились в бегство. То же случилось и с редутом № 4, против которого шел

Одесский полк. Оставив укрепления и орудия, турки бежали к селению Кадыккой, где присоединились к шотландскому полку и бригаде английской кавалерии.

Выстрелы на Кадыккойских высотах встревожили союзников. В Балаклаве ударили тревогу. Английские и турецкие войска расположились перед нами в две линии: в первой стоял шотландский полк, бежавшие из укреплений турки и бригада английской кавалерии, а во второй — балаклавский гарнизон.

После первых же выстрелов нашей конной артиллерии шесть эскадронов веймарнских гусар и три сотни казаков бросились на шотландский полк, а восемь эскадронов лейхтенбергских гусар и шесть сотен казаков атаковали английскую кавалерию. Встреченные в обоих пунктах сильным огнем и встречной атакой кавалерии, гусары и казаки отступили. Появившаяся в это время колонна генерала Жабокрицкого прикрыла отступление своей артиллерией.

В это время вылетела вперед английская кавалерия. Несмотря на сильный огонь нашей артиллерии и штуцерных, англичане налетели на донскую батарею, изрубили прислугу, наткнулись на гусар и казаков, разгромили их и пронеслись далеко за линию занятых нами укреплений. Но эта блестящая атака дорого обошлась англичанам. Находясь под перекрестным огнем наших батарей и пехоты, атакованная казаками и уланами, английская кавалерия смешалась и отступила, сохраняя возможный порядок, по тому же пути, по которому пришла. Все поле было усеяно их трупами. Бригады англичан не существовало. Английский уланский полк был почти совершенно уничтожен, и немногие из его всадников неслись по полю, спасаясь от преследования наших улан. Поражением английской кавалерии и закончилось балаклавское сражение. Наши войска остались в занятых ими укреплениях, где нам достались в добычу одно знамя, 11 орудий, турецкий лагерь, 60 патронных ящиков и разная утварь.

Балаклавская победа радостно отозвалась в сердцах севастопольцев, придавая новые силы бойцам. Канонада с обеих сторон гремела по-прежнему. Однако, несмотря на усиленный огонь наших батарей, французы все подвигались вперед и 21 октября приблизились к четвертому бастиону своими подступами не далее как на 65 сажен.

Перебежчики из неприятельского лагеря сообщали, что готовится штурм. Хотя все разрушения исправлялись тут же, под огнем неприятеля, хотя подбитые орудия тотчас заменялись новыми, силы защитников крайне истощались неустанным и непосильным трудом.

Необходима была новая диверсия с нашей стороны, чтобы не только занять союзников, но и попытаться заставить их снять осаду. Главнокомандующий решил еще раз перейти в наступление, чтобы

в случае успеха занять высоты, на которых был расположен английский лагерь. Для атаки было составлено два отряда. Один под начальством генерала Соймонова, в числе 18 929 человек и 38 орудий, должен был двинуться из Севастополя прямо на английские позиции; другой же отряд, в 15 806 человек с 96 орудиями, должен был, с генералом Павловым во главе, ударить по англичанам с правого фланга. Затем отряды должны были соединиться, и тогда общее начальство над ними принадлежало генералу Данненбергу.

С 23 октября войска наши стали лагерем на Федюхиных высотах. Днем Великие Князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич объехали полки, возбуждая своим участием в предстоящем сражении общий восторг. Холодный дождь и наступившая вскоре ночь загнали всех под крыши землянок. Лагерь заснул.

Около двух часов пополуночи войска были поставлены в ружье и направились к английским позициям. Англичане, не подозревая никакой опасности, спокойно спали в лагере.

Меж тем отряд генерала Соймонова, собравшись у второго бастиона, выступил за полчаса до рассвета. Густой туман и серые пинели наших солдат долгое время скрывали их от взоров англичан. Подойдя на ружейный выстрел, наши войска открыли огонь, и перестрелка завязалась.

Посреди английского лагеря поднялась страшная суматоха. Ударили тревогу, засуетились... Но никто не мог понять, с какой стороны грозит наибольшая опасность. Кругом слышались выстрелы: спереди — колонны Соймонова, справа — колонны Павлова, слева гремели севастопольские укрепления... Даже с тылу доносились выстрелы русских войск, стоявших у Чоргуна. А клубы тумана и дыма не позволяли ничего различить и в двух шагах. Англичанам пришлось готовиться к отражению со всех сторон.

Среди всеобщего замешательства в английском лагере войска Соймонова быстро взбирались на Инкерманские высоты. Батальоны Томского и Кольванского полков, поддержанные частью Екатеринбургского, стремительно атаковали англичан, опрокинули их и овладели небольшим укреплением, бывшим впереди английского лагеря. Одновременно с этим Екатеринбургский полк, обойдя справа остальные полки, занял с боя часть неприятельского лагеря, причем заклепал четыре орудия. Атака наших войск была столь неожиданна и стремительна, что, как выяснилось потом, союзные главнокомандующие отправили своим судам приказание развести пары и готовиться к принятию войск, не надеясь устоять против напора русских. Но англичане весьма скоро убедились, что имеют дело всего лишь с тремя полками, и двинули против них почти все свои силы.

Более полутора часов пришлось трем нашим полкам сражаться со всей английской армией, пока, наконец, не явилась поддержка из отряда Павлова.

Дело в том, что, поднявшись в поход гораздо раньше Соймонова, отряд Павлова сильно запоздал, несмотря на всякую поспешность. А когда войска Павлова подошли к Черной речке, оказалось, что мост через нее еще не был наведен, и переправа замедлилась. К тому же шедшие во главе отряда полки, Бородинский и Тарутинский, лишь с огромным трудом могли подняться на гору по глинистой, скользкой от дождя почве. Взобравшись на возвышения, полки эти атаковали правый фланг англичан, стремительным натиском заставив их податься назад. Тогда наши егеря кинулись на ближайшее неприятельское укрепление, левее занятого Томским и Колыванским полками, и, сомкнув ряды после убийственного залпа английских стрелков, схватились врукопашную. Закипел страшный бой. Укрепление несколько раз переходило из рук в руки. То штыковая работа сменялась пальбой, то пальба уступала место натиску, то англичане вытесняли бородинцев и тарутинцев, то наши снова брали облитые кровью укрепления. Наконец англичане отступили, оставив укрепления в наших руках.

Выдвинутые вперед батареи отряда Соймонова, заняв выгодную позицию, поражали ядрами и гранатами весь английский лагерь. Англичане, в свою очередь, выдвинули против нас не полевую, а осадную артиллерию, которая произвела в наших рядах и батареях страшное опустошение, десятками уничтожая людей и подбивая орудия.

Между тем Томский, Колыванский и Екатеринбургский полки, понеся страшные потери, принуждены были остановить наступление. Потеряв в самое короткое время почти всех ближайших начальников, войска эти потеряли, еще в самом начале боя, и генерала Соймонова. Под прикрытием Бутырского и Углицкого полков томцы и колыванцы спустились в овраг, что позволило англичанам обратить все свои силы на бородинцев и тарутинцев, все еще боровшихся в укреплении. Видя приближение новых масс неприятеля, оба полка оставили укрепление. Бросившиеся преследовать их англичане были остановлены огнем нашей артиллерии, после чего выдвинули свои орудия и открыли огонь по нашим батареям.

Таким образом, к 8 часам утра сражение обратилось в артиллерийскую канонаду.

Но среди выстрелов обе стороны готовились к новой схватке. К англичанам подходили новые войска и торопились на помощь французы; свежие полки наших взбирались на высоты. Принявший начальство над всеми нашими войсками генерал Данненберг тотчас

же двинулся в атаку против правого фланга английской армии, причем с нашей стороны было выдвинуто 32 орудия.

Поддерживаемый огнем артиллерии, Охотский полк кинулся в атаку, отеснил английских стрелков — и снова закипел жаркий бой на той батарее, которая еще так недавно была орошена кровью бородинцев и тарутинцев. Обе стороны дрались отчаянно, били чем попало: прикладом, штыком, камнем... Наконец охотцам удалось выбить англичан из укрепления и завладеть десятью пушками, тотчас же заклепав их.

Две дивизии англичан бросились отбивать потерянное укрепление и задавили своей численностью остатки Охотского полка, отступавшего навстречу Якутскому и Селенгинскому полкам, подходившим к месту боя.

Якутцы снова отбросили англичан и снова завладели укреплением. А селенгинцы, ударившие на вторую английскую дивизию, погнав ее к укреплению, уже занятому к тому времени якутцами. Англичане отступали, не подозревая, что в тылу у них стоят русские войска. А когда якутцы открыли по ним частый ружейный огонь, англичане смешались, увидя, что окружены со всех сторон нашими войсками. Беспорядочно отстреливаясь, они два раза кидались в штыки на селенгинцев, но оба раза были отбиты с огромным уроном, а наши пули пронизывали их ряды... Сомкнув ряды, храбрый английский генерал Каткарт обрушился на якутцев, но был также отбит и смертельно ранен. Собрав все силы, англичане прорвались-таки с телом любимого начальника сквозь ряды якутцев.

В это время на поле сражения появились французские войска и приняли на себя атаку наших полков. Опрокидывая все, встречавшееся у них на пути, охотцы и якутцы ударили на французов с фронта, стрелки-селенгинцы появились у них в тылу... Но истощение наших войск дошло до последнего предела. А на помощь неприятелю бежали зуавы, алжирские стрелки и африканские егеря. Перелом сражения перешел на сторону неприятеля.

Полки наши отступали шаг за шагом, отбиваясь до тех пор, пока не были прикрыты выдвинутым из резерва Владимирским полком и артиллерией пароходов «Херсонес» и «Владимир»*, открывших огонь по высотам, на которых появились союзные войска. Владимир-

* Пароходофрегат «Владимир», принимавший участие во всех фазисах Севастопольской обороны, был вместе с тем участником одиночного боя с турецко-египетским пароходофрегатом «Первас-Бахри» — первого боя военных паровых судов — 5 ноября 1853 г. А 7 ноября «Владимир» вошел на севастопольский рейд, ведя на буксире «Первас-Бахри» с русским флагом, поднятым над турецким. Капитаном «Владимира» был капитан-лейтенант Г. И. Бутаков.

ский полк отступил последним, грудью прикрывая отступление измученных бойцов.

Инкерманское сражение окончилось, унеся тысячи жизней и с нашей, и с неприятельской стороны.

Я прибыл на Северную сторону как раз после второго бомбардирования, чем и объясняется моя встреча с чудовищным обозом фургонов, заваленных горами окровавленных тел. Теперь я в подробностях знал все перипетии этой смертоносной непогоды, десять дней осыпавшей Севастополь частым градом всевозможных снарядов, ядер, бомб и гранат.

Бомбардирование это началось на второй день Пасхи. Еще накануне праздника во всех походных церквах на бастионах и батареях совершилось, по православному обряду, погребение плащаницы. На Малаховом кургане служба происходила в блиндаже. Почти ползком приходилось пробираться по длинному темному коридору с колоннадой дубовых столбов по обеим сторонам. У дальней стены виднелось несколько образов, а посередине — освещенная трепетными огнями свечей плащаница. Слышалось стройное «Слава в вышних Богу». Молящиеся, самых разнообразных чинов и званий, приходили, прикладывались к плащанице и отходили в сторону, исчезая в полумраке. Длинный коридор блиндажа, напоминавший темные киевские пещеры, огнистое море свечей, блеск золотых окладов и мирные лики икон, гармонически грустное пение под низким потолком — все наполняло душу искренним и невольным благоговением.

Первый день Пасхи прошел весело и безмятежно. Вечером в городе играл хор военной музыки; толпы гуляющих покрывали весь бульвар и теснились около музыкантов. Было много женщин, и присутствие их заставляло забывать о грозной действительности, делало совсем не страшными слухи об огромных приготовлениях неприятеля ко второму бомбардированию. Изредка слышались выстрелы, но они не нарушали общего оживления. В лагерях союзников замечено было большое движение. Но что оно значило: праздничное ли тоже гуляние или приготовление к борьбе — никто угадать не мог.

Настала ночь, сырая и холодная. Густой туман заволок город. Сильный, порывистый ветер хлестал косым дождем по убогим солдатским землянкам.

В пять часов утра 28 марта с неприятельского судна, стоявшего у Стрелецкой бухты, взвилась ракета, и вслед за тем союзники открыли огонь из 482 орудий огромного калибра, в числе которых было 130 мортир. Наши отвечали из 466 орудий, в том числе из 57 мортир.

Оглушительный, непрерывный свист, треск и грохот стоном стояли над Севастополем на второй день праздника. По всей семиверстной

длине оборонительной линии в густом тумане тускло мелькали быстрые огоньки орудийных выстрелов. Ядра, словно огромные мячики, прыгали по улицам. Их полет и разрывы бомб производили в воздухе настоящую бурю, которая неистово потрясала полуразрушенные уже деревянные строения: ходуном ходили оконные рамы, со звоном разбивались стекла, обсыпались карнизы, отваливалась целыми кусками штукатурка...

Остававшиеся еще в городе жители тесной, отчаянно кричащей толпой бежали к Николаевской батарее — единственному безопасному месту во всем городе. Сводчатые галереи этой казармы были битком набиты народом: здоровыми и больными, молодыми и старыми, богатыми и бедными. «Господи, Господи! Хуже ада крепостного!» — почти непрерывно звучит из толпы. А по улицам ведут, везут и несут окровавленных солдат, двигаются отряды войск, скачут ординарцы, тащатся повозки и фуры с водой, турами, снарядами, зарядами и прочими нужными на бастионах и батареях вещами.

Треск лопающихся бомб, грохот выстрелов — все сливается в сплошной гул. Суматоха перед глазами, дым и огни вдали, вспышки бомб на небе, невыносимый звон в ушах, свинцовая тяжесть на сердце — вот ощущения, испытанные в этот день любым севастопольцем.

Бомбардирование меж тем свирепствовало по-прежнему. Неприятель сосредоточил самый сильный огонь на четвертом и пятом бастионах, Малаховом кургане, втором бастионе, Волынском и Селенгинском редутах и Камчатском люнете. Последние три, известные под названием «трех отроков в пещи», особенно страдали от неприятельского огня.

Несмотря на громадную опасность, небольшие участки батарей и бастионов были переполнены народом. Беспреданно падавшие снаряды поражали то человека, то станок, то орудие, то, падая в толщу насыпи, разворачивали ее и превращали в безобразную грудку земли. Вот затлелась от бомбы туры и фашины. Солдат хватает мокрую швабру и, перекрестившись, влезает в забрасываемую снарядами амбразуру — пожар потушен, солдат убит. Впрочем, о смерти не задумывались, да и просто некогда было. Вот взвизгнуло ядро, пролетев через самую середину амбразур. Здоровый, красивый матрос, наводивший орудие, с улыбкой что-то приговаривая к выстрелу, незаметно осел, съехался, согнулся — и медленно, почти плавно рухнул наземь. Ядро снесло ему полчерепа. Рядом стоящий товарищ сорвал с себя фуражку, нахлобучил торопливо на кровавую голову мертвеца и спокойно заступил его место. Весь забрызганный кровью своего предшественника, он хладнокровно наводил орудие, держась правой

рукой за клин и отдавая команду прислуге. Ни секунды не было потеряно, и ответный выстрел загредел в свой черед.

После пятичасового «усиленного» бомбардирования неприятель не имел перевеса ни на одном пункте. Но около десяти часов утра по оборонительной линии было разослано приказание начальника гарнизона: стрелять реже, отвечая одним выстрелом не менее чем на два выстрела неприятеля. Причиной этого на первый взгляд странного приказания была настоятельная необходимость сберечь порох и снаряды всеми мерами: тогдашнее сообщение Крыма с внутренними губерниями России было сопряжено с огромными затруднениями, и своевременный подвоз снарядов являлся несбыточной мечтой. Уменьшение огня с нашей стороны дало союзникам значительные преимущества, так что к вечеру нашим укреплениям сильно досталось. Волынский и Селенгинский редуты и Камчатский люнет представляли собой лишь груды развалин. Пятый бастион был также разрушен и принужден замолчать. Большая часть орудийной прислуги была перебита. Лишь третий бастион сохранил свою артиллерию и до самого вечера громил неприятеля.

Ночью на бастионах закипела лихорадочная, несмотря на сильную все еще канонаду, деятельность. «Мы чинимся», — говорили солдаты. Разрушенные насыпи возобновлялись, амбразуры исправлялись, отрывались засыпанные землей орудия, а подбитые заменялись новыми. Тяжка была последняя работа: чугунные махины приходилось тащить волоком за несколько верст по невылазной от проливного дождя грязи... Да еще смертельный огонь неприятеля: столпится в пылу работы куча солдат у отверстия амбразуры — и вдруг ворвется с визгом ядро, пролагая себе широкую, кровавую дорогу в сплошной толще живого трепещущего тела...

На рассвете огонь возобновился с прежней силой. С нашей стороны было приказано стрелять как можно реже: в течение дня не более тридцати зарядов на каждое орудие. И к вечеру совершенно смолкли пятый бастион, Селенгинский и Волынский редуты. На четвертом бастионе было подбито восемь орудий, разрушены почти все амбразуры, так что могли действовать лишь два орудия. Убыль в людях была огромна, так как приходилось, в ежеминутном ожидании штурма, держать массу войск на бастионах. Ночью — снова «чиниться», с зарей — снова смерть и разрушение. И так — десять дней! Незыблемой, живой стеной открытых грудей окружали наши солдаты город, молча гибли под тысячами ядер, бомб и гранат.

Союзники не могли не видеть, что город можно взять, только истребив все звенья этого живого кольца, вплоть до последнего. Направляя главный огонь против четвертого бастиона, они стали пускать

конгревовы ракеты в город, в бухту и на Северную, куда ядра и бомбы не долетали. Но без особенного успеха. Гораздо разрушительнее были направленные на четвертый бастион выстрелы. Там, казалось, не было квадратного дюйма земли, на который бы не ложились снаряды; ров бастиона был весь завален землей, словом, как говорили солдаты, бастион был весь разворочен, до невозможности его исправить. Узнав об этих разговорах, Нахимов тотчас же явился на бастион.

— Что это за срам-с! — недовольным тоном обратился он к войскам. — Шесть месяцев учат вас под огнем строиться и чиниться, а вы не можете-с! Пора бы-с приноровиться, сметку пора бы-с иметь-с!

— Зачиним!! Не сумлевайтесь!! — грянуло кругом, и бастион был почти восстановлен.

Больше всего доставалось, кроме четвертого бастиона, Малахову кургану. Башня его напоминала какое-то цилиндрическое решето; каким чудом она еще не рухнула и держалась — один Бог знает! Между тем люди, станки, орудия, укрепления уничтожались и подбивались ежесекундно. В городе даже нельзя было найти места скрыть резервы: снаряды и ракеты поражали всюду. Даже блиндажи не всегда спасали от громадных бомб. Зато и союзникам было невесело. Взрыв порохового погреба, произведенный огнем третьего бастиона, нанес страшный вред англичанам. Четыре амбразуры были совершенно разметаны, бомбические пушки подбиты. Прилежавшие к месту взрыва батареи также умолкли на весь остаток дня и часть ночи. И с неприятельской, и с нашей стороны несколько десятков тысяч человек работали на бастионах или батареях, ходили на вылазки, яростно дрались в траншеях, трудились в ложементах.

Туманные, дождливые сумерки надвигались на Севастополь к вечеру 3 апреля. На батареях собирались кучками солдаты, готовясь идти в соседние траншеи. Вдруг раздался страшный грохот, и град камней засыпал площадку четвертого бастиона. Это — взрыв в неприятельских минах, саженьях в 36 от бастиона, имевший целью уничтожить наши минные работы. Однако он повредил лишь самую оконечность одного из рукавов да легко ранил трех саперов. Вслед за взрывом неприятель открыл яростную канонаду по четвертому бастиону, с которого, в свою очередь, был сосредоточен по образовавшимся от взрыва воронкам картечный огонь: бочонки «с капральством» (маленькие гранаты) убийственным дождем опускались на головы засевших в воронках смельчаков французов...

В ночь с 5 на 6 апреля французы снова пытались занять воронки, но удар в тычки нескольких рот снова отбросил их к собственным траншеям. С 7 числа усиленное бомбардирование прекратилось,

перейдя в обыкновенную канонаду. Огромное количество чугуна, выброшенное обеими армиями, вывело из строя около 7 000 человек, причем на нашу долю пришлось около 5 000 смертей.

Можно смело сказать, что по громадности средств разрушения и по продолжительности второе бомбардирование не имело себе подобного с тех пор, как появилась на земле человеческая жизнь и пролилась человеческая кровь. Но Севастополю суждено было пережить несколько еще сильнейших, как бы ради стяжания славы «многострадального» города. Он все еще сохранял городской вид. Правда, от домов в Корабельной и Артиллерийской слободках, ближайших к батареям, остался лишь один намек в виде голых труб и изломанных деревьев в садах, а до половины Екатерининской улицы дома стояли без рам и стекол, с разобранными для устройства орудийных платформ полами, — но на площадях еще кипело торговое оживление, на улицах встречались женщины и дети. Напрасно их отсылали на Северную: они тайком возвращались обратно, таились в развалинах строений, гибли под выстрелами, но до самых последних дней осады не покидали родного города.

IV

Третье усиленное бомбардирование. — Взятие наших передовых редутов. — Смерть лейтенанта Юрьева. — Раненый француз. — Смерть начальника Малахова кургана

Прошло более месяца моей севастопольской жизни. Нас часто посещал адмирал П. С. Нахимов. Он всегда шел по кургану один, без провожатых; никогда с ним не было ни одного из его адъютантов. По крайней мере, я их не видал. Проходя мимо бапни, он каждый раз поднимался по небольшому трапу на Гласисную батарею, становился на банкет с левой стороны первого 68-фунтового орудия и рассматривал в трубу, через бруствер, вновь возводимые неприятельские укрепления. Во время усиленного бомбардирования 25 мая Павел Степанович по обыкновению находился на кургане. На другой день, 26-го, усиленная жестокая канонада гремела неумолкаемо, обрушиваясь главным образом на Камчатский, Волынский, Селенгинский передовые редуты и Малахов курган. Часов около пяти пополудни прошел Нахимов к тому же самому месту на банкете, где он всегда делал свои наблюдения. На кургане скоро стало сравнительно тише: неприятели готовились к ночной бомбардировке. Тишина нарушалась только штуцерной стрельбой с банкетов по траншеям. На бата-

реях местами раздавались одиночные выстрелы; над иным орудием еще стоял дым; где-нибудь слышался разрыв гранаты. Но эта же тишина говорила о предстоящей грозе: совершенно неожиданным штурмом 26 мая и взятии наших передовых редутов.

В день штурма на Камчатском люнете, Волынском и Селенгинском редутах не осталось ни одного целого мерлона. Почти все орудия были подбиты или засыпаны землей. Около пяти часов двинулись на приступ густые колонны французов, обошли наш левый фланг, окружили Волынский и Селенгинский редуты. Войск у нас на обоих укреплениях и на Забалканской батарее было в тот момент не более двух-трех рот. Остальные скрывались от огня в рассыпанных неподалеку по скату горы землянках и в туннеле у Георгиевской балки, где жили пластуны. Что могла поделать эта горсть против вдесятеро сильнейшего неприятеля? Боя почти не было, да французы и не ожидали, очевидно, сопротивления, потому что шли точно к себе домой. Меньше минуты сверкали за полуразрушенным валом острия птыков, затем огонь залпа — и все кончено. Часть наших легла на месте, а часть отступила к перекинутому через Киленбалочную бухту мостику. Французы напирали на них по пятам... Вдруг выскочили засевшие в Киленбалке неприятели и отрезали нашим войскам всякое отступление. Небольшие группы французов бегали по горе под занятыми ими редутами, заглядывая в солдатские землянки.

Одновременно с этой атакой другие колонны французов окружили Камчатский люнет и дружным натиском заняли его. Наши войска отступали по левой, ведущей к Малахову кургану траншее, а французы наседали справа, держась в правой нашей траншее и открыв оттуда частый ружейный огонь. Впереди наших был Нахимов, верхом и как всегда в неизменном сюртуке с эполетами. Он только что приехал осмотреть редут, и лошадь ждала его внизу. Французы осыпали его градом пуль, но, несмотря на малое расстояние, даже не задели. Он старался удержать солдат за валом, но тщетно. Неожиданность штурма потрясла всякую дисциплину. С большим трудом удалось Нахимову и окружавшим его офицерам собрать людей и открыть с Рогатки огонь по наступающему неприятелю, который едва не прорвался в Корабельную слободку. Все это было делом нескольких минут.

Получив известие о случившемся, генерал Хрулев, пока Забалканский полк строился и шел к Рогатке, поскакал вперед, к Малахову кургану. Наши были уж оттеснены с Камчатского люнета. Между ним и Малаховом сумятица и свалка были невообразимые. Французы, почти все пьяные в этот день, бежали врассыпную к Малахову мимо наших отступавших к Рогатке солдат. Отступая с потерянного

нами редута, мы нахватили по дороге множество пленных, а французы тут же, в двух шагах, не менее усердно забирали в плен наших.

Подбегая к Малахову, французы кидались в ров, не задумываясь над его глубиной, и старались вскарабкаться на высокий и крутой вал, что оказалось, разумеется, невозможным. Пластуны и солдаты спустились в ров и перекололи там всех французов.

Меж тем Хрулев, спустившись с Малахова к Рогатке, повел вперед забалканцев и всех, что присоединились к ним при отступлении из Камчатки. Французы быстро бросились назад от Малахова. Наши вошли, что называется, на их спинах в Камчатку, опрокинули державшиеся там войска и, достигнув передовых траншей, остановились.

Не успел Хрулев расположиться на вновь отбитом укреплении, как прошло известие о взятии Волынского и Селенгинского редутов. Хрулев сдал команду своим ординарцам, так как все офицеры были убиты или переранены, и поскакал к Киленбалочной бухте.

В этот момент наши в расстройстве отступили через мост, преследуемые французами, которых все больше собиралось у входа на мост.

Вдруг из-за первого бастиона показался подполковник князь Урусов во главе батальона полтавцев. Дружным натиском он подхватил толпившихся в беспорядке растерянных солдат, вместе с ними перешел мост, ударил на Забалканскую батарею и занял ее. Тут еще подошли посланные Хрулевым эриванцы с подполковником Краевским и, вторичной атакой пройдя насквозь Забалканскую батарею, остановились на половине расстояния от нее до Селенгинского редута. Еще ранее атаки громила французов картечью конная батарея графа Тышкевича, направленная сюда вездесущим Хрулевым. Но, отдавая эти приказания, он узнает, что Камчатский люнет снова занят большими массами французов. Действительно, французский флаг вновь развевался над облитым кровью укреплением.

Наши отступили к Малахову. Солнце садилось, и отбивать люнет вторично было поздно. На бугре перед редутами до самого утра стояла смесь разных полков, не зная, сколько в редутах неприятеля. Некоторые удалыцы ползком пробирались вперед и, воротясь, уверяли, что «его» там самая малость и что можно бы редуты отбить. Но, судя по открытому французами огню, особенно из-за стенки, соединявшей оба верка, должно было полагать, что «его» там совсем не мало. Вероятно, поэтому масса наших инстинктивно колебалась: идти или нет. А затем последовал приказ об отступлении. Таким образом «три отрока» перешли в руки неприятеля и отныне начали грозить нам самим. Французы всю ночь громили Забалканскую батарею,

вырывая целые ряды прикрытия. К вечеру, сняв орудия, мы оставили и ее, но неприятель еще долго не занимал батареи. Более месяца был пуст лысый холмик.

В роковой день 26 мая мы потеряли нашего батарейного командира, лейтенанта Юрьева. Тяжела, мучительна была служба на кургане, да и всюду в Севастополе. Вконец подорванные непрерывными потрясениями нервы совершенно притупились, и только гнет какой-то лег на плечи. Этот гнет спаял в моем представлении все пережитые мной дни в одну сплошную, однотонную массу физических и нравственных страданий. На фоне ее резко выделились моменты сильнейшего подъема всех чувств. Одним из таких моментов для меня была смерть Юрьева. Проходя по батарее, он остановился у одной из 24-фунтовых пушек во время ее заряжания. Матрос вынул из принесенного кокора заряд (помню даже — в красном мешке), хотел вложить его в канал орудия, тяжело был ранен осколком гранаты, лишился чувств и уронил заряд на платформу. Юрьев моментально поднял заряд, схватил приборчик для заряжения и — незаметно, вдруг — склонился на дуло орудия. Он не произнес ни звука, ни стога. Смерть наступила мгновенно. Пуля, через амбразуру, поразила его в сердце.

Между тем время все плло; стрельба не прекращалась; вечер заметно темнел; начиналось ночное бомбардирование. Стреляли с какою-то особенною злостью, должно быть, от только что понесенной потери людей и неудавшейся атаки на Малахов курган. Бомбы лопались и свистели повсюду. Павел Степанович начал обходить следующие батареи кургана. Ночь была чудная, звездная. Около 11 часов среди привычного грома орудий мы расслышали слабые стоны раненых. Начальник кургана сделал распоряжение о вызове охотников для переноски их на батарею. Пять матросов с носилками спустились через амбразуру в ров и здесь подняли французского офицера с раздробленным коленом. Он едва дышал, когда его принесли в башню: лицо искажено болью, глаза помутнели. На нем был щегольский, видимо, новенький, синий мундир и блестящие эполеты. На груди, под мундиром, когда ему делали перевязку, мы заметили золотой медальон с женской головкой. Нашлось и письмо из Франции, адресованное на имя какого-то французского генерала: просили дать случай отличиться «этому храброму молодому человеку». Очевидно, он только что прибыл в армию и в тот же день попал в дело... Собрана была еще партия охотников, и в течение ночи, несмотря на сильный артиллерийский огонь неприятеля, были подобраны остальные раненые и убитые французы.

Заняв наши передовые редуты, неприятель продолжал усиленное бомбардирование; а с рассветом 6 июня пошел на штурм третьего и

четвертого отделений оборонительной линии, но был повсеместно отбит. Особенно значительный урон потерпели французы перед Малаховым курганом. Трупы их лежали синими рядами. В некоторых местах, с правой стороны кургана, пестрели и красные мундиры англичан. Масса раненых осталась тут же, перед батареями. Дорого обошелся союзникам этот штурм. На другой день, часов около 10 утра, на бывшей нашей Камчатской батарее взвился белый флаг — сигнал перемирия для уборки тел. Стрельба прекратилась, начали переносить раненых. Убитых французов перевозили в фуhrштатдтских телегах и складывали у Камчатского люнета; там бродили живые французы и смотрели на всю эту ужасающую картину страданий и смерти серьезно и сдержанно.

Жизнь на кургане становилась все тяжелее и мучительнее. Убыль людей увеличивалась со дня на день. От прицельных выстрелов мы еще в некоторой степени были защищены земляным бруствером, толщиной около 20 ф. и до 8 ф. в высоту, но от навесного, мортирного огня решительно нигде было укрыться. Французские и английские батареи выбрасывали на курган постоянно, днем и ночью, сразу по 10—15 бомб, большого трех- и пятипудового калибра. Поднимаясь на значительную высоту, они становятся едва заметными черными пятнами. Сначала слабо, отрывисто слышится их свист; но с каждым мгновением он становится все чаще и чаще, переходя в сплошной гул. Вдруг свист прекращается, раздается сильный треск — и по всем направлениям жужжат осколки. Иногда бомба, с оглушительным звуком разрезая воздух, въедается в землю и в момент разрыва осколки ее с комками земли разлетаются вверх. На следующий день бомбардирование продолжается с тою же силою.

Несмотря на ежесекундную возможность быть убитым, изувеченным и, в лучшем случае, контуженным до бесчувствия, среди защитников Севастополя насчитывалось немало и таких, которые за все время осады не получили почти ни одной царапины. К ним принадлежит и пишущий эти строки. Как я остался цел — до сих пор понять не могу. Особенно сильно врезались в мою память два случая, когда я спасся от смерти буквально чудом. Один раз — это было в ослепительно яркий, солнечный, чисто южный день, часа в 3 пополудни, — я стоял на парапете, вглядываясь в изборожденное белыми облачками взрывов небо. Вдруг вижу — бомба черной точкой движется по бирюзовому небу и, кажется, собирается пожаловать к нам на курган... опускается все ниже и ниже... и будто садится прямо на меня! Сойти с парапета? Но если бомба обрушится именно за парапет? Бросив всякие расчеты, совершенно бесполезные в этом случае, я с замиранием сердца остался стоять, где был; еще миг — и всех нас

засыпало комьями земли, глины и мелкими камнями. Огромная пятипудовая бомба глубоко врезалась в землю между двумя орудиями и под землей разорвалась, причем не выпило наружу ни одного осколка!.. Другой случай еще страннее. Как-то мне понадобились новые сапоги, и я, накинув свою короткополую солдатскую шинель, в сопровождении матроса направился в здание Николаевской батареи, где помещались лавки. Только что мы успели сойти с кургана, над головой у нас одна за другой начинают разрываться гранаты — целый рой... Место открытое, спрятаться некуда, а в 17 лет жить хочется до боли, до безумия... Я машинально прикрыл голову руками, изогнулся всем телом, точно пробираясь сквозь густой кустарник, и ринулся вперед. Остановившись перевести дух, я оглянулся и вижу, мой матрос, целый и невредимый, смотрит на меня и только руками разводит.

— Что ты? — спрашиваю.

— И счастье же вам! Подлинно, что не родись богат, не родись...

— Да что такое?

— Да как же! Шинель-то вапа... Поглядите!

Посмотрел — весь низ моей шинели в клочки изодран осколками гранат, очевидно проскочивших у меня между ногами во время бега. И ни одной царапины. А ведь я слышал у самых ушей своеобразное порханье осколков, самого малого из которых вполне достаточно было бы, чтоб отправить меня к праотцам...

В этом же месяце Малахов курган лишился своего начальника, капитана 1 ранга Юрковского. Обходя батареи, он направился к бапне и встретил по дороге капитана Станиславского. Разговаривая с ним, Юрковский остановился у самого входа в бапню. В это время близко над ними разорвалась бомба и осколками тяжело ранила в бок Юрковского. Станиславскому же оторвало пальцы на ноге. Ему два раза делали ампутацию, но он не перенес ее, несмотря на свое атлетическое сложение, и через две недели скончался от гангрены. Юрковский прожил всего несколько дней.

V

Адмирал П. С. Нахимов. — Смерть П. С. Нахимова. — Песня о Нахимове и Синопском бое

Грозные события шли своим порядком. На батареях жизнь текла по-прежнему. Нахимов был везде и всюду, воодушевлял всех своим примером. Он каждый день объезжал линию огня и посещал Малахов курган. Надо было видеть, как матросы да и офицеры любили

Павла Степановича. Только услышат или увидят, что идет Нахимов, — и все лица просветлеют, осветятся теплою, сердечною радостью. Своим присутствием он производил удивительное обаяние на всех окружающих. При нем каждый чувствовал, что нет никакой опасности, нет никакой смерти, что носилась ежеминутно: сверху, сбоку, снизу и повсюду. Особенно в хорошем настроении был Павел Степанович после отбития штурма 6 июня. Находясь на Гласисной батарее, он как-то подошел к комендору 68-фунтового орудия, георгиевскому кавалеру, который вместе с ним был в Синопском сражении и там же ранен на корабле «Императрица Мария». Нахимов потрепал комендора по плечу, напомнил ему о Синопе, сказал несколько ласковых слов, и лицо матроса просияло. Это была самая высокая и самая лучшая для него награда за службу. Признаюсь, что я также чувствовал какое-то особенно горячее желание видеть Нахимова и с глубоким уважением провожал его глазами, когда медленно, с невозмутимым хладнокровием проходил он на Гласисную батарею, среди завывания пуль и чиликания бомб. Он останавливался на совершенно открытых местах и внимательно рассматривал повреждения на батареях. Около него летал целый рой снарядов; он мог сделаться жертвою каждой пули; а между тем он стоял и рассматривал с удивительным спокойствием или подбитое орудие, или разрушенный бруствер. Нельзя было не подчиниться обаянию такого примера, и вот почему уважение к Нахимову возрастало с каждою минутой. Он до того не обращал внимания на собственную безопасность в течение девяти месяцев томительной, кровавой обороны Севастополя под самым сильным огнем, что флот и вся армия смотрели на него как на человека, хранимого Промыслом. И действительно, в нем таилось что-то сверхъестественное. Все были твердо уверены и убеждены, что ни пули, ни снаряды не могут прикоснуться не только к самому Павлу Степановичу, но и к каждому стоявшему около него в самом жарком огне. Надо сказать, что я испытал это чувство. Но тяжелая, роковая минута уже приближалась.

Около 12 часов дня 28 июня, когда Нахимов обедал, началась сильная канонада по третьему бастиону. Наскоро кончив обедать, он выехал из дому веселый, обошел и осмотрел все батареи третьего бастиона и поехал на Малахов курган. Было часа 4 пополудни, когда он пришел один на Гласисную батарею к обычному своему месту, на банкет, у первого 68-фунтового орудия с левой стороны, и стал осматривать в трубу работы. Начальник кургана Ф. С. Керн был в башне, где шло богослужение накануне праздника. Его позвали к адмиралу, и он вышел навстречу Нахимову. Затем Павел Степанович поднялся на банкет у следующего орудия и снова стал смотреть в

трубу, через бруствер. Его адмиральские эполеты были заметною мишенью для неприятеля. Пули посыпались буквально как град. Керн молчал и, затаив страх за жизнь Павла Степановича, начал просить его зайти в башню, отслушать всенощную. С нашей батареи был сделан выстрел из орудия по траншее. В это время несколько пуль ударило в земляной мешок, на бруствер, подле самого Нахимова. Но, несмотря на прямые уже просьбы Керна отойти от этого места, он продолжал осматривать в трубу работы. Не успел он выговорить: «Ловко стреляют», как упал, смертельно раненный, на правый бок. Все это произошло так неожиданно и так быстро, что Нахимова не успели даже поддержать. Пуля прошла выше виска, над левым глазом, пробила череп и тронула мозг. Адмирал произнес что-то невнятное и не приходил в сознание.

Керн, стоявший рядом с ним, бросился к нему первый. С левой стороны стоял тут же на банкете сигнальщик, следивший за полетом снарядов и предупреждавший о выстрелах из орудий по батарее. Внизу, перед банкетом, были командир батареи мичман Лесли (под конец осады лейтенант) и я. Внезапность рокового события поразила нас как громом. Эта тяжелая, печальная минута не поддается описанию. Наскоро Павлу Степановичу сделали перевязку, на солдатских окровавленных носилках понесли через Аполлонову балку и на катере перевезли на Северную сторону в бараки. Нахимов лежал с закрытыми глазами и тяжело дышал. 29 июня был день ангела Павла Степановича. Ему стало как будто лучше. Он открыл глаза, но, по видимому, никого не узнавал, ни на минуту до самой смерти не приходя в сознание. 30 июня в 11 часов 7 минут утра скончался доблестный адмирал, герой Наварина, Синопа и Севастополя. В 6 часов вечера 1 июля, во время похорон адмирала, неприятель не стрелял. Разнесся даже слух (как оказалось, неверный), что англичане, узнав о смерти Нахимова, скрестили реи и приспустили флаги. Нахимова опустили в могилу в храм Св. Владимира, подле Лазарева, Корнилова и Истомина. Матросы рыдая бросали горсти земли и крестясь расходились. Они оплакивали не только любимого адмирала-отца, но и народного, заживо причисленного к сказочным богатырям героя. В сотнях тысяч экземпляров расходились лубочные картинки Синопского боя по России. А вот и чисто народное описание подвигов Нахимова.

«Как в Азии было, не в Европе, при городе было при Синопе, что стоит на Черном море, отведали Турки лютова горя: и доселе не образумятся мусульмане, все ходят словно в тумане. Дело было этак далеко за ночь, как наш родной Павел Степаныч вздумал по морю поплавать, паруса у корабликов поправить, и посмотреть хозяину не

мешает, все ли на море в порядке пребывает: не мутят ли его воды вражьи корабли и пароходы? Вот видит он вдали в тумане, что по морю гуляют мусульмане, в облаках играют их ветрила, а их самих несметная сила! Иной бы от чужого флага дал поскорее тягу, али навострил бы лыжи, а он кричит: подходи ближе! Добро пожаловать, непрошенные гости, — быть вам сегодня на погосте. Вперед вы у меня без спросу не покажете в море носу. Вас сила велика, а у нас вера крепка. У вас кораблей супротив нашего втрое, а мы согнем вас вчетверо; мы силе вашей дивуемся, а все на вас вблизи полюбуемся: уж назад не отступим и вас в обе корки отлупим... Стой, равняйся, на якоре укрепляйся! Турецкие канониры палят в пушки и мортиры. Только из-за дыма все палили мимо. Море волнуется, турки беснуются. Наши все крепились да молчали, да вдруг разом отвечали. Как грохнули с корабля „Константина”, погибла турак половина. А как начали палить остальные — стали турки словно шальные: со страху взмолились Аллаху, звали Магомета с того света, а Магомет их сам зовет на тот свет. Важно гостей угощали, много кораблей у них взорвали! Одни полетели на воздух за птицами, другие на дно морское за рыбами, а люди разбежались в дремучий лес зверье ловить. И от всего турецкого флота остались сита да решета. А сам их адмирал Осман-паша сидит едва дыша: напи же его приютили, да с собой захватили. Турак отщелкали, отхлопали и пошли домой к Севастополю. Кораблики потепнились, начальники орденами обвешались, матросам милости — подарки, вина пенного по чарке, да еще денежное Царское жалованье! Чарка нам не диво: пивали вино и пиво — любо Царское угощенье. И рубль не дорог: добудем их целый ворох, — нам дорого Царское пожалованье!..»

Такие бывальщины слагаются лишь о народных героях, каким, несомненно, и был П. С. Нахимов.

VI

*Вечерний чай на Малаховом кургане. — Матрос Юшковой. —
Прасковья Ивановна Графова. — Толки о наступлении. —
Сражение на реке Черной*

В июле на Малаховом кургане стало еще невыносимее. Французы вооружили бывший наш Камчатский редут орудиями большого калибра, в расстоянии около 200 саженей от гласиса кургана, и беспощадно громили нашу батарею днем и ночью. Их снаряды стали пронизывать насквозь наши брустверы, постоянно подбивали станки,

сбивали орудия. Мы едва успевали отвечать, а убыль людей на батареях приняла ужасающие размеры. Не меньшие потери несли мы во время ночных работ, исправляя повреждения и заменяя подбитые станки и орудия новыми, а вся дорога из артиллерийского депо в Ушаковой балке к батареям была открыта огню неприятеля.

Утомленный службой в течение дня, вечером, часов около 6, я спустился по трапу с батареи в блиндаж. Там сидел лейтенант Лазарев, вновь назначенный начальник артиллерии на Малаховом кургане, и приговаривал какое-то требование в артиллерийский склад. Вечер был прекрасный, и на кургане было тихо, как обыкновенно бывало перед наступлением бомбардировки. Лазарев позвал своего вестового и приказал ему поставить самовар. Юшковой — так звали вестового — снял с полки маленький самоварчик, вышел с ним из блиндажа и поставил его около самой двери на одной из ступеней трапа, по которому спускались в блиндаж. Затем он принес из башни ведро воды и под защитой блиндажа стал разводить огонь. Вместе с Юшковым я также вышел из блиндажа и, поместившись недалеко от того места, где стоял самовар, спокойно любовался вечером; запах жженого угля наполнял воздух и дразнил наш и без того разыгравшийся аппетит. Вдруг я слышу звук приближающегося осколка, но не успел хорошенько осмотреться, как вижу, у самой двери, схватившись рукою за бок, лежит весь в крови несчастный Юшковой. «И как это вы ничего не сказали», — простонал он прерывающимся голосом. Упрек Юшкового был, конечно, несправедлив. Вовремя остеречь человека от летящего на него осколка невозможно. Но мне грустно было слышать этот незаслуженный упрек от умирающего, который считал меня почти виновником своей смерти. Укор был тем более тяжел, что под давлением постоянного страха смерти делаешься суеверным. И у меня невольно мелькнула мысль, не предвещает ли смерть Юшкового чего-нибудь в этом роде и мне? Я почти негодовал на несчастного матроса: нет ничего мучительнее сознания своей без вины виноватости. Лазарев вынес Юшковому стакан вина и уже бесчувственному насильно влил в рот. Большой осколок, бывший уже на излете, прошел Юшковому ниже правого бока и раздробил бедро. Юшкового уложили на носилки и понесли на перевязочный пункт. Место, где ставился самоварчик, залилось кровью. Вечер был испорчен. Мы смотрели на валявшийся тут же осколок и молчали. «Славный был матрос, — сказал, наконец, Лазарев, — и, как нарочно, каждый день уносит у нас лучших людей».

К числу этих лучших людей принадлежала и П. И. Графова, заменявшая сестру милосердия на Малаховом кургане. Она вся была

изрезана осколками разорвавшегося близ нее снаряда, и потом долго еще находили на кургане лоскутки ее коричневого платья...

Прасковья Ивановна — одна из тех немногих женщин, которых в Севастополе знали почти все. Высокая и полная, на вид лет сорока, она постоянно ходила в коричневом платье и белом чепце — обычном костюме сестер милосердия. Но официально сестрой милосердия она не была. Приехала Прасковья Ивановна из Петербурга и в начале июня поселилась на Малаховом кургане. Жила в блиндаже, где помещался доктор и перевязочный пункт. Она прикидывалась какой-то чудачкой, балагурила с солдатами и матросами, раздавала им образки и крестики, приходила на батарею, становилась на банкет, брала из рук рядом стоящего с ней солдата штуцер и довольно метко стреляла по траншеям. Главная обязанность ее состояла в подаче первой помощи раненым, отправляемым на центральный перевязочный пункт. По утрам она имела привычку на открытом воздухе обливаться холодной водой; воду ей приносили в ведрах матросы. Иногда она отлучалась с кургана на другие бастионы. Переезды эти она совершала на казацкой лошади, верхом, ноги в стремяна. К вечеру, а иногда и на другой день, она возвращалась на курган, всегда веселая, довольная и беззаботная, и всем как-то легче становилось в ее присутствии.

В половине июля начали поговаривать о наступлении. Самые разнообразные слухи носились об этом предмете. Кто говорил, что на днях придет гренадерский корпус, что ждут только прихода 70 тысяч ополченцев, а кто уверял, что вся гвардия идет в Крым и по приходе ее начнутся наступательные действия. Толковали даже о плане действий, и все это передавалось не допускающим сомнений тоном: каждый заверял, что сведения получены им из вернейшего источника.

В конце июля действительно прибыл второй пехотный корпус и несколько дружин ополчения, но гренадерский корпус еще приближался к Перекопу. Все делалось и говорилось довольно гласно, и союзники знали, что русские войска собираются атаковать их со стороны Черной реки, знали даже и число назначенных для действия войск; но время нападения оставалось для них невыясненным. Ожидая наступления несколько дней сряду, союзники перестали, наконец, верить в справедливость слухов. Думая, что наступление это отменено или отложено, они настолько пренебрегли мерами предосторожности, что утром 4 августа допустили атаковать себя почти врасплох.

Единственный мост через Черную реку был занят французами; левее их, по сю сторону речки, на Телеграфной горе, расположились передовые войска сардинцев. Главная же часть союзных войск находилась за речкой, занимая превосходную позицию. Позиция эта

делилась на три отдельных возвышения, расположенных почти на одной прямой, в некотором расстоянии от противоположного нам левого берега Черной реки. Левее всех была Гасфортова гора; в середине тремя вершинами подымались Федюхины высоты, пред которыми протекал глубокий канал; наконец, правее высились недоступные обрывы Сапун-горы.

Все три возвышения, занятые союзниками, были усилены укреплениями: на Гасфортовой горе было расположено несколько батарей, на Федюхиных высотах были устроены ложементы для стрелков, а вдоль наружного гребня Сапун-горы тянулся непрерывный ряд укреплений и ложементов, усиленных сверх того разными искусственными препятствиями. При атаке этой позиции неприятель мог выдвинуть против нас, даже не приближая резервов, более 40 тысяч человек пехоты и кавалерии с 120 орудиями, из которых многие отличались своими размерами и дальнобойностью. А придвинув резервы, и притом лишь самые близкие, союзники легко могли увеличить число войск до 60 тысяч человек.

Между тем с нашей стороны, при всех усилиях главнокомандующего князя Горчакова, могло быть двинуто для атаки лишь 49 тысяч человек. Войска, назначенные для нападения, были расположены частью на Инкерманских, частью на Мекензиевых высотах и разделены на два главных отряда, с резервами при каждом: правый — под начальством генерал-адмирала Реада и левый — под начальством генерал-лейтенанта Липранди; резервами командовали генералы Шепелев и Шабельский.

Около 4 часов утра 4 августа адъютант главнокомандующего передал генералу Реаду приказание начинать дело.

— Что значит начинать? — спросил генерал Реад. — Ведь не атаковать же?

— Главнокомандующий приказал только начинать сражение...

— Хорошо, — отвечал генерал, — я буду обстреливать неприятеля.

И, выдвинув вперед четыре батареи, Реад приказал открыть огонь по Федюхиным высотам, в то время как артиллерия генерала Липранди обстреливала занятую сардинцами Телеграфную гору.

Выстрелы нашей артиллерии разбудили не ждавших нападения союзников. Когда войска генерала Липранди подошли к Телеграфной горе, в неприятельском лагере все спало еще глубоким сном.

Двинулся в атаку батальон Тарутинского егерского полка, бросился в первую траншею и вытеснил оттуда сардинцев, несмотря на сильный ружейный огонь. Преследуя неприятеля по пятам и вытесняя его из укреплений, тарутинцы овладели Телеграфной горой.

Сардинцы отступили и донесли, что русские наступают в значительных силах. В лагере союзников поднялась тревога. Все пришло в движение. Артиллерия поскакала на рысях. Пехота густыми колоннами потянулась по направлению к выстрелам. По всей линии неприятельских укреплений не раздалось еще ни одного выстрела. Туман густой пеленой заволакивал оба берега Черной речки.

На занятую нашими войсками Телеграфную гору прибыл князь Горчаков, слез с лошади и стал осматривать расположение неприятельских войск, а затем отдал генералу Липранди приказание атаковать Гасфортову гору. Но в тот же момент послышалась частая трескотня ружейных выстрелов со стороны Федюхиных высот. Полки генерала Реада, переправившись через Черную речку, с громовым «ура» бросились на Федюхины высоты...

Вместо Гасфортовой высоты главная атака направилась на Федюхины высоты, представлявшие для атакующих неизмеримо большие затруднения. Князь Горчаков не мог не признать с этой минуты все дело испорченным. Необходимость, однако, принудила его поддержать Реада, и он, остановив движение Липранди, приказал ему обстреливать, ради поддержания атакующих, Федюхины высоты.

Вместе с тем полковник Меньков был послан от имени главнокомандующего за пятой дивизией, педшей уже на Телеграфную гору, чтобы отвести ее в помощь генералу Реаду. Дивизия, получив новое назначение, ускоренным шагом двинулась к месту боя. А артиллерия генерала Липранди продолжала громить укрепления Федюхиных высот, и с таким успехом, что взорвала у неприятеля зарядный ящик.

Меж тем Одесский, Азовский и Украинский полки стремительно штурмовали Федюхины высоты. Шедшие впереди всех одесцы бегом добежали до мостового укрепления и заняли его. А остальные два полка под сильным огнем неприятеля переправились частью по мосту, частью вброд через Черную речку, несмотря на доходившую местами до плеч воду, и наседали на отступавших за водопроводный канал французов.

Ни сильный огонь неприятеля, ни тягости переправы через речку не удержали одесцев. Под градом картечи полк с изумительной быстротой взобрался на первый уступ Федюхиных высот, захватил небольшое укрепление и бросился далее, на главную французскую батарею, из которой и выбил неприятеля. Потеряв большую часть офицеров и солдат, лишившись полкового командира, смертельно раненного, одесцы не упали духом. Одни заклепывали орудия, другие тащили их в нашу сторону, третьи отбивали французское знамя. Следом за одесцами взобрались на высоты Азовский и Украинский полки и вытеснили неприятеля из передовой линии укреплений.

Атака этих полков была совершена в порыве такой отчаянной храбрости, что французы сравнивали ее с лавиной, обрушившейся на них откуда-то с горы, справились впоследствии, как называются полки, и записали их имена.

Но одной храбрости для удержания высот было недостаточно. Новые массы французов опрокинулись на полуистребленные полки и оттеснили их вниз. Отойдя снова за речку, оставшаяся часть храбрцов поддерживала перестрелку в ожидании запоздалых подкреплений. Французы снова заняли предместное укрепление и, выдвинув на гребень высот свои батареи, громили отступление наших. Так кончился в 7 часов утра первый акт кровавого побоища.

Тогда только стали подходить наши резервы. Прежде других пришла пятая пехотная дивизия. Исполняя приказание главнокомандующего, полковник Меньков спросил генерала Реада, как он предполагает распорядиться вновь прибывшими полками. Реад отвечал, что поддержит ими отступающие полки двенадцатой дивизии. Меньков поскакал с этим ответом к князю Горчакову. А Реад решил повторить атаку, но действуя не целой дивизией, а вводя в дело постепенно полк за полком. Несмотря на доводы и возражения начальника пятой дивизии, Реад послал вперед сначала Галицкий полк, а затем и другие, почти без всяких промежутков. Шедшие сзади полки достигали высот лишь в то время, когда их предшественники, расстроенные и теснимые неприятелем, спускались в беспорядке с тех же высот, невольно ломали строй свежих полков и замедляли их движение...

Французы успели стянуть на помощь атакованным несколько дивизий и выдвинуть пять конных батарей, так что пошедший в атаку Галицкий полк был почти разрознен неприятельскими выстрелами. Несмотря на огромные потери, полк перешел Черную речку, переправился даже через водопроводный канал, но далее идти был не в состоянии: убитые и раненые валялись согнями. Остановились и завязали перестрелку. В это время вдруг послышался наш сигнал «отступить», сыгранный три раза и, как оказалось, неприятелем. Услышав сигнал, солдаты подались назад, а французы перешли в наступление и отбросили остатки Галицкого полка обратно за Черную речку.

Для поддержания Галицкого полка был двинут Костромской, еще на месте расстроенный огнем неприятеля. Под градом пуль, подымавших по всему полю облака густой пыли, пошел Костромской полк в атаку. Почти тотчас же шедший впереди батальонный командир был ранен в левую руку. Зажимая рану, он продолжал идти вперед, но еще две пули поразили его в живот и грудь. Падая, он отдал приказание об отдаче команды батальоном. Заступивший его место

офицер еще не успел выбежать перед батальоном, как был ранен пулею навывлет. Подъехавший к полку генерал-майор Веймарн встал во главе атаки. Французы подпустили полк на довольно близкое расстояние, а затем сразу пронизали его ливнем пуль и картечи. Половина людей свалилась замертво, а вместе с ними и генерал Веймарн, смертельно раненный в лоб. Солдаты бросились в штыки, но принуждены были отступить, подавленные численностью неприятеля. Генерал Рead приказал подкрепить Костромской полк остатками Галицкого полка. Единственный остававшийся еще в полку штаб-офицер майор Чертов снова повел галичан в атаку. Соединившись с Костромским полком, они потеснили было французов, но вскоре были смяты и отброшены снова за Черную речку.

После троекратной неудачи генерал Рead двинул на штурм Федюхиных высот Вологодский полк. Вологодцы выбили французов из предмостного укрепления, перешли речку, переправились через водопроводный канал, но за это время успели понести такие потери, что лишь небольшая кучка храбрецов взобралась на высоты, где была со всех сторон окружена неприятелем. Лишь отчаянная храбрость батальонного командира, майора Медникова, да удачный артиллерийский огонь батарей капитана Бороздина спасли остатки вологодцев от совершенного истребления.

«Когда нашему полку было передано приказание идти на штурм, — рассказывал Медников, — то я был уже пешком. В одной руке у меня был кистень, а в другой кинжал. Это повернее форменной сабли.

Как мы пошли, то, чтоб попасть к мосту, батальон принял вправо и немного опередил третий батальон. Тут я крикнул „ура“, и мы заняли ров мостового укрепления. Надобно было немного отдохнуть. Стрелять нельзя было ни нам, ни французам: те кидают в нас камнями, мы в них тоже; отдохнув минуту-другую, я говорю: что за перекидка камнями — подсаживай друг друга прикладами! Как посадили человек десяток, я велел посадить и себя. А потом живо взобрались и все мы. Но французы не дожидались долго: живо подрали в горы, а мы за ними. Как взобрались до половины, то я опять приостановил своих, чтоб перевести дух: крепко были уставши. Посмотрел, — а кучка-то у меня небольшая, человек 150, много что 300, а тут четыре колонны выдвинулись и хотят нас отхватить. Нет, думаю, дудки! Взглянул назад — наши не подходят. Вот я и начал отступать, отстреливаясь... Да, вот и все тут!»

Преследовавшие вологодцев французы опять овладели мостом и предмостным укреплением. Во время отступления наших генерал Рead был убит. Осколок гранаты сорвал ему череп.

Потеряв корпусного командира, его начальника штаба, двух начальников дивизий, всех бригадных командиров, большую часть полковых и батальонных командиров и 118 офицеров, расстроены, сбившиеся в одну общую кучу, полки пятой дивизии были на волосок от окончательного разгрома. Их спас только туман да клубы тяжелого порохового дыма, не позволявшие французам ясно различать, что делается кругом.

В это время к полкам подскочил полковник Меньков, адъютант главнокомандующего. Князь Горчаков, считая бесполезным вновь атаковать высоты, после отступления 12-й дивизии отдал приказание тотчас же прекратить бой и вывести полки из-под выстрелов. Но, чтобы передать Реаду это приказание, Менькову пришлось проехать около 2 с половиной верст — а за этот срок полки пятой дивизии успели уже сходить в атаку и были отброшены за Черную речку.

Одиноко и уныло стояли разбитые полки: ни резерва, ни подкрепления нигде не видать. Правда, была послана на помощь четвертая нехотная дивизия, но ее задержали в пути, на расстоянии около четырех верст от места боя. Дивизия могла спуститься с Мекензиевых гор лишь по одной-единственной дороге, а эта дорога оказалась сплошь загроможденной патронными ящиками, лазаретными фурами и тому подобными принадлежностями военного обоза. Пришлось остановиться в ожидании расчистки.

Узнав о смерти Реада, князь Горчаков лично принял командование правой колонной. Чтобы хоть сколько-нибудь отвлечь внимание неприятеля от расстроенных полков двенадцатой и пятой дивизий и поддержать атаки против Федюхиных высот, князь двинул вперед два полка семнадцатой пехотной дивизии.

Под начальством генерала Граббе Московский и Бутырский полки спустились, несмотря на неприятельский огонь, в долину Черной речки. Бутырцы, по пояс в воде, перешли через Черную речку, столько раз обогренную в этот день русской кровью, и храбро кинулись на левый отрог Федюхиных высот. Под губительным огнем французов дошли они до самой вершины, но здесь остановились, вконец расстроенные. Вслед за тем был послан Московский полк, пробежал сквозь интервалы бутырцев, опрокинул неприятеля и, ворвавшись в самый лагерь французов, вступил в рукопашный бой. Но, не видя за собой резервов, а перед собой замечая постепенное увеличение неприятельских сил, полки отступили, лишившись генерала Граббе и почти всех полковых, батальонных и ротных командиров. Под прикрытием свежего Бородинского полка они переправились обратно за Черную речку. Около речки был настоящий ад. Среди дыма нельзя было ничего разобрать в двух шагах. Пули, ядра и гранаты ложились

в таком количестве, что мысль о жизни и возможности остаться в живых казалась смешной...

Неприятель меж тем развернул на высотах до 50 тысяч человек. Видя, что дальнейшая атака невозможна, главнокомандующий вывел войска из-под выстрелов. В таком положении мы простояли на месте еще около 4 часов, ежеминутно ожидая нападения французов, чего, однако, не последовало.

Около 2 часов пополудни наши войска отступили на Мекензиевы горы, и сражение прекратилось. Дорого обошелся нам этот день: 11 генералов, 249 офицеров и 8000 нижних чинов были выведены из строя, а сражение было проиграно. Неприятель потерял лишь около 1800 человек. Заранее обреченная на неудачу диспозиция боя, отсутствие строго определенного плана военных действий, различные недоразумения среди начальствующих лиц были тому причиной.

VII

Пожар в французских траншеях. — Пятое усиленное бомбардирование

В день сражения на Черной речке французы открыли сильный огонь по Малахову кургану. Часов около 6 утра было замечено, что в траншее, находившейся в 12—15 саженях против исходящего угла Гласисной батареи, приготовлены в большом количестве туры и фашины. Очевидно, французы собирались подойти еще ближе к Малахову кургану.

Начальник кургана позвал меня в блиндаж и отдал приказание сжечь эти фашины и туры. Выполнить такое приказание под сильным артиллерийским и штуцерным огнем было очень трудно. К исходящему углу батареи были принесены две полупудовые когорновые мортиры и после нескольких выстрелов для пристрелки одна граната упала в нагроможденную кучу тур, разорвалась и зажгла их. Все моментально вспыхнуло, широкое пламя разлилось по траншее, за клубились черно-синие облака дыма, а на них заиграли отблески бесчисленных выстрелов. Французы начали тушить огонь, лопатками бросать на него землю. Вызванные на банкет штуцерные открыли по ним меткую стрельбу. Фашины и туры сгорели до конца. Между тем в городе разнесся слух, что пожар вспыхнул на Малаховом кургане. Начальник штаба Севастопольского гарнизона князь Васильчиков немедленно прибыл на курган с двумя адъютантами. Ему доложили о пожаре в французской траншее. Князь тут же меня поздравил

георгиевским кавалером и собственноручно навесил мне на грудь солдатский крест. Счастливые минуты молодой, неудержимой радости, неожиданного счастья! Я могу говорить о них, не боясь упрека в самовосхвалении: ведь все это было ровно полвека назад.

В 5 часов утра 5 августа началось новое бомбардирование Севастополя, тоже пятое по счету.

Стояла жаркая погода, высушившая насыпи наших укреплений. Мерлоны рассыпались от нескольких снарядов; насыпи целыми глыбами сползли в ров; вновь насыпаемые из сухой и рыхлой земли валы держались лишь до первого крупного снаряда. Работы, стоявшие неимоверных усилий и потерь, распадались прахом.

Окружив кольцом батарей весь холм, на котором некогда был Камчатский люнет, французы громили, главным образом, второй бастион и Малахов курган. Бомбардирование усиливалось с каждым мгновением, разрасталось по всей линии неприятельских батарей и вскоре достигло невероятных размеров. Дым от выстрелов черным туманом тянулся в нашу сторону, мешая прицеливать орудия. Наши батареи отвечали сначала лишь редкими выстрелами, но, когда ветер переменился и погнал дым по направлению к морю, очистив небольшое пространство, отделявшее противников друг от друга, — выстрелы дружно грянули по всей оборонительной линии. С бастионов видно было, как стояли на неприятельских укреплениях артиллеристы и под прикрытием небольшого траншейного караула посылали к нам снаряд за снарядом. Кроме них, все попрятались у неприятеля. Да и они могли работать без особенного утомления, сменяясь раза по три в день. Союзникам не было надобности разбрасывать своих людей по всей линии укреплений: они сами избирали направление выстрелов. Им незачем было держать в траншеях наготове целые батальоны: со стороны севастопольского гарнизона во время усиленного бомбардирования нечего было опасаться нападения...

С нашей стороны дела обстояли совершенно иначе. Нам неизвестно было, с каких батарей неприятелю вздумается открыть огонь, и, следовательно, по всей оборонительной линии орудийной прислуге постоянно приходилось быть на местах, чтобы вовремя ответить на неприятельские выстрелы. Нам, главным образом, неизвестно было, когда противнику вздумается пойти на штурм, — и на бастионах всегда присутствовало значительное число войск, которые гибли зачастую сотнями, не принося никакой пользы.

Около полудня 5 августа французы успели взорвать пороховой погреб на втором бастионе, а на Малаховом кургане — два склада бомб. К вечеру обоим укреплениям пришлось замолчать. Зато огонь третьего бастиона был так губителен для англичан, что более половины их

батарей замолчало и несколько погребов со снарядами взлетело на воздух. А 8 августа третий бастион не только отвечал на направленные против него выстрелы, но даже поддерживал своим огнем другие укрепления.

С наступлением ночи неприятель прекращал прицельную стрельбу, а вместо этого открывал навесный огонь бомбами и самый частый пушечный огонь, чтобы помешать исправлению повреждений. Рои пуль жужжали по дорогам, ведущим к укреплениям. На бастионах снаряды ложились целыми кучами. Иногда падало сразу до тридцати бомб чуть не на квадратный аршин земли. В это бомбардирование раненых было немного: большинство легло на месте. Исправив, насколько возможно, укрепления, не спавший и не отдохавший всю ночь гарнизон снова становился с рассветом под убийственный дождь бомб и гранат.

Так продолжалось, с перерывами, вплоть до 11 августа.

Но чем «жарче» становилось в Севастополе, тем хладнокровнее и ожесточеннее становились его защитники. Все точно одеревенели. Неизбежность смертельной опасности на каждом шагу, буквально каждую секунду, в течение долгих месяцев примирила и солдат, и офицеров с окружающей их невероятной обстановкой. Как пчелы возле улья, жужжат пушечные пули, стон стоит от беспрестанных разрывов гранат и бомб, — а тут вези порох, тащи туры, воду и прочее. Поневоле привыкли. Спокойной вереницей плетутся солдаты с пустыми котелками за кашей; тащится полуфурок на тройке замороженных непосильной работой лошадей; возвращаются на бастион с окровавленными носилками носильщики; медленно тянутся гуськом еще солдаты с тяжелыми мешками земли на плечах. Навстречу им попадает раненый: осколки камней и песку окровавили ему лицо, выворотили целые куски мяса и кожи, он стонет от неистовой боли.

— Эх тебе портрет-то разворотило! — с самой добродушной усмешечкой замечает один из солдат.

Кругом разом загредел дружный хохот. Души огрубели от постоянного вида самых разнообразных по жестокости смертей — от унесенного ядром живота со всеми внутренностями до мясного дождя из останков в пыль разнесенного бомбой человека.

Во время этой сценки вдруг падает бомба в двух шагах от балагура с мешком. Кто замер на месте, кто кинулся наземь. Балагур прижался к стене и ждет, что будет. Бомба шипит, вертится, сыплет искрами. Мешок давит спину солдата.

Эх, один бы конец! Ждать просто сил нет.

— Да ну же, лопайся, проклятая! — кричит он со злобой.

Бомба, словно послушавшись, лопается. Все целы. И, отряхиваясь от пыли и земли, снова бредут с мешками солдаты. Вдруг посыпался дождем целый рой бомб.

— Не части, — острят и смеются носильщики, обнадеженные недавним почти чудесным спасением, — с ноги собьешься!..

И тащатся дальше, согнувшись под тяжестью песчаной ноши, падают, корчатся, умирают...

С каждым днем Малахов курган и особенно второй бастионблизились к совершенному разрушению. К вечеру они представляли груды развалин, а на втором бастионе ни одно орудие не могло действовать свободно. Вынося на себе огонь семидесяти неприятельских орудий, этот бастион был опаснейшим местом во всем Севастополе, недаром получив от пехотинцев и артиллеристов название «ада» и «бойни», а от моряков — «толчей». Тут не было ни одной сколько-нибудь правильной насыпи, ни чистого рва, ни одного целого блиндажа и порохового погреба, — все было заметано, разгромлено, разбито, перевернуто вверх дном.

Севастополь походил на гигантскую могилу. Все улицы, даже Екатерининская, еще месяц тому назад оживленная народом, теперь обратились в пустынную развалину. Крыши и стены домов обрушились, мостовые и тротуары изрыты снарядами, завалены мусором, щебнем, осколками бомб и камнями. Уныло подымались к небу почерневшие обломки деревьев. Даже трава высохла и пожелтела. В Михайловский собор ударила бомба, пробила купол, пролетела сквозь пол и разорвалась в подвале, где хранилось 85 пудов свечей. Часть их подняло на воздух и разбросало кругом. Много икон попало со стен, несколько человек прихожан было ранено. Впоследствии на соседних дворах и крышах долго еще находили заброшенные взрывом свечи.

Этот печальный случай заставил перенести церковь в Николаевскую батарею, для чего очистили два каземата в нижнем этаже, неподалеку от главного входа. Помещение было сравнительно небольшое, вмещавшее далеко не всех желающих помолиться. Приходилось стоять в дверях и в коридоре, между наружными арками и стенкой.

Лавки тоже перешли в Николаевскую батарею, несколько правее от церкви. Даже явилась особая надпись на черной доске белыми буквами: «Торговое отделение». Купцы оставались там до конца осады и выбрались оттуда только за неделю до оставления Севастополя войсками.

В Николаевскую же батарею перешел и военный губернатор, вице-адмирал Новосильский, живший до сих пор в доме Нахимова. Эта батарея была, кажется, единственным на Южной стороне зданием,

которое не пробивали бомбы. Все остальные строения, как на Южной, так и в Корабельной, пробивались насквозь, от потолка до фундамента. Как-то упала бомба на крышу главного корпуса Александровских казарм, прошла все четыре этажа и остановилась в подвале, где ее не пустил дальше каменный пол. Там жило тогда матросское семейство: муж с женой и двумя детьми. Муж был на бастине, когда упала бомба, а жена спала вместе с малютками в углу на кровати, и под защитой четырех этажей огромного здания ей, конечно, и не снилась возможность смерти. Бомба тихо подкатилась под кровать. Грянул взрыв и уничтожил все живое. Один осколок пробил два потолка вверх. В каком-то этаже бомбе попались на пути сундуки, поставленные друг на друга в несколько рядов, — и все это она пронизала, словно иголка лист бумаги...

15 августа после обедни был открыт и освящен плотовой мост через главную бухту, от Николаевских казарм к Михайловской батарее. Он состоял из шести участков, в 14 плотов каждый, имея в длину 430 сажен и 20 сажен пристаней, а в длину 3 сажени.

Это был один из замечательнейших мостов, которые когда-либо наводились для переправы войск. Быстрота постройки (один месяц) изумила даже наших «просвещенных» неприятелей, которые при этом всеми силами постарались помешать наведению моста, пуская по нему и стоящим около него судам до 500 навесных снарядов в сутки. Под конец осады в мосту оказалось всего лишь 27 пробоин... Честь проекта и постройки моста принадлежала генерал-лейтенанту Бухмейеру, начальнику севастопольских инженеров.

Сначала по мосту пускали с билетами, но это оказалось неудобным и задерживало у пристаней целые обозы. Без курьезов, конечно, не обошлось. Какой-то матрос попался на мосту офицеру, приставленному смотреть за порядком.

— Билет есть?

— Есть.

— Давай сюда!

Матрос торжествующе показал состряпанную, очевидно, им самим записку, в которой было сказано, что «по приказанию саперского адмирала Бухмериуса дозволяется такому-то проходить через мост во всякое время...»

С 16-го на 17-е августа взлетел у неприятеля пороховой погреб на Камчатском редуте. Говорили, что взрыв был произведен бомбой, пущенной с Будищевской батареи, и вот каким образом. Надо знать, что в известный промежуток времени с каждой батареи выпускалось известное число снарядов. Командир батареи лейтенант Будищев спросил поздно ночью, когда уж думал прекратить стрельбу:

— Сколько послано бомб по спуске флага?

— Девять! — отвечают ему.

— Валяй десятую для четного числа!

Выстрел грянул, и четное число подняло погреб.

Вскоре после этого взрыва во рву за третьим бастионом был найден дубовый, обитый железными обручами бочонок, начиненный разным горючим материалом. Это был первый гостинец союзников в новом роде. Впоследствии такие бочонки изредка падали на первый и второй бастионы и Малахов курган, но большого вреда не причиняли. Иногда французы пускали к нам «пакеты» с мелкими гранатами, а мы придумали большие жестяные коробки, куда вкладывалось от двадцати до тридцати гранат.

VIII

Шестое усиленное бомбардирование. — Пожар транспорта «Березань» и фрегата «Коварна». — Взорванные шаланды с порохом. — Штурм Малахова кургана 27 августа 1885 года. — Возражение Н. И. Пирогову. — Бой за позиции. — Прапорщик Постников. — Плен

Все время до 24 августа звуки выстрелов не умолкали, особенно на кургане и по всей четвертой оборонительной линии. Но с 24 августа по несколько неприятельских батарей сразу стреляли по нашим укреплениям. Эти залпы, несмотря на солнечный свет, сверкали молниями; среди ровного гула общей канонады они походили на отдельные взрывы и, переливаясь, потрясали воздух. Такой страшной бомбардировки, направленной главным образом на Малахов курган, конечно, не было нигде и никогда. Некоторые наши батареи принуждены были молчать или на несколько выстрелов посылать один. Укрепления превращались у нас в груды земли, облитой кровью, и с каждым часом курган все более и более приближался к тому состоянию, которое так облегчило французам его штурм.

Малахов курган в эти дни был подчинен капитану 1 ранга Керну и капитан-лейтенанту Карпову, которые сменяли друг друга через неделю, чтобы каждый имел возможность отдохнуть. В последнюю неделю командовал Карпов. Артиллерией заведывал лейтенант Лазарев. Начальником войск четвертой оборонительной линии был генерал-майор Буссау. Собственно же на кургане гарнизон состоял из трех полков: Модлинского, Замосцкого и Пражского, всего около 800 солдат.

С 24 августа французы открыли с бывшего нашего Камчатского редута навесный огонь по судам, расположенным против Северной стороны. В этот же вечер вспыхнул пожар на транспорте «Березань». Всю ночь яркое пламя освещало бухту, город и далекие холмы с их батареями. Транспорт горел до утра и сгорел весь по медную обшивку. На воде осталось одно только черное дымящееся днище.

26 августа вечером бомба попала на фрегат «Коварна», в склад бочек со спиртом. Фрегат быстро запылал. Зеленое пламя спирта лилось по палубе и взвивалось кверху длинными языками, ярким заревом дрожа в глубоком небе, усеянном чуть заметными, едва сверкающими звездами. Всю ночь столб багрово-черного дыма клубился над бухтой.

С кургана в эту минуту открывалось удивительное зрелище. Треск пламени, светлые и черные группы матросов, занятых тушением пожара, крики людей и резкий свист ядер и бомб, падающих чаще и чаще по направлению к ярко горевшему фрегату, — все это сливалось в одно грозно-величественное настроение у зрителя. Мне невыразимо грустно было смотреть на эту картину. Фрегат «Коварна» принадлежал 44-му флотскому экипажу, в котором я служил; на нем мне пришлось познакомиться с некоторыми офицерами, которые, как и я, приходили с разных бастионов на фрегат за получением денежного содержания. Фрегат пылал до утра.

В эту же ночь, в 12-м часу, две шаланды, нагруженные порохом, переправлялись с Павловского мыса к Графской пристани. Когда шаланды уже подходили к ней, в одну из них попала ракета, и все это взлетело на воздух.

Взрыв был так силен, что в домах на Южной стороне и в Корабельной, за бухтой, полопались стекла. На Графской пристани рухнула с пьедестала статуя и была отброшена в сторону тяжелая морская пушка, лежавшая на самом берегу. Взрыв отразился даже на Северной стороне.

Всю ночь неприятель посылал конгревовы ракеты в город и по нашим стоявшим в бухте судам. Одна из ракет случайно зажгла вершину крана на берегу Доковой бухты. Кран горел как факел, освещая Севастополь фантастическим, каким-то зловещим светом... Эти пожары, взрывы, разрушившиеся брустверы, засыпанные землею амбразуры были предвестниками давно ожидаемой развязки. «Придется оставить Севастополь», — читалось на всех лицах.

27 августа, в субботу, в седьмом часу утра, с Малахова кургана заметили сильное движение войск в неприятельских траншеях. Позволю себе остановиться на этом факте, и вот почему. В недавно выпедших в свет «Севастопольских письмах» покойного Н. И. Пирогова, в конце

второго письма от 8 сентября (с. 134, «Вторая поездка») сказано: «...я решил здесь жить не раздеваясь, не снимая платья ни днем, ни ночью — это гораздо спокойнее; я удивляюсь, как могли наши защитники Малахова кургана попасться раздетыми, в одних рубашках и босиком, в руки неприятеля. Со мной этого не может случиться, если неприятель нас обойдет на Бельбеке...»

С горечью и тяжелым болезненным чувством прочтут эти нехорошие строки немногие оставшиеся еще в живых защитники Малахова кургана. Что «Малахов проспал и прообедал» — старинная, неизвестно кем пущенная клевета. Еще в 1858 году ее повторял, говоря о Севастополе, некто господин Эвертц, саперный офицер, не служивший на кургане. Его статья в «Русском Инвалиде» вызвала спокойно-презрительное возражение начальника Малахова кургана П. А. Карпова, напечатанное в «Морском сборнике» № 2 за 1858 год. Возражение это было настолько существенно, настолько обстоятельно и подкреплено ссылками на такие факты, что клеветникам пришлось прикусить язык. Опровержение клеветы единодушно последовало и другими участниками и многими свидетелями последних моментов штурма.

А теперь эта ложь снова всплывает на поверхность, и притом в посмертных заметках всеми уважаемого общественного деятеля и ученого. В качестве защитника Малахова кургана я считаю долгом ответить на слова Н. И. Пирогова следующими словами столь компетентного лица, как начальник Малахова кургана П. А. Карпов:

«Когда войска отступили на Северную сторону и там не нашли ни одного из начальников Малахова кургана, то, по привычке нашей сваливать все на мертвых, свалили всю вину на них. Из этих слухов составилось общее мнение...» А этим мнением — добавляю я — и руководился, вероятно, Н. И. Пирогов, когда писал свои письма.

«Но, писав о столь важном деле, — продолжает Карпов, — следовало бы более вникнуть в сущность оного, а не повторять то, что другие пишут и говорят бессознательно, а может быть, даже и по другим причинам...»

Впрочем, я убежден, что, будь жив Н. И. Пирогов, он никогда не выпустил бы в печать своих писем без строгой цензуры. В самом деле, каким образом и кому возможно было устраиваться на Малаховом кургане так комфортабельно, как он говорит? Для отдыха каждому полагалось 4 — 5 часов в сутки; спали все на деревянных, ничем не прикрытых нарах, ежеминутно готовясь вскочить по первому тревожному сигналу, не зная, проснешься ли живым, — какой тут сон? Я не помню, чтобы среди нас кто-нибудь не только раздевался, но

даже обедал хоть раз за все время осады, т. е. ел горячее: питались обыкновенно холодным мясом, различными закусками, чаем, вином.

«Справедливо только то, — говорит в «Записках об осаде Севастополя» Н. Берг, — что в это время (штурм) на кургане действительно собирались обедать, как и на всех других батареях, потому что был час обеда. Но обедала только часть войск; часть спала, обнявши ружья (спали, как и обедали, вовсе не тайком, а регулярно, в одни и те же часы, чередуясь по командам, чтобы ночью бодрствовать всем). А третья часть стояла на банкетях и могла ежеминутно призвать к ружью как обедавших, так и спящих. Минуты нападения знать было невозможно; нельзя же было ради этого не спать и не обедать.

Взят Малахов не потому, что обедали и спали, а потому, что против полутора тысяч (на всей четвертой оборонительной линии; собственно на кургане — 880 человек) усталых, изнуренных солдат шло более 10 тысяч самого отборного войска. Это так просто».

Да, это так просто, что и говорить более не о чем. Возвращаюсь к рассказу.

Стрельба сливалась в сплошной, продолжительный, перекатывающийся гул и грохот. Около 10 часов утра французы выбросили из ближайшей траншеи на курган три бочки с порохом. Одна не разорвалась, другая — перелетела через батарею и обвалила мерлон, третья упала на бруствер Гласисной батареи и разорвалась, сделав в бруствере широкую брешь и засыпав землю две амбразуры. Дорого стоило нам завалить брешь мешками с землею! Много легло здесь солдат. Пули свистели и носились целыми роями, пока, наконец, работа не была сделана.

Камнемётные фугасы были взорваны французами неудачно: большая часть поднятой глины влетела к ним же, в наполненные войсками траншеи. В 11 часов Карпов послал донесение генералу Хрулеву, что неприятель подносит к кургану лестницы и доски. Для осмотра кургана прибыл флигель-адъютант Воейков. Карпов обонел с ним нашу батарею, показал повреждения и передал Воейкову записку о состоянии кургана для передачи главнокомандующему. Воейков прошёл по кургану, спустился вниз и был смертельно ранен.

За несколько минут до 12 часов стрельба с обеих сторон затихла, а ровно в полдень начался штурм Малахова кургана.

Раздался крик «французы!», Карпов, проходивший около башни в свой блиндаж, велел пробить тревогу; но барабанщик был убит, и тревогу протрубил стоявший тут же горнист. Послышалась частая, будто горох сыпался из мешка, перестрелка. В момент приступа я находился на левом фесе Гласисной батареи, у крайнего 68-фунтового орудия, заряженного мелкой картечью с ядром. Я видел, как ряды синих мундиров смешались и рассеялись после выстрела, но взвив-

шаяся пыль и пороховой дым скрыли от меня остальное*. Несколько выстрелов, разумеется, не могли удержать движения одушевленных масс. Французы все шли и шли вперед к кургану. Я поднял первый попавшийся пальник с дымящимся фитилем, схватил ручную гранату и пробежал к правому фасу батареи. Но здесь не удалось сделать ни одного выстрела. Орудия были или засыпаны землею, или подбитые лежали на сломанных станках. Французы, вскочившие в ров, по лестницам быстро взобрались через амбразуры и бруствер на батарею. Началась рукопашная схватка. На площадках кургана наши солдаты отдельными группами боролись с подавляющею массою французов. Дрались с ожесточением — штыками, прикладами, банниками, кирками, лопатами, всем, что было под рукою, чем попало, даже камнями. Шагах в десяти от Гласисной батареи, близ башни, лежал генерал Буссау. Окруженный небольшим числом наших солдат и ополченцев, бросился он к батарее, но зуавы стреляли по ним почти в упор, как в мишень. На батарее Жерве, внизу, с правой стороны кургана, бился князь Багратион во главе дружины 47-го курского ополчения. Ополченцы с топорами бросились на французов. Неприятель подавил их только массою.

Рядом с нашей батареей, на правом переднем фасе кургана, был редан в три орудия: одно из них действовало по бывшему нашему Камчатскому люнету и два — на случай штурма. Командир редана, прапорщик конной артиллерии Постников, в первые минуты штурма

* «Карнов взбежал на Гласисную батарею и увидел, что три густые колонны неприятеля идут к левому флангу кургана и несколько французов пробираются уже рвом к редану. Затем грянуло на кургане шесть выстрелов: четыре из них сделаны были со Штурмовой батареи начальником артиллерии четвертого отделения лейтенантом Лазаревым собственноручно; потом раздался выстрел с левого фланга Гласисной батареи, сделанный юнкером Колчаком из 68-фунтового орудия, мелкою картечью с ядром и, наконец, шестой с Рогатки, павсией картечью из подбитого орудия, поставленного на поца.

Это были единственные в тот день и последние наши выстрелы с Малахова кургана...» (Записки об осаде Севастополя. Н. Берг. 1858 г. Т. II).

Считаю необходимым добавить, что в первые моменты штурма на правом фланге кургана, с Корнилова бастиона, было сделано, кроме упомянутых выше, еще несколько выстрелов прапорщиком артиллерии И. П. Рубном (впоследствии генерал-лейтенант и командант Выборгской крепости). В своей статье «Штурм Малахова» («Артиллерийский Журнал», 1890 г., № 11) И. П. Рубец говорит следующее: «27 августа в 6 часов утра я был вытребован (с батареи Жерве) на Малахов курган к капитан-лейтенанту Карнову, который был в это время начальником Малахова и четвертой оборонительной линии... „Вы останетесь командовать батареей правого фаса, вместо убывшего лейтенанта Гейкинга. Ожидается штурм. Держитесь до крайности. В случае отступления прикажите заернить орудия...” Таковы были отданные мне приказания».

Из одного этого уже очевидно, что на Малаховом кургане не только не спали, но даже и не дремали в ожидании штурма.

долго защищался. Завязался страшный рукопашный бой. Нахлынувшая масса зуавов и венсенских стрелков бросилась на горсть мужественных защитников редана. Постников и его команда были буквально подняты на штыцерные тесаки (*sabre-baionette*), которые играли у неприятеля роль наших штыков. Как теперь помню симпатичное, молодое, с еле пробившимися усами лицо этого храбреца. Постников недавно был выпущен из корпуса и по прибытии в Севастополь прямо назначен на Малахов курган. Он часто заходил в наш блиндаж по вечерам побеседовать и посмеяться после тяжелого, томительного севастопольского дня.

Не зная, что делать, я искал батарейного командира. Только хотел я спуститься с батареи по трапу, как вдруг наткнулся на колонну алжирских стрелков. Их зверские черные лица дико смотрели по сторонам. Колонна шла скорым шагом, с ружьями наперевес, от батареи Жерве к башне. В глазах у меня запестрело от их красных, синих, белых плащей; капюшоны надеты на голову, придавая и без того свирепым физиономиям еще более грозный вид. Я инстинктивно бросился обратно, на левый фланг батареи. Тут все смешалось — матросы, солдаты, французы. В неприятельских траншеях еще раздаются сигнальные звуки труб и барабанов. Всюду звенят помпола, слышен треск, стук оружия, крик, гам и стоны раненых. Вот уже на бруствере развевается трехцветное знамя!.. Вдруг я почувствовал сильный удар в плечо, упал, не мог подняться, но не терял сознания. Я видел, как минутой позже моего падения взшел на батарею по мостику, переброшенному через ров, французский генерал Мак-Магон. За ним шел довольно многочисленный штаб. Офицеры были в полной парадной форме, шегольски одеты, в новых блестящих эполетах, разноцветных востреньких кепи, с обнаженными шпагами в руках. Почему-то они остановились около места, где я лежал. Видя, что я приподнимаюсь и не могу подняться, один из офицеров помог мне. Очутившись среди блестящей свиты Мак-Магона, я вдруг заметил, что сапоги мои и шинель в крови, и на правой руке рана. «Ура» то близилось, то глухо звучало вдали, мешаясь с криком «*Vive l'empereur!*» Французы овладели уже Гласисной батареей. Между орудиями и около них валялись убитые и раненые, большую часть наши матросы и солдаты. Малахов курган был занят. На башне также развевался трехцветный флаг. Кто-то закричал, по-видимому, отдавая приказание; ко мне подошли два молоденьких солдата, почти мальчики, тоже раненые. Они отправлялись на перевязочный пункт и попросили меня за ними следовать. Но я так ослабел и чувствовал такую сильную боль в плече, что с трудом мог двигаться. С раннего утра я ничего не ел, а все, что пришлось пережить в эти истинно ужасные минуты, сжимало сердце томительной болью.

IX

В лагере французов. — Радость англичан. — Встреча и разговор с командиром Малахова кургана Карповым. — Адъютант генерала Боске. — Пожар Севастополя. — В главной квартире французской армии. — Вечер венсенских стрелков. — Маршал Пелисье. — Город Камыш. — На борту «Charlemagne». — Отплытие. — Босфор. — Принцезы острова

Поддерживаемый своими спутниками, я с трудом шагал по узенькому мостику. Внизу, на дне рва, играла музыка; ров был переполнен ранеными. Пройдя небольшое расстояние по открытому месту, мы спустились в французскую траншею. Весь путь мы сделали под непрерывным огнем с второго бастиона и с парашутов, подошедших к Киленбалке. Осколки прыгавших по камням гранат и разрывавшихся в воздухе бомб чертили и рыли дорогу по всем направлениям. В ближайших к кургану траншеях нам встретились французские войска; они двигались на смену полков, занявших курган. Тут были гвардейские зуавы, линейные полки, гренадеры и гвардейские волтижеры. Вся эта масса направлялась на помощь Мак-Магону. Мы с трудом проталкивались сквозь густые ряды солдат и часто останавливались, чтобы пропустить носилки с ранеными. Тут же толпились возвращавшиеся с кургана войска, еще более загромождая траншею. Раненых там было множество. Местами лежали убитые; их совсем не убирали.

Солнце стояло еще высоко. Сильный ветер, начавшийся с утра, понемногу утихал; не прекращался только свист риконетирующих через траншею ядер да треск лопающихся в воздухе бомб и гранат. Горячий бой кипел еще на всех линиях. Верки и город — в дыму и пыли. На Малаховом кургане держалась одна только башня.

Из траншеи мы вышли на шоссе.

За одним из холмов я заметил французскую полевую батарею. Громадные лошади и цепи вместо постромок невольно кинулись мне в глаза; я вспомнил, что эта батарея в начале штурма выезжала на позицию к Киленбалке для действия по нашим парашутов, которые обстреливали балку и бывшую нашу Забалканскую батарею, но была расстроена, вскоре ретировалась с позиции и укрылась за холмом, с правой стороны шоссе.

Один из моих провожатых был ранен в ногу. Мы часто останавливались и отдыхали. Оба француза относились ко мне с участием и вежливостью, предлагали коньяк из походной фляги, галеты, закуривали для меня маленькую трубочку — словом, обращались, как друзья и товарищи по несчастью.

Поднялись на гору мимо каких-то батарей. Мне подумалось, что вправо от этого места должна быть Сапун-гора, где находился укрепленный лагерь союзников. Ежеминутно встречаются мулы и большие фургоны с ранеными. Перевозка раненых на мулах показалась мне очень удобною и оригинальною. Каждый мул нес на себе двух человек, которые сидели или лежали, смотря по свойству своих ран, в приспособленных по обеим сторонам седла железных раздвижных креслах. У иных мулов не кресла, а постели; на них покачиваются на пружинах два тяжело раненных солдата, а мул идет и как будто не замечает тяжести своей ноши.

Скоро мы подошли к английскому лагерю. Навстречу выбежало несколько солдат в красных мундирах. Они теснились около нас, кричали, бросали вверх шапки, очевидно, в припадке воинственного восторга по поводу взятия кургана. Мои спутники недовольно стучали ружейными прикладами о землю, резко просили их уйти прочь. Я с досадою смотрел на их радость и неуместные выходки. А солнце уже садилось, и тихий вечерний ветерок веял над зелеными полями.

Мы долго еще шли и прибыли в лагерь генерала Боске, когда уже совсем стемнело. Здесь я простился с моими милыми, учтивыми спутниками и неожиданно увиделся с знакомыми мне офицерами и П. А. Карповым, командиром Малахова кургана. С гордостью могу сказать, что несколько офицеров, в том числе начальник кургана, все раненые, были единственными пленными, доставшимися французам с бастионов Севастополя за все время одиннадцатимесячной борьбы.

Мы сидели в палатке, у входа в которую стоял часовой, и рассказывали друг другу все, что с нами случилось.

После того как с Малахова кургана прогремел последний выстрел с нашей стороны, Карпов сбегал вниз с Гласисной батареи и увидел лейтенанта Панфилова. Через несколько минут на левом фланге Гласисной батареи появились французы, и наши, после небольшой стычки с ними, отступили в числе шестидесяти человек с поручиком Анкудовичем во главе и спустились ко входу в бапню. Карпов, увидев их и заметив, что французы еще не овладели Гласисной батареей, приказал Анкудовичу воротиться. В эту минуту, шагах в десяти от бапни, показался генерал Буссау с маленькой шкатулкой в руках, окруженный кучкой ополченцев, побросавших ружья и взявшихся за палки и топоры. Буссау был совсем безоружен и кидал в неприятеля камни. Вдруг пуля ударила его в грудь, и он упал. Французы были уже на Гласисной батарее.

По площадке пробежал лейтенант Лазарев, схватясь рукой за живот и молчаливо поклонившись Карпову. «Должно быть, прощается навсегда!» — подумал Карпов. С правого фланга Гласисной батареи

наших отступило лишь восемь человек: все остальные легли. Карпов встретил их у самого спуска, рядом со своим блиндажом, совершенно расстроенных. Их преследовали четыре француза. Напрасно Карпов пытался удержать наших, объясняя, что их восьмеро, а тех только четыре, — они ничего не слушали. Французы нагрянули и перекололи их всех. Погиб бы и Карпов, но в этот момент он получил удар откуда-то сверху и повалился без чувств.

Все это видели трое солдат Модлинского полка, бывшие неподалеку. Они подняли Карпова и отнесли его в блиндаж. Двое из них были почти насмерть ранены, но, пока жизнь в них еще держалась, думали только о битве и, положив Карпова, затеяли из блиндажа перестрелку с неприятелем. Очнувшись, Карпов застал их в разгаре боевой работы; но скоро двое раненых ослабели и выпустили ружья; только один еще долго мстил за своих товарищей, посылая французам пулю за пулей...

Карпов слышал из блиндажа приближающиеся крики «ура!», которые то удалялись и замолкали, то раздавались с новой силой. Вдруг блиндаж загорелся. Карпов выскочил и в ту же минуту был схвачен шестью французами. Один замахнулся на него штычным тесаком. Карпов молча опустил голову. Но кто-то закричал, и солдаты отпустили его. К нему подошли двое офицеров и объявили, что он пленный.

Карпова под конвоем солдата повели на Камчатский люнет. Проходя по направлению к батарее Панфилова, подле ближайших к бапне траверсов, он заметил, что убитых французов вокруг лежит больше, чем русских. Только подле орудий рядами покоились русские, а французов почти не было.

Миновав батарею Панфилова, Карпов пошел за солдатом мимо траншей полем и видел, как поражала наша картечь французов, скрытых в траншеях. По-видимому, эта картечь ложилась со второго бастиона и с подошедших к Киленбалке пароходов. Близ Камчатского люнета Карпов встретил еще четырех русских офицеров, которых вели туда же. Они все вместе пришли на Камчатский люнет и были представлены главнокомандующему. Тот спросил, офицеры ли, и велел дать им отдохнуть. Его ординарцы предложили вина и сигар. Наши заметили, что в эту минуту на Камчатском люнете не было снарядов: все выпли. Бой еще не прекращался на всех бастионах. Город и верки скрывались в дыму, и французы, поглядывая на часы, говорили:

— Вот уже пятый час, а все нет конца!

Прибежал запыхавшийся офицер с известием, что второй бастион отбит.

— Русские скоро выгонят нас и отсюда! — заметил кто-то из штаб-офицеров.

Некоторые говорили, что на Малаховом держится еще часть укреплений. Из описаний наши поняли, что это башня.

Отдохнув, пленные отправились дальше в сопровождении четырех французов, спустились в Доковый овраг и увидели направо, против третьего бастиона, прилегшие колонны арабов, тысячи в две-три. Вдруг в середину их упала бомба и разорвалась. Одна из колонн вскочила и разбежалась в разные стороны, да потом уж и не собиралась.

Наши поднялись на гору мимо какой-то батареи и подошли к Киленбалке, против Микрюкова хутора, который был весь разорен. На хуторе помещался французский перевязочный пункт, и туда собирались все французы, раненные в Корабельной. Наши ядра летели в хутор, рикошетируя через бугор.

Затем пленные повернули по Киленбалке вправо, мимо английского лагеря, и прибыли таким образом в лагерь Боске, где встретили остальных пленных.

Разговор наш был прерван приходом новых лиц.

В палатку вошел адъютант генерала Боске, капитан Дампьер (Dampierre) с доктором. Все мы оказались ранеными неопасно, за исключением лейтенанта Лазарева. Он был тяжело ранен в живот пулею навылет и отправлен в лазарет. Капитан Дампьер обошелся с нами очень любезно, приказал подать обед и рассказал, как в Алминском сражении был взят в плен русскими, жил в Ярославле, пользовался там радушным и широким гостеприимством и теперь очень рад случаю быть нам полезным. Принесли обед: индейку и несколько бутылок красного вина. Дампьер извинялся, что не может предложить нам ничего лучшего, и очень сожалел, что надо проститься с нами и идти к генералу Боске, тяжело раненному.

После обеда нам принесли несколько теплых одеял, на которых мы и располагали заснуть. Но недолго пришлось нам отдыхать. Среди ночи мы проснулись от сильного сотрясения почвы и оглушительных раскатов взрыва. Через несколько секунд раздался второй, а за ним и третий взрыв. Зрелище было поразительное. Все на далекое пространство освещалось багровым пламенем. Отголоски грохота замирали в воздухе. Над Севастополем, широко раскинувшись к небу, расстилались облака дыма; в городе, казалось, все смолкло.

С тяжелым, тоскливым чувством смотрели мы на высокие столбы огня. Взрывы эти, как грозный отголосок прошедшего, и мертвое молчание на бастионах сразу, неотразимо внушили только одну

мысль: для Севастополя уже все кончено. В непроницаемой темноте нам ясно рисовался Малахов курган с его облитыми кровью батареями, где мы еще вчера оставили столько храбрых, где отстаивали каждую площадку, каждый траверс.

Утром 28 августа к нам в палатку вошел французский офицер. Все собравшиеся в лагере Боске пленные отправились с ним в главную квартиру французской армии. Взятых на Малаховом кургане и четвертой оборонительной линии офицеров, морских и сухопутных, набралось около шестнадцати человек.

До главной квартиры было далеко, а нам пришлось идти пешком: все перевозные средства были заняты под раненых. На пути беспрестанно встречались лошади и мулы, навьюченные сеном, солдаты, офицеры, какой-нибудь английский драгун в богато расшитом золотом мундире, с мохнатым кивером на голове.

Перешли рельсы, по которым только что проехал дымящийся локомотив.

Всадники и пепие, французы, англичане, сардинцы и турки — все это скакало, плло, ехало и куда-то спешило. По обеим сторонам разбросаны домики и бараки; в них помещались лазареты, пекарни, какой-нибудь штаб или полицейский дом. На каждом шагу ключом била кипучая жизнь военного лагеря, обнаружилась недюжинная энергия и практичность западноевропейцев. Вдали, по правую сторону шоссированной дороги, виднелся английский лагерь. Значительно далее налево открылся французский лагерь; он занимал огромную площадь. Потом показалась Камышевая бухта с лесом мачт стоявших там судов. По шоссе, где мы шли, неслись всадники и экипажи, проходили солдаты, двигались мулы, перевозившие в фурах снаряды, пушечные станки, полосовое железо, бревна и прочее.

Наконец по левую сторону от дороги нам указали главную квартиру французской армии — несколько красиво построенных домиков, обсаженных деревьями и цветами и окруженных, вроде палисадника, железными обручами, врытыми в землю. Здесь помещался маршал Пелисье со своим штабом.

Пред главной квартирой был размещен в палатках караул из роты императорской пехотной гвардии. Пройдя караул, мы остановились на небольшом дворе с похожей на бульвар аллеей деревьев. Здесь нас встретили несколько офицеров, состоящих в штабе маршала, и переводчик. Нам предложили коньяку, галет и записали наши фамилии. Когда перепись была окончена, французские офицеры показали нам место, где для нас разбивали палатки, в одной линии с помещением караула.

Нам роздали по две смены солдатского белья, так как у нас ничего не было, и самым необходимым было белье. Мы направились в приготовленные палатки и только что разместились в них, как нам подали обед из бульона, жареного мяса, компота из фруктов и несколько бутылок красного вина.

Французы нам очень понравились. Они обходились с нами самым учтивым образом, были любезны и предупредительны. Неподалеку от наших палаток расположился лагерь пришедший из-под Севастополя батальон Венсенских стрелков. После обеда французские офицеры, бывшие в карауле, пригласили некоторых из нас к себе в палатку. Явился пунш. Французы сняли шпаги, и мы незаметно с ними познакомились, разговорились, пили, смеялись и шутили. Сношения со вчерашними врагами начались общим весельем, сочувствием и полным взаимным уважением. Припоминая сближение наших солдат с французскими во время перемирий на севастопольских бастионах, я в то уже время представлял себе, как много могли бы сделать две такие армии, как наша и французская, и сердечно сожалел, что французы не союзники наши, а неприятели.

В тот же день вечером к нашим палаткам пришло несколько офицеров из лагеря Венсенских стрелков -- пригласить к себе всех русских пленных. Они передали нам: «Венсенские стрелки желали бы иметь честь и особенное удовольствие видеть всех русских пленных на своем маленьком военном празднике, который специально для господ русских офицеров позволили себе устроить». Мы ответили, что русские считают за честь присутствовать на их празднике, и, получив разрешение из главной квартиры, направились к лагерю наших любезных неприятелей. Подходя к нему, мы были встречены всеми офицерами-венсенцами, которые нас окружили, заговорили и разделили на группы. Полное сочувствие, любезность и благородное отношение к нам не могли не расположить нас к французам, и мы их сразу как-то полюбили. Нас пригласили в большую палатку с покрытым коврами полом, на котором, за неимением стульев, мы и уселись вперемежку с венсенцами, составив большой кружок; в середине его возвышалась неровная горка различных вин, бутылки absinth'a и vermouth'a.

Французы извинялись, что не могли достать шампанского; но и без него было весело. Еще раз мы уверились в расположении французов к своим ярым противникам. Такое скорое задушевное сближение с венсенцами ясно показывало, что французы вообще любили и уважали русских более, чем своих союзников, а мы отлично знали, что французские войска дрались под стенами Севастополя не как враги, а как рыцари.

Утром на другой день, часов около семи, нам были розданы деньги из главной квартиры французской армии на предметы первой необходимости, каждому от пяти до десяти наполеондоров. Деньги были разложены в небольшие пакеты, на которых были написаны имя и фамилия того, кому они предназначались. После раздачи денег мы возвратились в свою палатку и вскоре получили письма от начальника штаба, командира Севастопольского порта, капитана 1-го ранга Воеводского, с Северной стороны. В каждом письме было вложено по десяти золотых, также присланных на удовлетворение наших потребностей. Мы были глубоко тронуты заботливостью и вниманием к нашему положению, а особенно в такую минуту, когда у нас ровно ничего не было, кроме окровавленных старых шинелей и изношенных сапог.

Утро было прекрасное. Мы вышли из палаток посмотреть на жизнь и деятельность французов в лагере. Для меня тут все было ново, все занимательно.

На крыльце одного из домиков показался маршал Пелисье. Караул отдал ему честь; раздались звуки труб и барабанов. Он ехал на белой лошади, в сюртуке с эполетами и аксельбантом, как и все офицеры его штаба. Из-под кепи видны были густые, гладко остриженные волосы, уже седые. Правильные черты лица дышали суровостью. Мы ему поклонились; он обернулся к нам и снял кепи. А затем Пелисье во главе многочисленного штаба направился к Севастополю.

Пелисье был третьим и последним главнокомандующим французской армии под Севастополем. Первым главнокомандующим в свое время был назначен маршал Леруа де Сент-Арно, начальниками дивизий — генералы Канробер, Боске, принц Наполеон и Форе.

Грандиозная морская экспедиция в Крым представлялась авантюрой; первый главнокомандующий по натуре был тоже авантюристом. Худой, бледный, с усталым взглядом и с видом, скорее дерзким, чем гордым. Вот как описывает Морни наружность этого генерала: «A la conscience accommodante».

По свидетельству Канробера, он страстно желал назначения на войну. В это время он жестоко страдал грудной жабой, но, обладая железной волей, скрывал свою болезнь от окружающих и показывался повсюду веселым и улыбающимся. Он мечтал умереть во что бы то ни стало на поле битвы и тем оправдать звание маршала, пожалованное ему за сомнительные услуги во время переворота. Ему не было никакого дела до планов военного министра, маршала Вальяна; на месте он твердо решил руководствоваться своим собственным пла-

ном, а в качестве старого алжирца представлял себе кампанию в виде большого набега.

По другим данным, император сам не прочь был отделаться от С.-Арно и охотно назначил его главнокомандующим, лишь бы иметь его подальше от себя. Когда высаживались в Галлиполи, маршал был, как говорят французы, «tout feu, tout flamme». Он думал, что все пойдет с быстротой его горячего воображения.

Под Алмой ему пришлось в первый и последний раз руководить боем; он был в шляпе с белым плюмажем и с жезлом в руке, верхом на маленьком белом арабе. Во время заключительной атаки центра близ телеграфа он был сильно контужен.

По окончании боя лорд Раглан, английский главнокомандующий, предложил преследовать неприятеля, но маршал отказался под тем предлогом, что солдаты побросали свои ранцы вниз на реке и что в артиллерии израсходованы боевые припасы. В это время он уже страдал от холеры, и этим объясняется его нерешительность. Таким образом, победа имела нравственное значение для наших противников, но не принесла существенной пользы.

11 (23) сентября С.-Арно в последний раз был верхом; к вечеру его страдания усилились, а на следующий день его уже везли в крытом экипаже князя Меншикова, захваченном на Алме; лежа на тюфяке, маршал корчился в мучительных страданиях. 13 (25), в четыре часа утра, он потребовал к себе Канробера. В небольшой палатке, освещенной каретным фонарем, он сделал свои последние распоряжения, испуская глухие стоны. Он просил Канробера объявить уже заготовленный прощальный приказ по армии и передал ему также письменное повеление на принятие у него армии. С.-Арно был перевезен в Балаклаву на корабле «Berthollet», на котором и умер 17 (29) сентября. Новый главнокомандующий — Канробер — с самого же начала встретил большие затруднения в снабжении армии, но надеялся, как и многие, самое позднее через 15 дней овладеть городом. Первая же рекогносцировка обнаружила, что защитники не дремлют: на оборонительной линии работали тысячи бородатых людей в рубашках, женщины в коротких юбках и в красных платках на головах и даже дети. Глядя на ослепительно белые здания и верхи церквей, обитые золоченою медью, сверкающею на солнце тысячами огней, на корабли с белыми и черными полосами и на извивающуюся линию траншей и бастионов, Канробер некоторое время молчал, погружившись в глубокую задумчивость, охваченный смущением и тревогою.

Чем более затягивалась осада, тем положение Канробера становилось все тяжелее и тяжелее. Будучи любимым войсками, он, однако, с самого начала не сумел поддержать свой престиж среди своих быв-

ших товарищей, дивизионных генералов, во главе которых его поставила смерть Арно. Да это было и нелегко. Боске держался в стороне, но при случае выказывал самостоятельность. Форе и принц Наполеон отличались тяжелым характером; Форе, кроме того, был нелюбим солдатами, хотя, по отзыву Канробера, это был опытный и энергичный генерал. Правда, на его долю выпало самое тяжелое: командование осадным корпусом.

Положение главнокомандующего еще более осложнилось во время второго бомбардирования. Во время последнего, когда союзные батареи бросили в Севастополь 160 тысяч бомб и ядер, пять раз собирався совет союзных главнокомандующих, и всякий раз штурм откладывался за отсутствием ощутительных результатов обстреливания.

Между тем специальные начальники подали свое соображение, в котором объяснили, что более они ничего не могут сделать для ускорения осады и что необходим штурм передовых укреплений. Канробер условился с Рагланом штурмовать 16 (28) апреля. На смотру 11 (23) апреля, после прохода каждой дивизии, главнокомандующий подзывал к себе офицеров и говорил:

— В скором времени мы пойдем на штурм; если нам не удастся войти в Севастополь через дверь, мы ворвемся в окно! Повторите это солдатам...

О необходимости штурма Канробер писал и военному министру, а корпусным командирам было приказано иметь в виду все необходимое для обеспечения успеха. Пелисье, который должен был штурмовать городскую сторону, не имея точных сведений о внутренней обороне города, решился овладеть тремя бастионами и в них держаться. Боске должен был атаковать Корабельную сторону, но к штурму готовился мало, из чего Канробер заключал, будто тот имел сведения, что штурм не состоится. Действительно, 13 (15) апреля главнокомандующий был извещен о сформировании резервного корпуса в Константинополе, с настоятельным требованием ничего не предпринимать до его прибытия.

Между союзниками стали возникать недоразумения; англичане обвиняли французов, что они недостаточно энергично продолжают осаду. Раглан требовал хоть частного штурма Камчатского люнета. Но под давлением формального приказа императора — дожидаться резервов и тогда уже предпринять сразу большую операцию — Канробер отказал. Стесненный в своих действиях, то назначая, то отменяя штурм, он чувствовал, что теряет авторитет. Последним событием, еще более повредившим Канроберу, была морская экспе-

диция в Керчь адмирала Брюса, на которую он согласился по настоянию Раглана.

Но Тюльери было соединено с главной квартирой телеграфной проволокой, и главнокомандующий получил повеление не развлекаться мелкими экспедициями, а послать эскадру Брюса в Константинополь за резервным корпусом. Канробер не знал, что делать, и в конце концов на небольшом пароходе приказал догнать эскадру, которая уже была в море, и вернуть ее в Камьшевую бухту.

Это была самая крупная ошибка с его стороны; она отразилась на всей его дальнейшей карьере и заставила его вскоре отказаться от командования. Хотя он был любим и уважаем войсками, тем не менее укоренилось убеждение, что он не может быть главнокомандующим. Незадолго до своего увольнения Канробер, желая выполнить приказание императора, просил Раглана обсудить план Ниеля, но переговоры не привели ни к чему. Положение его становилось все тяжелее и тяжелее: сплетни, клеветы и несогласия расстроили ему нервы; решительность и ясность взгляда стали ослабевать; пост главнокомандующего сделался ему противен. Оставалась одна надежда — на доверие императора, но и эта надежда скоро испарилась. Один из приближенных Наполеона, подполковник Фаве, постарался довести до сведения Канробера о неудовольствии императора и желании от него отделаться.

Несколько раз Канробер намеренно выставлялся в траншеях под выстрелы. 1 (13) мая, пригласив к себе Пелисье, он показал ему приказ военного министра, по которому, в случае несчастья, он должен был его заменить, и просил сделать это сейчас же.

— Я не могу принять этот приказ, — говорил Пелисье, — я могу его взять только на вашем гробе или когда увижу вас на носилках тяжело раненным. Послушайте меня и не поддавайтесь временному возбуждению. Ступайте, прокатитесь верхом, дохните свежим воздухом, верните вашу энергию... Я всегда вас знал сильным и твердым в опасности.

Но Канробер настаивал, говоря, что изверился в успехах правильной осады и что, передав Пелисье командование армией, примет опять свою старую дивизию.

В конце концов Пелисье должен был согласиться; Канробер по телеграфу просил об увольнении, и просьба была принята. Добившись своего, Канробер успокоился и даже повеселел. Как тогда, так и впоследствии он говорил, что Пелисье наиболее подходит к роли главнокомандующего, в особенности при такой обстановке. И действительно: Пелисье решился не выполнять плана императора, находя это невозможным, а продолжал с удвоенной энергией осадные дейст-

вия. Затем он восстановил авторитет главнокомандующего среди генералов. На другой же день по вступлении его в должность Боске было приказано представить соображения о штурме передовых укреплений на Корабельной, и, когда тот замедлил с ответом, главнокомандующий ему напомнил, что если через четыре дня диспозиция не будет представлена, то штурм будет поручен другому. Боске подчинился.

Более продолжительна была борьба с Ниелем*, замесившим смертельно раненного генерала Бизо. После целого ряда мелких столкновений Пелисье вспылил и сказал Ниелю:

— Я не признаю в армии генерал-адъютантов в роли блюстителей планов и идей императора; здесь есть только один главнокомандующий и его подчиненные; вы один из последних, и ваше дело повиноваться. Если вы будете так продолжать, я приму против вас суровые меры и насильно посажу вас на корабль... Кроме того, помните, что вы не имеете права сообщаться с императором без моего посредства!

С Канробером Пелисье был всегда в хороших отношениях и никогда не отказывался от его советов. Он разделял идеи Канробера, что план войны должен заключаться в овладении Севастополем, считая это необходимостью.

«При том условии, что под крепостью, — говорил Канробер, — собрано огромное количество материала, а недостаток перевязочных средств и свойства почвы не дают возможности предпринять дальний поход; при условии, что существование армии связано с флотом, и, наконец, ввиду того, что союзники, от которых мы не можем и не должны отделяться, не в состоянии что-либо предпринять, — мы самою силою вещей приковываемся к Севастополю. Надо им овладеть, раз обстоятельства ставят армии в невозможность сделать что-либо другое...»

Пелисье много раз был в делах в Африке, в роли то начальника штаба, то командующего войсками. Преобладающим качеством его характера была непоколебимая решительность. По мнению Канробера, после маршала Бюжо это был лучший французский генерал.

Он был хорошо образован, уверял, что знает греческий язык, сочинял латинские стихи, но чаще французские, посвящая их дамам. Он очень хорошо сочинял свои письма и донесения. Его речь отличалась остроумием и неожиданными выходками; своим гнусавым голосом он говорил иногда очень неприятные вещи, но если ему возражали в том же насмешливом тоне, то он хохотал и говорил:

— Этого, я вижу, не удивись!

* Впоследствии начальник инженеров под Севастополем, а затем военный министр.

К сожалению, в своих грубостях он бывал иногда глубоко несправедлив, хотя и старался поправиться. Войскам он показывался редко: из-за грузного тела и коротких ног ему тяжело было ездить верхом. В это время ему был уже 61 год.

Возвращаюсь к своему рассказу.

На другой день, 29 августа, не успев еще отвыкнуть от севастопольской жизни, я встал очень рано. Часов около семи к нашим палаткам подъехало несколько огромных крытых фургонов, запряженных шестеркою громадных лошадей с толстыми мохнатыми ногами. Я никогда не видел таких лошадей. Над колесами этих высоких зеленых фургонов была надпись: «*équirage militaire*».

Около девяти часов мы разместились по фургонам. Наконец они тронулись, и скоро главная квартира французской армии осталась за нами. Никто не знал, куда нас везут, но все думали, что мы едем во Францию, и мысль о путешествии по известным местностям, незнакомым городам казалась мне очень заманчивою и весьма привлекательною. Хотя для такого дальнего путешествия у нас ничего не было необходимого, но мы верили в заботливость наших неприятелей-французов и были спокойны. Да мы и могли быть спокойны уже потому, что французский офицер из главной квартиры, распорядившийся нашим отъездом, говорил нам: «Все, господа, обдуманно и соображено. Здесь вы позавтракали и приедете на корабль прямо к обеду». Из одного этого уже легко понять, как относились французы к пленным.

Долго мы ехали. По бокам фургонов скакали галопом жандармы. По дороге, то с одной, то с другой стороны, на полях открывался вид на лагерь союзников: мелькали батареи, земляные валы, рвы, заготовленные, вероятно, на случай отступления. Мы едем дальше, и вдруг из-за плоского холма показалась часть строений Севастополя. Я смотрел на город, и мне стало грустно в этот момент последнего прощания с Севастополем. Вспомнилось все, что так дорого стоило нам, вспомнилось тяжелое время обороны, томительные месяцы, дни, часы, минуты, навсегда врезавшиеся в память каждого, кто их пережил.

Наконец показался Камыш с пестрою массой своих разноцветных домов, а по шоссе, где мы ехали, скучилось столько народа, что фургоны двигались шагом. Вдали за домами виднелся целый лес мачт с Камышевою бухтой, и за нею сверкало широкою синею полосою море.

Камыш принадлежал к числу тех возникающих в несколько дней городов, которые создаются только условиями походной жизни большой армии. Вдоль улиц тянулись ряды деревянных, довольно больших барачных домов, построенных большею частью под лавки и

торговлю. Всюду пестрели яркие надписи вывесок. Перед окнами многочисленных кафе и ресторанов сидели за маленькими столиками представители чуть ли не всех наций; слышались говор, вскрикивания, женский хохот, звон бутылок и стаканов; дым папирос, сигар и трубок синеватыми кругами расходился в воздухе. По мостовой движется разношерстная толпа, гремят фуры, телеги, несутся дилижансы. Звучат всевозможные языки, не исключая и турецкого. Кое-где группы праздных зевак замедляли на мгновение непрерывный ход людского потока. На каждом шагу попадаются группы французов, в синих шинелях и красных брюках; выступает зуав в своих красных широких восточных шароварах и расшитой пшурками синей куртке нараспашку; видно симпатичное лицо матроса со шляпой на затылке и с трубочкой в зубах; мелькнет полосатая рубаха купеческого моряка; бросается в глаза рослая фигура неповоротливого, раскормленного английского солдата; резким пятном выделяются разноцветные плащи алжирских стрелков; английские и французские офицеры в разных мундирах, шотландцы, сардинцы, купцы в штатском костюме, фабричные в блузах, лошади, огромные фуры, мулы — все это рябит в глазах, переливается всевозможными сочетаниями красок и цветов, суетится и куда-то спешит.

А вот мчится изящный кабриолет. В нем сидит хорошенькая женщина под маленьким зонтиком, в белой шляпе, а за нею скачет целая кавалькада офицеров в разных мундирах.

Своеобразны были картины жизни в Камьппе. Здесь все дышало довольством и комфортом.

Около самой пристани мы остановились. Меня давно уже мучила жажда, и я предложил товарищу, тоже юнкеру, купить пополам бутылку вина. Тот согласился, позвал стоявшего вблизи жандарма, дал ему золотой и попросил купить бутылку вина вместе с жестяной кружкой. Жандарм взял деньги и ушел. Ждем. Прошло около получаса. Ни жандарма, ни вина не показывалось. Окружающие советовали мне с товарищем оставить всякую надежду и проститься с золотым: жандарм всегда мог отговориться тем, что запоздал. Но честный француз вернулся, запыхавшись, за несколько минут до нашего отправления и принес, кроме требуемого, оставшиеся деньги. Наградили его маленьким золотым в 5 франков, жалея, что не могли дать больше. Наконец нас пригласили выйти из фургонов.

Огромная толпа тотчас обступила нас, забегала вперед, рассматривала наши старые шинели, так что мы с трудом пробирались сквозь нее на пристань, где нас ожидал небольшой коммерческий пароход. Разместились, и пароход отвалил от пристани, направляясь к выходу в море.

Камышевая бухта была вся загромождена судами. Этот незначительный залив быстро превратился в большой коммерческий порт. Всюду по рейду скользили шлюпки; на мачтах судов развевались флаги разных национальностей. Мы вышли в море. Вдали показались неприятельские корабли, начал исчезать крымский берег, занятый французами; виднелись укрепления на Южной и Северной стороне Севастопольского рейда.

С невыразимо тяжелым чувством смотрел я, как исчезал и точно таял на моих глазах Севастополь. Наконец наш пароход подошел к борту двудечного корабля «Charlemagne», через порты которого выглядывали из-за орудий французские матросы. По трапу мы вошли на палубу, где нас встретили и приняли морские офицеры. Они сейчас же пригласили нас в кают-компанию, где был накрыт роскошно сервированный обеденный стол, и занялись размещением нас по каютам. На палубе раздался сигнал «к обеду», и мы с французскими моряками сели за стол. Обед был прекрасный: из пяти-шести вкусно приготовленных блюд, с зеленью в различных видах. Французы рассыпались в вежливостях, говорили комплименты, угощали нас отличным вином, сами разливали его по стаканам и извинялись, что им из главной квартиры поздно сообщили о прибытии пленных на корабль. Но обед был такой, какого мы никогда не могли предвидеть за все время нашей незатейливой жизни в Севастополе.

После обеда любезные французы, зная, что русские большие любители чая, с радушною внимательностью предложили нам этот напиток и глинтвейн. Словом, наши милые неприятели обходились с нами, как самые искренние, сердечные друзья. За обедом мы были молчаливы и, можно сказать, даже чересчур скромны на первый раз. Но уже к вечеру, сидя перед стаканами вина, наше общество оживилось, сблизилось, и мы провели время очень весело.

Французские моряки развлекали нас всеми способами. Один из них декламировал, другой хорошо играл на скрипке и пел народные песенки. Говорили о французенках, маскарадах, о береговой жизни в Тулоне — и ничего о севастопольских бастионах и нашем плене. Да и зачем было наводить нас на грустные мысли? Довольно мы помучились на Малаховом кургане. Быть может, многие подумают, что в плену не следовало веселиться. Но что же делать, если нельзя было сучать в обществе весельчаков-французов...

Ночь была тихая, пережитое навсегда кануло в вечность, будущее обещало много нового, еще не испытанного. Около 12 часов мы отправились спать в каюты. Моя постель была уже приготовлена, покрыта тонким, чистым блестящим бельем, с теплым одеялом. Вся обстановка ничем не напоминала мне о севастопольских ночлегах. На

другой день утром встали мы рано. Дул сильный норд-ост, погода была плохая. В кают-компании матросы приготавливали чапки и кофейники. Французские офицеры собрались, и мы пили чай и кофе. Французы говорили о погоде, сырой, дождливой, туманной, о противном ветре и сигналах адмирала, начальника эскадры. Мы не могли идти в Константинополь и простояли на рейде перед Севастополем еще дня три, выжидая благоприятной погоды.

Обстоятельства, которые задержали нас в Севастополе, заключались в следующем. «Charlemagne» был 84-пушечный винтовой корабль. Во время первого бомбардирования Севастополя, 5 октября, пятипудовая мортирная бомба с форта «Константин» попала в машинное отделение корабля и сделала в нем такое значительное повреждение, что «Charlemagne» ходил для исправления во Францию. Машину там не вполне исправили, и, по возвращении в Севастополь, в ней снова обнаружилось недостатки. Это и задержало нас в Севастополе, не позволяя выйти под парами в море.

При осмотре корабля мы заметили, что над входным трапом в машину подвешена русская бомба, осколки которой французы собрали, сложили вместе, связали полосовым железом и подвесили, в память этого случая, в машинном отделении. На бомбе красовалась надпись: год, месяц и число, в которое она к ним влетела. Замечательно, что при этом никто из машинной команды не был ни ранен, ни убит, и все дело ограничилось повреждением некоторых частей механизма.

Когда мы спросили сопровождавших нас французов, что же они делали после разрыва бомбы, они отвечали, что сию же минуту прекратили стрельбу, снялись с якоря и ушли в море. Таким образом, цель нашего выстрела была все-таки достигнута. Большой двудечный корабль вышел из строя. Разумеется, было бы эффектнее, если бы эта самая русская бомба попала не в машину, а в крюйт-камеру или бомбовый погреб.

Но вот, наконец, наступил день нашего ухода из Севастополя. На корабле пошла суматоха, все напоминало о предстоящем плавании. Мы снимались с якоря. Французские офицеры были заняты службой. В кают-компании никого из них не было. С раннего утра слышалась звонкая команда, раздавались свистки боцмана и морских унтер-офицеров. Поднимали катера, шлюпки; перетаскивали якорные цепи, тащилась с шумом по шкивам какая-нибудь снасть, раздавался топот матросов, выхаживавших под барабан якорь. Все было в работе. Ветер усиливался, становясь попутным. Огромные паруса корабля надулись, за кормою зажурчала струя воды. Один за другим раздавались выстрелы прощального салюта. Мы расстались с зали-

тым кровью уголком русской земли, за который было пролито столько слез на необъятном пространстве нашей родины.

На третий день, к вечеру, «Charlemagne» входил в Босфор. Солнце уже садилось. Прямо перед нами выступал и тянулся холмистый, покрытый изумрудной зеленью берег, разрезанный блестящею, серебристою полосой пролива. При самом входе в пролив по сторонам его возвышались башни с развевающимися на них флагами. Тут же виднелись развалины покинутых турецких укреплений. Тихо мы шли в проливе, чертя ломаную линию, проходя от одного берега к другому. На холмистых берегах поднимались задумчивые кипарисы и стройные тополи, напоминая малахитовые колонны. Повсюду, как будто из воды, выросло множество затейливых рыбацких домиков, местами виднелись великолепные здания и дворцы посланников. Иногда холмы вдруг пустели, и между реденькими кипарисами или в тенистом, прохладном лесу выглядывали минареты и большие надгробные камни старинных кладбищ.

Наконец пред нами показался Константинополь. По холмам грохотались тысячи больших и небольших домиков странной архитектуры, с плоскими крышами. Воздушные минареты мечетей с какой-то негой высились над морем зданий и тонули в глубокой лазури чистого вечернего неба. Пролив был усеян множеством военных судов. Беспреданно проходили набитые народом пароходы. По всем направлениям сновали легкие турецкие лодочки-кайки; мерно шли, разом вспенивая воду рядом весел, военные шлюпки. Мы поравнялись с мечетью Св. Софии, и «Charlemagne», новый гость Константинополя, зашумел на весь пролив своей рваншеюся за борт якорной цепью.

Турки окружили «Charlemagne» на своих кайках с массою различных фруктов. Нам принесли несколько корзин винограда, винных ягод, фиников, изюма и миндаля. Все это только что было снято с деревьев — с обломанными ветками. Французы нас радушно угощали перед отъездом. Здесь мы узнали, что не поедем во Францию, а остаемся на время в Константинополе.

Грустно нам было расстаться с хозяевами «Charlemagne». За эти шесть дней мы с ними сблизились, сдружились. Среди разнообразных удовольствий время летело быстро и незаметно. На другой день к борту «Charlemagne» подошел английский пароход. Мы искренно и сердечно благодарили французских офицеров за их радушный прием и внимание, обещали друг другу писать и надеялись непременно увидеться с ними во Франции. Взглянув в последний раз на «Charlemagne», мы спустились по трапу на ожидавший у борта пароход, который и доставил нас на Принцесвы острова в Мраморном море.

X

В плену на острове принца Жуанвильского. — Монастырь Св. Николая. — Деревня. — Гостиница Джаакомо. — Капитан Лагерр. — Польская любезность. — Заботливость Вел. Кн. Константина Николаевича. — Убийство солдата

Около трех часов английский пароход высадил нас на деревянную пристань острова принца Жуанвильского, самого большого из всего архипелага Принцевых островов.

День был превосходный. Полуденный зной приятно смягчался ласковым, прохладным ветром Мраморного моря, дыханием только что начавшейся южной осени. С моря остров казался пустынным, и нам невольно стало грустно за будущее. А когда мы вышли на берег, то, в сравнении с дивными пейзажами Константинополя, он произвел на нас впечатление почти что тюрьмы. На скатах и гребнях холмов зеленел колючий, сухой кустарник; узкая тропинка бежала, прихотливо извиваясь по склону, куда-то вверх; внизу стлались приземистые кусты заброшенного виноградника; среди монотонного шума иглистых сосен и рокота набегающих на берег волн одиноко белели два небольших каменных здания да какой-то колодец. Оказывается — греческий монастырь Св. Николая. «Однако, — подумали мы с товарищами, теми самыми, с которыми покупали вино, — после севастопольской жизни, и вдруг монастырь! Хороши французы, нечего сказать!»

К нам подошло несколько французских офицеров и переводчик и разделили нас на две партии: старших и младших. Разница оказалась весьма существенной. Старших немедленно попросили занять приготовленные для них квартиры в близлежащей деревне, а нам, младшим, пришлось расстаться с товарищами. Помещений для нас еще не успели подыскать и оставили ночевать в монастыре.

Часа через два к нам, младшим, подъехал верхом заведывающий пленными, капитан Лагерр, и сообщил, что в пределах острова мы вполне свободны и можем уходить, куда нам угодно.

— Что же касается ночлега, — прибавил капитан, — то вас ждет уже, господа, чистая постель и добрый ужин в монастыре.

Воспользоваться свободой большинство не пожелало: дадут ужинать и есть на чем заснуть — чего же более, решили они и вместе с французскими офицерами направились в монастырь. Я с товарищем сначала хотел последовать их примеру, но потом отдумал и отправился вдвоем по дороге в деревню.

Вечерело. Мы шли берегом, прислушивались к однообразному плеску и ударам волн в прибрежный песок. Обточенные морем камешки хрустели и скрипели под ногами. Взобравшись на вершину холма, мы остановились полюбоваться видом утопавшего в зелени монастыря. Особенно восхищался мой спутник, совсем забыв о том, что наш путь далеко еще не кончен.

— Если мы хотим заночевать под открытым небом, — не выдержал, наконец, я, — так нам только нужно почаще восторгаться красотами природы да, пожалуй, еще умерить шаг!

Мое замечание подействовало, и мы прибавили хода.

Только что поднялись мы на следующий холм, как перед нами точно из земли выросла целая кавалькада; несколько дам на малорослых осликах и два или три кавалера. Поравнявшись с нами, одна из дам уронила хлыстик. Мой товарищ быстро поднял его, подал ей и получил признательное «евхаристо (благодарю), капитане!» Это были греки. Я поздравил приятеля с чином капитана, и долго еще не могли мы забыть этот первый для нас, после севастопольских страданий, проблеск мирной, далекой от военных бурь жизни.

Уже стемнело, когда между деревьями замелькали огоньки домов. Мы вошли в широкую, обсаженную бульваром улицу; вдоль нее темнели громады каменных домов. Все это весьма мало подходило под наше понятие «деревни». Мой спутник выразил сомнение, удобно ли будет показаться здесь в наших невозможных шинелях и растерзанных сапогах. Но я поспешил напомнить ему — он был годом моложе меня, — что мы в плену и прибыли сюда не из дому, а с батареи Севастополя. Остановившись перед ярко освещенным четырехэтажным домом с небольшим, отделенным от улицы чугунной решеткой садиком, мы скоро убедились, что это — гостиница. Вошли и спросили себе обед. Лакей проводил нас в общую залу, где за длинным, хорошо сервированным столом сидело довольно многочисленное общество за обедом. Разговоры на секунду смолкли, и взгляды всех устремились на наши, вероятно, очень сконфуженные лица и фигуры. Но шинели и подвязанная рука моего товарища скоро разъяснили присутствующим, кто мы и откуда. Быстро завязались знакомства, оказавшиеся, как, например, с одним греком М., достаточно прочными. Обед прошел для нас очень занимательно и весело. Оказалось, что «деревня» была летней резиденцией богатых константинопольских негодяев, так что о «монастырской» скуке не могло быть и речи. Только поздно вечером добрались мы до монастыря и с наслаждением растянулись на наших постелях.

Комнаты монастыря, занятого французами и нами, утратили всякие следы пребывания в них монахов. Нигде не видно было ни образ-

ка, ни распятия, ни какой-нибудь книги Св. Писания. Даже в погребке, где хранились прежде монастырские запасы, не оказалось ничего, кроме сена и валявшихся на нем французов.

Я пошел посмотреть церковь. Она стояла в тени, и под сводами ее, несмотря на раскрытые настежь готические окна, стояла приятная прохлада. Внутренность церкви вполне напоминала православные храмы: те же клиросы, царские врата, аналой с полустертым образом Николая Чудотворца. Но все это — бедное, покрытое пылью, объемное тишиной покинутого здания.

Около трех часов мы с товарищем отправились в деревню. День был чудный. Жаркое солнце играло на пестрых летних нарядах дам; нам много их встретилось по улицам, с зонтиками всевозможных оттенков. Темными от высоких, красивых домов переулками мы выбрались, наконец, к морю и с наслаждением вдохнули полную грудью напоенный запахом морских трав воздух. На самом краю берега стоял небольшой двухэтажный дом с выдавшейся в море терраской на сваях; под крышей красовалась огромная надпись: «Гостиница Джаакомо». Как раз за домом виднелся зеленым пятном остров Халки, противоположный нашему*. Перед островом высились мачты французского сторожевого фрегата «Pandore», а вдали, на самом горизонте, едва заметную полосой зданий выступал Константинополь. Все это весело, очаровательно ласкало глаз.

Вообще, надо сказать, что виды и панорамы острова, предназначенного служить нам временной «тюрьмой», были до того хороши и разнообразны, что любой художник согласился бы жизнь прожить в такой тюрьме. Заросшие непроглядной зеленью балки, глубокие обрывы и овраги с журчащими на дне их ручейками; странной формы валуны по берегам; живописно раскинутые рыбацьи хижины, окруженные серым облаком сетей и точно выросшие со дна морского, — все это до такой степени гармонировало между собой, что с первого взгляда могло даже показаться искусственным, наподобие наших помещичьих затей доброго старого времени.

В гостинице «Джаакомо» жили наши уже помещенные в деревне товарищи: начальник Малахова кургана П. А. Карпов и все старшие из взятых в плен офицеров, так что гостиница сделалась как бы штабом для пленных. Французы паняли ее для нас всю целиком, и платы за квартиру вносить не приходилось. Мы перекинулись несколькими словами о нашем новом положении с нашими же солдатами, которые

* У англичан на этом острове было несколько пленных офицеров, но все они лишены были свободы, им не разрешалось посещать Константинополь и наш остров. Мы с ними никогда не виделись. Денежного содержания во время плена офицеры получали более, чем мы у французов.

стояли у ворот с сапогами и щетками в руках, — пленные офицеры взяли их в денщики, — и вошли в общую залу, где посредине стоял длинный, уже накрытый для обеда стол. Через несколько минут зала наполнилась нашими товарищами. Мой спутник и сожитель, юнкер, вдруг заявил, что он обещал быть в другом месте и не может остаться обедать. Мы хором высказали несколько подозрений: посыпались намеки и шутки; но он, краснея и отбиваясь, все-таки исчез, а я стал обедать. Обед этот, первый обед на месте нашего заключения, прошел очень оживленно и весело. Тем для разговора было много, а откровенность одноплеменных людей, переживших вместе не одну тяжкую минуту и заброшенных теперь в чужую страну и народ, придавала неиссякаемый интерес каждой рассказанной истории, каждому переданному вслух случайному впечатлению... В монастырь я не вернулся, а остался ночевать в деревне: наша беседа затянулась до позднего вечера, а идти мне было довольно далеко.

Через два дня после этого нас, пленных, окончательно соединили под одной кровлей, переведя живших в монастыре к прочим в деревню. После долгой бивачной и бездомной жизни у каждого оказалась, наконец, своя комната, своя постель, свой шкаф. Мы переселились — одни из гостиницы «Джиакомо», другие из монастыря — в небольшой двухэтажный домик. Верхний этаж заняли офицеры, а в нижнем была широкая лестница и одна большая комната в четыре окна, под которыми росли великолепные кусты роз. В этой-то комнате и поселили меня с товарищем-юнкером. Вся мебельровка заключалась пока в двух железных кроватях. Наверху раздавали уже и все необходимое к ним: тюфяки, подушки, одеяла; там хлопотали упомянутый выше капитан Лагерр и несколько других французских офицеров, занявшихся нашим хозяйством. Тюки белья, ящики жестяной походной посуды, свертки и пакеты с различными предметами домашнего обихода в беспорядке загромождают комнаты; постепенно их со стуком и грохотом разбирают по разным помещениям, распаковывают, переписывают и вручают по принадлежности. Один из французов сообщил мне, что мы будем получать по 200 франков в месяц, кроме ежедневной выдачи хлеба, мяса, бобов, риса и прочей зелени, — словом, ежедневного офицерского пайка французской армии. Затем нам полагались еще и дрова, так что жизнь на острове была для нас более чем обеспечена. Оставалось только устраиваться, что я сделал с помощью нашего солдата, данного мне в денщики.

По дощатым стенам нашей комнаты ползало несколько огромных пауков, которых я принял за тарантулов и предал немедленной смер-

ти. Как оказалось впоследствии, они действительно были ядовиты, хотя к тарантулам и не принадлежали.

Наш дом стоял в одном из живописнейших уголков деревни. Мимо окон змеилась тропинка к монастырю Спасителя, и с нее открывался чудесный вид на веселые группы потонувших в зелени домов и дач и на дикие окрестные холмы. На их высоких вершинах приветливо зеленели сосны; по склонам, покрытым сухим и колючим кустарником, серели тысячи ноздреватых камней, выглядывавших из-под своеобразной растительности; у самой подошвы тянулись виноградники, то окаймленные сплетенной из лозы изгородью, то украшенные беседкой, что вся обвита широкими листьями винограда.

Из-за невысокого вала, шедшего вдоль тропинки, показывалась по временам фигура греческого поселянина в расшитой пшурками куртке и широких «шальварах»; впереди него взбирается на пригорок навьюченный ослик. Иногда пройдет грациозная девушка-гречанка за водой, с классическим кувшином на голове. А на самом высоком холме, близ монастыря Спасителя, сюда слышно, как шелест кипарисы.

На третий день после переезда, часов около пяти вечера, мы все получили приглашение явиться в гостиницу «Джиакомо» за получением жалованья. Это была новая и весьма крупная любезность со стороны французов, которые, вполне понимая, как нужны нам были деньги, особенно на первых порах, выдали нам жалованье за месяц вперед.

Около шести часов зала гостиницы «Джиакомо» была уже переполнена. Всем было весело. Оживленный говор стоял в комнате. Ожидали капитана алжирских войск, Стюарта. Французы, зная его за поляка, думали доставить пленным русским удовольствие присутствием одного из их братьев-славян и назначили Стюарта состоять при пленных. Одною из его обязанностей была и раздача жалованья.

Капитан не опоздал и явился аккуратно в назначенный час, не сделав при входе в залу общего поклона, что счел бы непременно долгом любой французский офицер и что, как вежливость, не могло быть лишним.

Поставив в угол свою суковатую палку, с которою, по-видимому, никогда не расставался, капитан разложил на столе расчетные книги и обратился с несколькими ровно ничего не значащими вопросами к старшим офицерам. Очевидно, он желал «досконально» сыграть роль власть имеющего и заставить-таки подождать себя. Кончив с вопросами, он погрузился в задумчивость. Затем, не торопясь, уселся в самой непринужденной позе за стол, велел принести свечи, вытянул из кармана туго набитый деньгами мешок и принялся расставлять золотые в столбики. Прodelал он всю эту операцию очень аккуратно,

спокойно, наслаждаясь ровностью столбиков, как истинный художник, и заботливо поправляя какой-нибудь выскочивший вперед краешек монеты.

Наконец стол покрылся надлежащим количеством блестящих столбиков из наполеондоров (20 франков).

— Пенендзе, панове! — провозгласил капитан.

Мы встрепенулись от неожиданно громкого возгласа, и невольно внимание всех устремилось на стол.

— Пан такой-то! — продолжал капитан.

Переключка и раздача начались, разумеется, со старших. Число столбиков медленно уменьшалось. Каждый с нетерпением ждал возможности удалиться.

— Пан такой-то! — раздался голос капитана, и, как нарочно, пана такого-то и не оказалось в этот момент налицо. Несколько уже получивших жалованье офицеров отправились его разыскивать. Очередь не прерывалась, и Стюарт продолжал раздачу жалованья лицам, записанным ниже отсутствующего. Последний скоро явился и, взволнованный нечаянной отлучкой, подошел к столу. Тогда пан капитан сделал ему громкий и резкий выговор. С первых же слов Стюарта в зале настала мгновенная тишина. Большинство из нас не говорило по-польски, но смысл и некоторые выражения капитана, вроде запальчивого «до арешту, до арешту!», были всем более чем понятны. Самые разнообразные ощущения охватили нас. Сразу все точно вспомнили, что они — пленные, хотя капитан на этот раз, очевидно, спутал положение военнопленных с положением каких-нибудь преступников. После крайней вежливости, снисходительности и любезности французов обращение капитана Стюарта не могло не показаться нам наглым. А несправедливый и бесправный выговор нашему товарищу явно обнаружил чисто личное нерасположение к нам Стюарта, как поляка по отношению к русским.

Но дальнейшее существование на острове скоро изгладило впечатление от этого неприятного инцидента; чудный климат, дачный образ жизни, совершенная материальная обеспеченность слишком манили отдохнуть и забыться после севастьяпольской страды. Особенно памятны мне дивные южные вечера и ночи, когда по улицам всюду вспыхивали фонарики, воздух, наполненный звуками музыки, говором и смехом, делался раздражительно мягок и душен, а на темном небе дрожали огромные звезды.

Не менее благотворно подействовала на нас и нравственная поддержка, оказанная нам родиной в лице покойного генерал-адмирала, Великого Князя Константина Николаевича. От его имени пленным морякам несколько раз присылались значительные для нас суммы де-

нег, которые были нам дороги не столько своею материальной ценностью, сколько теплою заботой Великого Князя о своих заброшенных за тысячи верст на чужбине соотечественниках. Эта почти отеческая заботливость генерал-адмирала простиралась до того, что по его распоряжению через нашего посланника в Вене, господина Демидова, некоторым из нас, в том числе и мне, был прислан Высочайший приказ о производстве в офицеры или награждении орденом. Чуткая душа Великого Князя знала, как приятно нам будет почувствовать, что в России не только не забыли о нашем существовании, но и ценят нашу севастопольскую службу, какова бы она ни была.

Дни тянулись в прежнем порядке. Нам снова, через месяц, выдавали жалованье, и на этот раз дело обошлось без всяких историй. Деньги у всех нас были, завязались знакомства, — словом, жаловаться было не на что. Эти мир и спокойствие были неожиданно нарушены крайне печальным происшествием. Разнесся слух, вскоре обратившийся в несомненную истину, что в лагере наших пленных солдат случилось убийство и убийца, судя по всем данным, русский же солдат. Капитан Лагерр явился к П. А. Карпову с просьбой предложить кому-нибудь из русских офицеров быть переводчиком на следствии по этому делу, так как своего переводчика у французов в то время не оказалось. П. А. Карпов указал, переговорив с товарищами, на моего приятеля юнкера В., как изъявившего согласие занять на время должность переводчика. В. отлично владел французским языком и превосходно сыграл роль переводчика. Дальнейший рассказ об этом случае я представляю ему самому, как одному из близких участников всего дела.

— Теперь мы займемся делом, — сказал мне после завтрака капитан Лагерр. — В деревне вы, я думаю, привыкли вставать поздно: здесь вам придется отвыкнуть от этого. Я встаю каждый день в четыре часа и со списком в руках отправляюсь в лагерь. Там я перекликаю ваших солдат и тогда только успокаиваюсь, когда убеждаюсь, что они в палатках все налицо. Теперь это будете делать вы, и я вам советую составить для себя новый список на русском языке. После перекички мы до обеда каждый день будем заниматься устройством лагеря. Солдаты ваши вообще работают неохотно. Вы объясните им, что эта работа необходима, что рвы и ровики, которые они копают кругом своего лагеря и своих палаток, необходимы для предохранения от воды, падающей с холма, на скате которого расположен лагерь... Но все эти занятия у нас впереди. Теперь мы займемся розысками о вашем убитом солдате, и я даю вам честное слово, что выпрошу позволение расстрелять убийц перед всеми пленными...

— Как же вы узнали об убийстве? — спросил я капитана.

Он рассказал мне, что за два дня моего приезда в монастырь некоторые из пленных солдат взяли у него позволение отправиться гулять по острову. Когда солдаты возвратились, они знаками передали, что в отдаленной части острова видели труп кем-то убитого своего товарища. Капитан посылал с ними своих жандармов, и жандармы подтвердили их показание.

— Теперь мы начнем дело с того, — закончил капитан свой рассказ, — что, взяв с собой доктора, жандармов и еще кого-нибудь из офицеров, отправимся на место убийства и составим акт.

В комнату вошли два жандарма в длинных синих сюртуках и синих брюках, с беленькими аксельбантами на плечах. Капитан послал их за доктором и кем-то из своих офицеров, и они вскоре вернулись с поручиком Шилэ и доктором. Мы прошли через лагерь наших солдат, и скоро перед нами потянулись пустынные холмы острова. Дороги здесь не было, и мы шагали через камни и кустарники.

Солдаты наши, отыскавшие труп, были тоже с нами; чтобы разузнать что-нибудь об убитом, капитан просил меня заговорить о нем с нашими солдатами. Они действительно его знали. Это был матрос-еврей; в Севастополе он торговал булками и бубликами и успел этим скопить себе довольно большие деньги. Сколько у него было денег, они не знали, только часто видели у него много мелкой серебряной монеты. Они знали, с кем еврей был особенно дружен, и по возвращении в монастырь обещались нам показать его бывших друзей.

Наконец труп был отыскан. Место, где был убит еврей, со всех сторон было окружено высоким и колючим кустарником; мы пробивались вперед, не щадя ни рук, ни лица, и, наконец, очутились перед небольшой грудой камней; на ней, с распростертыми руками и изуродованной головой, лежал наш убитый матрос. Рубашка и платье убитого были изорваны; видно было, что он долго защищался; кругом его тела валялось несколько окровавленных камней; это обстоятельство тотчас обратило на себя общее внимание. Во-первых, оно показывало, каким оружием был убит еврей; во-вторых, оно заставляло предполагать, что убит он был кем-нибудь из пленных. Греки или французы нашли бы, кроме камней, много другого оружия, да им не для чего было бы и убивать еврея: они не могли даже и подозревать, что у него были деньги.

Жандармы подняли несколько клочков пестряди, оторванных от рубашки убитого, и вместе с доктором занялись составлением акта. Капитан Лагерр и поручик Шилэ были только свидетелями.

На другой день, утром, капитан достал из бюро список пленных солдат, и мы отправились в лагерь. Солдаты наши выстроились пе-

ред палатками, и я начал переключку. По списку оказались все налицо. Явились жандармы, и мы перешли к следствию об убитом. Но все наши усилия разъяснить хотя сколько-нибудь дело были напрасны. Боязнь быть запутанными в дело заставляла каждого отвечать: «Не знаю, не ведаю». Капитан выходил из себя. Каждая гримаса, каждое неловкое движение наших солдат казались ему заменительством, мучением совести.

Потом мы пошли осматривать солдатские палатки. Одежда у всех была разбросана по земле; посреди палаток, вместе с французской жестяною кухонною посудой, валялись их сапоги и выточенные ими из дерева ложки.

Прошло еще несколько дней. Наши розыски все еще были безуспешны, как вдруг дело начало раскрываться само собой. Раз после переключки пришли ко мне несколько матросов, единоверцев убитого, и сказали, что подозревают в убийстве одного матроса, который еще в Севастополе был в арестантских ротах. Матрос этот жил в плену в одной палатке с покойным евреем и был с ним дружен. Незадолго до открытия убийства они поссорились, и у них завязалась ожесточенная драка, из которой еврей вышел побежденным. Еврей пожаловался капитану, и матроса за буйство посадили в монастырский подвал. Когда матроса выпустили из подвала, он поклялся при многих свидетелях, что «доймет» чем-нибудь еврея. Слова эти подтвердили после многие из пленных. Некоторые из евреев говорили даже, что за день до открытия убийства видели этого матроса вместе с одним из своих товарищей, тоже бывшим в севастопольских арестантских ротах, возвращающимися очень поздно из той части острова, где было совершено преступление. Все это я немедленно передал капитану.

Подозреваемые тотчас же были посажены под караул, и мы приступили к осмотру их вещей. У одного было найдено много серебряной русской и французской монеты; у другого — замытая белая матросская куртка, на которой еще были заметны кровавые пятна. Им были сделаны соответствующие опросы.

— Деньги я скопил еще в Севастополе, — отвечал один, — и после здесь разменял на французские...

— А я, — отвечал другой, — замарал свою куртку в крови здесь, на бойне.

Однако наши солдаты, бывшие на бойне, не подтвердили его слова; точно так же никто не знал о существовании денег у первого. Капитан сказал, что будет держать их под арестом и ждать признания или новых улик. Однако он не дождался ни того ни другого, и через

несколько дней оба матроса, для примера прочим, были сосланы в Тулон...

Капитан Лагерр называл это «крайними мерами», несмотря на свое обещание расстрелять виновных. Нельзя еще раз не удивиться гуманному и вежливому отношению французов к своим пленным. Наши солдаты вообще вели себя довольно буйно, пользуясь внезапно наступившим для них после военной бури затишьем и обеспеченностью. Дисциплина не могла не ослабеть до последней степени, так как «начальства», то есть своих офицеров, при них не было, а «француза некрещеного» и Бог слушаться не велел. А между тем эти самые «некрещеные французы», видя явное непослушание и частые дерзости со стороны наших солдат, стеснялись прибегать к каким бы то ни было крутым мерам и даже за преступление, которое наказывается по французским уголовным законам смертной казнью, назначили такую сравнительно ничтожную кару, как временные арестантские роты в Тулоне. Мотивом подобного поведения служило, конечно, сознание исключительности положения наших солдат.

Иногда в лагере происходили и комические сцены. Капитан Лагерр, видя неопрятность и неряшливость солдат, применял к ним старинное школьное наказание — ставить на колени. Раз, за какой-то проступок, он поставил солдата на колени и для вразумления надел ему на голову фантастически разрисованный дурацкий колпак из бумаги. Солдат, стоя на коленях в таком головном уборе, смеялся и делал гримасы, от которых остальные солдаты покатывались со смеху. Лагерр подскакивал к нему и кричал: «работ», «хлеб», «вода» — единственные слова, которые знал. В ответ на это солдат, смеясь и кривляясь, говорил всякий вздор, вроде следующего: «Что же это, ваше благородие, сегодня хлеб да вода, завтра хлеб да вода, — ведь этак и черви в брюхе заведутся». За этим, конечно, следовал новый взрыв хохота тут же находившихся солдат. Лагерр, не понимая, в чем дело, выходил из себя и отдавал приказание посадить виновного на три дня в карцер.

XI

Поездка в Константинополь. — Ненависть турок к союзникам. — Приключение с Лазаревым. — Рассказ Лазарева о плене. — Драхенфельс на Малаховом кургане

Все мы, в том числе и я, чуть не каждую неделю ездили в Константинополь, до которого от Принцевых островов было всего около двух часов езды. Помню, как поразил меня вид этого полного истори-

ческих памятников города, когда я впервые увидел его с палубы «Charlemagne». Над массой дворцов и тут же лепившихся бедных хижин величественно высились плоские купола мечетей и острые иглы стройных минаретов. Ослепительно сверкал Босфор, отливая расплавленным золотом под лучами южного солнца. Близко от парохода отлого спускался к морю покрытый роскошной растительностью берег, и дома на нем, с их узорчатыми арками, балкончиками и террасами, казались игрушечными.

У входа в пролив, перед продолговатым, красивой постройки зданием — дворцом султана — виднелось несколько старых, обращенных в понтоны турецких кораблей. На одном из них жил капитан Стюарт и была устроена гауптвахта для французских офицеров, почти постоянно полная, кстати сказать.

Но внутренность города далеко не соответствовала его внешнему виду. Кривые, узкие, грязные улицы, то идущие в гору, то круто обрывающиеся вниз, и немощеные, поросшие травой площади переполнены толпами засаленных европейских матросов и оборванных турок. Невозможные запахи на каждом шагу оскорбляли обоняние. Таково было впечатление от собственно турецкой части города Стамбула. Иная картина разворачивалась в Пере, более европейской части города, расположенной по другую сторону Золотого Рога. Широкие мощеные улицы, ряды экипажей и omnibusов, огромные зеркальные окна магазинов, красивые здания — все обличало здесь руку европейца. Обе части Константинополя соединялись огромным деревянным мостом на понтонах.

Необычайное, никогда, вероятно, не повторявшееся впоследствии оживление царило тогда в столице Оттоманской империи. Здесь были сосредоточены интересы всего мира, как коммерческие, так и военно-политические. Сюда стягивались для осады Севастополя все союзные армии. Французские, английские, итальянские, сардинские войска наводняли и без того многолюдный город, в сопровождении целой орды поставщиков, подрядчиков, интендантов и всякого рода аферистов, как всегда, составлявших необходимую принадлежность и условие передвижения больших армий. Не надо забывать еще, что Константинополь представляет собой один из важнейших коммерческих портов мира, куда свозятся произведения чуть не всех частей света, отчасти для обмена на туземные изделия, а отчасти для дальнейшей отправки. Легко представить себе поэтому, какая жизнь кипела в разноплеменной и разноязычной толпе, наполнявшей бесчисленные площади, улицы и переулки.

Не успеете вы сделать 20—30 шагов, как наталкиваетесь на статную фигуру французского жандарма, что стоит посреди улицы, зорко

смотря по сторонам. Идете мимо караульного поста — у будки стоит французский же часовой. Кажется, будто французы взяли не Малахов курган, а Константинополь. Это, на первый взгляд, странное явление объясняется весьма просто. Хотя, как известно, турецкие войска и осаждали в союзе с прочими Севастополь, однако фанатическая ненависть турок к «неверным», будь то и союзники, оказалась слишком явною и небезопасною. Так как султан не мог, а может быть, и не хотел вселить в своих подданных должного уважения к личности временных друзей-европейцев, то союзники, в особенности французы, заявили турецкому правительству, что сами позаботятся о себе.

Несмотря на принятые ими меры, мне не раз приходилось выслушивать жалобы на ежедневные почти исчезновения французских и английских не только солдат, но и офицеров. Получая (особенно англичане) огромное содержание, они не упускали случая покутить и повеселиться, что было нетрудно благодаря присутствию множества легкодоступных женщин всевозможных национальностей, а затем более уже не возвращались к своим, очевидно, прирезанные в какой-нибудь трущобе и брошенные в мешке в Босфор.

Вот случай, ярко характеризующий слепую ненависть турок к европейцам. Дом русского посольства в Константинополе был занят французами под лазарет для офицеров. Там лежали не только французские, но и наши раненые и больные. Дом этот помещался у самого берега, на набережной. В Константинополь вскоре пришло из Туниса судно с батальоном тамошних войск. Их спустили партиями на берег против места стоянки судна, как раз у дома посольства. Здесь, на набережной, обыкновенно прогуливались выздоравливающие, чтобы не отходить далеко от лазарета. Тут же, когда высадка кончилась, расположились на отдых тунисские солдаты, составив ружья в козлы, в ожидании дальнейшего пути в Севастополь. Все, по-видимому, было спокойно. Как вдруг к одному из французских офицеров (он только что начал поправляться и вышел чуть не в первый раз на воздух) подходит сзади тунисский изувер, выхватывает из-за пояса пистолет и, не говоря ни слова, убивает несчастного наповал. Разумеется, его расстреляли, но убийство все-таки совершилось.

Гораздо более комичное, хотя и очень досадное, происшествие случилось с нами, русскими. Раз как-то мы впятером или вшестером отправились в прославленные турецкие бани. С нами был и только что выздоровевший от тяжелой раны лейтенант Лазарев, о котором я упоминал в начале рассказа.

Мы гурьбой подошли к зданию, где помещались бани, вопли туда и уже разделись; Лазарев почему-то замешкался у входа. Через не-

сколько минут до нас донеслись гневные крики, шум и голос Лазарева. Потом все стихло. Выскочить наружу мы не могли в нашем первобытном виде и ограничились только расспросами. Оказывается, что Лазарев имел неосторожность не снять, отправляясь в город, своего Георгиевского креста; турки, заметив его, моментально догадались, что имеют дело с русским, и без всяких церемоний вытолкали Лазарева вон. Жаловаться, конечно, не имело смысла, ибо дело могло кончиться гораздо хуже для нашего товарища, и можно было только радоваться, что он отделался так дешево.

Лазарев остался в живых при взятии Малахова почти чудом. Простившись с Карповым, он пошел по направлению к Горже, все более и более теряя силы, и близ самой Горжи, когда наши отступали и французы были уже в нескольких саженьях, встретил инженер-поручика Орду, который уходил вместе со всеми.

— Проведи меня, пожалуйста, в спокойное место! — обратился он к Орде. «Спокойного места», разумеется, не было, да и Орде было не до того: он спешил уйти подобра-поздорову и мог считать себя, сделав еще пять шагов за курган, в безопасности. Но просьба раненого товарища мгновенно заглушила все прочие размышления. Он взял Лазарева под руку, отвел в первый попавшийся блиндаж, положил на койку и перевязал ему рану его же носовым платком. В том же блиндаже оказались один подпоручик-сапер и четыре солдата, кроме стольких же тяжелораненых. Здоровым, конечно, захотелось уйти, но, высунувшись, они увидели, что Малахов уже занят неприятелем и наших не видно. Пришлось воротиться в блиндаж. Они притаились и сидели там до двух часов пополудни. Перестрелка гремела неумолкаемо. Послышалось наше «ура». Французы бросились назад и прилегли за блиндажи и траверы. Потом снова раздалось «Vive l'empereur». И французы перебежали к Горже.

Солдаты наши стали просить у офицеров разрешения пострелять из блиндажа. Те махнули рукой, что все равно. Против входа в блиндаж лежали арабы с темными зверскими лицами. Их белые плащи производили странное впечатление чего-то древнегреческого. Такое соседство не из приятных. Заметь они наших, и всем бы несдобровать. Этот народ шутить не любит, как, впрочем, и всякая другая нация в подобные минуты. К счастью, никто из них не замечал, откуда сыплются пули. Арабы только хватались кто за ногу, кто за руку, а кто и сразу растягивался по земле, не пикнув. Так наши стреляли более часу. Вдруг в окошко блиндажа влетело два ядра, с наших парходов должно быть, и одно ранило солдата осколком щепы. Над блиндажом слышались шум и топот, блиндаж ходуном заходил. Наши подумали, что ломают крышу и добираются до них (потом

оказалось, ставили мортиры). Всем стало не по себе... Вдруг в блиндаж вбежали три зуава, будто их кто втолкнул. Наши солдаты одного посадили на штыки, а у другого выбили ружье и связали ему руки; третий скрылся и, вероятно, дал знать своим. Немного спустя явился офицер с шестью стрелками и спросил наших, есть ли между ними офицер. Орда подошел к нему и сказал, что он офицер.

— Вы сдаетесь? — спросил француз.

Орда обернулся к солдатам и спросил, хотят ли они сдаться. Те согласились и положили оружие.

Французы тотчас позаботились убрать наших раненых, а здоровых присоединили к остальным пленным.

Но немногие отделались так счастливо, как Орда. Вот что рассказывал другой наш товарищ по плену, прибывший к нам уже прямо на Принкипо, поручик полевой артиллерии фон Драхенфельс.

Когда ровно в 12 часов началась атака на Малахов курган, французы почти в то же мгновение были на валу. Драхенфельс выстрелил по ним залпом и приказал заряжать снова. Сам он находился при последних своих двух орудиях, которыми мог обстреливать вдоль всю нашу куртину до второго бастиона и этим более всего вредить атакующим. Помогая заряжать одно из этих орудий, он получил легкую рану пульей в левую ногу. Чувствуя, что рана совершенно ничтожна, Драхенфельс побежал после выстрела к другому орудию, у которого вся прислуга, кроме одного комендора, была убита. Орудие было заряжено. Сам выстрелив из него, Драхенфельс выхватил у бывших около орудия двух пехотных солдат ружья, приставил солдат к орудию и только было принялся показывать им, как надо стрелять, как оба они упали мертвыми. Очутившись без прислуги, Драхенфельс хотел бежать к первому орудию, но моментально перевернулся и упал без чувств.

Опомнясь и осмотревшись, он увидел, что голенище сапога и панталоны сорваны у него с левой ноги, а сама нога вся красная и болит. Вскочил и попробовал ступить — ничего, кое-как можно. Добрался до первого орудия и здесь снова получил удар осколком сверху. Драхенфельс поднял голову и увидел, что французы улеглись на валу и оттуда стреляли и бросали в наших всем, что попадало им под руки. Драхенфельса охватила злоба. Он искал глазами оружия или хоть камня, чтобы бросить в ненавистных в этот миг французов, оглянулся и с восторгом кинулся поднимать здоровый осколок. Но в этот момент он заметил, что французы уже вошли с тылу на его батарею и четверо из них готовы ринуться со штыками на двух наших солдат, также приготовившихся защищаться.

— Ну-ка, ребята, покажите, что такое русский штык! — хриплым от злобы и волнения голосом крикнул Драхенфельс. Оба солдата кинулись на одного француза, но вмиг были заколоты остальными. Поднятый осколок Драхенфельс швырнул в французов и только что успел наклониться за новым, как на него обрушился удар прикладом, свалил его и сломал лопатку в левом плече и два ребра. Пока Драхенфельс боролся с зашедшими с тылу французами, те из них, которые были на валу, перелезли через него, напали сзади и прикладами повалили Драхенфельса на землю.левой рукой он теперь не мог и шевельнуть; левая нога распухла и невыносимо болела. Но ярость его при виде собственной крови была так велика, что он один, полуживой, долгое время боролся на земле с несколькими французами и все не выпускал из рук осколка, твердо решившись или перебить их всех, или умереть на месте. Но французы скоро бросили его, и он остался распростертым на земле, не будучи в состоянии шевельнуть ни одним членом, хотя все видел и слышал.

Перестрелка все еще продолжалась. Вдруг Драхенфельс услышал свист пуль со стороны города. «Это наши ребята! Идут отбивать курган!» — с восторгом подумал Драхенфельс. Никогда еще он так пламенно не желал победы.

Но свист стал раздаваться все реже и реже и наконец совсем замолк и не возобновлялся до позднего вечера. Драхенфельс пришел к убеждению, что Малахов курган занят французами, а с ним, может быть, и весь Севастополь... Он чувствовал, что ничего теперь не желает, кроме смерти.

— Как пенял я, — рассказывал он потом, — на одного проходящего мимо француза, который, собираясь доколотить меня, ударил штыком, но вместо того, чтобы попасть в спину, куда метил, проколол мне правую руку выше локтя! Странно досадовал я, что он не сумел распорядиться со мной лучше!

Лишь поздно вечером Драхенфельс, весь изувеченный, был подобран французами и отнесен в лагерь дивизии Боске. Там все были в страшном волнении, ожидая, что снова попытаются отнять Малахов курган. Но скоро капитан Фэ (Faue), адъютант Боске, распахнул полы палатки, где лежал Драхенфельс, и сказал ему:

— Вот видите, ваши отступают! Весь Севастополь горит! А известно, что русские все жгут, когда отступают...

Должно быть, капитану вспомнился пожар Москвы в 1812 году.

Драхенфельс увидел огромное зарево, понял и горько зарыдал. Севастополь, несомненно, занят неприятелем. Из лагеря Драхенфельса повезли в госпиталь при Камышевой бухте, где он оставался

до последних чисел октября. На берегу бухты он заметил около 300 совершенно новых мортир огромного калибра и бесконечное число бомб, только что доставленных для осады Севастополя. Невольно порадовался Драхенфельс, что бойня прекратилась и этим чудовищным машинам не придется больше проливать русскую кровь.

Затем Драхенфельса переправили в Константинополь, в устроенный в доме русского посольства госпиталь, откуда, уже окончательно выздоровев, он прибыл на наш остров.

XII

Нападение на одалиску. — Исчезновение двух пленных офицеров. — Козни капитана Стюарта. — Заявление Карпова. — Генерал Паризз. — Арест Карпова. — Возвращение на родину. — Фрегат «Montezuma». — Карантин под Одессой. — Заключение

К уличенным виновникам убийства кого-нибудь из своих союзники относились без всякой пощады. Как раз в мое присутствие в городе произошло следующее. По мосту через Золотой Рог медленно двигалась среди потока людей раззолоченная карета с гаремными женщинами, окруженная пешими евнухами с саблями наголо. Это была обычная прогулка обитательниц сераля какого-нибудь паши, судя по роскоши выезда и числу стражей. Навстречу карете валит с песнями пьяная компания французских матросов. Они с любопытством глазают на турецких красавиц. Вдруг один из них кидается к карете, вскакивает внутрь и схватывает в объятия первую попавшуюся женщину. Евнух с диким криком заносит над ним свою саблю, но другие матросы бросаются вперед и удерживают его за руки. Наконец матроса вытащили из кареты, а евнуха арестовали и увели на французский корвет, стоявший здесь же, у моста. Его судили военным судом в 24 часа и повесили тут же на рее. Буйный матрос потерпел какое-то дисциплинарное наказание. Кто знаком с обычаями турок и издавна укоренившимся среди них понятием о неприкосновенности гаремных женщин, особенно со стороны «неверных», тому осуждение на виселицу евнуха не может не показаться явною несправедливостью, тем более что и матрос был кругом виноват, и убийства не совершилось. Здесь, конечно, преследовалась цель общего характера — показать, как жестоко будет наказано даже покушение на смерть европейца, хотя бы и простого матроса. Но вряд ли эта цель могла быть достигнута, если вспомнить о взаимном ожесточении турок и союзников, которое только возрастало благодаря случаям, вроде приведенного выше.

Прошло уже более трех месяцев нашего пребывания на Принцевых островах. Время летело незаметно. Однажды двое наших товарищей, прапорщик С. и юнкер К., отправились, что бывало часто, в Константинополь и не возвратились даже через несколько дней. Они жили вместе и были большими друзьями. Думая, что они просто задержались в городе, капитан Лагерр сначала молчал, но когда прошла еще неделя, а их все не было, донес об этом в Константинополь. Поднялась тревога. Беглецов искали во всех притонах и закоулках Константинополя, но без всякого успеха. Так они и пропали. Некоторые говорили, что их убили в ссоре и тела бросили в Босфор. По другой, более вероятной версии они собирались бежать в Россию, достали у греков большую, сравнительно, сумму денег и за огромную плату взяли себе места на парусном судне, уходившем в Грецию. Шкипер-грек получил деньги вперед и, чтобы скрыть беглецов при осмотре, посадил в бочку. Выйдя в открытое море, он преспокойно отправил их в бочке за борт, и выручив деньги, и избавившись от всяких хлопот с беглыми пленными.

Когда прибыли на остров еще русские пленные, взятые под Кинбурном, в лагерь наших солдат часто стали навеваться ксендзы и католические сестры милосердия. Под предлогом доставления солдатам-католикам духовной пищи они раздавали им бронзур, озглавленные «Родной голос на чужбине» и содержащие призывы к освобождению угнетенной Польши из-под русской власти. Все это делалось очень ловко, начиная с раздачи белья, табаку, разных лакомств и кончая предложением послужить «польской отчизне» в иностранном легионе, официально состоящем в числе французских войск. Нечего и говорить, что капитан Стюарт принимал здесь самое горячее участие, являясь даже главным и наиболее настойчивым вербовщиком. Дело в том, что около этого же времени в Константинополь прибыл знаменитый польский поэт и патриот Адам Мицкевич с намерением сформировать несколько польских легионов, чтобы присоединить их к французской армии и вместе действовать против России. Как человек, не знакомый с военным делом, он поручил это капитану Стюарту, который явился его деятельным помощником.

Увещания и подарки Стюарта и ксендзов подействовали, и несколько человек из наших солдат уехали в Константинополь в легион. Это были уроженцы западных губерний. Коренные же русские не поддавались: ксендзы, пришедшие на помощь Стюарту, только увеличили их недоверие ко всем обещаниям и приглашениям.

Как русские офицеры мы не могли спокойно смотреть на эту пропаганду, и П. А. Карпов вместе с поручиком Фильбрантом решил составить донесение высшему французскому начальству о пред-

осудительном, на его взгляд, поведении капитана Стюарта. Решение это стало бесповоротным после того, как Стюарт посадил, без всяких объяснений, на понтон нашего священника, взятого в плен под Кинбурном; фактической причиной ареста была проповедь после молебна в лагере, в которой священник напомнил солдатам их присягу. Написав донесение, Карпов с Фильбрантом отправились в рыбацкой лодке к Константинополю; официального разрешения на поездку Лагерр им не дал.

Спустя несколько дней в деревню приехал генерал Паризе, тотчас после нашего обеда. Все мы были настроены довольно весело и никак не ожидали этого посещения. Генерал вошел в залу, держа кепи в руках, в сопровождении адъютанта. Мы были все в фуражках.

— Генерал Ларше поручил мне, господа, — начал Паризе, — разобратить вашу жалобу. Несмотря на то что вы не правы, я еще не теряю надежды восстановить между нами доброе согласие, не прибегая к строгим мерам. Сотня подлецов, господа, не увеличит нашей армии. Но мы не вправе запретить сестрам милосердия, ксендзам и офицерам иностранного легиона посещать наш лагерь, не вправе запретить им говорить вашим солдатам то, что несогласно с вашими коренными народными убеждениями, не вправе потому, что по нашим понятиям всякий солдат и офицер может обсудить, что истинно и что ложно, что благородно и что низко, и действовать сообразно полученным выводам.

В ответ на эту речь раздались возражения, большею частью умные и дельные, переданные в очень вежливой форме. Но, к несчастью, поднялся ропот, сначала тихо, потом все громче, и наконец перешел в общий говор и бестолковый крик, заглушивший должный ответ. Каждый высказывал все разом, без связи, стараясь только перекрыть других. Генерал Паризе не выдержал и вспылал.

— Вы бы, господа, — крикнул он, — хоть из уважения к моим сединам могли выслушать меня хладнокровнее, да и снять фуражки, если я перед вами держу ее в руках!.. Вы меня оскорбили, господа, и тем хуже для вас! — И генерал вышел из комнаты.

После такой развязки, происшедшей, главным образом, вследствие накопившейся у каждого из нас обиды и взаимного непонимания, трудно было ожидать чего-нибудь хорошего. Действительно, через несколько дней пристали к острову три парохода, из которых высадился целый батальон французских солдат и направился к гостинице «Джиакомо», окружив ее плотным кольцом. Там же было приказано собраться и нам. В зале снова показался генерал Паризе, в сопровождении адъютанта и капитанов Лагерра и Стюарта. По просьбе Карпо-

ва, который уже воротился из своей поездки, мы были на этот раз без фуражек и держали себя спокойно.

Генерал заявил, что желает говорить с лицом, подавшим жалобу. П. А. Карпов выступил вперед, и генерал начал читать его донесение по пунктам, делая на каждый из них возражения. Некоторые выражения генерал назвал дерзкими, утверждая, что так нельзя говорить с правительством. На это Карпов, через одного из офицеров, возразил, что составитель жалобы дурно владел французским языком, чем и объясняется резкость и шероховатость слога. Потом кое-кто из нас стал жаловаться на Стюарта, не обращая внимания на его присутствие. Услышав, что Стюарт позволил себе оскорбить словом нашего священника, генерал сделал ему тут же выговор. После этого Паризе обратился к Карпову.

— Для спокойствия ваших товарищей, — сказал он, — мы решили отдалить вас от них. Вы опасный человек, вы горячая голова! Вы до возвращения в Россию будете жить в Тулоне. Чтобы вам не было скучно, вы из числа своих офицеров можете выбрать себе товарища.

Карпов выбрал лейтенанта Панферова, и через полчаса они оба были уже готовы отправиться в путь. Сделав общий поклон, генерал попросил их следовать за собой на пароход.

Таким образом кончилась эта история. Карпова посадили в тулонский каземат вместе с товарищем, разрешив чтение и прогулки по крепости. К счастью, комендант ее оказался весьма гуманным и добрым человеком и радушно познакомил Карпова со своей семьей, в кругу которой П. А. и дожил остаток плена. А минута освобождения была уже недалеко.

В последних числах февраля, после шестимесячного пребывания в плену, нам было приказано готовиться к отъезду в Россию. Скоро перед островом бросили якорь два огромных французских пароходо-фрегата, спустили гребные суда, и началась перевозка наших солдат.

Погода стояла пасмурная, дождливая, ветреная. Дым каменно-го угля густою, тяжелою пеленой висел в воздухе. В лагере быстро убирали палатки. На пристани слышался веселый говор и шум наших солдат. Капитан Лагерр и некоторые французские офицеры проводили нас до пристани, откуда мы переправились на фрегат «Montezuma»; на нем поместились все севастопольские пленные. А на другом судне, «Cristoph Colomb», были кинбурнцы. На нашем фрегате офицерам отвели пять больших кают, а солдатам раздали одеяла на случай холода. В три часа мы снялись с якоря и пошли к Константинополю. Я без сожаления провожал глазами наш остров, к которому успел привыкнуть; во всяком случае, думалось мне, здесь прошло для меня много хороших часов и минут.

Перед Константинополем мы остановились всего на четверть часа, отослать плюпку с каким-то донесением на берег, а затем пошли к проливу. Облака тяжелой серой массой нависли над нашими головами; Босфор потемнел и не имел уже того празднично-светлого вида, в каком я увидел его в первый раз.

Еще не доходя до пролива, мы сели обедать, и во время обеда встретили сардинский корвет, который сигналами предупреждал о непогоде на море. Действительно, когда «Montezuma», уже к вечеру, вышел в море, его начало порядочно укачивать. Несколько французских матросов вбежали в кают-компанию и крепко принятовили мебель. Качка с каждым часом увеличивалась, а ночью разыгрался настоящий шторм. Разобранные планкоуты для французской армии в Севастополе, лежавшие у бортов, сорвались с найтовов и полетели на палубу, раздавив при своем падении троих наших солдат, которые спали подле них и не успели отскочить вовремя. Кроме того, оторвалось орудие, и его насилу успели забросать койками. Все эти аварии заставили командира «Montezuma» повернуть назад к Константинополю, так как идти в такую погоду с тяжело нагруженным судном было далеко не безопасно.

Пять дней, проведенных нами на Босфоре в ожидании благоприятного ветра, прошли очень весело. По вечерам кают-компания обращалась в концертный и танцевальный зал, где откалывались (иначе нельзя выразиться) всевозможные танцы, начиная от кадрили и кончая канканом. Весельчаки-французы превзошли на этот раз самих себя. И точно для контраста, перед этим мы с сжатым сердцем присутствовали при погребении наших безвременно, нелепо погибших солдат; их свезли на берег, около Буюк-Дере, и греческий священник отпел их по православному обряду.

Когда мы, наконец, дождались погоды и снялись с якоря, то оказалось, что назначение «Montezuma» было переменено: вместо Одессы он пошел сначала в Севастополь. Эта перемена была для нас очень приятна: увидеть еще раз Севастополь, побывать на его батареях хотелось каждому из нас; не жаль было двух- или трехдневной отсрочки прибытия в Одессу.

Весь путь до Севастополя прошел так же весело, как и стоянка на Босфоре. Через три дня показались и столь дорогие для всех нас развалины города, с опустевшею, точно вымершею Северной стороной. «Montezuma» направился прямо к Камышевой бухте, но, не доходя до нее, получил сигнал стать на якорь. Мы нетерпеливо ждали возвращения с берега командира судна, надеясь, что он привезет нам разрешение сойти на берег. Но все наши надежды оказались тщетными. Французский адмирал, желая доставить пленным как можно ско-

рее удовольствие повидать родную землю, велел идти прямо в Одессу и не согласился на выгрузку привезенных для армии вещей. Нам больно было услышать, как в виду Севастополя нас посылают «на родину», точно он не был для нас настоящей, нашей кровью политой родиной. С рассветом мы были уже опять в море.

Погода совсем испортилась. Снег начал падать еще у Севастополя и по мере приближения к Одессе шел все сильнее и сильнее. Скоро перед нами стала расти пестрая гора зданий. Все яснее выступала линия бульвара, статуя Дюка де Ришелье и широкая, грандиозная каменная лестница, сходявшая своими ступенями прямо к морю. Это была Одесса.

Командир судна, все офицеры, не говоря уже про нас, были на палубе. Бинокли, трубы, невооруженные глаза — все было устремлено на город. К «Colomb», который шел у нас почти в кильватере, подошла пилупка с берега; от «Colomb» пошла к ней навстречу другая. Шлюпки соплились, постояли друг возле друга и разошлись в противоположные стороны. На «Colomb» взвился сигнал «отдать якорь». Наш командир отправился на пилупке к «Colomb» — узнать, что случилось. Оказалось, что из Одессы за нами в четыре часа придет пароход, и теперь нам оставалось только ждать его. Но в четыре часа никакого парохода не было. Наконец, уже около шести часов, показался пароход, но такой маленький, что переправить всех пленных на берег было немислимо. Он пристал прямо к «Colomb» и взял небольшую часть пленных солдат. Это был частный пароход, по-видимому, нанятый для нас казной.

Не сходя с палубы, мы ждали второго рейса. Но пробило семь часов, восемь часов, наконец наступило утро, а парохода нет и следа. Между тем стало холодно. Ночью был мороз, и, взглянув на Одессу, мы увидели, что крыши домов все покрыты снегом, как зимой. Чтобы хоть сколько-нибудь согреть наших продрогших солдат, французы растянули над палубой закрытый со всех сторон тент и раздали по двойной порции рома.

Утром, около двенадцати часов, в Одессу снова был послан парламентар. Начальство Одессы обещало прислать за нами пароход не ранее четырех часов пополудни. У него в машине случилось какое-то повреждение и прибыть немедленно он не смог. Высадить же пленным самим французам по-прежнему не позволяли. Целый день шел снег, холод стоял ужасный, но парохода опять не было. Ночью французы снова принялись ухаживать за нашими солдатами.

Настал третий день нашей нелепой стоянки перед Одессой. Опять направился на берег французский посланный; ему обещали сделать высадку в двенадцать часов. Но прошел полдень, а французские суда

все еще стояли перед Одессой. Провизия, взятая из Константинополя, почти истощилась. В кают-компании начали поговаривать об уменьшении порций. Еще одна ночь прошла в бесплодных ожиданиях.

На следующий день командиры французских судов послали в Одессу заявление, что если к полудню им не позволят подойти к Одессе на нужное для высадки расстояние, то они снимаются с якоря и со всеми пленными уходят обратно в Крым. Это энергичное заявление, очевидно, повлияло на нерешительность одесских властей, и разрешение было дано.

Нас высадили в карантине французские шлюпки. А через две недели мы с комфортом разместились в одном из лучших отелей Одессы и среди многочисленного общества гуляли по вечерам на роскошном Приморском бульваре, окаймленном красивыми домами, любуясь очаровательным видом на безграничное зеленовато-синее море. Как одессит, я не могу не вспомнить картины, нарисованной в «Евгении Онегине» нашим великим поэтом:

Там все Европой дышет, вест,
Все блещет югом, и нестрсет
Разнообразностью живой.
Язык Италии златой
Звучит по улице веселой,
Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелый,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке, Морали.

Но в наше время уже не было ничего подобного. Нам не бросалась в глаза «разноплеменность» Одессы. На улицах по преимуществу слышалась русская речь, смешанная с еврейским жаргоном и греческим диалектом. «Язык Италии златой» слышался очень редко. Пестрая уличная жизнь, кипевшая в былые годы в Одессе, отошла в область преданий.

После севастопольской жизни еще долгое время казался мне каждый звук полетом ядра, разрывом бомбы, а резкий шорох — шипением ракеты, шуршанием осколков гранат. Но протекло 50 лет после беспримерной осады — и как будто не было ее. Последние войны отодвинули эту кровавую оборону на задний план. Уже никто не говорит о Севастополе. И только благодаря Августейшему Севастопольцу, Великому Князю Михаилу Николаевичу, один раз в год, на севастопольских обедах, поддерживаются беседы о былой сече. Все это теперь кажется каким-то невероятным сном. Как будто случайно погибли сотни тысяч людей под необъятным куполом севастопольского неба...

Из посмертных записок П. А. Карпова, бывшего начальника Малахова кургана

Автор помещаемых ниже записок, П. А. Карпов, один из выдающихся героев Севастопольской обороны, последний защитник Малахова кургана, происходил из дворян Калужской губернии, где и родился в 1822 г., в родовом своем имении. В раннем еще возрасте он был отдан в Морской Кадетский корпус, откуда в 1841 году выпущен мичманом, с назначением в Черноморский флот. Проведя 11 лет в постоянных почти плаваниях на различных судах, чаще всего крейсировавших у кавказских берегов, П. А. успел заслужить репутацию дельного и отважного морского офицера, уважение и любовь командиров и сослуживцев-товарищей. Во время крейсерства у абхазских берегов, посланный на баркасе корвета «Орест», он взял турецкую кочерму, несмотря на сильный ружейный огонь неприятеля. В 1846 г. Карпов был произведен в лейтенанты. Домашние обстоятельства заставили П. А. покинуть на время любимую им морскую службу. В 1852 г. он перешел в армию, в Московский пехотный полк, с чином поручика, и тогда же был прикомандирован к Михайловскому Воронежскому корпусу на должность преподавателя математики с производством в штабс-капитаны. Но когда в 1853 г. весть о Синопском погроме дошла до Воронежа, энергичный по природе П. А. не мог оставаться равнодушным зрителем подвигов своих морских товарищей; не думая долго, он бросил свои дела и вновь перешел в Черноморский флот, прежним чином лейтенанта.

Высадка союзных неприятельских войск в Крыму в 1854 г. застала П. А. на корабле «Селафаил», который после Алминского сражения в числе первых кораблей был затоплен, чтобы загородить вход в Севастопольскую бухту неприятельскому флоту. Тогда Карпов назначен был на батарее пятого бастиона, где и находился безотлучно с сентября 1854 по август 1855 года. Замечательная храбрость и неутомимая распорядительность не остались не замеченными кем следует. В этот промежуток времени Карпов произведен не в очередь в капитан-лейтенанты и награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Недели за три до последнего штурма, 27 августа, известный уже своею храбростью, капитан-лейтенант Карпов, по распоряжению начальника штаба гарнизона, был переведен с пятого бастиона на Малахов курган, где и назначен командиром батарей четвертого отделения оборонительной линии. В то время Малахов курган был опаснейшим пунктом, и на него главнейше был направлен огонь неприятеля. В течение 18-дневного заведывания батареями кургана П. А. вполне оправдал свое назначение. Не зная покоя ни днем, ни ночью он неутомимо распоряжался по вверенной ему части, подавая в то же

время пример неустранимой храбрости своим подчиненным. В последние дни он не раз доносил начальству о бедственном положении батарей, требуя усиления гарнизона кургана на случай штурма, которого ожидал с часу на час; но власти на Северной не предполагали этого, — результаты известны.

Обстоятельства рокового дня 27 августа весьма верно изложены самим Карповым в Морском Сборнике за 1859 г., в ответ г. Эвертцу. Штурм Малахова кургана в день 27 августа, при самых неблагоприятных условиях для осажденных, был в глазах неприятеля делом необычайным; французы гордились этим подвигом, не забывая воздать должное и доблести своих противников. Малочисленный гарнизон почти весь лег костями, отстаивая каждый дюйм родного кургана. Лишь небольшая часть храбрецов уцелела и взята неприятелем в плен, в числе их был и П. А. Карпов.

Последний начальник Малахова кургана П. А. Карпов скончался в Ялте 22 сентября 1869 года, на 48-м году от рождения.

27 августа 1855 года после взятия Корнилова бастиона* все пленные были отведены в лагерь ген. Боске, а на другой день в главную квартиру генерала Пелисье, где с нами обращались очень вежливо и старались доставить нам все удобства. 29 августа нас перевезли на корабль «Шарлеман», и 6 сентября мы прибыли в Константинополь, а 8 числа того же месяца были перевезены на остров Принкипо, где офицеры были помещены в городе, а солдаты на другом конце острова в палатках. На корабле как командир, так и офицеры были очень заботливы, предупредительны во всем, можно сказать, что на корабле мы встретили друзей, а не неприятелей. При переезде на остров капитан Стюарт, польский выходец, служащий в иностранном легионе французской армии, назначенный главным надзирателем за пленными, начал дурно отзываться о в Бозе почившем императоре и, подняв палку, сказал, что это наша конституция, но после моего замечания замолчал. Подобные выходки с его стороны в разное время повторялись еще два раза, а в третий раз он получил в ответ, что подобная конституция у нас учреждена только для поляков, чем он был очень недоволен. В начале октября в первый раз мы услышали, что наших солдат, находящихся в Константинополе больными, переманивают в турецкую службу, 1 же октября ксендзы раздали в лагерях солдатам книжки на русском языке «Родной голос на чужбине» и открыто начали уговаривать наших солдат к измене. 18 числа наш священник, взятый в Кинбурне, служил обедню в лагерях и после обедни сказал проповедь, в которой напомнил о важности данной

* Малахова кургана.

ими присяги Государю Императору. 19 числа приехал Стюарт на остров для раздачи офицерам жалованья и в присутствии всех офицеров смеялся над священником, назвал его попишкой и своими словами довел его до слез. На другой день все офицеры были потребованы в лагерь, зачем не знаю, в присутствии нашем посадили на пароход более 100 человек предавшихся и вместе с ними нашего священника, которого отвезли в Константинополь и посадили на понтон. На вопрос мой, что это значит, комендант лагеря капитан Lageugre отвечал, что наш священник грабит солдат и за это его отправили на понтон. Когда предавшиеся начали прощаться с бывшими своими товарищами, то последние, отвернувшись, отвечали, что они изменников не знают, тогда капитан Стюарт, находившись вблизи, начал бить палкой близ стоящих, в особенности поляков, которых не успел уговорить к измене. В то же время генерал Larchey* отдал приказание запереть церковь, находившуюся около лагерей, но по просьбе жителей острова и по настоянию патриарха константинопольского через три дня была отворена. После чего в наши квартиры начали ходить и распоряжаться в них сержанты, поляки и даже маркитанты полка, находившегося на острове, не говоря даже, по чьему приказанию действуют, тогда как прежде все распоряжения делались по запискам коменданта лагеря. 30 октября маркитант наделал дерзостей нашим офицерам, и на жалобу мою коменданту я получил в ответ, что этого не может быть. Того же числа французские пьяные солдаты вошли в кофейню, где наши инженерные офицеры играли на бильярде, и начали на них кричать, что они не образованы, худо себя держат, и если б не штабс-капитан Клюген, то греки и солдаты, находившиеся вблизи, не оставили бы их в живых. 31 октября, в присутствии 30 человек офицеров, сержант был невежлив не только со штабс-капитаном Клюгеном, но и со всеми своими офицерами. На замечание Клюгена, что он не имеет права входить без позволения в комнату и распоряжаться в его отсутствие, обещал на другой день жаловаться коменданту острова. Но на другой день утром два офицера были присланы комендантом лагеря к Клюгену, чтоб он немедленно явился к нему со всеми вещами, что и было исполнено штабс-капитаном Клюгеном в точности. Но я, видя поступок с нашим священником, просил трех офицеров ехать со мною в лагерь. Приехавши в лагерь, через полтора часа по отправлении штабс-капитана Клюгена из города, я застал его еще ожидающим капитана Lageugr'a. В нашем присутствии вошел Lageugre и, обратясь к Клюгену, обвинял его в неуважении французского правительства и в необразовании и посадил его в подвал. Слышав все это, я потребовал и настоял, что-

* Ген. Larchey — заведующий пленными офицерами и солдатами.

бы Клюген был освобожден из-под ареста, и просил коменданта дать мне позволение ехать в Константинополь для принесения жалобы генерал Larchey. 2-го ноября, приехав в Константинополь и явившись к генералу, я получил приказание донести ему все письменно, что и исполнил на другой день. Генерал, получивши от меня записку, сейчас же прочитав, послал ее к бригадному ген. Pariset с приказанием отправиться на остров и узнать, достоверна ли моя жалоба. Генерал Pariset, ехав на остров, взял с собою капитана Stuart'a. На острове, собрав наших офицеров, взял с них честное слово, что они покажут все справедливо, показал им мою записку, мою подпись и, удостоверившись в ее справедливости, начал читать ее по пунктам. На все пункты моей записки офицеры отвечали, что они совершенно справедливы, тогда генерала Pariset объявил им, что я буду отправлен в Тулон и что они меня больше не увидят, но 5 ноября я приехал на остров. В Константинополе же я получил от Клюгена записку, что он на понтоне и содержится очень худо, в чем я удостоверился лично. Тогда я отправился опять к генералу Larchey, просил его начальника штаба и получил от него удовлетворение, что Клюген будет с первым пароходом отправлен на остров, но и чрез неделю его еще там не было. Увидев идущий пароход, я поехал с несколькими офицерами в лагерь узнать об участи штабс-капитана Клюгена и священника. Но комендант ответил мне, что о Клюгене и священнике ничего не знает, тогда я сказал ему, что в таком случае не следовало брать с офицеров честного слова, которому они очень мало верят. Комендант отвечал мне, что он об этом напишет генерал Larchey. Через день, т. е. 11 числа, к острову пришло два парохода с двумя ротами вооруженных солдат, которые, подходя к нашему дому, зарядили ружья и окружили дом; вместе с ними прибыл генерал Pariset с книгою и со свитой, в числе которой был капитан Stuart. При входе генерала в наш дом первым он встретил меня и, подавая мне книгу, сказал: «Так как вы просили возвращения данного вами честного слова при приезде на остров, то напишите это требование в этой книге, которую мы после отошлем к вашему главнокомандующему». Получив от меня в ответ, что, хотя я и не изъявил подобного требования, но желая, чтобы наш главнокомандующий знал, как обращаются с пленными офицерами и солдатами, я готов исполнить его требование, описав вместе с тем, что здесь делается. Но генерал на это не согласился и взял книгу от меня обратно, а мне объявил, что я вместе с ним должен отправиться в Константинополь, а оттуда буду отправлен в Тулон. 15 числа мы прибыли, я и 39-го флотского экипажа лейтенант Панферов, отправленный со мною для компании, на военный пароход «Бертолет», с предписанием генерала Larchey не спускать нас на берег вплоть до Тулона, хотя в Константинополе мы были совершенно свободны. На

другой день по прибытии нашем в Тулон, 2 декабря, за нами приехали два жандарма и отвели нас в форт Lamalque, где нам дали комнату, холодную, темную, сырую и грязную, и, как я узнал, в форте было предписание держать нас там два месяца. В форте нам дозволяли выходить на ремпорт, взяв с нас слово, что мы не уйдем. Там мы три раза получили чрез дежурных офицеров приглашение написать генералу и просить его, чтобы нас освободили, но мы отвергнули подобное предложение. В форте все служащие были очень вежливы, внимательны и часто приходили к нам, стараясь развлечь нас в нашем уединении, но всех чаще посещал нас командир корабля «Charlemagne» (капитан Ganin); он даже просил генерала в Тулоне, чтобы нам дозволили переехать на его корабль, но получил отказ. В Тулоне мы получили письмо нашего Архимандрита из Парижа, в котором он советовал нам просить французское правительство об отправлении нас в г. Тур, но я уведомил его, что мы этого сделать не можем, тогда г. Архимандрит обратился к Саксонскому посланнику и просил его ходатайствовать о нашем освобождении. Ровно чрез два месяца, 1 февраля, получилось предписание военного министра отправить нас в Марсель для отсылки в Константинополь и для размена. Того же числа два жандарма отвели нас к дилижансу, отправляющемуся в Марсель. У дилижанса ожидал нас кап. Ganin со своим семейством, где и простился с нами. Прибыв в Марсель, мы явились в канцелярию дивизионного генерала, откуда нас хотели отправить в форт Св. Ангела, но французский капитан, отправленный с нами из Тулона, взял нас на поруки, и потому мы с семи часов вечера и до десяти часов утра 2 числа были совершенно свободны, а в десять часов нас перевезли на почтовый пароход «Александр», тоже с предписанием не спускаться нигде на берег до Константинополя. Прибыв 12 числа в Константинополь к генералу Pariset, мы получили позволение избрать по своему желанию место жительства в Константинополе или на острове Принкипо, но мы избрали Константинополь, где нам была дана совершенная свобода, а 1 марта были перевезены на пароходо-фрегат «Montézima» для отвоза в Одессу, куда и прибыли 13 числа.

Все время плена, в особенности на судах французского флота, мы видели от французских офицеров полное уважение и даже приязнь, а когда нам случалось быть вместе с английскими офицерами, то они всегда предпочитали общество русских офицеров и называли нас друзьями. На острове до болезни капитана фрегата «Pendore» (Boucheau) все было спокойно, потому что он, быв на бранвахте, часто посещал пленных и не позволял никаких насилий, но с болезнью его все переменилось.

В. И. Колчак

**ИСТОРИЯ
ОБУХОВСКОГО СТАЛЕЛИТЕЙНОГО ЗАВОДА
В СВЯЗИ С ПРОГРЕССОМ
Артиллерийской техники ***

**Обуховский сталелитейный завод,
его основание, возникновение и развитие**

С судьбой каждого крупного промышленно-технического предприятия всегда связаны как потребности страны, в которой оно создано и существует, так и уровень ее экономического и технического развития. Само появление подобных предприятий уже служит верным показателем подъема экономических сил государства, разумеется, при естественном их росте. Впрочем, случайное или насильственное возникновение какого-нибудь сложного производства в экономически неподготовленной среде весьма редко достигает успеха. Обыкновенно производство погибает, как растение, пересаженное на неподходящую почву. Отсюда ясно, что исторический очерк развития большого технического предприятия всегда будет сопровождаться отступлением в те области государственной и общественной жизни, где зарождаются потребности, вызывающие появление данного предприятия. История Обуховского сталелитейного завода является поэтому до известной степени историей развития сталелитейного дела и новейшей артиллерии в России.

* Полностью опубликовано в «Морском сборнике», неофициальный отдел, 1901 г., № 5—12; 1902 г., № 1—12.

В зависимости от сказанного прогресс сталелитейного производства на Обуховском заводе будет идти в нашем изложении параллельно прогрессу артиллерийской техники. Это изложение распадается на три части: первая охватывает период времени (от 1863 до 1875 г.) от появления нарезных пушек до перехода к дальнобойным орудиям; вторая заключает в себе историю первых дальнобойных орудий в России, заканчиваясь важным моментом заводской жизни — переходом завода в казну в 1885 г.; наконец, в третьей помещено описание наиболее оживленного периода развития артиллерийского дела в России — последние 10 — 15 лет, до настоящего времени включительно.

Чтобы не затемнять исторический ход событий, мы сочли нужным выделить в ряд особых положений описание всех металлургических процессов, научных исследований и технических сооружений, имевших место на Обуховском заводе, равно как и описание изготавливаемых заводом изделий.

В заключение приводим ниже некоторые материалы и источники, которыми мы пользовались при выполнении прилагаемого труда.

«Обзор деятельности Морского Управления в России» (1855 — 1880 гг.), ч. II. С.-Петербург. 1880.

«Отчеты артиллерийского отделения Морского Технического Комитета» за следующие годы: 1865 — 1876, 1879 — 1893.

«Труды особой комиссии, образованной при Морском Министерстве». С.-Петербург. 1886.

«Морской Сборник» за следующие годы: 1864, 1866, 1867, 1869 и 1872.

«Артиллерийский Журнал» за 1867 — 1868 гг.

«О сталелитейном производстве». В. Колчак. 1865.

«Современное стальное дело на Обуховском заводе». В. Колчак. 1875.

«Орудия, скрепленные проволокою». 1888 г. Перевод Е. Аврамова*.

«Котлин» за 1897 г. Ст. М. Левицкого.

«Procédés de Forgeage dans l'Industrie» par C. Codron (professeur). Paris. 1897.

«Fabrication de l'acier et procédés de forgeage de diverses pièces par C. Chômienne». Paris. 1898.

«Пудлинговая сталь и ее применение в сталелитейном производстве». В. Колчак. 1898.

* Отдельный оттиск статьи, помещенной в «Морском сборнике» в 1888 и 1889 гг.

Часть I

I

Официальная заметка об основании Обуховского сталелитейного завода

«В 1861 г. коллежский советник Путилов, получив от полковника Обухова право на изготовление стали по его способу на частных заводах, решился на устройство сталелитейного завода под Петербургом. Вследствие сего Путилов, пригласив в товарищи себе коммерции советника Кудрявцева, вместе с ним исходатайствовал, при содействии Морского министерства, уступку им с Высочайшего соизволения Императорским Опекунским советом участка земли, принадлежащего Александровской мануфактуре, на 12-й версте от города, на берегу реки Невы, в количестве 75 000 кв. саж., со всеми находящимися на нем жилыми зданиями и хозяйственными строениями, стоимостью на 1 300 000 руб. 4 мая 1863 г. Морское министерство решило гарантировать учредителям пушечного завода заказ на сумму 1 000 000 руб. (42 000 пудов) готовых нарезных орудий из стали Обухова с выдачей им вперед 500 000 руб. под залоги, требуя исполнения сего заказа в четыре года. А Главное артиллерийское управление Военного ведомства, с утверждения Военного Совета, предложило сделать заказ на сумму 2 700 000 руб. (120 000 пудов) стальных нарезных орудий на тех же условиях выдачи денег, на каких они выдавались фабриканту Круппу, но с тем, однако, чтобы предложение Путилова с товарищем об обеспечении со стороны Военно-Сухопутного ведомства заказа стальных орудий принять под условием: когда Военное министерство убедится в доброкачественности стальных орудий, изготовленных по заказу Морского министерства, и когда орудия будут признаны удовлетворительными Военно-Сухопутным ведомством после опытов продолжительной или усиленной стрельбой».

Таким образом было основано одно из громаднейших технических предприятий в России — Обуховский сталелитейный завод.

Каждое подобное предприятие может возникнуть и тем более развиться только на почве удовлетворения государственных и экономических нужд страны, удовлетворения, ставшего по истечении известного периода времени безотлагательным. Нет сомнения, что Обуховский завод вызван необходимостью водворить у нас в России сталепушечное производство на широких и прочных основаниях. Поэтому, прежде чем приступить к главной части нашего труда — историческому очерку Обуховского завода во всех фазисах его раз-

вития, — мы, естественно, должны изложить обстоятельства, под давлением которых сложилась эта необходимость, и вместе с тем познакомиться ближе с личностью основателей и главных деятелей завода*.

II

Состояние судовой артиллерии за границей и у нас перед Крымской кампанией. — Реформы Его Императорского Величества Великого Князя Константина Николаевича. — Крымская кампания и ее последствия для нашей артиллерии

Еще в 30-х годах прошлого столетия практика военно-морского дела выдвинула на первый план потребность ввести стрельбу бомбами, столь разрушительно действовавшими на деревянные суда, и увеличить калибры орудий морской артиллерии, избегая притом, по возможности, разнообразия снарядов на судне. Это было вполне осознано всеми морскими державами Европы. Поэтому, вслед за принятием во Франции бомбовых пушек, предложенных генералом Пексаном, подобные же пушки стали появляться в Англии, Америке и России. В то же время все эти государства производили более или менее обширные исследования и опыты в целях определения типов морских орудий; последние должны были удовлетворять двум условиям: 1) соответствовать конструкции парусных судов и 2) подчиняться требованиям морской тактики. Мало-помалу к концу 40-х годов всюду выработались типы, весьма незначительно различающиеся друг от друга. Вот их приблизительное описание для трех европейских держав. Пушки бомбовые каморные, предназначавшиеся для стрельбы разрывными снарядами и ядрами, калибром: от 20 до 22 см (Франция), от 8 до 11 д. (Англия), от 8 до 9,69 д. (Россия); весом: 224—317 пудов (Франция), 201—251 пудов (Англия), 195—301 пудов (Россия); орудия этого образца выбрасывали снаряд от 56 до 112 фн. весом. Далее следуют некаморные пушки однокалиберного вооружения, употреблявшиеся для стрельбы и разрывными, и сплошными снарядами: 16-см, 32-фн. и 36-фн., калибром 6,5—6,8 д., весом 113—180 пудов, и, наконец, мортиры, 32-см, 13-д. и 5-пудов, выбрасывавшие снаряд огромного для той эпохи веса: 200—228 фн. Эти орудия были признаны лучшими и пригоднейшими на судах всех флотов.

* См. Приложение I.

В нашем флоте в начале 50-х годов общее число орудий, находившихся на судах и в арсеналах, достигало 15 000, но около половины этого числа было отлито еще в XVIII столетии и совершенно не подходило под вышеописанные типы морских орудий; вооружение судов отличалось крайним разнообразием родов и калибров. Достаточно указать на существование семи различных родов фальконетов и девяти разнородных калибров для единорогов, кроме множества 24-, 30-, 36-, 48-фн. пушек, каморных или некаморных, медных или чугунных, коротких или длинных. Бомбовых пушек, в особенности на Балтийском флоте, было еще мало, и их приходилось заменять пудовыми единорогами — замена крайне невыгодная. Очевидно, насколько существенна была разница в вооружении нашего и иностранных флотов, если принять во внимание, что артиллерия на иностранных судах вполне удовлетворяла современным требованиям. Перед Крымской кампанией, когда в управление Морским ведомством вступил Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Николаевич, началась у нас горячая деятельность, направленная прежде всего, конечно, на улучшение нашей судовой артиллерии и не прерывавшаяся во все время Севастопольской обороны. Орудия сортировались, причем устарелые уничтожались и заменялись новыми. Орудийные станки исправлялись и приспособлялись для дальней и быстрой стрельбы; вводились новые прицелы и ударные молотки к орудиям; переделаны кюйт-камеры и устроены бомбовые погреба. Важнейшей же мерой, принятой в это время, было учреждение образцового артиллерийского судна для приготовления специалистов по артиллерийскому делу и правильно организованное производство опытов по артиллерии. Опытами заведовала особая комиссия; в ее распоряжении находилась морская батарея, устроенная на Волковом поле. Первой заботой комиссии было пополнение важного недостатка нашей морской артиллерии: определение дальности полета снарядов и составление таблиц стрельбы. А в последующие годы своего существования «комиссия морских артиллерийских опытов» непрерывно производила исследования по всем наиболее важным открытиям и усовершенствованиям в морской артиллерии. Нечего и говорить о громадности принесенной ей пользы; практическое же применение добытых комиссией результатов производилось на образцовом судне.

Надо сознаться, что реформы коснулись главным образом Балтийского флота, а Черноморский, к счастью, был в несколько лучшем состоянии. Наступила Крымская кампания. Орудия, находившиеся на судах Черноморского флота, и значительные запасы снарядов и материальной части морской артиллерии, бывшие в Севастополе, дали возможность быстро вооружить севастопольские

бастионы и продолжать столь долго славную оборону родного порта. Этот выходящий из ряда случай употребления морской артиллерии для вооружения береговых батарей хорошо ознакомил сухопутных артиллеристов с особенностями морской установки орудий и со способами управления ими. Знакомство же это, как увидим ниже, дало весьма сильный толчок прогрессу артиллерийской техники.

III

*Общие причины дальнейших усовершенствований в артиллерии. —
Очерк этих усовершенствований в западных государствах. —
Появление броненосных судов. — Завод Круппа*

Из истории артиллерии известно, что после больших войн, где принимали участие великие европейские державы, возникает всегда усиленная деятельность по части артиллерии, потому что во время таких войн обыкновенно происходит проверка усовершенствований мирного времени, обнаруживаются нужды артиллерии и являются новые идеи ее употребления. Следуя этому общему закону, и морская артиллерия после напряженной работы в продолжение всей Восточной войны занялась, по заключении мира, рациональной разработкой весьма многих вопросов. Мы разумеем при этом артиллерию преимущественно западноевропейских государств. Под свежим впечатлением Синопского боя изобретатель бомбовых пушек, французский генерал Пексан, снова указывал на необходимость строить суда небольших размеров, защищая их от действия бомб железом и вооружая бомбовыми пушками. Идеи эти, подтвержденные боевым опытом, вскоре получили осуществление в постройке паровых фрегатов и корветов, покрытых железом.

Между тем в России, как мы уже говорили выше, решался вопрос о выборе достаточно сильных орудий для крепостей и судов. К началу 1858 г. вооружение наших винтовых неброненосных судов окончательно определилось: оно должно было состоять из пушек 36- и 60-фн. калибра, по силе мало чем отличавшихся от прежних, хотя конструкция новых орудий была основана на последних научных данных. Новые пушки и снаряды для них изготовлялись на олонечких и уральских горных заводах. Станки и все необходимые принадлежности делались в кронштадтских мастерских, распиленных и снабженных нужными механизмами. Результатом всех этих усовершенствований в течение пяти лет, с 1856 по 1861 г., было увеличение среднего веса снаряда на 9 1/2 фн., а среднего веса заряда на 2 фн. пороха. Более же серьезные улучшения и открытия по части артиллерии заставляют нас снова обратиться к западным державам.

В Австрийскую кампанию 1859 г. французская армия уже имела несколько батарей нарезных медных пушек, заряжаемых с дула, удивлявших всем своим действием. В Англии известный Армстронг начал в том же 1859 г. изготовление нарезных железных пушек, заряжаемых с казенной части, по изобретенной им системе. Пушки эти дали замечательные результаты в отношении дальности и меткости стрельбы; поэтому Армстронг решился готовить пушки и для флота, 40- и даже 100-фунтового калибра. Во французской морской артиллерии имевшиеся налицо чугунные орудия были обращены в нарезные, заряжавшиеся также с казенной части, по системе Трелль-де-Боллье. В Пруссии для полевой артиллерии были приняты стальные нарезные пушки, заряжаемые с казенной части, по системе Варендорфа. Другие государства Германии последовали примеру Пруссии. Италия производила исследования над чугунными нарезными орудиями системы Кавалли; защита Гаэтты показала их пригодность. Американцы, наконец, тоже не отставали от других в решении артиллерийских вопросов, стремясь создать прочные гладкостенные орудия больших калибров; здесь производились опыты над отливкой орудий по способу Родмана, с готовым каналом и с охлаждением изнутри, что придало чугунным орудиям необыкновенную прочность. У них появились совершенно новые типы орудий: колумбады, дальгреневские пушки 11- и 13-д. калибра. Но все эти разнообразно сконструированные, разнокалиберные орудия, хотя и обнаружившие некоторый прогресс в меткости и силе удара снарядов, оказывались бессильными произвести сколько-нибудь разрушительное действие на броненосные суда. А еще в 1855 г., при бомбардировании крепости Кинбурн, среди судов французского флота была канонерская лодка с обшитыми железом бортами, и наши снаряды, несмотря на близкое расстояние, безвредно отражались от ее железной защиты. Далее, удачное испытание в морях первых броненосцев — французского «La Gloire» и английского «Warrior» — доказывало возможность покрывать суда толстой железной броней, открывая новые, широкие пути в деле защиты судов от действия снарядов. И вот все усилия артиллеристов, естественно, направлялись на изобретение таких орудий, которые могли бы разбивать или пробивать бронированные суда.

Междоусобная война, вспыхнувшая в 1862 г. в Северо-Американских Соединенных Штатах, вызвала на путь усовершенствования артиллерии всю энергию американских техников. Южане быстро обзавелись броненосными судами; северяне не без успеха действовали против них гладкостенными 13- и 15-д. родмановскими орудиями, употреблявшимися, впрочем, по причине своего громадного веса, только для береговой обороны; а из судовых пушек грозными для

брони оказались только чугунные нарезные орудия системы Паррота, доходившие до 8-д. калибра. Англичане тем временем занялись исключительно нарезными железными, заряжаемыми с дула пушками, предложенными в 1861 г. Армстронгом и производившими своим 150-фн. ядром самое разрушительное действие на 4-д. броневую плиту. Французы, со своей стороны, преследуя идею достичь тех же результатов от чугунных, скрепленных кольцами пушек, продолжали исследования над орудиями этого рода.

Из всей этой массы исследований, открытий, усовершенствований резко выделились перед глазами техников всех стран результаты опытов над орудиями из литой стали. Опыты эти производились, как было указано выше, в Пруссии, на сталелитейном заводе Круппа, в Вестфалии, близ Эссена, сначала над 3-фн. пушкой, а затем над 12-фн. Необыкновенная прочность, меткость и дальность этих орудий (они выдерживали до 4025 боевых выстрелов, получая самые ничтожные повреждения) сразу выдвинули вперед завод Круппа и в короткое сравнительно время сделали его чуть не единственным центром пушечного производства.

IV

Влияние иностранных открытий по военно-морскому делу на состояние нашей артиллерии. — Открытие Обухова. — Важность открытия Обухова

Горячая, лихорадочная деятельность западных артиллеристов заставила и наше Морское ведомство зорко следить через постоянных агентов и по временам командированных за границу офицеров за всеми результатами борьбы между орудием и броней и с не меньшей энергией заниматься исследованиями нарезных орудий. В 1858—1859 гг. были испытаны две, первые в России, нарезные пушки 6,45-д. калибра — одна с двумя, другая с четырьмя нарезами, стрелявшие 60-фн. продолговатыми снарядами. Наконец, целый ряд опытов был произведен в 1860—1861 гг. В этот период времени были перепробованы орудия почти всех европейских систем: 3- и 4-д. железные нарезные пушки Армстронга; чугунная 6,4-д. калибра пушка, заряжавшаяся с дула, с пятью широкими нарезами; чугунная же 6-д. пушка, скрепленная стальными кольцами и заряжавшаяся с казенной части; наконец, 6-д. чугунное орудие, скрепленное с казенной части двумя железными цилиндрами и имевшее шесть нарезов в форме зубцов храпового колеса. Меткость и дальность всех этих орудий, изготов-

ленных в Англии или Америке, оказались далеко не удовлетворительными; кроме того, были произведены испытания орудий, приготовленных у нас, на Кронштадтском паровом заводе или в С.-Петербургском арсенале; из них наиболее удовлетворительным оказалось 30-фн. чугунное орудие, снабженное 8 нарезами упомянутой формы зубцов храпового колеса. Крупп же сделался известен у нас значительно позже своих первых опытов, а именно в 1855 г., и заказанные у него пробные орудия 12- и 60-фн. калибра превосходно выдержали испытания; следствием этого был ряд заказов Круппу с нашей стороны в последующие годы.

Приблизительно в это же время (1857 г.) у нас появился серьезный противник все возраставшего могущества Круппа, грозивший своими открытиями в области стального дела сильно подорвать его престиж. Это был Павел Матвеевич Обухов, горный инженер, или, выражаясь прежним языком, полковник корпуса горных инженеров, насадивший сталелитейное производство на русской почве. Остановимся же на некоторое время на деятельности знаменитого металлурга, как ввиду более или менее близкого знакомства с его открытием, ставшим уже достоянием истории технических изобретений, так и ввиду его близкой и непосредственной связи с основанием Обуховского завода. Он происходил из обер-офицерских детей, Вятской губернии, родился в 1820 г. Образование получил в Институте корпуса горных инженеров, при выпуске из которого в 1844 г. с званием поручика награжден Большой золотой медалью.

Начало сталепушечного производства в России относят к 40-м годам, ознаменованным замечательной деятельностью горного начальника Златоуста, генерал-майора Аносова; он начал получать литую сталь и готовить настоящий восточный булат, составляющий ныне чрезвычайную редкость. Говорят даже, что Аносов первый сделал попытку отлить стальное орудие.

Как бы то ни было, честь введения сталепушечного дела в обширных размерах принадлежит бесспорно П. М. Обухову.

Еще в 1854 г. Обухов начал получать тигельную сталь, из которой готовил в первое время клинки, кирасы и стволы, а в 1855 г. подал проект о приготовлении из нее артиллерийских орудий. Но до 1857 г. проекту этому не было дано никакого хода. В этом же году Его Императорское Высочество Генерал-Фельдцейхмейстер, обратив внимание на забытый проект Обухова, ходатайствовал о доставлении ему средств для устройства сталепушечной фабрики. Тогда Обухову была выдана десятилетняя привилегия на его изобретение и последовало Высочайшее повеление о шестимесячной командировке его за

границу для осмотра и изучения заводов для приготовления стали и орудий. Вскоре после этого он был назначен начальником Златоустовского горного округа, где и прошли лучшие годы его деятельности. Разрешение на постройку фабрики было дано в 1858 г. Первая фабрика, выстроенная в 1859 г., была названа в честь своего высокого покровителя Князе-Михайловской. Эта была литейная, с целым рядом связанных с ней фабрик, где производились работы по стале-пущечному производству.

К концу 1861 г. на фабрику были доставлены сверлильные, токарные и строгальные станки, воздуходушные цилиндры больших размеров и четыре паровых молота различного веса, один системы Конди, остальные Несмита. Самая же отливка стали по способу Обухова началась еще ранее. К незаменимым свойствам обуховской стали следует отнести необыкновенную упругость и вязкость: клинки для шпага, выделанные на Златоустовской оружейной фабрике по образцу испанских, вывезенных из Толедо, свободно свертывались в кольцо — разворачиваясь, они не изменяли нисколько своей первоначальной прямизны, — упругость, превосходящая всякое вероятие; при обточке орудий получались стружки длиной более 50 саж.; стальная пластинка в 1 д. шириной и 1 линию толщиной выдерживала, не ломаясь, от 50 до 60 гнутий в противоположные стороны, под углом до 90°. Наконец, совершенно точные опыты со стругами для строгания кож на ножны к тесакам и пашкам доказали, что, выкованные из английской стали, они обдeldывали только 50—80 кож, а струги из обуховской стали могли выстругивать в тридцать раз больше. Мало того, принимая в расчет только экономическую сторону дела, мы приходим к следующим выводам. Пушки из обуховской стали, совсем готовые, стоили 16 руб. 50 коп. за пуд, а сплошные орудийные болванки 10 руб. 35 коп. за пуд; пушки Круппа обходились нашему правительству 45 руб. за пуд и только в позднейшее время сравнительно понизились до 27 руб. за пуд. Таким образом, обуховские орудия были почти вдвое дешевле крупновских и, что самое важное, — правительство могло заказать орудия у себя, в России, а не за границею. Пробная 12-фн. пушка Обухова, испытанная в 1860 г. наряду с пушкой Круппа и при тех же условиях, блестяще выдержала испытание. Обухов тогда же получил от Морского ведомства заказ одного 4 1/2-д. и двух 6-д. стальных орудий; одно из них, а именно 4 1/2-д., было нарезано на Кронштадтском заводе по французской системе разветвляющихся нарезов, испытано в 1863 г. 5- и 6-фн. зарядами и снарядами в 30 фн., разорвалось от заклинения снаряда на 511-м выстреле; судьба остальных двух неизвестна (см. Приложение II).

V

Необходимость расширения сталелитейного дела в России. — Комитет под председательством адмирала графа Путятина. — Н. И. Путилов. — Окончательное постановление Комитета. — Товарищество для основания и эксплуатации Обуховского сталепушечного завода. — Работы по устройству завода

Между тем открытие Обухова, плоды которого можно было показать только по истечении довольно солидного периода времени, что и показали дальнейшие события, да и остальные наши исследования не подвигали ни на шаг дела, составлявшего главную заботу Морского ведомства: выделки в России большекалиберных орудий, достаточно разрушительно действовавших на броню и пригодных для постановки на суда. Положим, и на западе артиллерия была далеко не в блестящем положении, хотя бы вследствие массы новых орудий, появившихся, как грибы после дождя, но так же скоро и исчезающих по непригодности: борьба с броней давала себя знать. Все это отнюдь не помешало нарезным орудиям 6- и 7-д. калибра появляться как в английском, так и во французском флоте; наш же флот не имел ничего лучшего 60-фн. пушек, значение которых умахало со дня на день, и притом с необычайной стремительностью. Самое же главное и самое опасное преимущество иностранцев перед нами состояло вот в чем: все вновь изобретающиеся орудия они готовили на своих собственных заводах; наши же технические заведения не были в силах не только соперничать с иностранными заводами, но даже и слепо подражать им. Да и понятно почему. Попытка изготовить на Урале железное орудие по способу Армстронга кончилась полной неудачей. Князе-Михайловская фабрика была еще в зачаточном состоянии, да и не имела средств для надлежащей проковки и отделки орудий; тем более что самый большой 550-пуд. молот, предназначенный дляковки 24-фн. пушек (выше этого калибра фабрика не могла изготовлять орудий), был поврежден во время установки. Чугунно-пушечные заводы могли, положим, изготовлять хорошие гладкостенные орудия; но чугун — на это ясно указывали опыты — без скрепления его железом или сталью был совершенно не годен для выделки нарезных пушек; а нужных для этой операции приспособлений на заводах не имелось. Оставались арсеналы сухопутного ведомства, но они, естественно, должны были направлять свою деятельность на приготовление полевых орудий.

Это печальное положение вместе с крайне неопределенными результатами производимых у нас опытов заставило Морское ведомство прийти к твердому убеждению, что двигаться в столь важном деле

все тем же медленным шагом никак нельзя. В противном случае мы свободно могли очутиться в том же положении, в каком были перед Крымской кампанией, когда у нас не было ни винтовых судов, ни нарезных ружей, а у наших противников — изобилие и того и другого. Нерешительность и вялость действий при выборе материала для орудий и создании заводов для их изготовления коренилась, что и было заявлено Морским ведомством, в разделении этого труда между тремя ведомствами: Морским, Военным и Горным, действовавшими каждое в своих выгодах и с своей точки зрения. Но покойный Генерал-Адмирал Великий Князь Константин Николаевич энергически повел дело, образовав, с Высочайшего разрешения, особый комитет из представителей всех трех ведомств под председательством адмирала графа Путятина, чем устранялось помянутое разногласие. Комитет должен был в возможно короткий срок дать точный ответ на целый ряд вопросов: 1) в чем состоит сущность требований Морского и Военного ведомств относительно количества, качества и типа орудий и брони; 2) могут ли существующие у нас заводы удовлетворить этим требованиям; 3) какие приспособления необходимо на них сделать для скорейшего удовлетворения этих требований; 4) если существующих заводов недостаточно или они не способны выполнить свое назначение, то в каких местностях, в каком объеме и числе должны быть сооружены новые заводы и пр. Как видно, заданные комитету вопросы были весьма важны, и разрешение их вызвало горячую полемику между представителями различных отраслей техники, имевших отношение к комитету или прямо участвовавших в нем.

Ответ на первый вопрос был почти единодушен: большекалиберные орудия какой бы то ни было системы, способные выдерживать стрельбу бронебойными снарядами, могут быть изготовлены только из железа или литой стали. А так как выделка железных орудий представляет такие трудности, что даже в Англии только один завод Армстронга сколько-нибудь удовлетворительно изготавливает их, то нам следует остановиться на выделке стальных орудий; последнее тем легче, что открытие Обухова дает надежду обойтись в этом случае без помощи иностранцев. Что же касается последующих вопросов, то вообще необходимость расширения существующих и основания где-либо нового сталепушечного завода была, разумеется, осознана всеми, но при более детальной разработке этих данных мнения тотчас же разделились. Часть, преимущественно представители Горного ведомства, ратовала за утверждение сталелитейного производства на Урале, в Златоустовском округе и за расширение Князе-Михайловской фабрики; часть же доказывала необходимость основания сталепушечного завода под Петербургом.

Горячим проводником и ревнителем последней идеи явился Николай Иванович Путилов, известный в то время деятель по стальному производству. Необыкновенные административные способности, сильный живой ум и колоссальная эрудиция этого человека по всем отраслям знания давно уже выдвинули его в деле удовлетворения нужд отечественного флота, которому он служил сначала в качестве морского офицера, а затем в качестве организатора различных технических предприятий. Понятно, что мнение подобного лица должно было обратить на себя особенное внимание комитета, тем более что он являлся представителем и мнения Обухова, с которым делил выгоды и невыгоды его десятилетней привилегии; а Обухов, несомненно, имел права на признание за собой некоторой компетентности в области сталелитейного дела. Под давлением этих соображений комитет пришел, наконец, к следующим выводам. Строить завод около Петербурга, а не в Златоусте, где существовала уже Князе-Михайловская фабрика, необходимо было потому, что, хотя помянутая фабрика и имела средства для отливки стальных болванок весом до 400 пудов, но на ней не имелось ни достаточно сильного молота дляковки даже и таких болванок, ни всех механических средств для их отделки; а расширение этой фабрики являлось делом крайне неудобным вследствие условий чисто местного характера. Постройка же завода в какой-либо другой местности Урала потребовала бы больших расходов и массу времени в доставке туда из-за границы машин и станков для отделки орудий, да и готовые орудия пришлось бы еще отправлять к центру нашей морской деятельности, в Петербург, в Черное море и к другим приморским крепостям. Кроме того, при новизне сталепушечного дела и непрерывном прогрессе артиллерийской техники нужно было дать новому заводу возможность постоянно, без потери дорогого времени сноситься с учреждениями, где решались все технические вопросы по артиллерии и все затруднения в самом производстве. Разумеется, более удобного в последнем отношении пункта, чем столица, нельзя было найти.

Результатом этих выводов было постановление комитета в мае 1862 г. о необходимости закладки под С.-Петербургом нового завода, способного изготавливать большекалиберные орудия из литой стали полковника Обухова, для вооружения флота и крепостей*. Но осуществление этого постановления оказалось с первых же шагов на пути к нему делом далеко не легким. Обязанность снабжать флот и

* Чтобы увеселить воспоминания о знаменательном постановлении комитета, товарищество Обуховского завода украсило сталелитейную мастерскую бюстами генерал-адъютанта Краббе и трех членов комитета, наиболее содействовавших благоприятному делу завода исходу дела: Свиты Его Величества генерал-майора Грейга, вице-адмирала Восводского и морской артиллерии генерал-лейтенанта Терентьева.

крепости пушками лежала на Горном ведомстве, находившемся в то время под ведением Министерства финансов; главную же задачу последнего составляют, как известно, вопросы государственной экономики. Между тем постройка предположенного комитетом завода требовала прежде всего затраты очень крупного капитала, затраты, сопряженной с большим риском, так как отливка стали в больших массах была новостью не только у нас, но и за границей. Поэтому Министерство финансов, естественно, отнеслось к этому делу с крайней сдержанностью и осторожностью. Но для Морского ведомства приготовление в России большекалиберных орудий было потребностью первостепенной важности, перед которой отступало на второй план все остальное: ведь броненосцы без соответственной артиллерии утрачивали всякое значение. Ясно сознавая это, Морское министерство в лице управляющего им генерал-адъютанта Краббе пришло к решению действовать помимо Горного ведомства, водворив у нас сталепушечное производство через основание в окрестностях столицы частного завода, который бы при поддержке со стороны Морского министерства и постоянных заказах от Морского ведомства развивался самостоятельно; этот же завод мог бы удовлетворять потребностям и частной промышленности. Последнее обстоятельство особенно важно, так как развитие промышленной деятельности, немислимое на казенном заводе, несомненно, могло бы понизить ценность орудий: завод Круппа, занявшись производством стальных рельсов, шин, осей, локомотивов для железных дорог, понизил цены пушек с 45 до 27 руб. за пуд. Русская артиллерия должна быть признательна генерал-адъютанту Краббе за это решение, утвердившее в России сталелитейное дело.

Обухов и Путилов не имели средств не только для ведения этого огромного дела, но даже и для обеспечения его законными залогами; необходимо было пригласить к участию в предприятии человека, имевшего нужные деньги. Им оказался известный Морскому ведомству по своей состоятельности подрядчик Кудрявцев, решившийся затратить свой капитал на новое, да к тому же и рискованное дело. Таким образом возникло товарищество, заключившее с Морским ведомством контракт. От контрагентов требовались орудия, заряжавшиеся с дула, как лучшие в то время, весом в 500 пудов; потребности в больших орудиях еще не было, так как и вес крупновских пушек не превышал 500 пудов. Морскому ведомству предоставлялось, конечно, право изменять систему орудий и увеличивать их вес и калибр по особому в этом случае соглашению с контрагентами относительно цен и условий поставки.

Почти тотчас же вслед за заключением контракта Путилов принялся с обычной своей энергией за грандиозное дело постройки

завода. Местность, уступленная под завод, благодаря высокому покровительству Его Императорского Высочества Принца Петра Георгиевича Ольденбургского, оказалась крайне выгодно расположенной — на большом водяном пути, вблизи от Николаевской железной дороги — и по величине вполне подходила к своему назначению — поместить на себе вечно растущий по объему сталепушечный завод. Несколько солидных каменных зданий, доставшихся товариществу вместе с землей, были весьма быстро утилизированы. Обширность их размеров, равно как и число и удобство заключавшихся в них помещений, заставили обратить некоторые из них в квартиры для служащих и рабочих; некоторые же были назначены под цеха сталепушечного производства, слагающегося, как известно, из множества отдельных операций. Два огромных, вновь возведенных каменных корпуса вместили в себя сталелитейный и пушечносверлильный отделы. В течение этого же 1863 г. было приспособлено здание для отделки стальных орудийных болванок; заказаны за границей необходимые машины, молоты и механические станки; начато приготовление тиглей для плавки стали. Знакомые уже с делом мастера и рабочие, недостаток в которых сильно ощущался, были выписаны с Урала; целая артель литейщиков обучалась на другом заводе, арендуемым Путиловым же, чтобы немедленно, как только будет готова литейная, приступить к самому процессу отливки стали.

Грандиознейшим делом этого полного кипучей деятельности года было сооружение фундамента под 35-тонный гигант-молот; фундамент вместе со стулом под наковальней должен был выдерживать удары, по силе равные 420 т.-ф. Смелость этого предприятия, честь выполнения которого принадлежит тому же Путилову, оригинальность плана и полный успех, увенчавший предприятие, долго привлекавшее к себе умы лучших техников и инженеров не одной только России, вполне заслуживают подробнейшего рассмотрения. Мы счастливы, что можем развернуть перед глазами читателя поучительную картину неустанной, упорной борьбы человеческой мысли с неопределенностями геологических данных, труднопроницаемой почвой, водой, климатом и недостатком приспособлений. В конце статьи мы помещаем журнал работ фундамента 35-тонного молота, производившихся под наблюдением техника Ватерса (Waters), одного из деятельнейших участников в этом трудном деле. Написанный простым, ясным и точным языком, этот журнал с подробными чертежами является лучшей иллюстрацией ко всему вышесказанному*.

* Не публикуется, содержит многочисленные технические подробности, расчеты и схемы. См. «Морской сборник», № 8, 1901 г. (*Прим. ред.*)

VI

Первые отливки на Обуховском заводе. — Затруднительное положение завода и его причины. — Вторая ссуда денег заводу. — Соображения Морского министерства. — Условия этой ссуды. — Переход управления заводом к Морскому министерству

Громадный труд установки молотового фундамента отнюдь не был вызван желанием создать в самом начале нового предприятия нечто необыкновенное, хотя бы и сверх сил и средств, как может показаться с первого взгляда. Административный талант и любовь к самому делу Н. И. Путилова уже сами по себе служат достаточным доказательством неосновательности подобных предположений, но, допуская даже увлечение с его стороны, мы должны все-таки совершенно отказаться от всяких подозрений при беглом взгляде на фактические данные: в течение того же года Путилов водворил на другом, ему же принадлежащем заводе выделку закаленных чугуновых снарядов, несмотря на современную сложность и неопределенность этого процесса; он же первым в России начал изготавливать снаряды из пудлинговой стали, прекратив их приготовление только тогда, когда достиг возможности вырабатывать снаряды из закаленного чугуна, не уступавшие первым в прочности и степени поражения; наконец, устройство сталелитейной и механических мастерских Обуховского завода было окончено гораздо раньше возведения фундамента для молота.

Устройство мастерских дало возможность к концу первого же контрактного (1864) года, 15 апреля, произвести первую на Обуховском заводе отливку в 294 пуда, причем отлито было семь болванок для 4-фн. орудий, 42 пуда каждая, а 30 апреля завод удостоился посещения Государя Императора Александра II. В присутствии Государя была отлита болванка для 8-фн. пушки весом в 96 пудов. Но первая стальная пушка Обухова, появившаяся в С.-Петербурге, была отлита не на Обуховском заводе: ее торжественно, в присутствии многих лиц Морского и Военного ведомств, отлил сам Обухов еще 4 января 1864 г. на заводе, арендованном, как мы уже говорили, тоже Путиловым. Начав, таким образом, отливку пушек малых калибров, учредители завода приступили и к производству большекалиберных пушек: в апреле же была отлита болванка в 752 пуда для 9-д. орудия, вторая такая же болванка была отлита 8 октября того же года.

Начало было блестящее. Но дальнейшая деятельность завода была в весьма сомнительном положении, по обстоятельствам крайне разнообразного характера. Поставить всякое металлургическое

производство — значит установить дело так, чтобы во всякое время завод был в состоянии изготовить изделия требуемого качества и достоинства. А это возможно только тогда, когда производителям удастся подметить и усвоить себе все те условия, при которых в изделиях завода являются желаемые физические свойства. Этим и должно объяснить то обстоятельство, что всякое дело вначале не ладится, и эта неполадка длится, пока не сформируются техники и артель умелых и опытных рабочих. Князе-Михайловская фабрика не выдержала периода неполадок; казенный Пермский завод выдержал только благодаря тогдашнему директору Горного департамента Рапшету да знаниям и энергии горного инженера Воронцова. Неполадка же сильно отозвалась и на Обуховском заводе, не играя, однако, главной роли в изложенных ниже событиях.

В первое же время своего существования Обуховский завод дал осязательно почувствовать, с какими огромными затруднениями сопряжено водворение у нас нового производства, особенно если это производство идет гигантскими шагами по пути усовершенствований. Едва только успел завод хоть сколько-нибудь прочно установить свою деятельность — техника сталелитейного дела сделала громадные успехи, чуть не в корне изменив прежние способы и приспособления; так что это вполне патриотическое предприятие — с его существованием была тесно связана не только наша независимость от иностранцев в важной отрасли промышленности, но и самая безопасность государства — грозило потерпеть крушение. Вес орудий увеличивался чрезвычайно быстро, конструкция усложнилась — все это требовало новых и новых затрат.

А между тем вот в каком положении вследствие того же безденежья находился завод: литейная часть не была еще организована надлежащим образом; дляковки орудий был установлен во временном помещении только один 3-тонный молот; более же сильные молоты, в 15 и 35 т, не только не были установлены, но для них не имелось ни наковален, ни даже здания; отделочная мастерская не имела никаких механических средств; изготовление тиглей для плавки уже просто не ладилось — велось далеко не удовлетворительно; не было введено собственного пудлингового производства, а полученные доброкачественных сырых материалов, понятно, не могло быть обеспечено. Словом, многое надо было оканчивать и переделывать, а еще больше начинать вновь, да еще бороться с неизбежной и всеохватывающей неполадкой. О выполнении правительственного заказа, а следовательно и о возможности кредита, нечего было и думать: контрагентам уже выдано было в виде задатков до 930 000 руб.; все эти деньги, вместе с их собственными, ушли на постройку. Но что-нибудь надо же было сделать для выхода из этого отчаянного поло-

жения. Поэтому в октябре 1864 г. Обухов, Путилов и Кудрявцев обратились к управляющему Морским министерством с просьбой о выдаче им на окончание завода ссуды в 460 000 рублей.

Таким образом, к концу 1864 г. Морскому министерству предстояло: или признать предпринимателей неисправными подрядчиками и взыскать с них казенный долг, что повело бы к совершенной гибели завода; или же настойчиво преследовать поставленную цель создания завода и в таком случае решиться не отступать ни перед какими расходами, а идти к своей цели медленно, но верно, не ожидая скорого изготовления большекалиберных орудий.

Первое решение вопроса, конечно, было менее рискованно и менее ответственно, а следовательно, и более всего удобоисполнимо. Это был бы естественный, законный ход неудавшегося казенного подряда; но зато он и оставил бы снабжение нашего флота пушками в прежней зависимости от иностранцев. Положим, приобретение новых стальных орудий за границей являлось наиболее быстрым и легким способом вооружения наших судов, но при тогдашнем переходном состоянии дела во всех государствах (продолжающемся, в смягченной форме, и поныне) подобное мероприятие было бы весьма близко к непроизводительной затрате огромного капитала. Оно несколько не обеспечивало бы государственной безопасности, так как приобретенные за границей орудия могли тотчас же вслед за доставкой их оказаться устаревшими и требующими переделки или замены лучшими.

Верность последнего вывода была подтверждена горьким опытом. В 1863 г. Круппу было заказано двадцать четыре 9-д. нарезные пушки с чугунными оболочками и шестьдесят восемь 8-д. нарезных пушек, и те и другие заряжались с дула. Только что были доставлены, в начале 1864 г., двадцать восемь 8-д. и двадцать две 9-д. пушки, как целый ряд опытов и исследований у нас и за границей, в то самое время, когда производилась доставка, привел к твердому заключению, что единственно пригодными для флота орудиями должно признать стальные нарезные пушки, заряжающиеся с казенной части, по системе того же Круппа. Оставалось только опять предложить Круппу приготовить остальные 40 заказанных 8-д. орудий по новому образцу, что и было, разумеется, сделано, а наш флот оставался без нужных орудий.

Ввиду всех этих соображений Морское министерство остановилось на втором решении, хотя и более трудном и ответственном, и согласилось выдать контрагентам испрашиваемую ими ссуду в 460 000 руб. Но с выдачей этой суммы долг товарищества Морскому министерству достигал солидной цифры в 1 300 000 руб.; поэтому министерство решило принять непосредственный надзор и прямое

участие во всех операциях завода, как хозяйственных, так и технических. Для этой цели было признано необходимым: во главе завода поставить доверенное лицо от Морского ведомства, предоставив ему полную самостоятельность в распоряжениях в пределах смет и программ действий, забота о составлении и контроль которых лежали на особом правлении; деятельность частных учредителей ограничить лишь участием в этом правлении, состоящем, кроме учредителей, из двух членов от Морского ведомства, с возложением на одного из последних обязанностей председателя; выдачу денег из новой ссуды производить по частям и преимущественно кредиторам завода, каждый раз с разрешения управляющего Морским министерством.

На этих основаниях и было составлено положение об управлении Обуховским заводом, Высочайше утвержденное 15 февраля 1865 г. Частные учредители обязывались особой подпиской подчиняться новому порядку дальнейшего ведения дела, пока выданные заводу ссуды не будут возмещены. В январе 1865 г. для управления заводом был назначен капитан-лейтенант (ныне генерал-лейтенант, член Адмиралтейств-Совета) А. А. Колокольников; он обладал обширными познаниями в заводском деле, приобретенными во время многолетних сношений с английскими заводами в качестве агента Морского ведомства. На А. А. Колокольцова было возложено дальнейшее устройство завода и приготовление орудий во всех его фазисах, исключая само литье стали и связанных с ним производств, которые были оставлены в заведование и на ответственности Обухова.

В конце того же 1865 г. Обухову, по его желанию, был назначен помощник в лице полковника (впоследствии генерал-лейтенанта) морской артиллерии Мусселиуса, хорошо ознакомившегося с научной стороной сталелитейного дела на заводе Круппа. Он же был известен как составитель замечательных в научном и техническом отношении проектов по вопросам о нарезных орудиях и броненосных снарядах. Года через три здоровье Обухова, расстроенное непосильной и неустанной деятельностью, заставило его покинуть завод; он уехал за границу, где прожил всего год: в январе 1869 г. Обухова не стало. Путилов уклонился от участия в делах завода еще ранее. Таким образом, *de facto* товарищество перестало существовать.

VII

Третья ссуда заводу; ее условия. — Испытание первых пушек, изготовленных на Обуховском заводе (1865—1866)

Еще в середине 1865 г. окончательно выяснилось, что завод должен быть готов перейти к изготовлению нарезных, заряжающихся с

казенной части орудий. Вес болванок увеличился благодаря этому до 760 пудов. Понятно, что отливка таких болванок, весом в 1½ раза более условленных в контракте, влекла за собой расширение сталелитейной, приобретение усовершенствованных механизмов для отделки орудий новой конструкции и, наконец, постройку новых мастерских. На все это, по представленной начальником завода смете, требовалось до 1 200 000 руб., кроме оставшихся от последней ссуды денег.

Нечего и говорить, что товарищество не могло располагать такой суммой.

Правление завода вновь обратилось к Морскому министерству с ходатайством об отпуске нужных средств. Первоначальные соображения Морского министерства, изложенные выше, относительно необходимости иметь вблизи столицы завод для изготовления больших орудий, не только не утратили своего значения, но приобрели еще большую силу под влиянием все увеличивавшегося прогресса артиллерийской и кораблестроительной техники во всех государствах. Поэтому новая ссуда была утверждена на следующих условиях: последняя и все прежние ссуды заводу обеспечиваются движимым и недвижимым имуществом завода; погашение же их производится путем удержания задатков при будущих заказах Морского ведомства и поступления в казну половины чистого дохода со всех операций завода. Таким образом завод получил средства для дальнейшего своего развития.

Обратимся теперь к самой деятельности завода.

Из отлитых уже болванок было изготовлено по одной контрольной пушке 4-, 8-, 12- и 24-фн. калибра, специально для испытания прочности изготавливаемых заводом орудий, пока еще заряжаемых с дула; каналы в пушках были оставлены гладкими, но для стрельбы из них употреблялись цилиндры одинакового веса с продолговатыми снарядами.

Первой была испытана в 1865 г. 4-фн. пушка. После 1000 боевых выстрелов зарядом в 2 фн. цилиндром в 14 фн. решено было довести орудие до разрыва, чтобы убедиться в степени однородности и доброкачественности металла. С этой целью дальнейшая стрельба производилась при постепенном увеличении заряда до 4 фн. пороха, а число цилиндров — до семи, так что ими заполнялся весь канал, общий же вес всех этих цилиндров достигал 98 фн. Орудие разорвалось только после 224 усиленных выстрелов.

Далее, 8-фн. пушка, испытанная в 1866 г., выдержала 2747 боевых выстрелов при заряде в 4 фн. пороха, цилиндром в 27 фн., и кроме того 253 усиленных выстрела двумя и тремя цилиндрами: всего

3000 выстрелов. Это замечательное орудие было отправлено на Парижскую выставку 1867 г., а затем поступило в Морской музей.

12-фн. пушка выдержала без повреждений 1000 выстрелов зарядом в 7½ и цилиндром в 49 фн., а 24-фн. — столько же выстрелов зарядом в 9½ — цилиндром в 96 фн.; последнее орудие было отправлено на Парижскую выставку.

Столь удовлетворительные результаты испытаний обуховских орудий служили залогом блестящего будущего завода и еще раз подтвердили всю громадность пользы, принесенной открытием знаменитого русского техника Обухова.

VIII

Новые финансовые затруднения. — Невозможность устранить их путем новой ссуды. — Заказ Артиллерийского ведомства; его условия. — Обуховский завод на Московской политехнической выставке 1872 г. — Испытания 11- и 12-д. орудий; их результаты. — Таблица приходов и расходов завода за 1863—1875 гг.

Со времени принятия Обуховского завода в ведение Морского ведомства возможно скорейшая сдача орудий, естественно, перестала составлять главную, часто идущую в разрез с работами по устройству завода, задачу его администрации. Это крайне благотворно действовало на состояние завода. Таким образом, вся деятельность начальника завода могла направиться на то, чтобы литье, ковка и отделка орудий были поставлены на правильных и твердых основаниях. Возводились новые, обширные мастерские; приобретались и устанавливались в них нужные механизмы и молоты; 35-тонный молот Мориссона, выписанный Путиловым, с массивным железным штоком и двумя паровыми кранами, поместился на давно готовом фундаменте; сталелитейная часть совершенствовалась по мере накопления необходимых практических данных; вводился отжиг орудийных болванок; ковка их совершалась на основании научных исследований, опять-таки проверенных опытом.

Вся эта деятельность выразилась в целом ряде самостоятельных улучшений то той, то другой отрасли, проведенных в течение последующих 7—8 лет; каждое улучшение находило себе осязательную форму в выпускаемых заводом изделиях.

Успешный ход дел завода сильно задерживался в это время финансовыми затруднениями. Еще к лету 1868 г. были израсходованы ссуды в 460 000 руб., 1 200 000 руб. и 300 000 руб., последняя ссуда была выдана заводу в счет стоимости изготовлявшихся и передель-

вавшихся пушек; по смете же расходов на 1868 г. требовалось 939 000 руб., как на окончание заводских сооружений, необходимых для выделки и скрепления пушек, так и на покупку сырых материалов. Сдача орудий как средство получить известную сумму денег еще не могла быть начата в сколько-нибудь значительных размерах ни в этом, ни в следующем году; все следовавшие заводу платежи и его личные денежные средства не превышали 384 000 руб. Ясно, что завод не мог продолжать своей деятельности без денежной поддержки со стороны частных учредителей или казны; поэтому учредителям было предложено заявить категорически: имеют ли они и намерены ли употребить на нужды завода какие-либо собственные средства. Как мы уже говорили, товарищество перестало существовать, а потому никакого ответа на заданный вопрос, разумеется, не последовало. Но деньги требовались немедленно.

Ввиду этих обстоятельств Его Императорское Высочество Генерал-Адмирал Константин Николаевич испросил 8 июля 1868 г. Высочайшее разрешение на отпуск Обуховскому заводу 500 000 руб. для уплаты за ожидавшиеся от него орудия, а также на внесение в сметы министерства и на будущее время денежных сумм, необходимых для поддержания завода, с выдачей их по мере надобности.

Так как с выдачей заводу денег этим порядком он уже терял значение вполне частного предприятия, то то же Высочайшее повеление возложило на Морское министерство поручение следующего рода: выработать проект дальнейших отношений Обуховского завода к Морскому ведомству; решить, какое участие в делах завода может быть оставлено частным учредителям; определить, наконец, какие должны быть приняты меры для возмещения как прежних ссуд заводу, так и сумм, которые должны отпускаться на будущее время.

Однако исполнение этого высочайшего повеления встретило весьма важные затруднения вследствие сложности и неопределенности формальных и юридических отношений учредителей к казне и между собой. Смерть Обухова и Кудрявцева, умершего еще ранее, и переход их прав к наследникам еще более затрудняли дело. Денежный расчет с заводом, необходимый для определения размеров его долга казне, также не мог быть произведен до определения цен на изделия завода, а последнее нельзя было сделать правильно до установления валовой выделки орудий всех калибров; выделка же, в свою очередь, замедлялась неоконченностью в устройстве завода и непрерывными изменениями в конструкции пушек, а стало быть, и в стоимости их.

К счастью, этот трудный вопрос вскоре получил временное разрешение. Сухопутно-артиллерийское ведомство предложило ряд приказов заводу, убедясь при пробе 8- и 9-д. орудий в их полной благо-

надежности. Первый наряд на сорок 9-д. пушек для береговых батарей состоялся в конце 1871 г., а за ним последовали и другие — на мортиры, 8-д. пушки и осадные орудия.

При этом Военное ведомство поставило непременно условием, чтобы система управления заводом не изменялась во время испытания заказов без предварительного соглашения с ним. Что же касается платежей, то они производились на тех началах, на каких делался расчет с заводом Круппа: треть стоимости орудий выдавалась при заказе, треть по истечении четырех месяцев и последняя треть по сдаче орудий.

Таким образом, Обуховский завод становился на время в независимое финансовое положение.

С 1872 г. поставка орудий Морскому и Военному ведомствам пошла уже без всяких остановок. Начав валовое производство 8- и 9-д. скрепленных орудий, завод с полной уверенностью в успехе приступил к изготовлению пробных орудий 11- и 12-д. калибра.

Отделанный ствол для 12-д. орудия был послан на Московскую политехническую выставку 1872 г. Для отливки этого ствола была употреблена масса стали в 2400 пудов; в обточенном и высверленном виде ствол весил 1200 пудов, указывая своими размерами и качеством стали на средства завода и на достигнутое им искусство.

На этой же выставке как наглядное свидетельство процветания завода появились и другие стальные нарезные орудия, принятые тогда во флоте. Помещаем ниже перечень их калибров.

I. 9-д. орудие — скреплено двумя рядами колец, весом 945 пудов; вес боевого заряда — 52 фн. призматического пороха, вес снаряда — 300 фн.; этими орудиями вооружались все бапенные броненосные суда прежней постройки.

Представленное на выставку орудие замечательно тем, что было первым орудием большого калибра, приготовленным на Обуховском заводе. При испытаниях в 1869 г. оно выдержало 700 выстрелов. Так как изготовление этого орудия было начато в то время, когда конструкция больших скрепленных орудий не была еще окончательно избрана, то оно несколько отличалось от 9-д. орудий позднейшей конструкции, немного более длинных и тонких.

II. Тип 8-д. орудия. Эти орудия были скреплены одним рядом колец и весили 564 пуда; вес боевого заряда 31,5 фн. призматического пороха, вес снаряда — 200 фн.

Выставленное орудие принадлежало к первой партии из 22 таких орудий, приготовленных заводом для Морского ведомства. При испытаниях в 1870 г. оно превосходно выдержало 1300 выстрелов и осталось после стрельбы вполне пригодным для службы. Такого

большого числа выстрелов еще не было сделано ни из одного стального нарезного орудия большого калибра.

Подобными орудиями вооружались полуброненосные суда, а также паровые деревянные фрегаты и корветы, предназначенные для заграничных плаваний.

III. 6-д. орудие — скрепленное рядом колец весило 280 пудов; вес боевого заряда — 20 фн. призматического пороха, вес снаряда — 100 фн. Такими орудиями вооружались деревянные паровые корветы и морские канонерские лодки.

IV. Образец 9-фн. пушки. Эти пушки весили 48 пудов; вес боевого заряда равнялся 3-фн. обыкновенного пороха, вес же гранаты — 27,5 фн. Они входили в вооружение винтовых корветов и клиперов наряду с 6-д. орудиями; их же ставили на военные шхуны, легкие пароходы и транспорты.

V. 4-фн. пушка — весила 23 пуда; вес боевого заряда — 1,5 фн. обыкновенного пороха, вес гранаты — 14 фн.

Эти пушки, как и 9-фн., назначались для вооружения военных судов; преимущественно же они употреблялись для вооружения военных шлюпок и для действия на берегу, во время высадки с судов десанта, когда морская артиллерия обращалась в полевую. Представленная на выставку пушка была поставлена на железный лафет, предназначенный именно для действий на берегу.

Кроме пушек Обуховский завод представил на политехническую выставку еще следующие предметы:

1) коллекцию сырых материалов, употребляемых Обуховским сталелитейным заводом на изготовление стали, как-то: чугуна, пудлинговой стали, руды и марганца, с подробными химическими анализами;

2) образцы в кусках стали различных качеств и сортов, с показанием результатов ее физических и химических испытаний;

3) образцы сырых материалов, употребляемых для тиглей и кирпичей, с химическими анализами, а также готовые тигли и кирпичи;

4) образцы газовых реторт, приготовляемых Обуховским заводом из боровичской глины;

5) железнодорожные принадлежности, изготовлявшиеся на Обуховском заводе, колеса, оси и шины различных систем. Изделия этого рода были изготовлены заводом для русских железных дорог в следующем количестве: шин вагонных, локомотивных и тендерных — до 12 000 штук; осей — до 2000; колес различных систем — до 2000;

6) образцы ружейных стволов, изготовляемых заводом для Военного министерства в количестве 25 000 экземпляров в год;

7) модель 50-тонного парового молота;

8) фотографические снимки различных мастерских.

При дальнейшем проектировании чертежей 11- и 12-д. орудий завод обнаружил уже известную техническую самостоятельность: он не следовал слепо чертежам Круппа, а пользовался главным образом исследованиями и указаниями своих техников, изменив способ скрепления кольцами, число и размещение по стволу самих колец, помещая их кроме казенной и в дульной части орудия.

Первые пробные пушки 11- и 12-д. калибра были окончены в 1873 г.; из них 11-д. испытана стрельбой тогда же. Было сделано 500 выстрелов, зарядами в 100 фн. пороха (для крупновских 11-д. орудий принят заряд в 91½ фн.) и снарядами в 520 фн.

Результаты испытания оказались превосходными: орудие получило до такой степени незначительные повреждения в канале, что его можно было употребить для вооружения канонерской лодки «Ерш» и продолжать стрельбу тем же зарядом в 100 фн. Заметим, это был первый в то время пример серьезного испытания 11-д. орудия не только у нас, но и за границей. Весьма важно также, что испытание подтвердило верность соображений, принятых при составлении чертежей для орудий обоих калибров.

Почти в то же время на заводе была произведена стрельба и из 12-д. пушки: всего три выстрела зарядом в 100 фн. и шесть выстрелов — зарядом в 126 фн. обыкновенного призматического пороха. При последних выстрелах оказалось, что обыкновенный порох развивает чрезвычайно большое давление газов в канале (от 3650 до 4420 атмосфер), давление, совершенно несообразное с развиваемыми в 11-д. пушке (2500 атмосфер). Поэтому, прекратив дальнейшую стрельбу, завод обратился к поиску соответствующего сорта пороха. С этой целью из того же орудия была произведена стрельба английским, шведским и охтинским порохом плотностью 1,75; орудие было установлено на Кронштадтском форте «Константин», так как пригодного места в Петербурге не было. При этой пробе было сделано уже 82 выстрела; подвергать 12-д. пушку дальнейшему испытанию было излишним, и орудие поступило на корабль «Петр Великий» вместе с тремя пушками того же калибра.

Видя результаты этих испытаний, завод перешел к валовому производству 11- и 12-д. орудий для флота, а в 1874 г. получил заказ от Военного ведомства на семьдесят три 11-д. пушки, впоследствии же еще на тридцать.

На Венской всемирной выставке 1873 г. было экспонировано 12-д. обуховское орудие, вполне отделанное; наибольшее же из выставленных Круппом орудий было также 12-д. Таким образом, через десять лет со времени основания Обуховского завода наибольшие и

притом одинакового достоинства пушки были выставлены заводом Круппа и Обуховским.

Постоянно преследуя главную цель основания Обуховского завода — поставить сталепушечное дело в России вне зависимости от иностранных заводов, — Морское ведомство не переставало следовать и за быстрым расширением области применения стали в железнодорожном, машинном и кораблестроительном деле. Ясно было, что расчет исключительно на правительственные заказы предметов военно-морского дела не может в данное время упрочить положения завода; для этого необходимо было возможно большее развитие производства стальных изделий, требующихся для промышленных надобностей.

Еще в 1865 г., когда наши железные дороги начали вводить в употребление стальные шины и оси, по примеру заграничных, на Обуховском заводе было установлено производство шин, колес и осей для вагонов, тендеров и локомотивов и главных частей для больших паровых машин. А на С.-Петербургской мануфактурной выставке 1870 г. завод экспонировал: локомотивные и вагонные стальные шипы диаметром от 3 до 8 ф., из которых одна была согнута в восьмерку в холодном виде на гидравлическом прессе завода под давлением в 62 т; пару вагонных колес с осью, железными спицами и ступицей, стальные оси и шины, причем одна ось, не получив ни малейшего повреждения, согнута холодной до такой степени, что расстояние между ее концами не превышало 2 ф.; пару деревянных колес Манзеля со стальной осью и, наконец, локомотивную ось диаметром в 9 д., отполированную со всех сторон, чтобы показать достоинство отливки иковки.

В 1871 г. круг деятельности завода расширился, захватив и выделку стальных стволов с коробками для малокалиберных винтовок — заказ Военно-Сухопутного ведомства. Наконец, с 1873 г. на заводе утвердилось производство железных пушечных станков для судовой и береговой артиллерии, а в конце этого года из мастерских Обуховского завода вышло несколько гребных валов, в том числе вал для машины в 1000 сил на яхту «Держава».

IX

Общий обзор заводских средств в 1873—1875 гг. — Установка газовых печей для тигельной стали; их преимущества. — Бессемерование стали. — Сталеплавильная печь Сименса—Мартена. — Перечень сортов стали, получавшихся на Обуховском заводе

Из предыдущего видно, насколько увеличились размеры орудий. Самая выделка их стала гораздо труднее и вообще усложнилась;

кроме того, орудия далеко ушли от своей прежней, сравнительно простой конструкции, представляя собой целый сложный механизм. Наконец, и стоимость их достигла цифр, неизвестных в прежнее время. Эти обстоятельства поставили артиллерию в необходимость пользоваться всем, что выработано научной стороной техники и практическими приложениями ее разнообразнейших отраслей.

Чтобы дать общее понятие о величине и средствах Обуховского завода в 1873—1875 гг., скажем, что он занимал 75 000 кв. саж. и имел: 14 паровых машин от 7 до 160 паровых сил включительно, в сумме около 550 сил; 4 локомотива суммой в 50 сил; 170 различных станков; 6 пудлинговых печей; 14 нагревательных печей; 2 газовые печи системы Сименса; 240 сталеплавильных горнов — каждый на 4 тигля, действующих коксом; 12 газовых печей Сименса, каждая на 24 тигля; одну сталеплавильную печь Сименса — Мартена; две реторты Бессемера; 10 паровых молотов.

Кроме того, при заводе были химическая лаборатория, сталепробная мастерская для физических испытаний стали, газовый завод с 16 ретортами для освещения мастерских, расходующий в год до 70 000 пудов каменного угля, и паровая пожарная машина в 25 сил. Завод располагал 1200 рабочими, 30 инженерами и техниками и выделял в год приблизительно до 200 000 пудов стали различными способами.

Сталепудлинговая мастерская Обуховского завода приготавливала до 120 000 пудов стали в год на шести печах и имела два паровых молота системы Моррисона для обжимки стальных криниц: один в 2, а другой в 2,5 т. Кроме того, в ней были установлены две сварочные печи, прокатный стан, состоящий из обжимочных и сортовых валков, и ножницы для резки стали. При каждой пудлинговой печи работала артель, состоящая из пудлингера, его помощника и двух рабочих; в одну смену она изготовляла до 68 пудов стали.

В 1873 г. часть самодувных горнов в сталелитейной, действующих коксом, была сломана и заложены новые газовые печи, продуссоры (газопроизводители), которые действовали уже не дровами или каменным углем, а исключительно одним торфом.

Инициатива этого дела принадлежала начальнику завода А. А. Колокольцову; по его распоряжению были произведены разведки и начата разработка торфа неподалеку от села Александровского. Работы эти, увенчавшиеся полным успехом, доставили в первый же год до 90 000 пудов торфа. Не будем распространяться о пользе этого важного применения в промышленном отношении, тем более что каждому, хоть сколько-нибудь знакомому с петербургскими заводами, известно, в каком положении они находятся относительно горючего материала.

ла. К сожалению, разработка торфяных залежей в окрестностях Петербурга вследствие климатических условий не могла продолжаться, и завод принужден был остановить регенеративные печи.

Сталелитейная завода состояла из 240 четырехугольных горнов и 12 газовых печей, каждая на 24 тигля; следовательно, принимая наибольшую вместимость тигля в 2 пуда, была возможность отлить стальную пушечную болванку весом более 2450 пудов.

В целях возможно большего понижения цен на стальные изделия Обуховский завод ввел с 1872 г. способ Бессемера для приготовления литой стали. Хотя литая сталь, получаемая бессемерованием, и уступала несколько в качестве тигельной стали, но благодаря ее крайней дешевизне она имела в то время громадный спрос на выделку машинных частей и особенно железнодорожных принадлежностей.

В этом же 1872 г. на заводе была установлена газовая сталеплавильная печь системы Сименса — Мартена, в которой сталь могла быть расплавлена прямо на поду печи без тиглей, и притом в крупных кусках (20—30 пудов), за один раз в количестве 200 пудов.

Получаемая описанными способами литая обуховская сталь разделялась на 20 номеров — по количеству содержащегося в ней углерода. Из них № 1, самый мягкий, можно считать литым железом (с содержанием 0,15% углерода), а № 20 — сталью (около 2% углерода), с крайним пределом твердости, причем она была неспособна свариваться и обладала весьма незначительной ковкостью.

Все же промежуточные сорта представляли непрерывный переход от № 1 к № 20 и употреблялись: сталь, содержащая от 0,10 до 0,40% углерода, — для осей некоторых частей паровых машин, ружейных стволов, фасонных отливок и т. п.; сталь с 0,50—0,75% углерода — на орудия, снаряды, машинные валы и т. п., сталь же с наибольшим содержанием углерода шла преимущественно на изготовление инструментов.

В 1874—1875 гг. не только в Европе, но и во всем мире существовали лишь два громадных паровых молота, с помощью которых можно было отковывать крупные заводские изделия. Один из них находился в Вестфалии на заводе Круппа, другой — на Обуховском заводе.

Потребность в подобном молоте стала, очевидно, следствием быстрого увеличения калибров орудий. Как мы уже говорили, орудия сделались постепенно машинами, и притом такими, приготовление которых обуславливается величайшей тщательностью. А поэтому понятно, какое значение должно иметь дляковки большекалиберных орудий обладание сильными паровыми молотами.

Еще в 1865 г. Обуховским заводом установлен 35-тонный молот системы Моррисона.

X

15-, 5- и 3-тонные молоты. — Отжиг орудий в масле. — Обточка и сверление отоженных стволов. — Эксцентрические каморы. — Крепление стволов кольцами. — Нарезательные станки и система нарезов, принятая на Обуховском заводе. — Каморные кольца Бродвеля. — Клиновой механизм. — Осмотр орудий перед отправлением на службу

Дляковки 6-д. орудийных стволов, 8-д. мортир сухопутной артиллерии и вообще болванок не свыше 700 пудов был установлен 15-тонный паровой молот системы Моррисона. Все же орудия малого калибра — 4- и 9-фн. — отковывались под другими, 5- и 3-тонными, молотами.

Как известно, все несовершенства, разнообразие собственно в структуре и внутренние напряжения в стали орудийных стволов, почти всегда остающиеся послековки, уничтожаются последующей операцией отжига с охлаждением в масле, после чего сталь получает уже самые высокие качества.

Этот важный процесс был введен и установлен на Обуховском заводе в 1870 г. инженером-технологом Д. К. Черновым.

Отоженные орудийные стволы переходили в окончательную отделку и скреплялись кольцами.

Первоначально же их рассверливали начисто следующим образом.

Ствол орудия укреплялся в горизонтальном сверлильном станке так, чтобы ось его совпадала с осью стебля сверла и с центрами станка; стемель сверла с пятью расположенными по окружности резцами при поступательном движении вдоль рамы станка входил в канал вращающегося ствола и рассверливал его в калибр. Окончательно же доводили внутренний диаметр ствола до надлежащей чистоты отделки на полировочном станке после скрепления орудия. Рассверленный канал ствола, имевший форму прямого цилиндра, поступал еще в одну работу, при которой его камору делали эксцентричной следующим образом: в канал с дульной части ствола и со стороны клинового среза вставлялись правильно выточенные стальные втулки, на оконечностях которых назначались центры на расстоянии от действительной оси орудия на 0,05 д., т. е. на величину эксцентриситета каморы. Затем ствол устанавливали на токарном станке и затачивали на поверхности его пояски у дульного среза и на клиновой части. Понятно, что вследствие описанной установки ствола ось заточенных на нем поясков была эксцентрична с настоящей его осью. После этого

переносили ствол на сверлильный станок и закрепляли по оси поясков, которые должны совпадать с осью стебля реза, входящего в камору. При такой установке ствол начнет уже вращаться около оси каморы. Чтобы при этой работе не происходило боковых движений реза, на стемель надевалась муфта с конической поверхностью, на которую насаживался правильно выточенный медный цилиндр с продольным разрезом. Муфта, раздвигая цилиндр, заставляла его поверхность плотно прилегать к станкам каморы и служила для верного направления реза.

Таким образом, при вращении ствола ось каморы отстояла от оси канала на ту величину, которую желали получить, т. е. на 0,05 д., а следовательно, и высверленная этим способом камора получалась эксцентрической относительно оси канала.

Эксцентричность делалась для того, чтобы ось снаряда при зарядке совпадала с осью канала и свинцовая оболочка снаряда плотнее закрывала соединение канала с каморой.

По окончании этой работы уничтожался еще уступ, образовавшийся вследствие эксцентрического положения каморы с каналом. Уступ рассверливался в форму конуса и служил скатом каморы, которая соединяется им с каналом.

При таком устройстве каморы вдвинутый на место снаряд совершенно закрывал газам доступ в канал, что устраняло до известной степени выгорание металла, и снаряд не имел уже надобности приподниматься, чтобы войти при выстреле в нарезную часть канала, а потому и первоначальное движение его совершалось правильно.

После точного обмера ствола происходило скрепление его кольцами, придававшее ему несравненно большую прочность. Теоретическая разработка этого важного усовершенствования в конструкции стальных орудий, равно как и практическое выполнение его принадлежали нашим известным артиллеристам, генералам Гадолину и Маиевскому.

Кольца выковывались из больших литых болванок, разрезанных по горизонтальному сечению на несколько цилиндров. В этих цилиндрах, послековки их на торце, прошивалось центровое отверстие, которое постепенно расширялось от проковки в нагретом состоянии на целом ряде штрелелей с постепенно возрастающими диаметрами, пока кольцо не достигало требуемых размеров. Далее грубо обточенные кольца отжигались, растачивались начисто и полировались с внутренней стороны. Приготовленные таким образом и подогретые дровами на полу мастерской кольца погружались в расплавленный свинец и оставались в нем до тех пор, пока не расширялись настолько, что их можно было свободно надеть на ствол, поставленный стоймя. Тогда нагретое кольцо вынималось с помощью крана, вытиралось и надева-

лось с дульной части на орудие. В продолжение этой работы в ствол пропускалась струя воды, чтобы предохранить его от нагревания.

Скрепленный кольцами ствол переносился для окончательной обработки по чертежу на токарный станок.

Для всех орудий какого бы то ни было калибра на Обуховском заводе была принята одна и та же система нарезов равномерной крутизны, т. е. угол между касательной к спирали и линией, параллельной к оси канала, должен быть одинаков во всех точках этой спирали.

Для нарезки орудий употреблялись горизонтальные станки Барта. Орудие закреплялось у среза клиновой части в патроне станка; при этом ось орудия должна быть верно установлена с осью стебля резца, которому сообщалось поступательное движение посредством ходового винта. Стебель имел внутри пустоту. В оконечности его головной части помещался усеченный конус, приделанный к одному концу прута. Прут этот был вставлен в стебель и мог быть подвигаем вперед и назад с помощью небольшого механизма. Над конусом, в прорези стебля, вставлялся резец, равный по ширине нарезам, при движении конуса он опускался или поднимался. Для определения глубины нарезов на оконечности стебля была укреплена линейка с делениями. Расстояние между полями нарезов регулировалось посредством особого зубчатого колеса, надетого на шпindel станка.

Орудие устанавливалось при горизонтальном положении оси цапф против одной из меток на диске этого колеса, а когда соответствующий этому положению нарез был сделан, оно поворачивалось на следующую метку диска; нарезывались сперва прорезывались нагрубо, а потом уже окончательно отделялись шлифованием; глубина и ширина их, смотря по калибру орудий, была различна; длина хода также неодинакова, например, в 9-фн. орудии — $\frac{1}{4}$ оборота, в 12-д. — около $\frac{1}{13}$.

Для устранения прорыва пороховых газов через запирающий механизм сначала употреблялись особые кольца из тонкой красной меди, вкладывавшиеся после заряда в камору орудия таким образом, что края их прилегали к стенкам каморы, а дно — к передней плоскости запирающего клинового механизма. В момент выстрела пороховые газы действовали прежде всего на внутреннюю поверхность кольца и, вжимая его прямоугольное ребро в просвет, могущий образоваться между срезом каморы и клином, этим самым запирали себе вход через этот промежуток.

Ясно, что подобные кольца могли вполне удовлетворять своему назначению лишь в том случае, когда они пригнаны к пушке весьма точно, и притом вложены на свое место совершенно правильно. А так как каморы орудий, хотя и незначительно, разнились между собой,

то приходилось для каждого орудия изготавливать особые кольца; вставка же их на место, требовавшая особой аккуратности, замедляла заряджание.

В видах устранения этих крупных неудобств было принято в 1870 г. другое приспособление, предложенное Бродвелем; оно состояло из стального кольца, имевшего особую форму с боковой шаровой поверхностью и вставлявшегося в каморное гнездо, высверленное у заднего среза каморы.

В передней плоскости клина делалось углубление, в которое вставлялась стальная клиновья плитка. Верхняя поверхность плитки имела возвышение в виде кольцеобразного выступа, который плотно прилегал к задней плоскости кольца, когда клин вдвинут на место.

Кольца системы Бродвеля, хорошо устранявшие прорыв пороховых газов, имели перед медными кольцами то огромное преимущество, что не требовали внимания и вкладывания их при каждом заряджании, а оставались постоянно на месте и могли выдерживать без перемены до 300—400 выстрелов.

Форма запирающего клинового механизма первоначально была четырехугольно-призматической; затем, с целью придания заклиновой части орудия большей прочности, отверстие для клина начали округлять с задней стороны, вследствие чего это отверстие, а равно и клин приняли цилиндро-призматическую форму, при которой давление газов во время выстрела на переднюю плоскость клина разлагалось на гораздо большую поверхность. Вынимание и вкладывание клина в первые пушки производилось непосредственно руками, и только для закрепления его на месте был приспособлен вжимной винт.

С увеличением же калибра пушек и вес клиньев возрос настолько, что двигать их одною мускульной силой было уже тяжело, а потому к клину приспособили особый винт для перемещения клина взад и вперед.

Таким образом, к 1874—1875 гг. постепенно выработался тип нарезных стальных орудий, скрепленных стальными же кольцами с каморными кольцами Бродвеля, с цилиндро-призматическими клиновыми механизмами и с эксцентрическими каморами*.

* До окончательной отправки орудия с завода производились следующие работы: определялся вес орудия и перевес казенной части; полировался канал, чтобы уничтожить следы выгорания металла, иногда появившиеся у ската каморы от сильного действия пробной стрельбы; проверялись прицелы и мушки; на срезах дульной и клиновой части проводились черты по вертикальной и горизонтальной плоскостям; на поверхности клиновой части орудия, у среза, вырезалось название завода, год изготовления и рядовой № орудия по заводскому журналу; на срезах же цапф выставлялся вес орудия с замком и без замка. Совершенно готовое орудие осматривали и после смазки канала и окраски поверхности отправляли на службу.

XI

Способы для определения прочности стали. — Прессы для испытания стали. — Предел упругости, сопротивление разрыву и полное удлинение стали в орудиях Обуховского завода. — Устройство в орудиях выемных внутренних труб. — Их значение

Выдерживая действие огромного давления пороховых газов, орудия литой стали нуждались и нуждаются в особенно тщательном определении прочности их частей. От малейшего упущения, недосмотра или ошибки в этом определении зависит не только громадный экономический ущерб, но и жизнь многих людей. Все это указывало на необходимость основательного изучения способов, посредством которых определяется качество прочности металла в орудиях.

В описываемую нами эпоху применение этих способов было мало знакомо нашим военным техникам, чем и объяснялась бедность современной отечественной литературы по такому важному вопросу, как сопротивление материалов.

За исключением лекций, читанных профессором Кирпичевым в Артиллерийской академии и С.-Петербургском Технологическом институте, на русском языке не встречалось никаких указаний по этому предмету; литографированные же записки профессора Кирпичева «О сопротивлении материалов», являясь превосходным приобретением для теории, не могли дать никаких практических сведений, необходимых для определения степени сопротивления испытываемой стали; для этого нужен еще некоторый навык при употреблении инструментов — привычка глаза к отсчитыванию мелких делений, поверка и установка катетометров и т. п.

Поэтому механические прессы для разрыва стальных образцов, вырезаемых из различных частей орудия, употреблялись почти до конца 1874 г., несмотря на признанную многими свою неудовлетворительность.

Только в начале 1875 г. появились гидравлические прессы — один в Технологическом институте, другой на Обуховском заводе. Это был рычажный пресс Брауна, выписанный из Англии и снабженный двумя катетометрами, кроме того, завод установил у себя еще ранее гидравлический пресс Киркальди.

При испытании образцов определяли как предел упругости, так и сопротивление разрыву. Сталь в стволах и кольцах признавалась удовлетворительною, если ее предел упругости был не ниже 2000 и 2300 атм., а сопротивление разрыву доходило до 4000 атмосфер. При этом требовалось, чтобы полное удлинение при разрыве брусков, взятых из ствола, по определению с помощью катетометров было не ме-

нее 0,08 или 0,15, смотря по абсолютному сопротивлению металла. В кольцах же окончательное удлинение принималось от 0,05 до 0,08 д., сообразно с тем, на какие части ствола они назначались для скрепления. Нужно сказать, что в орудиях и кольцах Обуховского завода предел упругости стали, сопротивление разрыву и полное удлинение значительно превосходили принятые для этого цифры. Например, 11-д. орудие за № 332*.

Испытания всех этих образцов были проведены на прессе в Артиллерийской технической школе, причем удлинение размерений образцов измерялось катетометрами.

Тридцать три кольца, скреплявшие орудие, были испытаны также на прессе Киркальди. Кроме того, завод тогда же окончил все приспособления, чтобы подвергать каждый орудийный ствол после отжига пробе гидравлическим давлением, назначенным для стволов 9-д., например, орудий, т. е. не менее 500 атм., превосходно выдержавшее 500 выстрелов зарядом 100 фн. и снарядом в 532 фн., причем наибольшее давление пороховых газов достигало 3100 атм., дало блестящие результаты механических испытаний его стали.

Кованая сталь, будучи единственным материалом для выделки больших орудий, включает в себе, как известно, возможность важного недостатка — выгорания стен канала от действий пороховых газов. Этот недостаток приводил к тому, что приходилось, для увеличения срока службы орудий, уменьшать величину зарядов, от чего, несомненно, зависели и достоинства стрельбы; вместе с тем уменьшение зарядов сопряжено с большими невыгодами в чисто боевом отношении.

Причины этого недостатка лежали в самой выделке орудий; при отливке громадных масс металла для орудийных болванок встречались непреодолимые затруднения в том, чтобы при дальнейшей обработке достигнуть надлежащей структуры металла, окружающего канал орудия. Но если бы даже и была возможность преодолеть подобного рода затруднение, и тогда самый процесс был бы только замедлен, но никак не устранен совершенно.

Между тем необходимость такого устранения ясно следовала уже из того, что и после обнаружения важных недостатков в канале орудия большая часть его все-таки остается годной для дальнейшей службы.

* После отжига в масле из клипового отверстия этого орудия было вырезано и испытано 7 образцов параллельно оси орудия. Результаты испытания в среднем: 2207 — предел упругости в кг на кв. см, 5458 — сопротивление разрыву в кг на кв. см, 0,178 — относительное удлинение при разрыве; семь образцов параллельно касательной к каналу, их результаты: 2183 — предел упругости в кг на кв. см, 5426 — сопротивление разрыву в кг на кв. см, 0,174 — относительное удлинение при разрыве.

Сознавая это, начальник Обуховского завода А. А. Колокольцов вместе с главным техником Р. В. Мусселиусом пришли к мысли обрабатывать внутреннюю, ближайшую к каналу часть орудия в независимую от всей массы его, т. е. открыли способ делать канал орудия вставным.

С увеличением диаметра канала в теле орудия уменьшались вредные натяжения металла, зависящие, по опытам, от больших масс его.

Кроме возможности исправить орудие переменной поврежденного канала (первое 8-д. орудие Обуховского завода, 1869 г., выдержавшее 700 выстрелов, было исправлено заново), представлялась другая важная выгода, а именно: после такой перемены орудие обладало сравнительно большим сопротивлением действию выстрелов, а следовательно, могло нести более продолжительную службу, чем прежде.

Эти достоинства нового способа подтвердили 400 усиленных выстрелов, произведенных на заводе из переделанного таким образом 6-д. орудия.

Введение в употребление вставных стволов давало возможность изменять систему нарезов без перемены калибра орудий; наконец, имея в орудиях выемную внутреннюю трубу, достигали большого облегчения при выделке наружной оболочки орудий, так как этим устранялась отливка стали в больших массах и наружная оболочка составлялась из отдельных частей.

Переход к такой системе орудий, помимо своего важного значения в артиллерийском деле, принес громадную пользу в чисто экономическом отношении, что пришлось как нельзя более кстати перед ожидаемой тогда русско-турецкой войной 1877—1878 гг.

Так, 6 и 9-д. орудия, выдержавшие после вставления внутренних труб еще 455 выстрелов, были с огромным успехом экспонированы на Филадельфийской выставке 1876 г. как доказательство замечательного усовершенствования в конструкции заряжающихся с казенной части стальных орудий. Полная возможность изготовления большекалиберных орудий из составных стволов была блестяще подтверждена уже в 1877 г. испытанием над разорвавшимся 11-д. крупновским орудием; оно было исправлено на Обуховском заводе следующим образом: к сохранившейся после разрыва казенной части была приделана новая дульная часть; затем канал был рассверлен и вставлена внутренняя труба, а место соединения двух частей ствола орудия скреплено кольцами. До 1880 г. из этого орудия было сделано 212 выстрелов без всяких повреждений в нем; из них 158 — зарядами от 100 до 128 фн. пороха, тогда как из орудий Круппа той же конст-

рукции, как и это орудие до разрыва, стреляли зарядами только в 9 1/2 фн. Кроме того, уже после открытия военных действий на Дунае в 1877 г. Обуховский завод изготовил 8-д. пушку, свободно разбившуюся на три части, причем вес самой тяжелой части не превышал 177 пудов. Это орудие было доставлено в разобранном виде в Журжево, а оттуда в Слободзею, где собрано и установлено на месте за три часа. Действие орудия оказалось превосходным. По той же системе была сделана еще 9-д. мортира, также доставленная на Дунай; но в связи с переходом нашей армии за Балканы она осталась без употребления.

ХИ

Морские пушечные станки в нашем флоте. — Появление железных станков. — Изготовление пушечных станков на Обуховском заводе. — Стальные и чугунные снаряды за границей и в России. — Изготовление железнодорожных принадлежностей на Обуховском заводе

Непрерывный прогресс артиллерийского дела, выразившийся начиная с 40—50-х годов в длинном ряде усовершенствований и улучшений в конструкции орудий и материале для их изготовления, естественно, вызвал соответственные изменения и усложнения и в пушечных станках; а эти усложнения постепенно заставили артиллеристов перейти от силы человеческих мускулов, прежде вполне достаточной для управления орудием, к механическим приспособлениям.

С появлением 68- и 60-фн. орудий весом в 300 пудов и с зарядом в 16 фн. пороха сосновые станки оказались недостаточно прочными; поэтому еще в 1856—1857 гг. были попытки заменить дерево железом. Адмирал фон Шанц и титулярный советник Андреев представили тогда проекты железных станков для больших морских орудий. Проекту Андреева было отдано предпочтение; станки его конструкции были изготовлены для постановки 60-фн. пушек в нижней батарее корабля «Ретвизан». Это были первые железные станки, появившиеся в нашем флоте.

Станки Андреева так и не получили дальнейшего распространения, потому что деревянные пушечные станки, во-первых, были гораздо дешевле, а во-вторых, могли приготавливаться и исправляться в каждой портовой артиллерийской мастерской, не требуя для своей отделки почти никаких особых механизмов. Но так как непригодность сосновых станков была очевидной, то материалом для приго-

товления пушечных станков, вплоть до появления нарезных пушек, служили ильм и красное дерево, получаемые из-за границы.

С переходом к нарезным орудиям больших калибров была сделана попытка поставить и 8-д. пушки на деревянные станки; но в первую же кампанию выяснилось, что они не выдерживают стрельбы даже 25-фн. зарядами. Тогда решили допустить употребление деревянных станков для 9- и 24-фн. нарезных пушек, а для пушек большего калибра были приняты железные станки. Это было необходимо не только в видах увеличения прочности станков, но и потому, что для действия большими орудиями уже требовались различные механические приспособления, которые могли быть применены только при железных станках. На железных же станках ставились и 4-фн. пушки, употреблявшиеся для дополнительного вооружения судов и для действий на берегу, причем станок с орудием переносился с деревянной судовой платформы на береговой лафет на высоких колесах.

В 1869 г. генерал Пестич проектировал для флота железные станки для 8-д. орудий, применив к ним видоизмененный компрессор английской системы. Этот морской станок был испытан комиссией морских артиллерийских опытов, а затем, с некоторыми изменениями в конструкции, сделанными комиссией, был введен на наших судах. Для 11-д. пушек, поставленных на поповку «Новгород», были изготовлены железные станки, также системы Пестича. Станки были поставлены на поворотных платформах, причем поворачивание производили четыре человека с помощью системы зубчатых колес; после выстрела станок накатывался сам собой — первый случай применения у нас самонакатывания. Стрельба производилась через банк при угле возвышения орудия в 15° и склонения — в 4°. Испытание 11-д. станков происходило в начале 1873 г. Сначала предполагалось поручить изготовление заводам Голубева или Берда, готовившим 8-д. станки, но они запросили такую цену, что комиссия решила обратиться к мастерским и заводам Морского ведомства. На Обуховском заводе к этому времени была уже поставлена станочная мастерская и снабжена всеми необходимыми механизмами, а поэтому заказ на 11-д. станки и был дан заводу. С тех пор Обуховский завод не переставал вооружать наш флот пушечными станками. Так, в 1874—1875 гг., в описываемую нами эпоху, завод готовил морские станки следующих систем.

1. 11-д. станок для канонерских лодок типа «Ерп», спроектированный капитаном Поповым. Ввиду некоторых особенностей установки орудий на этих лодках высота станка была назначена в 30 д.; поэтому для получения по возможности наибольших углов возвыше-

ния и склонения компрессор пришлось вынести наружу и сделать по системе Скотта. Для движения станка по платформе он ставился на роульсы посредством задних эксцентрических осей, вращаемых вручну; длина платформы равнялась 18 ф. с уклоном в 1°.

2. 11-д. башенные станки системы Пестича, поставленные на башенных фрегатах типа «Адмирал Грейг». К этим станкам также применено самонакатывание орудия посредством уклона рельсов, по которым скользил станок после выстрела. Здесь же применены гидравлические насосы для перемещения орудия вверх или вниз, вперед или назад, так как в употреблявшихся тогда бапнях системы Кольза по расположению амбразур нельзя было произвести выстрел при углах склонения, не подняв орудие на высоту амбразуры, а при углах возвышения не спустив его. Подобные перемещения орудия сильно увеличивали вертикальный угол обстрела, несмотря на небольшие размеры амбразуры.

В конце 1875 г. Обуховский завод получил заказ на 12-д. пушечные станки на корабль «Петр Великий» по проекту Пестича. По конструкции эти станки ничем не отличались от 11-д. станков, испытанных на «Адмирале Спиридове». Все их отличие заключалось в увеличении скреплений и размеров составных частей, в зависимости от веса 12-д. орудия и от тех напряжений, которые станку приходилось выдерживать во время действия. Кроме того, для уничтожения подпрыгивания станков при самонакатывании передние роульсы были поданы несколько вперед от центра тяжести орудия, а задние приближены на такую же величину.

Считаем нелишним привести несколько данных относительно деятельности станочной мастерской Обуховского завода за первые 6 лет ее существования. К концу 1879 г. заводом было изготовлено: для Морского ведомства — 148 станков на сумму 765 477 руб., из них 5 для 12-д. орудий, 8 — для 11-д., 41 — для 8-д. и 94 — для 4-фн. пушек; для сухопутной артиллерии — 157 лафетов на сумму 766 843 руб., из них 17 лафетов для 11-д. орудий, 134 — для 9-д. мортир и 6 — для 2 1/2-д. пушек Барановского. Кроме того, как мы уже говорили, станки изготовлялись и на частных заводах: русских — Берда, Сампсоньевском машиностроительном, и иностранных — Армстронга, Истон и Андерсон.

Возможность покрывать суда металлической броней вызвала многочисленные исследования и усовершенствования и в области снарядов.

Бомбы, отлитые из чугуна обыкновенным способом, действовали разрушительно на суда, не защищенные броней, на земляные и каменные укрепления, но разбивались на куски при ударе в броню,

оказываясь почти безвредными. Внимание техников и артиллеристов прежде всего обратилось на изготовление стальных снарядов, которые и оказались в достаточной степени прочными: пробивая броню, они не изменяли своей первоначальной формы. Единственным их крупным недостатком была слишком большая стоимость изготовления; это обстоятельство принудило заняться изысканиями способа увеличить прочность более дешевых чугунных снарядов.

Первым достиг этой цели заводчик Грюзон в Пруссии, в Магдебурге. Выработав чугун известных качеств, он произвел отливку снарядов в металлические формы, отчего снаряды закалялись с поверхности на некоторую глубину, получали большую прочность и вместе с тем способность действовать на броню. После Грюзона подобные же снаряды стал изготавливать Паллизер в Англии и Путилов, как мы упоминали выше, у нас.

Однако как стальные, так и закаленные чугунные снаряды при первых опытах оказались непригодными для действия по броненосным судам. Дело в том, что они были снаряжены порохом, и в момент пробивания брони порох воспламенялся ранее прохода снаряда сквозь броню; снаряд разрывался, и осколки его большей частью выбрасывались обратно, не проникая внутрь судна. Поэтому с появлением в нашем флоте нарезных орудий не снаряженные стальные и закаленные чугунные снаряды были приняты для пушек 6-д. и больших калибров для действия по броненосным судам и снаряды из обыкновенного чугуна — для стрельбы по судам, не покрытым броней.

К орудиям же 9- и 4-фн., назначавшимся для действия, главным образом, по шлюпкам и незащищенным людям, были приняты простые и картечные гранаты из обыкновенного чугуна и картечь. Последняя, во избежание порчи нарезов в канале орудия, состояла не из железного, а из цинкового корпуса и насыпалась пулями из сплава свинца с сурьмой.

Выделка продолговатых снарядов из обыкновенного чугуна легко и быстро утвердилась на наших как казенных, так и частных заводах; при производстве же закаленных снарядов встретились значительные затруднения, устраненные только благодаря знаниям и энергии Путилова, первого русского производителя этих снарядов; а за ним уже постепенно начали изготавливать закаленные снаряды и другие частные, а потом и казенные горные заводы.

Как мы уже говорили, Путилов прекратил производство снарядов из пудлинговой стали, так как, во-первых, снаряды закаленного чугуна оказались вполне удовлетворительными по прочности и степени поражения, а во-вторых, пудлинговые снаряды далеко уступали крупновским, из литой стали. Последнее обстоятельство привело к

мысли изготовить на Обуховском заводе несколько пробных снарядов также из литой стали. Испытание, произведенное в 1869 г., выяснило их доброкачественность, и в 1870 г. Обуховский завод уже приступил к валовому изготовлению таких снарядов для орудий 8- и 9-д. калибра; вскоре была произведена и сдача закаленных снарядов Морскому ведомству в количестве 4672 экземпляров.

Переход к изготовлению снарядов из литой стали для 11-д. орудий оказался, к сожалению, неудобноисполнимым, так как стоимость каждого снаряда доходила до 330 руб.; поэтому выделка стальных снарядов была отложена до отыскания способа получать снаряды из менее дорогих материалов, чем тигельная сталь, и до применения прессования стали в жидком виде.

Снаряды для нарезных орудий, заряжающихся с казенной части, снабжались сначала на их цилиндрической части глубокими поперечными и продольными желобками для прочной облицовки снаряда свинцовой оболочкой. Между тем сравнительные опыты, произведенные в 1868 г. в Пруссии над английскими и крупновскими снарядами, дали следующие результаты.

Тонкая свинцовая оболочка, припаянная к цилиндрической поверхности снаряда без желобков, составляла с ней одно целое, требовала наименее свинца и давала снаряду большее сопротивление при ударе в броню; но та же свинцовая оболочка, притом более толстая, срывалась большими кусками со снарядов, снабженных желобками, рискуя нанести вред своим же стоящим вблизи войскам или судам. После этих опытов было придумано еще несколько способов припайки свинца к чугуну, прежде неизвестных, а с 1869 г. все снаряды у нас стали изготовлять с тонкими свинцовыми оболочками.

Изготовление всех этих разнообразных по форме и материалу снарядов было распределено между Обуховским заводом и заводами Берда и Износкова. С 1872 г., когда на казенных горных заводах уже вполне установилось производство снарядов из обыкновенного и закаленного чугуна, заказы чугунных снарядов для флота делались исключительно этим заводом. Возникшая между ними и частными заводами конкуренция сильно понизила цены на чугунные снаряды.

Об этом обстоятельстве, да и вообще о снарядах мы еще будем иметь случай говорить в дальнейшем изложении, а теперь закончим очерк производительных сил Обуховского завода за 1873—1875 гг. заметкой о выделке на заводе шин, вагонных колес, осей к ним и слесарных пил.

В шинопрокатную мастерскую Обуховского завода поступали болванки конической формы, отливаемые отдельно для каждой шины. После окатки и осадки болванок под 5-тонным молотом в них

пробивалось прошивнем центральное отверстие, причем высекаемая таким образом плитка была 9 д. в диаметре, а толщиной в 1 д. Пропитанная болванка раскатывалась на рог наковальни и затем уже начинала окончательную отделку.

Мастерская была снабжена, кроме 5-тонного молота, четырьмя нагревательными печами с вертикальными паровыми котлами и горизонтальной прокатной машиной для прокатки шин. Машина — в 70 сил, прямого действия. Она была в состоянии изготовить от 40 до 50 шин в день при одной печи и до 100 шин при двух печах.

Отделение для приготовления деревянных колес Манзеля было весьма полно снабжено всеми необходимыми для производства подобных работ механизмами. Для деревянного набора колес брались обрезки тика, оставшиеся в Адмиралтействе при постройке судов; оси и шины к колесам делались, разумеется, из литой стали. Мастерская могла в сутки изготовить четыре пары колес и надеть их на оси.

Наконец, в мастерской завода для изготовления слесарных пил была сформирована артель рабочих, состоявшая из 1 мастера, 1 кузнеца и 7 мастеровых. В течение месяца такой состав рабочих был способен изготовлять от 1200 до 1300 пил разного сорта, или около 15 000 в год. Из них 3000 приготавливалось новых, а остальные пере-зубливались по пяти-шести раз. Насечка зуба делалась как крупная, так и мелкая. Длина пил колебалась от 4 до 20 д.*

Приложения к части I

Приложение I

Николай Иванович Путилов происходил из потомственных дворян Новгородской губернии. Родился в 1820 г. и в 10 лет был определен в Александровский кадетский корпус, где пробыл всего два года, а затем поступил в Морской корпус. Кончив курс мичманом в 1837 г., он в течение последующих трех лет слушал лекции в офицерских классах, существовавших тогда при Морском корпусе. Здесь замечательные способности Путилова быстро раскрылись в нескольких работах научного характера, настолько серьезных и проникнутых такой эрудицией и знанием дела, что молодой, еще учащийся офицер был назначен помощником при академике М. В. Остроградском по исследованию вопросов внешней баллистики. Особенное внимание ученого мира привлек первый печатный труд Н. И., статья, трактовавшая об ошибке знаменитого французского математика Коши (Cauchy) в его курсе «Интегральное исчисление» («Маяк», № 3, 1840 г.). Коши прислал автору статьи свою уже исправленную книгу вместе с письмом крайне лестного содержания. Труды Н. И. как помощника Остроградского помещены в «Comptes rendus de l'Academie des Sciences de St. Petersburg». 1840 г.

* См. приложение VI. (Не публикуется. — *Ред.*)

Оставив офицерские классы, Н. И. до 1843 г. преподавал гардемаринам навигацию и астрономию и, кроме того, читал курс математики для поступающих в высшие учебные заведения. А в 1843 г. совершенно расстроенное непосильной работой здоровье заставило Путилова переменить климат и род занятий. Он уехал на юг и поступил в южный округ корпуса инженеров военных поселений. Это учреждение заведовало тогда всей строительной частью на юге, и служба в нем была отличной школой для техника-строителя.

В 1848 г. мы вновь видим Путилова в Петербурге — чиновником особых поручений при директоре кораблестроительного департамента, принимающего деятельное участие в деле судостроения. Во время Крымской войны, когда соединенные флоты Англии и Франции блокировали Кронштадт (1854 г.), Н.И. Путилов по Высочайшему повелению был назначен уполномоченным представителем Великого Князя Генерал-Адмирала: нужно было создать флотилию канонерок и корветов на Кронштадтском рейде. В течение первых же четырех месяцев работы, с января по май, Путилов построил 32 канонерские лодки в 90 — 100 сил, каждая с тремя орудиями. В следующие восемь месяцев было сооружено еще 35 таких же лодок и 14 корветов по 250 сил, с 14 орудиями. Таким образом, после годовой работы Путилов выставил на Кронштадтский рейд 81 судно — флотилию, способную развить 10 000 паровых сил и обладающую внушительным вооружением в 297 орудий наибольшего тогда калибра. По окончании этой огромной работы петербургские заводчики, изготовлявшие судовые машины, поднесли Путилову, с Высочайшего соизволения, серебряный венок из стольких же лавровых листьев, сколько им было сооружено судов.

Для немедленного исправления повреждений юной флотилии в случае боя с неприятелем Путилов построил для Кронштадта три плавучих дока и ремонтную мастерскую в строившемся тогда Кронштадтском паровом заводе. На долю Путилова выпало зажечь первый огонь и пустить в ход первый станок на этом замечательном заводе.

Одновременно на Путилова возложено было оказывать содействие: адмиралу графу Путятину по постройке в Петербурге 14 плавучих батарей, адмиралу Попову — по постройке в Архангельске 6 паровых клиперов; рижскому генерал-губернатору — по постройке в Риге 6 канонерских лодок.

Кроме того, во все это время требовались от Путилова письменные мнения по многим экономическим вопросам.

В тот же период Путилов, с Высочайшего соизволения, издал 37 томов «Сборника известий о войне 1853—1855 гг.».

По окончании Крымской войны, когда деятельность Морского министерства вошла в обычную норму, Путилов остановился на мысли, что, собрав на практике запас сведений по архитектурной, кораблестроительной и механическим частям и испытав лично сам во время постройки канонерской флотилии и корветов недостаточность на севере России механических заводов и железа для самых настоятельных требований Правительства, — он более принесет пользы Правительству, обществу и лично себе, если направит свою деятельность на развитие на севере России заводской промышленности вообще и металлургической в особенности. Мысль эта встретила сочувствие как в Великом Князе Генерал-Адмирале, так и в других лицах, стоящих тогда во главе Правительства.

Вот ряд дел, которые на этом поприще выполнены Путиловым при содействии Правительства выдачею перед каждым предприятием авансовых сумм, которые своевременно возвращались обратно по мере постановки дела.

1. Путилов водворил впервые в Финляндии производство железа из чугуна, выплавленного из озерных руд, признававшегося до того металлургами негодным на передел в железо (см. «Морской сборник», 1860 г., отчет Фелькнера и Швабе). Между тем финляндское железо вообще, и в особенности котельные листы, составляющие особенную важность для парового флота, признаны адмиралтейством после многих продолжительных испытаний выше качеством даже против известного английского завода Ломура, исключительно поставлявшего для флота котельное железо (см. «Отчет кораблестроительного департамента за 1861 г.», с. 185). С тех пор Ломур отстранен навсегда. Три завода в Финляндии, на Сайменской системе вод: Гапакоски, купленный, Екатерининский и Орави, построенные вновь Путиловым, имеют привилегии от Финляндского правительства на добычу руд из 385 озер на пространстве 50 000 кв. верст. За Путиловым впоследствии пошли другие, и теперь Финляндия производит ежегодно более 2 миллионов пудов железа для арсеналов, адмиралтейств и механических заводов.

2. После четырех лет настойчивого ходатайства Путилов получил от Правительства право, в товариществе с Обуховым и Кудрявцевым, основать частный сталепушечный завод, названный Путиловым «Обуховским», в честь изобретателя способа приготовления стали.

3. В 1863 г., когда вошли во всеобщее употребление в Европе чугунно-закаленные артиллерийские снаряды германского заводчика Грюзона, державшего свой способ в секрете, Путилов по поручению Правительства произвел ряд самостоятельных опытов приготовления чугунно-закаленных снарядов на Сампсоньевском заводе и затем впервые в России стал готовить чугунно-закаленные снаряды; впоследствии, по желанию Правительства, водворил производство стальных снарядов, постоянно приобретающихся до того времени для армии и флота от Круппа и Бергера (О сравнительных опытах над снарядами Путилова, Грюзона, Круппа и Бергера см.: «Артиллерийский журнал». 1863 г. С. 95; 1864 г. С. 97; 1865 г. С. 91; 1866 г. С. 100; сочинение «A Treatise on ordnance and armor» etc., by Holley. New York. 1865. С.185). С тех пор Грюзон, Крупп, Бергер отстранены от поставки в Россию снарядов. Ныне русские заводы, частные и казенные, могут изготовить снаряды в желаемом количестве.

4. Путилов на приобретенном в 1868 г. в Петербурге заводе Огарева водворил впервые производство железных рельсов и притом со стальной головкой. Рельсов изготовлено до 12 миллионов пудов; вместе с сим завод начал производство вообще железнодорожных принадлежностей. С 1868 по 1875 г. завод продал изделий на 27 миллионов рублей. Рельсовый завод впервые открыл сбыт старых рельсов, лежавших до сих пор на откосах железных дорог без употребления и без цены. Один рельсовый завод внес Правительству и частным дорогам за старые рельсы более 10 миллионов рублей.

5. По поручению Правительства в 1869 г. на Путилова была возложена опытная переделка ружей, послужившая основанием для введения в русской армии металлических патронов вместо бумажных. Для переделки ружей были экстренно приспособлены Путиловым 5 заводов.

6. В 1873 г. Путилов образовал акционерное общество Путиловских заводов и, вслед за сим, построил подле рельсового завода вагонный завод на тысячу вагонов в год и водворил производство стальных осей, шин, рессор и железных колес.

7. В 1874 г., когда повсеместно в Европе начали заменять железные рельсы стальными, Путилов построил обширный, первый в России сталерельсовый завод на выделку ежегодно до 1 200 000 пудов стальных рельсов.

Заводы Путиловские в настоящее время кормят и учат до 12 000 мастеровых и рабочих. Производительность — до 9 миллионов рублей в год.

По части строительной Путилов составил проекты зданий:

для Обуховского завода — сталелитейный, пушечно-отделочный и молотовый с фундаментом для 35-тонного молота;

для общества Путиловских заводов — здания мастерской из старых рельсов для приготовления металлических частей вагонов; вагонной сборочной и сталерельсового завода;

по поручению Морского министерства — здания для морского отдела политехнической выставки в Москве и по поручению Московского общества садоводства — здание для отдела того же общества, на той же выставке.

Путиловым взяты в Европе и Америке привилегии на предложенные им способы:

1) рафинирования и обезуглероживания металла в бессемеровском аппарате, в особенности для отливки артиллерийских снарядов, чугунозакаленных и стальных, с пустотой во избежание обточки и высверливания пустот;

2) сращивания чугуна со сталью;

3) штамповки сферических стальных артиллерийских снарядов;

4) постройки зданий из старых рельсов. Система эта, вводимая повсюду, открыла железным дорогам также значительный сбыт старых рельсов.

Наконец, с 1869 г. Путилов весь отдался мысли соорудить С.-Петербургский коммерческий порт. В основание проекта он положил соединение на взморье, близ Екатерингофа, трех путей торговли: морского, речного и железнодорожного, в узле соединения — бассейны и склады товаров.

Под его руководством совершались:

1) прорытие Морского канала от Кронштадта до Петербурга на счет 7½ миллиона рублей, ассигнованных Правительством. Собственно для этой работы Путилов организовал эскадру специальных землечерпательниц, пароходов, шаланд, лонгулоаров, паромов, всего 59 судов с 1600 паров. сил, способных поднимать и сгружать более 1000 куб. саж. грунта в 10 часов;

2) постройка Путиловской железной дороги для соединения порта со всеми железными дорогами, идущими к Петербургу из внутренних губерний;

3) сооружение бассейнов, пристаней и складов.

Для этого имело быть образовано акционерное общество с капиталом в 18 миллионов рублей.

Представленный тогда же Путиловым проект нового барочного канала, параллельно Обводному, для вывода барок на море, не получил дальнейшего хода.

Десятки лет упорного умственного и физического труда, постоянное утомление, борьба с массой невежд и завистников сломили здоровье Николая Ивановича, и 18 апреля 1880 г. Путилова не стало.

Приложение II

На Князь-Михайловской фабрике было, как мы видели, положено начало сталепушечному производству в России. Здесь Обухов сделал свое открытие, здесь же пожал его первые плоды; отсюда вышли первые русские мастера, литейщики и рабочие сталелитейного дела, принесшие вместе с Обуховым свою опытность и знания на только что народившийся Обуховский завод. Все эти обстоятельства заставляют нас остановиться на некоторой время на дальнейшей, весьма поучительной участи этой фабрики, дающей яркое представление о тех, часто неожиданных, трудностях и препятствиях, которыми со всех сторон было обставлено новое тогда сталепушечное дело в России.

В 1864 г. с оставлением Обуховым Князь-Михайловской фабрики производство стало заметно уменьшаться; в 1866 г. прекратились заказы и начались опыты, а с 1868 г. фабрика совсем остановила изготовление орудий. Таким образом, в 1864 г. совершился перелом в деятельности фабрики, и именно тогда легла черта, разделившая эту деятельность на два совершенно различных периода.

Первоначальная деятельность фабрики (1860—1864) сопровождалась большим успехом; ей предсказывали прекрасную будущность. И в самом деле, изделия, изготовленные в это время, дали фабрике известность; так, златоустовские кирасы, приготавливаемые в 1864 г., были высокого достоинства; клинки этого периода с надписью: «Литая сталь П. Обухова» признавались хорошими и расходились в большом числе.

Первая Обуховская пушка (12-фн. облегченная) считается до сих пор нашим лучшим стальным орудием, она выдержала более 4000 выстрелов без всяких повреждений и хранится в Петербургском артиллерийском историческом музее.

Сохранился рассказ, что будто бы покойный Император Александр II, которому ежедневно докладывали о ходе стрельбы из этой пушки, лично присутствовал на окончании ее 8 марта 1861 г. на Волковом полигоне. Зная Обухова и его заслуги по сталелитейному делу, Государь, обращаясь к нему, спросил:

— Уверен ли ты, что твоя пушка выдержит назначенную стрельбу?

— Вполне уверен, Ваше Величество! .

— А чем ты это докажешь?

— Тем, что если Вы позволите, то я сяду на нее верхом и пусть стреляют сколько хотят...

Государь улыбнулся и снисходительно добавил:

— Пожалуйста, не вздумай этого делать! Я и так от всех слышу, что пушка выше похвал и пробу выдержит хорошо.

После испытания за труды по орудийному производству Обухову было пожаловано добавочное содержание по 600 руб. в год. Тогда же он получил орден Владимира 4-й степени, произведен за отличие в полковники, и, кроме того, повелено уплачивать ему по 50 коп. с пуда приготовленных к сдаче орудий и по 35 коп. с пуда орудийных болванов и сортовой стали, приготовленных по заказам Правительства.

Внимание высших сфер, которое Обухов успел возбудить к себе и своей деятельности, не оставило его и во время пребывания в Златоусте. Так, в мае

1861 г. он был назначен членом-корреспондентом Ученого артиллерийского комитета.

Но, несмотря на составленную репутацию, разрывы орудий, начавшиеся с 1864 г., подорвали репутацию фабрики, и хотя она выставляла время от времени замечательно хорошие образцы (за которые на всех выставках ей давались награды или лестные отзывы), но на них уже перестали обращать внимание. Прежняя преувеличенная уверенность в громадную стойкость стальных орудий сменилась полнейшим к ним недоверием и даже отказом признать сталь как материал, годный для пушек. Действительно, результаты пробы были таковы, что могли подорвать всякое, даже более прочным образом установившееся мнение, потому что из 34 контрольных орудий, испытанных продолжительной стрельбой, было разорвано и признано ненадежными после стрельбы 19 орудий, т. е. 56%, а из 72 орудий, испытанных общей пробой, небольшим числом выстрелов, было разорвано и забраковано девять, или 12%; т. е. из каждых шести орудий, приготавливаемых фабрикой, одно разрывалось на первых выстрелах, а из каждых двух или трех одно разрывалось при продолжительной стрельбе; словом, большая часть орудий была негодна в дело. Факты эти положительно доказывают, что пушки последнего периода были весьма дурны.

Из всего вышеизложенного можно заключить, что в последнем периоде с уменьшением производительности фабрики стало понижаться и достоинство изделий, что вместе с тем отражалось и на стоимости их, так что цена пушечной стали в отливке удвоилась, а в отделке удесятерилась. Все это в совокупности служило полнейшим доказательством упадка фабрики. Начало этого упадка совпадает со временем заложения Обуховского сталелитейного завода, когда значительное число лучших мастеров, рабочих и некоторых из прежних деятелей, в том числе и Обухов, оставили Князь-Михайловскую фабрику.

Рассмотрим причины такого быстрого упадка фабрики в период времени, начинавшийся разрывами орудий валового приготовления. Начнем с тиглей, употреблявшихся на фабрике, состав которых имеет большое влияние на свойство расплавляемого в них металла, так как влияние это выражается в изменении химического состава получаемого продукта и в увеличении или уменьшении количества растворяемых в стали газов. Поэтому, не изучив тех реакций, которые происходят между элементами, входящими в состав тигельной массы, и элементами шихт, в зависимости от температур плавления различных сортов стали, невозможно и думать о получении однокачественного продукта. Такие исследования были совершенно необходимы для полного изучения процесса приготовления литой стали и для управления самим процессом. Действуя в этом направлении, следовало бы прежде всего определить анализами химический состав тиглей до и после плавки в них стали, состав веществ, входящих в шихту, состав полученного продукта и шлаков, а также и количество последних. Путем сравнения всех этих анализов можно было бы выяснить сущность происходящих реакций и зависимость их от температур плавления различных шихт. Затем следовало бы на опыте убедиться, какие изменения можно допускать в составе тиглей шихт безвредно для однокачественности и свойств получаемой стали. Вот в общих чертах тот ход исследований, который должно было предпринять, чтобы поставить сталепушечное производство на строго научных началах.

С отъездом Обухова в Петербург на Князь-Михайловской фабрике был выведен из шихты магнитный железняк, и литейную сталь начали готовить из одного только чугуна и железа, т. е. появилась новая шихта, и имя Обухова было стерто с златоустовских клинков. Новая шихта не дала, однако, ни хороших клинков, ни хороших пушек, а все попытки получить клинки из этой шихты решительно не удавались. Для получения клинковой стали фабрика принуждена была вернуться к прежней обуховской шихте с сырцовою сталью и магнитным железняком; но при упадке выделки сырцовой стали эту последнюю заменили сталью пудлинговой. Орудия же изготовлялись, несмотря на все неудачи, из новой шихты, состоящей из чугуна и железа без надсадки руды.

Рассмотрим теперь, что происходило в слитках тигельной стали. Мягкая сталь в орудийных болванках по содержанию углерода получалась наиболее твердой, а сталь средней мягкости оказывалась наиболее мягкой. Кроме того, литая сталь в орудиях получалась со значительно большим содержанием углерода и кремния, чем она должна бы быть по химическому составу сырых материалов, вводимых в шихту. Это излишнее количество углерода — против нормального состава — сталь, по-видимому, извлекает во время плавки из тиглей. Тогда же было определено анализами и исследованиями А. С. Лаврова, что в дульных частях орудия металл тверже (с большим содержанием углерода и кремния), чем в казенных частях; что один и тот же номер пушечной стали дает металл с содержанием углерода от 0,44 до 1% при содержании кремния, доходившем иногда до 0,31%; что, наконец, фабрика не могла получить желаемого сорта стали из составляемых шихт: так, предполагая получить металл с содержанием углерода в 0,62%, она, совершенно неожиданно, получала его в 0,75%; из шихты, рассчитанной на 0,58%, более мягкой, получалась сталь с 0,78% — на 0,20% более предыдущего номера, а из шихты, что должна бы быть еще мягче, — 0,90%, т. е. тверже обеих предыдущих.

Рассмотрев состояние производства на Князь-Михайловской фабрике, мы должны прийти к весьма неутешительным выводам. После четырнадцатилетнего существования, после длинного ряда опытов фабрике приходилось все начинать с азбуки. Но этот упадок технической стороны дела сопровождался и другими грустными явлениями. «Изделия фабрики, — пишет Калакуцкий в «Материалах для изучения сталелитейного дела в России» (Артиллерийский журнал. 1869 г., № 1, 4 и 6) — прогрессивно дорожали и наконец достигли, например в орудиях, чудовищных цен. Лучшие ее мастера ушли; их общая энергия была убита вследствие всеми осознанного убеждения в неспособности фабричной администрации вести дело — убеждения, поддерживаемого постоянными четырехлетними неудачами. Громадные суммы, отпущенные Правительством, не в состоянии были поддерживать падающее производство. И оно пало; но оттого, что техники, которым было поручено вести дело, не знали его, не любили его и не работали сами... Оно пало оттого, что причины неудач не были разъяснены своевременно... В ошибках никто не сознался, ошибок никто не искал... Дело превратилось в бюрократическую переписку, которая блестяще доказала, что все обстоит благополучно: шли донесения, расходовались суммы, производилась проба — все обстояло благополучно. Итогов никто не подвел, отчета никто не дал... И наконец, фабрика стала».

Часть II

I

Увеличение калибра орудий за границу и в России. — Переход к системе дальнобойных орудий в Западной Европе. — Полевые дальнобойные орудия образца 1877 г. — Изготовление полевых орудий на Обуховском заводе. — Прессование стали в жидком виде при выделке внутренних труб полевых орудий

Появление первых броненосных судов, произведя огромный переворот в известных до того времени средствах судовой обороны, послужило вместе с тем причиной образования двух партий или школ в среде представителей техники артиллерийского дела. Одна стремилась сделать судно неуязвимым для снарядов, покрывая его броней и обращая в подобие плавучей крепости; другая, желая увеличить главным образом нападательные средства судна, прилагала все усилия к возможно полному разрушению брони, идя по пути увеличения калибра орудий, дальности полета, веса и прочности снарядов.

Развившееся на этой почве соперничество, заставляя приверженцев и той и другой стороны затрачивать массу труда, энергии и изобретательности, вызвало целый ряд усовершенствований и улучшений в качествах материала и степени непроницаемости броневых плит; а соответственно увеличению непроницаемости брони явилось и увеличение калибра орудий, который, начиная с 1876 г., перешел уже за 12 д.

Завод Армстронга доставил в Италию четыре стальные 100-тонные 45-см (17,72-д.) пушки, заряжаемые с дула, для постановки на броненосцы «Duilio» и «Dandolo». Англия, увлекшись примером Италии, поспешила заказать у Армстронга несколько орудий того же типа и калибра. Но разрыв 100-тонной пушки на 25-м выстреле в 1879 г. на «Duilio» и разрыв 12-д. орудия на «Thunderer» быстро охладили не в меру горячее увлечение орудиями очень больших калибров.

Итальянское военное министерство после быстрой порчи от стрельбы канала 100-тонной чугунной 45-см пушки перешло к 40,5-см (15,35-д.) стальным орудиям длиной 35 калибров, заряжаемым с казны. Во Франции, хотя и было спроектировано и изготовлено несколько стальных 42-см пушек с длиной канала в 28 калибров, но в первых же двух экземплярах при пробе была разорвана дульная

часть. Австрия и Испания, не желая отстать от других государств в деле усиления морской артиллерии, также заказали Круппу несколько 40,5-см пушек. Наконец, наше Морское ведомство дало Обуховскому заводу наряд на изготовление двух 16-д. орудий и входило в переговоры с Армстронгом относительно изготовления к ним гидравлических станков. Только Пруссия не поддавалась охватившей всех горячке и не вводила в свое вооружение орудий выше 12-д. калибра.

Но сколько-нибудь серьезного опыта продолжительной стрельбы из орудий этих калибров произведено не было ни в одном из приведенных государств. Причиной такого, на первый взгляд, странного отношения к делу было общее сознание, что огромный вес подобных орудий, а также их зарядов и снарядов требует или ограничения, часто весьма неудобного, числа пушек на судах, или увеличения судна до огромных размеров; не менее важным недостатком являлась в этом случае и крайняя медленность стрельбы, да и огромная стоимость самих орудий.

Все это, естественно, вызвало среди артиллеристов новое стремление: вместо дальнейшего возрастания калибров и веса орудий — усиливать действия пушек существующих уже калибров путем увеличения начальной скорости снарядов; последнее, то есть увеличение скоростей, обуславливалось надлежащим подбором сорта пороха по отношению к данному калибру орудия и соответственным изменением в устройстве камор, нарезов и снарядов.

Прежде всего появились так называемые дальнобойные орудия, стрелявшие, при одном калибре с обыкновенными пушками, гораздо большими зарядами, причем снаряды снабжались медными поясками.

Но вслед за этим артиллерийскою техникой делается еще шаг вперед.

Опыты, произведенные в 1878 г. в Англии над 6- и 8-д. орудиями Армстронга, показали возможность увеличить начальные скорости снаряда до 2000 и более ф. в секунду. Было доказано, что при подобных скоростях 6-д. пушка весом в 242 пуда действует на броню так же, как и 9-д. пушка весом в 745 пудов; а 8-д. орудие, весящее 700 пудов, пробивает броню такой же толщины, как и 12-д. орудие в 2170 пудов. 11-д. орудия Армстронга, поставленные на выстроенные для китайского правительства канонерки, весили 35 т, а стреляли зарядом в 260 и снарядом в 594 фн. Начальная скорость снаряда достигала до 1820 ф., а живая сила, развивавшаяся при этом, была на 15% больше, чем у 12½-д. английских же орудий, несмотря на их вес 38 т.

В 1879 г. завод Круппа получил столь же большое приращение начальных скоростей при стрельбе из орудий 6-, 9- и даже 16-д. калибра.

Этими опытами было положено начало дальнейшему прогрессу дальнобойных орудий, в короткое время открывшему артиллерийской технике новые широкие пути.

У нас в России появление и первоначальное развитие систем дальнобойных орудий шли, разумеется, тем же путем, что и в Европе.

В ноябре 1877 г. Главное Артиллерийское управление, желая вооружить нашу полевую артиллерию стальными дальнобойными пушками, заказало Обуховскому заводу 1700 стальных батарейных, конных и легких пушек 9- и 4-фн. калибра; одновременно с этим такие же пушки были заказаны управлением и Круппу.

Обуховский завод предложил готовить заказанные орудия с внутренними трубами, вставляемыми в холодном состоянии, что повело к значительным отступлениям от чертежа крупповских пушек, принятых за образец.

Орудие Обуховского завода слагалось, главным образом, из двух частей: 1) наружной — кожуха и 2) внутренней — трубы; на кожух было надето цапфенное кольцо; перед ним, ближе к дулу, нагонялось другое кольцо конусообразной — с наружной стороны — формы; наконец, для того, чтобы цапфенное кольцо не могло сдвинуться с места, под коническим кольцом находилось еще маленькое разрезное кольцо, часть которого помещалась в углублении, выточенном в кожухе.

Крупповское орудие состояло из ствола с казенною частью цилиндрической формы; на казенную часть была надета наружная оболочка, скреплявшая ее; далее к замку она переходила в клиновое утолщение. На оболочку было надето цапфенное кольцо, а соединение оболочки со стволом достигалось посредством разрезного кольца, расположенного впереди цапфенного.

Большое преимущество обуховских пушек заключалось, очевидно, в следующем: в случае порчи или пороков, появившихся в камере и канале орудия, все исправление сводилось к замене внутренней трубы новою — операции очень несложной. Крупповские же орудия не допускали ничего подобного: в случае порчи канала их исправление было невозможно.

Вскоре после этого заказа, в августе 1878 г., завод, имея уже в разных видах отделки до 200 пушек, получил от Артиллерийского управления извещение о необходимости ускорить сдачу заказанных орудий.

Это требование было повторено в короткое время еще несколько раз, и завод усилил до последней степени валовую фабрикацию ору-

дий, затратив все свои свободные механические средства на их отделку.

А между тем эта спешная и трудная по новизне дела работа велась далеко не в удобных мастерских, на станках прежней системы, весьма мало приспособленных к новым условиям и требованиям, что до известной степени и отразилось на первых 200 пушках, изготовленных заводом*.

Ввиду такого положения дел уже в декабре 1878 г. на заводе была устроена обширная мастерская полевого отдела; в 1879 г. она была уже окончена и снабжена механическими станками новейшей конструкции, выписанными из-за границы. Тогда же в ней были начаты работы, а к концу 1879 г. завод отделил 100 4-фн. орудий и 600 считал в работе.

Изготовление и испытания дальнобойных 9- и 4-фн. пушек сопровождалось рядом крайне интересных и важных исследований и опытов над сталью как над материалом для новых орудий и над различными приемами механических испытаний этого материала. Все эти опыты производились начиная с 1877 г. до начала 1882 г., то есть до окончания поставки заказанных 1700 пушек.

Для стальных полевых орудий на Обуховском заводе употреблялась сталь двух сортов: 1) изготавливаемая по способу Бессемера; 2) тигельная сталь.

Из первой отливали кожухи, или наружные оболочки орудий, из второй — внутренние трубы.

Внутренняя труба непосредственно испытывала на себе действие выстрела; в ней же отделялись камора и нарезная часть канала — самые существенные части орудия, в которых нельзя допускать ни малейших пороков: мелких раковин, ноздрин, черновин и т. д.

Ясно, что материал для труб должен быть особенно высоких качеств, а самый способ отливки должен устранять, по возможности, появление всяких недостатков.

На Обуховском заводе трубы изготавливались из тигельной стали, прессованной в жидком виде.

Желание получить плотную и беспузырчатую сталь навело еще Бессемера на мысль испытать прессование, что и было приведено в

* Н. В. Калакуцкий, принимавший эти орудия с Обуховского завода, говорит, что по степени отделки они значительно уступали соответствующим орудиям Крушпа. Он указывает при этом на неудовлетворительную отделку каналов, переднего и заднего конусов и камор; кроме того, замечалась негоризонтальность нижней площадки клинового отверстия и недостаточно полное и плотное прилегание доски клина к левому срезу клинового отверстия; все цапфы были короче чертежа: они были 50 мм вместо 55.

исполнение на заводах Штирии и Франции, но полученные результаты оказались не вполне удачны*.

Настолько же неудовлетворительные результаты получились и на заводе Круппа, где пробовали применять давление углекислотой.

Потерпела неудачу и попытка применить давление паром.

В таком печальном положении находился этот вопрос почти до 1870 г., то есть до того времени, когда за него взялся Витворт и поставил у себя на заводе сильный гидравлический пресс. А в 1878 г. была окончена постройка прессы и на Обуховском заводе; этот пресс представлял копию с прессы Витворта.

Возвращаясь к изготовлению полевых орудий, скажем, что вставка готовой уже внутренней трубы в кожух производилось с помощью особого гидравлического прессы, причем с возможною точностью определялось то наибольшее давление, при котором труба была вставлена в канал наружной оболочки.

При изготовлении батарейных, легких и конных пушек эти давления колебались между 17 и 66 т.

Строгой зависимости между величинами давлений, наблюдаемых во время вставки труб, и отношением наружных диаметров труб к соответствующим диаметрам каналов кожухов, по-видимому, не существовало; другими словами, далеко не всегда наибольшей разности между указанными диаметрами соответствовало наименьшее давление на прессе, или наоборот.

При пределах, принятых на заводе для этих диаметров, на изменение давлений во время вставки труб больше влияли степень отделки каналов кожухов, кривизна этих каналов, кривизна труб и некоторые другие условия. Бывали такие случаи, когда трубу нельзя было вставить в канал оболочки под давлением свыше 100 т. Точно так же вынимать трубы из кожухов нередко приходилось под большими давлениями, чем вставлять.

Поверхность труб и каналы кожухов перед вставкой полировались.

* В 1866 г. на Урале, в Златоусте, было отлито девять прессованных болванок высотой в 24 д., со средним диаметром в 11 д. Из описания Н. В. Калакуцкого видно, что сталь отливалась в чугуновую, сверху суженную изложницу без всякой обмазки; на отлитую болванку накладывали большой стальной цилиндр весом от 5 до 6 пудов, с полусферным дном, плотно входивший в изложницу, а на цилиндр надавливали прессом, приводимым в движение людьми. Давление доходило до 130 пудов на кв. д., то есть около 325 атм.; отлитую болванку сдавливали приблизительно на $3\frac{1}{2}$ д. по высоте.

Последствия такого прессования ограничивались только уплотнением наружной оболочки.

Заметим, что перед вставкой же производился точный обмер наружных диаметров трубы и внутренних диаметров кожуха; из них первые, в казенной части трубы, должны были несколько превышать последние, то есть внутренние диаметры кожуха по размерам, а затем, по направлению к дулу, разница в размерах постепенно уменьшалась.

Вследствие этого труба сжималась кожухом на известном протяжении, начиная от заднего обреза, так что каморное кольцо, хорошо притертое к гнезду, не могло пропустить пороховых газов во время выстрела.

В первых орудиях стягивание трубы кожухом имело место на длине 2 д. от заднего обреза трубы; впоследствии же эта длина увеличилась до 8 д., а затем до 10 д., так как в орудиях с трубой, стянутой на небольшом протяжении, замечался довольно значительный сдвиг и поворот трубы после выстрела.

Хотя увеличение длины стягиваемой части трубы и не устранило окончательно ее сдвига, но явления поворота трубы почти совершенно прекратились.

II

Механические испытания металла внутренних труб и кожухов полевых орудий в 1879—1888 гг. — Исследования Н. В. Калакуцкого по этому вопросу. — Испытания стрельбой внутренних труб полевых орудий. — Испытания первых полевых дальнобойных орудий, изготовленных Обуховским заводом. — Сравнительное испытание крупновских и обуховских полевых орудий

По химическому составу сталь кожухов и труб была довольно мягкой. Но химический анализ без механических испытаний металла не мог служить вполне достаточною оценкой действительных свойств стали в кожухах и особенно в трубах; содержание кремния и марганца влияло на жесткость металла гораздо менее, чем механическая обработка его, например,ковка и отжиг.

Ввиду этого на заводе были постепенно введены испытания металла, сначала кожухов, а затем и внутренних труб. Эта постепенность зависела главным образом от недостатка свободных механических средств для подготовки образцов металла до устройства новой мастерской полевых орудий и от крайней спешности работы при сдаче первых партий заказанных пушек.

В 1878—1879 гг. от каждой изготовленной пушки брались следующие образчики для механических испытаний металла: два диска от

дульной части трубы и два от казенной (по одному от каждой части до отжига и по одному после этой операции), два диска от кожуха, и, наконец, вырезался брусок из металла, полученного при сверлении клинового отверстия.

Когда же производство новых пушек до известной степени установилось и можно было ручаться за однообразие металла, число образцов было уменьшено. Испытывались только два диска от казенной части трубы: один до, а другой после отжига и, кроме того, брусок из клинового отверстия; последний характеризовал металл кожуха.

Испытания брусков растяжением и на разрыв производились на рычажном прессе Киркальди. До опыта диаметры брусков измерялись с точностью до 0,001 д. через каждые 0,75 д. При испытании образцов сначала накладывался на рычаг пресса груз в 50,7 англ. фн., соответствовавший давлению в 800 атм.; перемещением к концу рычага этот груз увеличивался по мере растяжения бруска, до его разрыва.

Результаты испытания образцов металла от кожухов были вообще довольно однообразны: абсолютное сопротивление брусков колебалось между 4400 и 5400 атм. при относительных удлинениях от 23 до 30%.

Участие кожуха в сопротивлении орудия было весьма слабо, поэтому испытания дисков, вырезанных из него, на заводе, за немногими исключениями, не производились, тем более что подготовка всех образцов обходилась заводу дорого; внутренняя же труба составляла самую важную часть стальной пушки конструкции Обуховского завода, и, следовательно, металл этой части должен быть исследован возможно полнее.

Первоначально пробу дисков или колец от внутренних труб вели под паровыми молотами; но при употреблении сильных молотов все кольца сламывались с одного удара, а при ударах слабых, быстро действующих молотов они постоянно вылетали из-под молота.

Такая проба оказывалась неудобной и слишком опасной для людей, держащих кольца клещами, а поэтому стали пробовать кольца под небольшим копром, с бабой весом в 3 пуда. Но и от этого способа вскоре пришлось отказаться по причине опять-таки постоянного выскакивания колец после удара, их искривления и т. п.

Тогда, руководствуясь указаниями Н. В. Калакуцкого, перешли к раздавливанию колец на прессе, причем наблюдалось относительное удлинение наружного слоя при изгибе соответственно тому усилию, при котором кольцо было сложено вдвое или лопнуло.

Сначала для этой цели пользовались прибором, служащим для воспроизведения отпечатков ножом Родмана на медных плитках, а

потом был спроектирован и применен особый прибор с диаметром давящих поршней в 82,5 мм.

Но для сравнения сопротивления раздавливаемых колец было необходимо приводить все испытываемые кольца по возможности к одинаковому размеру; а поэтому по предложению Н. В. Калакуцкого кольца отделялись так, что наружные и внутренние диаметры их соответствовали нормальным размерам кожухов и труб по дульным срезам, а ширина самих колец была одна и та же — 0,5 д.

При этих опытах было весьма важно знать растяжение и сжатие наружных и внутренних слоев металла в кольцах. Для производства определений такого рода был проектирован особый прибор по указанию генерал-лейтенанта Гадоллина и заказан механику Брауэру; этот прибор позволял измерять стрелку дуги, получаемой при сдавливании кольца, при постоянной величине ее хорды. Таких приборов при опытах было употреблено два: один с хордой в 17,6 мм, градуированный на 0,1 мм, а другой с хордой в 10 мм, разделенный на сотые доли миллиметра.

Все эти многочисленные и ценные опыты в совокупности с общим наблюдением за приготовлением орудий на заводе привели к убеждению, что сталь в различных поперечных сечениях труб и кожухов не однообразна по своим свойствам; что это обстоятельство стоит в прямой зависимости от условий принятого на заводе способаковки и отжига в масле и от неравномерной толщины стенок в дульной и казенной частях; что в дульной части металл сильнее закален, а потому и более тверд, чем в казенной части; что, наконец, при данном способе фабрикации, по сопротивлению одного кольца, взятого от дульного среза, нельзя делать никаких строго определенных выводов о сопротивлении металла в стволе орудия.

Эти же испытания, указав на крайнюю важность исследования внутренней структуры стали как материала для изготовления орудий, заставили наших техников и артиллеристов обратить большее внимание на производство и улучшение механических испытаний образцов металла в разных частях орудия и положили начало многим превосходным исследованиям этого характера.

Мы уже упоминали об отливке внутренних труб с прессованием стали в жидком виде, принятым для устранения всяких пороков в металле; но, как оказалось впоследствии, этот способ отливки не всегда мог предупредить появление пороков, обнаруживавшихся обыкновенно в нижней части отлитой болванки.

Практика показала, что в болванках большого веса и значительных размеров, как, например, в болванках для 11- и 9-д. орудийных

стволов, эти пороки почти не обнаруживались; в болванках для 8-д. мортир и 6-д. пушек они встречались чаще.

Зато в болванках для 4- и 9-фн. полевых орудий пороки почти всегда обнаруживались, и притом у значительного числа орудий; так, например, в первых 100 батарейных орудиях, изготовленных Обуховским заводом, число орудий с небольшими пороками в канале доходило до 50%.

Для решения важного вопроса о влиянии таких пороков на годность стальных орудий Артиллерийским комитетом было положено произвести опыты стрельбой над двумя трубами, выбранными Н. В. Калауцким из числа наиболее сомнительных по количеству черновин, ноздрин и мелких трещинок.

Из выбранных труб одна, под № 398, по способу обработки принадлежала к числу мягких, а другая, под № 521, к числу твердых, то есть закаленных охлаждением в масле во время отжига.

Труба № 398 была вся покрыта снаружи и внутри черновинами, длиной от $\frac{1}{2}$ д. до едва заметных точек; она была вставлена в кожух с зазором в 0,118 д. на сторону, или почти 0,24 по диаметру.

Вторая труба, № 521, была вставлена в кожух с зазором в 2 точки.

Для пробы предлагалось найти такой заряд, чтобы давление пороховых газов заключалось в пределах прочного сопротивления трубы, а затем несколько увеличить заряд для получения остающегося расширения.

Проба первой трубы, под № 398, дала следующие результаты. После нескольких (16) выстрелов зарядом от $1\frac{1}{2}$ до 2 фн. крупнозернистого пороха было сделано 10 выстрелов зарядом в $2\frac{1}{4}$ фн., при среднем давлении пороховых газов в 1053 атм., причем это давление и соответствовало прочному сопротивлению трубы, и пять выстрелов зарядом в $2\frac{1}{2}$ фн., при среднем давлении 1242 атм. Последний заряд и был принят для испытания.

Из орудия было сделано 150 выстрелов и три выстрела полными зарядами в 3 фн. 60 зол., сдавленные по ошибке, случайно принесенными полными зарядами; при употреблении заряда в $2\frac{1}{2}$ фн., когда давление пороховых газов превосходило прочное сопротивление трубы, она стала расширяться довольно равномерно, и это расширение на 146-м выстреле почти прекратилось; затем после трех выстрелов полным зарядом труба приняла грушевидную форму, причем расширение камеры дошло почти до 1-й линии, но, несмотря на значительное число пороков, труба нигде не лопнула.

Труба под № 521 была испытана 500 выстрелами при заряде в 3 фн. 60 зол. крупнозернистого пороха; наибольшее расширение

канала от стрельбы получилось после первых трех выстрелов, а затем приращение расширений стало прекращаться и после 120 выстрелов почти совершенно прекратилось. Наибольшее расширение канала после 500 выстрелов достигало 1,7-й точки; следовательно, между трубой и кожухом остался некоторый зазор, так что труба, расширяясь при выстреле в пределах упругого сопротивления, упиралась в стенки кожуха, и этот последний принимал участие в общем сопротивлении орудия.

Описанные опыты показали: 1) можно без вреда для прочности орудий допускать некоторые пороки в каналах, как-то: черновины, мелкие ноздринки и т. п. недостатки, присущие мягким сортам стали; 2) внутренняя труба, одна, без кожуха, в состоянии выдерживать давление газов, развиваемых боевым зарядом.

На основании этих выводов Артиллерийский комитет в 1880 г. разрешил принимать орудия с незначительными пороками в каналах, но только в случаях употребления мягких сортов стали для фабрикации орудий; при твердых же сортах стали, дающих при разрыве образцов удлинение в 10% и менее, никакие пороки не допускались. Кроме того, по распоряжению комитета все ненарезанные стволы и трубы с пороками в каналах и с наружной стороны подвергались дальнейшей обработке не иначе как после испытания гидравлической пробой при давлении в 1100 атм. в течение 5 минут.

Надо сказать, что на Обуховском заводе и ранее производились испытания гидравлическою пробой вообще и давали обыкновенно вполне удовлетворительные результаты.

Существенным недостатком гидравлической пробы является большая трудность применения этого способа испытания к нарезанным трубам, заключающаяся в том, что эти трубы весьма нелегко запереть герметически; на Обуховском заводе пытались произвести эти опыты, но они редко удавались.

Конструкция легких и конных пушек Обуховского завода была окончательно принята после испытания двух орудий, за № 9 и 35, в размере 1000 выстрелов из каждого орудия, зарядами в 3 фн. 60 зол. крупнозернистого пороха.

Конструкция батарейных пушек, изготавливаемых заводом, была установлена также после предварительного испытания двух орудий по 1000 выстрелов каждое.

Существенное преимущество полевых орудий Обуховского завода перед крупновскими состояло, кроме возможности быстрого исправления канала, в том, что в первых была достигнута взаимозаменяемость клиновых механизмов.

Это было блестяще доказано следующими опытами: были взяты три орудия и 40 клиновых механизмов, и с каждым клином из каждого орудия было произведено три выстрела. Все клиновые механизмы действовали отлично, как будто составляя принадлежность каждого из взятых орудий.

Успешное выполнение огромного заказа Артиллерийского управления на стальные полевые дальнобойные орудия 9- и 4-фн. калибров обеспечило Обуховскому заводу ряд дальнейших заказов от того же ведомства, а вышеописанные опыты и исследования, сопровождавшие выделку этих орудий, выработали тип дальнобойных полевых орудий образца 1877 г. и определили ему почетное место в истории русской артиллерии вообще и Обуховского завода в частности.

III

Дальнобойные 6-, 11- и 12-д. орудия Обуховского завода и опыты над их производством

Развитие техники производства броневых плит и переход от железной брони к сталежелезной вызвали, как мы уже говорили, и соответственные усовершенствования в типе нарезных орудий, принятом до того времени артиллеристами Западной Европы.

Появилась необходимость дать снарядам того же веса и калибра гораздо большую начальную скорость и увеличить меткость стрельбы из орудий, не изменяя при этом заметно их веса.

Поразительные результаты опытов Армстронга и Круппа заставили Московское ведомство еще в 1878 г. заняться разработкой орудий нового чертежа. А так как из всех напих орудий прежнего образца 6-д. имели наивыгоднейшие в смысле производства опытов размеры каморы и нарезной части канала, то одно из этих орудий и было выбрано для отыскания зависимости между размерами каморы и величиной зарядов призматического пороха.

Это было орудие с нарезами постоянной крутизны, с длиной канала в 20 калибров при длине каморы (одной) 32 д. и диаметре 6,22 д. Всего было сделано 92 выстрела закаленными чугунными снарядами со свинцовой оболочкой длиной 2,5 калибра и зарядами от 20 до 30,23 фн. пороха различных сортов; наибольшая начальная скорость в 1690 ф. была развита зарядом в 30,23 фн. охтинского пороха плотностью в 1,75 при среднем давлении на клин в 2336 атм.

Однако главным результатом испытания было то, что в орудии развивались большие давления, чем на опытах в Англии и у Круппа. Причина этого явления лежала в сравнительно малом объеме камо-

ры: на 1 фн. пороха приходилось 26 куб. д., тогда как за границей на тот же 1 фн. пороха приходилось 30 куб. д. объема каморы.

После испытания орудие было переделано. Внутренняя труба была заменена другою, большей длины, так что длина орудия дошла до 28 калибров; на выдающуюся из-за дульного среза часть трубы был надет, с небольшим натяжением, стальной конус, причем его наружная поверхность являлась продолжением поверхности орудия. В нарезной части канала и каморе также были сделаны изменения.

В орудиях прежнего образца нарезка канала имела постоянный уклон к оси канала, а ширина нареза в канале к дулу постепенно уменьшалась, почему эти нарезки и носили название клиновых.

Двигаясь в клиновых нарезках, снаряд все время находился в самых невыгодных условиях в смысле приращения угловой скорости, от которой, как известно, вполне зависит меткость орудия: большая отлогость нарезков — один оборот приходился на 60 калибров и более — и мягкая свинцовая оболочка снаряда являлись в данном случае главными неудобствами.

Понятно, что появление дальнобойных орудий, отличавшихся именно увеличением начальных скоростей снаряда, заставило перейти к другой системе нарезков, к так называемой нарезке прогрессивной крутизны, причем степень крутизны нарезков увеличивалась по направлению к дулу; развернутая на плоскости, эта нарезка давала параболу, а длина хода нарезков равнялась, по опытам Круппа, 25 калибрам у дула.

Значение такой прогрессивности в наклоне нарезки само собой очевидно: появилась возможность уменьшить длину хода нарезков с 70 до 25 калибров и в результате значительно увеличить угловую скорость вращения снаряда.

Кроме того, увеличение начальной скорости снаряда, а следовательно и угловой скорости, было достигнуто и путем увеличения объема зарядной каморы. Последнее же обуславливалось отношением веса боевого заряда к объему зарядной каморы; для 6-д. пушек это отношение, как показали опыты, выразилось числами 1 : 33, то есть на каждый фунт пороха приходилось 33 куб. д.

Ввиду всего этого при переделке 6-д. орудия его снабдили двумя каморами, причем диаметр зарядной каморы был увеличен до 7 д. при длине в 29,3 д.

Но в то время на Обуховском заводе не было еще станков для прогрессивной нарезки, и в переделанном орудии были сделаны нарезки постоянной крутизны с длиной хода в 45 калибров.

Итак, главными особенностями в конструкции новых 6-д. пушек являлись: параболическая нарезка канала, большая длина его и две каморы.

Испытание предполагалось произвести стрельбой обыкновенными зарядами и снарядами длиной в 3- $\frac{1}{2}$ и 4 калибра. Результаты опытов привели к следующим заключениям:

1) при стрельбе снарядами весом в 80 и 91 фн. и зарядами весом в 35 фн. начальные скорости и давления получились соответственно 1892 ф. и 2138 атм., 1790 ф. и 2291 атм.

2) при стрельбе тем же зарядом, но снарядами в 125 фн. и 114 фн. начальные скорости и давления получились соответственно 1535 ф. и 2591 атм., 1615 ф. и 2401 атм.

Но стрельба на меткость снарядами в 3 $\frac{1}{2}$ и 4 калибра дала крайне неудовлетворительные результаты вследствие малой и постоянной крутизны нарезов. Поэтому дальнейшие опыты с этим орудием были прекращены, и Обуховскому заводу было поручено изготовить две новые пробные 6-д. пушки длиной в 28 калибров.

Одна из них предназначалась для стрельбы главным образом снарядами большой длины и имела зарядную камору длиной в 30,3 д. соответственно заряду в 36 фн. пороха; другая же — для стрельбы обыкновенными снарядами, с зарядной каморой длиной в 34,5 д.

Оба орудия были испытаны в конце 1880 г. Из первого (№ 1312) было произведено всего 103 выстрела.

На последнем выстреле (39 $\frac{1}{2}$ фн. пороха — заряд, 125 фн. — снаряд) орудие разорвалось на несколько кусков. Казенная часть орудия вместе с большим скрепляющим кольцом и клиновым механизмом отлетела назад и упала в нескольких саженьях от орудия; клиновой механизм, к удивлению присутствующих, оказался целым и невредимым: он был свободен, как и всегда, вынут из клинового отверстия. Приборы Родмана, вынутые из клина, также не имели повреждений.

Причина разрыва не могла быть приписана неудовлетворительным качествам стали, что лучше всего было доказано надкамерным кольцом, которое, прежде чем разорваться, вытянулось в эллипсис и, следовательно, до разрыва обнаружило громадное сопротивление. При рассмотрении же давления газов, развитых горением призматического пороха, оказалось, что их средние величины в клине были постоянно не менее 2400 атм.; зная, что при нашем призматическом порохе плотностью 1,75 максимум давления находился в снарядной камере и что величина его приблизительно в полтора раза больше той, которая получается для клиновой части, нетрудно было заключить, что в снарядной камере разорвавшегося 6-д. орудия давления

доходили до 3600 атм. Но в этой части прочное сопротивление орудия равнялось только 2980 атм., и, очевидно, орудие не выдержало.

Во второй (№ 1318) из испытывавшихся пушек после 140 выстрелов обнаружилось весьма сильное выгорание металла на стенах ската и камеры; оно было даже значительнее, чем в разорвавшейся пушке.

Судя по характеру и весьма быстрому развитию выгораний, можно было опасаться образования трещин, а потому дальнейшая стрельба была прекращена и орудие отправлено на Обуховский завод для вставки внутренней трубы.

Надо сказать, что способ вставки внутренних труб, столь часто практиковавшийся на заводе, не только давал возможность значительно удешевить производство многочисленных испытаний, но и — самое главное — вполне допускал переделку прежних нарезных орудий по новому образцу.

Не будь этого способа — и вся масса орудий прежней конструкции пошла бы в лом, а обзаведение дальнобойными орудиями стоило бы громадных денег. Сознвая это, нельзя здесь не упомянуть с благодарностью имен А. А. Колокольцова и Р. В. Мусселиуса, столь много потрудившихся на пользу отечественной артиллерии.

Неблагоприятный исход описанных испытаний для выработки типа 6-д. дальнобойного орудия несколько не ослабил энергии наших исследователей.

В 1882 г. Р. В. Мусселиус представил следующие три проекта дальнобойных орудий: 1) 6-д. дальнобойная пушка, длиной в 35 калибров, с зарядною камерой в 7 д., скрепленная двумя рядами колец; 2) 6-д. дальнобойная пушка также в 35 калибров, но с зарядною камерой в 7,75 д., тоже скрепленная двумя рядами колец; 3) 8-д. дальнобойная пушка длиной в 30 калибров, диаметр зарядной камеры — 1,19 калибра, скрепленная двумя рядами колец. Все эти орудия были изготовлены Обуховским заводом. Испытания было положено произвести на Обуховском же заводе, так как в продолжение опытов приходится по временам ставить орудие на сверлильные станки для рассверливания и удлинения зарядных камер.

Первыми дальнобойными орудиями большого калибра, появившимися в России, были 11,02-д. (28-см) крупновские пушки длиной 240,3 д.; они были снабжены двумя камерами и нарезами большей против прежнего крутизны (496 д.). Испытания орудия снарядом в 623 фн. и зарядом в 146 $\frac{1}{2}$ фн. германского призматического пороха показали начальную скорость около 1500 ф. в секунду, то есть на 86 ф. больше прежней скорости, принимая, разумеется, в соображение увеличение веса снаряда на 63 фн.

После этих опытов Сухопутно-Артиллерийское ведомство в том же 1877 г. сделало Обуховскому заводу заказ на 11-д. орудия уже нового чертежа, по образцу дальнобойных крупновских пушек. С этого времени завод и стал вооружать наши суда 11-д. орудиями этого типа, известными под названием 11-д. пушки образца 1877 г.

Первое 12-д. дальнобойное орудие Обуховского завода было изготовлено еще в 1880 г.; длина его равнялась 30 калибрам, а вес с замком — 2600 пудов.

В 1882 г. было произведено испытание этого орудия в 40 выстрелов зарядами и снарядами различного веса, причем при выстрелах зарядом в 275 фн. и снарядом в 810 фн. давление на клин изменялось от 2627 до 3000 атм.; после испытания было обнаружено весьма значительное выгорание металла в виде широкого матового кольца в зарядной камере и множество продольных борозд на скате каморы.

Это орудие предназначалось для Московской мануфактурной выставки 1882 г.; поэтому Обуховский завод, прекратив на время дальнейшие опыты, скрепил орудие четвертым рядом колец, отполировал заново канал, причем длина зарядной каморы со скатом увеличилась на $1\frac{1}{4}$ д., и отправил в Москву.

По возвращении оттуда испытания возобновились в 1883 г. Всего при втором испытании было сделано 44 выстрела: снарядами в 810 фн., зарядами от 275 до 290 фн. призматического пороха — 35 выстрелов и зарядами до 330 фн. призматического пороха завода Ротвейль — остальные 9 выстрелов. При осмотре канала после испытания были замечены две трещины в зарядной камере, почти в 14 д. длины одна и в $10\frac{1}{4}$ д. — другая; поэтому стрельба была прекращена и орудие отправлено на завод.

В том же 1883 г. Р. В. Мусселиус спроектировал 9-д. дальнобойное орудие в 30 калибров; длина каморы со скатом составляла 53 д., диаметр зарядной каморы — 1,14 калибра; максимальный заряд был рассчитан в 118 фн. призматического пороха; общий вес орудия определился в 1159 пудов. Пушки этого чертежа тогда же были заказаны на Обуховском заводе.

Но возвратимся к производству опытов.

В 1880 г. 11-д. орудие образца 1877 г. было снято с канонерской лодки «Туча» и доставлено на охтинское поле для производства испытаний.

После стрельбы оказалось, что скат зарядной каморы покрыт бороздами от выгорания металла, а на стенах зарядной и снарядной камор образовались три трещины: в верхней части — длиной в 33 д., с

левой стороны — длиной в 12 д. и в нижней части каморы — длиной в 18 д.

Орудие было отправлено на завод для вставления внутренней трубы. Но когда канал был рассверлен в диаметр 15,4 д., эти трещины не только не вышли, но еще увеличились в длину, и орудие пришлось забраковать.

Затем было подвергнуто испытанию другое 11-д. обуховское же орудие, той же конструкции, что и предыдущее. Из 74 выстрелов снарядами в 510 фн. и 615 фн. 28 выстрелов было произведено зарядами от 77 до 128 фн. призматического охтинского пороха, а остальные 46 — зарядом в 146 $\frac{1}{2}$ фн. того же пороха. При стрельбе последними зарядами один из стальных снарядов (завода Износкова) разбился в канале орудия, помяв поля и попортив нарезы.

Орудие было исправлено, и опыты возобновились.

При стрельбе тем же зарядом снарядами обыкновенного чугуна, снаряженными пироксилином, в зарядной каморе орудия открылись вдруг четыре трещины, частью переходившие в нарезы снарядной каморы; длина самой значительной доходила до 11 д. После образования трещин было произведено еще пять выстрелов: три — зарядом в 100 фн. и два — зарядом в 90 фн. Хотя трещины не удлинились, но из опасения возможного увеличения трещин в глубину дальнейшая стрельба из орудия была прекращена.

На заводе, куда орудие было отослано для вставки внутренней трубы, обнаружилось, что длина трещин, несмотря на рассверление канала до диаметра 15,65 д., равнялась 9 и 11 д., так что исправление орудия оказалось невозможным. Итак, после 74 выстрелов и это орудие пришло в совершенную негодность.

Осмотр 11-д. орудия Обуховского завода прежнего чертежа, произведенный в 1881 г. на фрегате «Адмирал Чичагов», обнаружил в каморе орудия весьма сильное выгорание металла и пять продольных трещин, имевших в длину около 6 д., а в глубину до 0,1 д. Из этого орудия, кроме общей пороховой пробы, было сделано всего 147 выстрелов следующими зарядами артиллерийского пороха: в 70 фн. — 70 выстрелов; в 100 фн. — 52; в 91 $\frac{1}{2}$ фн. — 8; в 85 фн. и 60 фн. — по одному; в 45 фн. — два и 13 холостых выстрелов зарядом в 10 фн.

И в этом случае исправление орудия оказалось невозможным, так как при рассверленном до 15,6 д. канале оставались еще две трещины, одна в 10 д., а другая — в 7 д.

Далее, в двух 11-д. орудиях Круппа, дальнобойных, снятых в 1881 г. с фрегата «Адмирал Спиридов» и отправленных на Обуховский завод для вставки внутренних труб, были обнаружены сильные

лучистые выгорания и трещины после 177 и 200 выстрелов, притом исключительно учебными зарядами. Наконец, еще одно крупновское 11-д. орудие, также дальнобойное, было подвергнуто стрельбе на Главном артиллерийском полигоне и на 17-м выстреле дало трещину.

IV

Станки Пестича для 6-д. дальнобойных орудий. — Их испытания. — Станки для 6-д. орудий системы Попова. — Причины порчи дальнобойных орудий большого калибра. — Особая комиссия для обсуждения артиллерийских вопросов. — Программа занятий комиссии

Изготовление орудий различных калибров для ряда опытов и самое производство их в период времени от 1876 до 1885 г. поглощало большую часть производительных сил Обуховского завода и доводило деятельность людей, являвшихся душой этого огромного организма, до крайнего напряжения. И, несмотря на переходное время в прогрессе артиллерийской техники, завод блестяще доказал свою жизнеспособность, отнюдь не уменьшив общей производительности.

Выделка пушечных станков, установившаяся, как мы видели, на Обуховском заводе еще в 1873 г., значительно усилилась за описываемое время.

Деревянные 6-д. станки оказались, конечно, непригодными с появлением 6-д. дальнобойных орудий. Поэтому генерал Пестич предложил в 1879 г. проект железного станка для 6-д. дальнобойных орудий*.

Испытание станка в 1880 г. 122 выстрелами при зарядах от 20 до 35 фн. дало удовлетворительные результаты. Восемь таких станков были заказаны Обуховскому заводу для вооружения корвета

* Станок принадлежал к типу обыкновенных железных стапков, с некоторыми только изменениями в его частях; к нему был приспособлен компрессор Армстронга. Придвигание станка к борту, после отжатия компрессора, производилось само собой, а отодвигание от борта — посредством откатного ворота парой бесконечных цепей. Для наведения орудия в горизонтальной плоскости употреблялась шестерня, двигавшаяся по зубцам медного погона; при поворотах в стороны платформа станка катилась по погонам на роульсах, а в случае перевода орудия на другой борт эти роульсы особым приспособлением поворачивались по направлению круговых погонов. Для вертикального наведения служили две подъемные дуги, прикрепленные к подвескам на правой и левой сторонах орудия и приводимые в движение системой шестерней и бесконечным винтом. Высота станка равнялась 2 ф. 4 д.; длина платформы 11 ф. 1 д.; наибольший угол возвышения орудия — 15°, склопления — 8°.

«Витязь». В 1881 г. они были уже изготовлены, и тогда же было произведено их испытание.

Сначала испытывался пробный станок 169 боевыми выстрелами и получил настолько значительные повреждения в подъемном механизме, что был уже на 49-м выстреле отправлен на завод для исправления.

Затем было произведено испытание одного из изготовленных станков 16 выстрелами, при зарядах от 25 до 45 фн. призматического охтинского пороха и снарядах в 80 фн. весом. Но и на этот раз результаты оказались весьма мало утешительными: уже после четвертого выстрела лопнул один из болтов, прикрепляющих передний задержник к донной доске, а потом началось постепенное скручивание концов компрессорного вала, постепенное растяжение и прогиб боевого штыря, штыровой петли и ее шарнира; после 16-го выстрела в станке и платформе произошли крупные поломки.

К чести Обуховского завода надо сказать, что самое изготовление станков было совершенно непричастно к этим повреждениям: характерною особенностью станка, по мнению лиц, производивших испытание, являлась чрезвычайная доброкачественность материалов во всех частях станка и платформы.

Причина поломки станков лежала в непригодности их конструкции для стрельбы из дальнобойных орудий. Поэтому все изготовленные станки были назначены для 6-д. орудий прежнего образца, а для дальнобойных орудий этого калибра был заказан Обуховскому заводу пробный станок по чертежу полковника Попова*.

Одновременно со станком Попова, изготовленным в 1882 г., подвергался в том же году испытанию и новый 6-д. станок генерала Пестича. Первый (Попова) был испытан 50 выстрелами, а второй — 52 выстрелами, оба зарядами от 20 до 38 фн.

Недостатки и повреждения, обнаруженные в испытанных станках, снова заставили прийти к убеждению, что существующая система станков не совсем удовлетворяет поставленным требованиям. Но откладывать еще на некоторое время выбор системы 6-д. станков

* Этот станок поставлен на коробчатые станины, делающие его наиболее устойчивым на палубе. Подъемный механизм состоял из зубчатой дуги с системой прямых зубчатых колес и с простым зажимом; компрессор был принят наружный, по системе Скотта; при отдаче станок двигался на станинах, а для движения по платформе вручную ставился на роульсы; поворот платформы в стороны совершался посредством особого ворота, соединенного с зубчатым ногоном системой зубчатых колес и шестерней. Высота станка равнялась 41 д., длина платформы — 11 ф. 8 д., а ширина (в заднем конце) — 50 ³/₄ д.; уклон платформы был сделан в 2°.

оказалось невозможным: станки были нужны безотлагательно для фрегата «Владимир Мономах» и крейсера «Ярославль».

Пришлось остановиться на только что испытанных станках, и после небольших разногласий на «Ярославль» были заказаны станки Пестича, а на «Владимир Мономах» — станки Попова, и те и другие с некоторыми изменениями в конструкции, всего 18 станков.

Внезапная и быстрая порча орудий больших калибров, обнаружившаяся во время опытов над дальнобойными орудиями, находилась в несомненной связи с переходом от 11-д. пушек образца 1867 г. к 11-д. пушкам образца 1877 г. Первые проектировались для заряда в 100 фн. при весе снаряда в 520 фн., а вторые предназначались для стрельбы зарядом в 146 $\frac{1}{2}$ фн. при снаряде в 620 фн., и, несмотря на это, наружные размеры, а следовательно и теоретическое сопротивление новых орудий, остались прежние.

К тому же заряд в 146 $\frac{1}{2}$ фн. был определен Крупном для пороха германской фабрикации, а наш охтинский призматический порох при том же весе заряда развивал гораздо большие давления, чем германский, что и не было принято в расчет.

Но одно это обстоятельство не могло повлиять столь сильно на стойкость наших большекалиберных орудий, что и доказывалось орудиями малых калибров, превосходно, как мы видели, выносившими большие давления.

Если припомнить, что в течение одного 1883 г. оказались негодными восемь 11- и 12-д. орудий Обуховского завода и крупновских, то нельзя было не прийти к заключению, что эти орудия стояли на таком пределе прочности, при котором колебания в свойствах пороха, весьма возможные при валовой фабрикации, были причиной выхода орудий из службы.

Все ясно указывало на необходимость обстоятельного исследования металла в орудиях большого калибра; в зависимости от этих исследований могли быть изменены надлежащим образом и условия приема и фабрикации орудий, установленные прежде при совершенно иных требованиях.

Эти исследования не могли ограничиваться одним только определением механических качеств металла, оказавшегося в большинстве забракованных орудий безупречным.

Опыты Н. В. Калауцкокого показали, что появление трещин зависело в значительной степени от вредных натяжений в слоях металла. Дело в том, что как в наших, так и в крупновских орудиях существовали натяжения, вследствие которых металл, облегающий канал, находился в сильно растянутом состоянии; в очень растяжимом металле эти натяжения не могли достигать значительной величины при

нормальных условиях фабрикации и при обработке только одной ковкой и отжигом; но если отжиг ведется таким образом, что при этом может произойти закаливание наружного слоя металла, как, например, при отжиге в масле, то при известных условиях появляются внутренние натяжения большой величины и служат причиной появления трещин.

Для обсуждения и решения этих важных вопросов и других обстоятельств, касающихся артиллерийских орудий, а также их изготовления, при Морском министерстве в 1884 г. была образована особая комиссия из представителей Сухопутного и Морского ведомств.

В комиссии принимали участие следующие лица: председатель генерал-лейтенант Пестич и члены — генерал-лейтенанты Маиевский и Гадолин, Р. В. Мусселиус и Горлов, контр-адмирал А. А. Колокольцов, генерал-майоры Каминский и Калакуцкий, инженер-технолог Чернов, полковники Папкевич, Стрижев, Кремков и Канакотин, подполковник Колчак, капитан 2-го ранга Власьев и штабс-капитаны Забудский и Бринк.

Вопросы, предложенные на обсуждение комиссии, были сформулированы следующим образом.

1. Удовлетворяет или не удовлетворяет условиям наибольшей прочности принятая нами конструкция орудий?

2. Возможно ли соответствующим видоизменением скрепляющих колец увеличить прочность тех орудий, которые в настоящее время находятся в работе?

3. В какой степени имеет влияние качество пороха на прочность орудия? Не следует ли принять меры к изготовлению орудий наибольшей прочности, независимо от свойства имеющегося у нас пороха?

4. Достаточны ли в техническом отношении средства Обуховского завода? В какой степени совершенны те приемы, которые употребляются при выделке стальных орудий?

5. Какие нужны меры и средства, чтобы тем же путем решить вопрос об изготовлении на Обуховском заводе стальных снарядов, имеющих неразрывную связь с силой артиллерии?

Но прежде чем приступить к этим вопросам, комиссия высказала свои соображения относительно причин порчи большекалиберных орудий; эти соображения уже приведены нами выше. Труд производства важных опытов над вредными натяжениями принял на себя, по предложению комиссии, Н. В. Калакуцкий при участии Обуховского завода. В распоряжение исследователей был назначен неотделанный ствол 6-д. пушки в 30 калибров.

V

Необходимость реорганизации Обуховского завода. — Установка фасонных отливок на Обуховском заводе. — Устройство новой мастерской для отжига изделий в масле. — Предварительный отжиг. — Вопрос об увеличении ковалевых средств Обуховского завода. — Ковальный пресс. — Переход Обуховского завода в казну. — Положения 1886 и 1898 гг. об управлении Обуховским заводом

Всякое живое дело, а тем более сталепушечное, постоянно совершенствуется и идет вперед: меняются те или другие приемы работы, вводятся новые приспособления и устройства. Но чтобы такое дело постоянно находилось на высоте современных требований, необходимо не менее постоянное соответствие между теоретическим процессом самого дела и средствами для осуществления его на практике.

Мы видели уже, какой огромный шаг вперед сделала артиллерийская техника, руководствуясь стремлением увеличить начальные скорости и живую силу снарядов, — стремлением, изменившим в самое короткое время не только конструкцию орудий, но и способы их изготовления, норму механических качеств их материала, наконец, их вес и стоимость.

В зависимости от этого почти все большие заграничные заводы были вынуждены перестраиваться, возводить новые громадные сооружения и устанавливать новые механизмы и приборы, не останавливаясь перед громадными иногда затратами.

Естественно, что и Обуховский завод крайне нуждался в подобной реорганизации.

Вопрос о реорганизации был одним из главных мотивов образования комиссии. Но лица, входившие в состав комиссии, подойдя к этому вопросу, нередко высказывали мнения, основываясь на сведениях, почерпнутых из различных печатных источников, или приводили чисто теоретические соображения, не усвоенные еще заводскою практикой.

Очевидно, только близкое знакомство с современным положением дел на иностранных сталепушечных, сталелитейных и механических заводах могло служить достаточным критерием при суждении о преобразовании завода.

А затем комиссия, пользуясь уже ценными данными отчета г. Калауцкого, выработала совместно с заводоуправлением усовершенствования, которые нужно было ввести на Обуховском заводе.

Обуховский завод нуждался в установке производства фасонных стальных отливок в землю не только для удовлетворения частной промышленности, но и для железного судостроения, как, например, для изготовления штевней. Обладая средствами для производства работ такого рода, он мог без всякого затруднения и задержек готовить отливки для лафетов и стальных оболочек для вновь проектированных орудий.

Существовавшие на заводе печи и все устройства для отжига орудийных стволов в масле были признаны недостаточными по своим размерам еще ранее обсуждения вопроса в комиссии, почему завод и приступил тогда уже к возведению новой мастерской для отжига, удержав в ней прежний способ нагревания перед охлаждением в масле. Старое же помещение было предназначено для производства дальнейших опытов над внутренними напряжениями в стали, для вывода их зависимости от условий обработки стволов и труб; таким образом, предложенное комиссией устройство особой печи для этих опытов оказалось излишним.

Нагревание болванок для отжига в масле было решено продолжать дровами, сделав только приспособление для вращения их во время нагрева. Это решение было принято по известным соображениям.

Так, при нагревах дровами нельзя опасаться за возможность перегрева предметов, подвергаемых отжигу: при невысокой температуре, необходимой во время этой операции, нагрев дровами является и вполне достаточным. Далее, при вновь принятой фабрикации орудий, когда ствол составляется из нескольких отдельных частей, надеваемых на тонкостенную трубу, легко достигнуть достаточной для практики равномерности нагрева (дровами); например, толщина стенок внутренних труб в 6-д. пушках — от 0,9 до 1 д., в 8-д. — 1,4 д., в 9-д. — 1,53 д., в 11-д. — 2,2 д., в 12-д. — около 2 д.

Что же касается длины отжигаемых частей стволов, то наибольшая длина отдельной части не превышала 140 д.; между тем 6-д. пушки прежнего образца имели в длину 140 д., 6-д. в 28 калибров — 168 д., 8-д. — 175 д., 9-д. — 180 д., 11-д. — 220 д. Ясно, что в прежней фабрикации могло быть гораздо больше затруднений при достижении равномерного нагрева, чем в данном случае.

Наконец, в прежних устройствах для отжига нагревание дровами было принято по примеру Вульвичского арсенала, откуда заимствован и самый способ; установка же газовых печей Сименса — Мартена для этой цели не была осуществлена после совещания А. А. Колокольцова с самим Сименсом по этому поводу.

Польза предварительного отжига была признана всеми членами комиссии и заводом, и потому он и утвердился на заводе, для чего было предложено устроить новые печи.

Цель такого отжига заключается если не в уничтожении, то хоть в уменьшении внутренних напряжений, развивающихся вследствие невозможности проковать длинные трубы и стволы при одинаковой температуре; кроме того, при существовании внутренних напряжений всегда возможны искривления стволов и труб после грубой обработки и сверления, так как при этом изменяются величины и характер напряжений, что подтверждено исследованиями Н. В. Калакуцкого.

Для усиления механических средств завода ввиду значительных заказов на большекалиберные орудия решено было установить несколько сверлильных и нарезательных станков для орудий большой длины.

Тут же встал вопрос и о существовавших на заводе приспособлениях дляковки. Одного 50-тонного молота было мало.

Обсуждая этот вопрос, одни члены комиссии, вместе с заводоуправлением, предлагали установку на заводе ковального прессы, недавно появившегося за границей; другие же проводили мысль об установке 100-тонного молота.

Защитники молота говорили, что действие гидравлического прессы существенно отличается от действия парового молота: в первом случае происходит плавное обжимание металла, приблизительно как при прокатке, а во втором — удары, сотрясающие всю массу; а между тем нет точных опытов, которые бы доказали тождественность свойств прокатанной и прокованной стали.

Проковать пустотелые валы возможно и под обыкновенным паровым молотом, если только снабдить его такими же средствами для маневрирования болванкою, как и гидравлический пресс, так как вся суть здесь не в быстроте движений.

Наконец, Витворт, первым в Европе установивший у себя пресс, получает литые прессырованные болванки с большой рыхлостью по оси, которую и высверливает доковки, так как в противном случае его изделия не обладали бы требуемыми качествами; по той же причине им выковываются и пустотелые валы.

Приводя эти доводы, часть членов комиссии считала наилучшим установить на заводе 100-тонный паровой молот, какой предполагал тогда поставить у себя Крупп и какой уже имелся на заводах Крезе и С.-Шамон.

Но большинство членов комиссии были несколько другого мнения.

Вот что мы читаем в отчете, представленном весьма компетентными людьми, командированными за границу для осмотра заводов:

«Ковальные прессы, установленные на заводе Витворта, представляют собой нечто самое совершенное из всего, что мы видели. Прессы эти силою от 3 до 4 тысяч тонн, а производимое ими давление определяется от $2\frac{1}{2}$ до $3\frac{1}{2}$ т на 1 кв. д. Никакое описание не может дать понятия о впечатлении, производимом этою работой на каждого, знакомого с заводским делом. Надо собственными глазами видеть всю работу прессы и его устройство, чтобы судить о той изумительной силе, простоте ее приложения и о тех удобствах и прочности, с какой пресс придает требуемую форму обжигаемой им массе металла. При нас на заводе Витворта была прокована болванка весом в 17 т, при наружном диаметре в 49,5 д. Она обжималась на штревеле, вставленном в высверленный канал. В течение 15 минут ее довели по всей длине до диаметра 38 д., причем вся работа была исполнена одним мастером и двумя рабочими».

«Через несколько дней мы были на одном из лучших заводов Франции, в С.-Шамон. Там при нас ковали болванку под 100-тонным молотом, в проковочной мастерской, снабженной всеми современными усовершенствованиями. На устройство этой прекрасной мастерской денег, очевидно, не жалели, и, по словам талантливого директора заводов Общества г. Мангольфье, она обоилась в 5 миллионов франков. Но когда мы увидели работу под этим молотом, одним из самых сильных в Европе, и сравнили его с тем, что мы так недавно видели у Витворта, — мы невольно выразили сожаление о сделанных затратах».

«Напрасно инженеры завода старались нам доказать, что под молотом металл находится в лучших условиях обработки, чем при прессе, — мы ясно видели, что нам говорили это лишь в защиту существующих устройств...»

«Отныне, и мы в этом убеждены, большие паровые молоты теряют свое прежнее значение. Значение же прессов вполне понятно и оценено лучшими заводами, и хотя Витворт держит в секрете как самое устройство прессы, так и всю работу под ним, тем не менее достигнутые им результаты настолько осязательны и серьезны, что значение их в настоящее время никем не оспаривается. Вследствие этого заводы Армстронга, Каммеля, Викаерса и Джона Броуна решились на устройство новых отделов, предназначенных для постановки ковалых прессов, со всеми приспособлениями и машинами, необходимыми для их действия. Работы по устройству таких мастерских в полном ходу, и стоимость затрат для этой цели определяется некоторыми заводами в 2 500 000 руб. Проектированием и устройством

ковального пресса для Джона Броуна занят в настоящее время известный механический завод „Tonnet, Walker and Co.” в Лидсе, тот самый, который изготовил для Обуховского завода все устройства для пинопрокатной и для бессемерования. К нему же, как нам достоверно известно, обратился за сведениями относительно чертежей ковального пресса и завод Круппа».

«Что же касается завода Витворта, то, хотя у него уже действуют несколько прессов, на которых еженедельно выковывается до 350 т стальных изделий, оказывается, что их ему недостаточно для удовлетворения отовсюду предъявляемых требований, почему он и ставит новый пресс...»

На эти отзывы нельзя было не обратить внимания. Кроме того, устройство ковального пресса на Обуховском заводе служило вместе с тем обеспечением безостановочного хода работ в случае каких-нибудь серьезных повреждений в существовавшем 50-тонном молоте.

Наконец, постройка пресса облегчала заводу выделку коленчатых валов и тому подобных предметов, необходимых для кораблестроения, так как ковка их под паровым молотом весьма затруднительна и крайне дорога.

Результатом долгих прений по вопросу о ковальных средствах завода было решено: установить на Обуховском заводе гидравлический пресс для обжима болванок, вступив для этого в переговоры с представителями Витворта, изъявившими готовность принять на себя изготовление пресса.

Во всяком случае пресс может быть употребляем для обжима болванок, предназначенных для различных неорудийных изделий; а прессование пушечных болванок можно допустить только тогда, когда завод произведет, при участии приемщиков Сухопутного и Морского ведомств, подробные исследования свойств стали, обжатой под прессом, и когда результаты этих исследований покажут, что она не хуже кованной под молотом.

Заключая очерк трудов комиссии по части реорганизации Обуховского завода, скажем, что ее горячим участником, А. А. Колокольцовым, было предложено, между прочим, установить на Обуховском заводе прокатку стали.

До того времени прокатка болванок, например в листы, производилась обыкновенно на других заводах — Ижорском, Невском, — что являлось до известной степени неудобным как в техническом, так и в хозяйственном отношениях.

Установка же прокатного производства давала заводу возможность не только выделывать листовую сталь для потребностей судостроения, но и развить выделку фигурной, фасонной и сортовой

стали для лафетов. Изготовление стали для последней цели необходимо было еще и потому, что многие предметы, как-то: бимсы, различные сорта таврового железа, и тому подобные, идущие на лафеты, приходилось выписывать из-за границы. А в России не было заводов, которые занимались бы их изготовлением. Но этому предложению А. А. Колокольцова не суждено было осуществиться на практике, так как в ближайшее время завод перешел к изготовлению лафетов из литой фасонной стали.

Немного позже вопроса о реорганизации Обуховского завода по части его технических средств был разрешен и другой, не менее важный вопрос для благосостояния завода, а именно: об административно-финансовом его положении. Завод все еще считался принадлежащим товариществу на паях; а Морское ведомство имело, по букве закона, только временный надзор за его делами. На практике, конечно, он был вполне казенным заводом, что, однако, не избавляло его от финансовых кризисов, вроде описанного выше.

Паи, выпущенные товариществом, находились, главным образом, у наследников Обухова, Путилова и Кудрявцева; небольшая часть их была принадлежностью частных лиц. Морское ведомство владело 33 паями. Паи вскоре собрались в одних руках, и обладатель их предъявил свои права на участие в делах и прибылях Обуховского завода. Возник целый процесс, повлекший за собой образование нескольких комиссий для разбора предъявленных претензий, описи и оценки заводского имущества. По решению Сената, куда перешло дело, Морское ведомство уплатило за каждый предъявленный пай около 70 000 руб., делаясь, таким образом, полным собственником Обуховского завода.

1 февраля 1886 г. Высочайше утверждено «Положение комитета министров об управлении казенным Обуховским сталелитейным заводом». Из него мы узнаем, что управление Обуховским заводом вверено правлению и начальнику завода. Правление состоит из председателя, двух членов от Морского ведомства, начальника завода и представителя Государственного контроля. Обязанности правления заключаются в составлении предварительных смет доходов и расходов, рассмотрении и утверждении условий казенных и частных нарядов, заведовании всеми денежными оборотами и суммами завода и т. п. Начальник завода распоряжается вполне независимо от правления. На его ответственности лежало постоянное улучшение технических сил и средств, заготовка материалов, привлечение заказов и т. п. На случай его отсутствия учреждена должность помощника начальника завода. Никаких кредитов на содержание и действие Обуховского завода по финансовым сметам правительственных

учреждений не назначается. Заводские же расходы покрываются из платежей по заказам и в случае надобности — из запасного капитала. Таково в общих чертах содержание помянутого положения.

Начальник завода несет, как видно из предыдущего, наибольшую сумму обязанностей, будучи непосредственным руководителем всей деятельности завода и сосредоточивая в своих руках большую часть распорядительной и всю исполнительную власть.

В мае 1898 г. Положение об управлении Обуховским заводом было пересмотрено и утверждено уже в несколько иной редакции. Число членов правления увеличено до трех; назначен совещательный член от Военно-Сухопутного ведомства; допущено замещение должностей начальника и помощника начальника завода лицом, не состоящим на государственной службе, по контракту, заключенному с правлением. Наиболее важным отличием нового Положения является значительное расширение компетенции правления. В его ведение передано заготовление материалов, припасов и механизмов, необходимых для действия завода; свидетельство и осмотр всех производимых на заводе сооружений и переделок, как во время их выполнения, так и по его окончании; ревизия всех мастерских и складов завода, а также денежных сумм, состоящих в кассе. Прибавим еще, что принятие частных заказов, допущенное Положением 1886 г. без всяких ограничений, санкционируется современным Положением только в той мере, в какой это не будет препятствовать успешному выполнению казенных нарядов. Отметим в заключение, что Обуховский завод занимает, в смысле администрации, совершенно исключительное положение. Хотя это — казенный завод Морского ведомства, правами государственной службы на нем пользуются только начальник и помощник начальника завода; все же прочие служащие — вольнонаемные. А по цитированному выше Положению 1898 г. завод весь может находиться под непосредственным ведением и руководством частных лиц, служащих по контракту с правлением.

Часть III

I

Изготовление 6-д., 8-д. и 12-д. орудий в 35 и 30 калибров на Обуховском заводе. — Испытания 6-д. орудия в 35 калибров системы Бринка и 8-д. в 30 калибров. — 12- и 9-д. орудия в 30 калибров. — Изготовление и испытание 6-д. проволочного орудия Лонгриджа на Обуховском заводе. — Двухтрубная 6-д. проволочная пушка Обуховского завода. — Дальнейшая участь проволочных орудий в нашем флоте

Неудачные опыты с первыми дальнобойными орудиями больших калибров в 1877 — 1887 гг. все далее и далее отодвигали возможность выработать сколько-нибудь определенные типы таких орудий. Пока наш флот не отличался большим изобилием судов, особенно броненосных, эта неопределенность конструкции большекалиберных орудий еще не была заметна. Но когда в начале 80-х гг. наша судостроительная деятельность сразу поднялась чуть не на 50%, когда стали появляться такие суда, как «Екатерина II», «Чесма», «Синоп» или «Адмирал Нахимов», прежнее положение артиллерийского дела оказалось невозможным.

Была образована, как уже известно, особая комиссия для оживления этого дела; комиссией был сделан ряд постановлений, улучшены производительные средства Обуховского завода и дан ряд заказов на орудия новой, одобренной комиссией конструкции.

Посмотрим теперь, каким образом были изготовлены и испытаны эти орудия, 6-, 8- и 12-д. калибров.

Изготовление первой партии 6-д. пушек в 35 калибров системы Бринка, начатое еще в 1885 г., затянулось до конца 1887 г., когда выяснились и результаты испытания пробной 6-д. пушки в 35 калибров за № 1669.

Такая медлительность выделки орудий обуславливалась, во-первых, тем, что Обуховский завод к этому времени был буквально завален нарядami на орудия 8- и 12-д. калибров, а во-вторых, тем, что производство новых 6-д. орудий оказалось далеко не столь легким и простым, как предполагали сначала. Коническая поверхность замков оболочек, надеваемых непосредственно на внутреннюю трубу, сильно усложняла их выделку; а надевание дульной оболочки, имевшей большую длину, чем все остальные, было так трудно, что из трех надевавшихся оболочек две засели на трубах, не дойдя до места, и их пришлось срезать и изготавливать вновь.

Чтобы устранить эти недостатки, понадобились новые приспособления, что, естественно, повлекло за собой остановку в работе оболочек. При надевании же оболочек было замечено, что каналы труб несколько искривляются в середине длины. Наконец, большое число (50) колец, винтовые нарезки в наружном кожухе и казеннике, изготовление которых (нарезок) было крайне медленно и затруднительно из-за неимения нужного числа токарных станков, трудность пригонки французского поршневого замка — все это еще более усложняло и замедляло общую работу по изготовлению орудий.

Пробное 6-д. орудие № 1669 в октябре 1885 г. поступило с Обуховского завода для испытания на морскую батарею Охтинского поля. Еще на заводе из него была произведена стрельба зарядами от 35 до 42 фн. призматического пороха и снарядами от 80 до 136 фн. весом — всего 312 выстрелов; при этом было замечено довольно значительное выгорание металла в камере и нарезках. На морской батарее это орудие испытывалось почти до половины марта 1887 г. и выдержало 778 выстрелов.

В общем, считая 312 выстрелов, сделанных на Обуховском заводе, это орудие выдержало 1090 выстрелов. Стрельба, произведенная в столь больших размерах, вполне обнаружила прочность орудия, в смысле скрепления его кольцами. Относительно выгорания металла в канале орудия нужно заметить, что они обнаруживались от 23 до 93 д., в камере и в начале нарезков. Давление паровых газов в зависимости от сорта пороха колебалось между 2240 и 2940 атм.; средние начальные скорости за все время испытания получались между 1456 и 2009 ф. в секунду*.

Но при испытании 6-д. пушек валового изготовления действие обтюраторов произвело несколько иное впечатление. Асбестовые подушки держались хорошо только при учебных зарядах; при боевых

* Действие затвора — это был затвор французской системы, типа Трель-де-Болье, а для предупреждения прорыва газов употреблялся обтюратор де-Банжа (Bange), с асбестовой прокладкой, — за исключением немногих осечек, отличалось полной исправностью; при этом выяснилось весьма важное превосходство цилиндрического затвора Бринка над клиновым механизмом: безукоризненная обтюрация канала орудия от прорыва пороховых газов. Первая асбестовая подушка, обшитая простою парусиной, выдержала еще на Обуховском заводе 100 выстрелов, была без исправления оставлена в затворе при стрельбе на полигоне, и здесь, в продолжение 224 выстрелов, не менялась на запасную. Не менее исправно стояла и вторая подушка в продолжение 548 выстрелов. Кроме того, вся обтюрационная часть затвора была рассчитана так, что вполне обеспечивала удовлетворительное запираение канала, освобождая от постоянного осмотра частей, их очистки и смазки, чего требовали клиновые плитки и кольца Бродвея в клиновых механизмах.

же портились чуть не с первого выстрела. Для устранения этого недостатка уже в 1888 г. к затвору были приспособлены стальная шайба, грибовидный стержень и разрезные кольца (переднее — медное, заднее — стальное) для асбестовых обтюраторов.

Такого же калибра пушка № 34, снабженная этими приспособлениями, была испытана на Обуховском заводе 20 выстрелами. Обтюратор действовал отлично, обсекания парусины на краях асбестовой подушки не обнаруживалось. Самое выдвигание и поворачивание затвора и его запираение совершалось вполне беспрепятственно и без помощи добавочной рукоятки. Подобные же результаты дало и испытание пробной пушки № 1669 на полигоне, куда ее снова поставили после пригонки к ней новой внутренней трубы. Дальнейшее изготовление 6-д. 35-калиберных орудий велось уже сообразно результатам описанных испытаний.

Кроме того, Обуховский завод переделывал партию 6-д. пушек образца 1867 г. по типу 6-д. орудий в 28 калибров, руководствуясь чертежом, составленным заводом. Длина наиболее скрепленной части ствола в переделанных пушках при наружном диаметре в 21 д. была на 1,85 д. короче, чем в 28-калиберных; а вес (265 пудов) переделанного орудия всего на 8 пудов превосходил 6-д. орудия в 28 калибров.

В ноябре 1886 г. первое изготовленное 8-д. орудие было доставлено на полигон после предварительной пробы на Обуховском заводе. Оно было установлено на станке Вавассера и испытано 260 выстрелами, зарядами от 30 до 128 фн. пороха различных сортов и снарядами от 191 до 325 фн. весом. Выгорание металла в канале и камере было довольно значительно, от 48 д. до 78 $\frac{1}{2}$ д. по длине. Давления газов колебались между 1905 и 2884 атм., а начальные скорости — между 1333 и 2294 ф. в секунду. После этого испытания 8-д. орудия в 35 калибров были установлены на крейсере «Адмирал Нахимов».

Еще во время действия особой комиссии артиллеристов Обуховский завод получил наряд на изготовление восемнадцати 12-д. орудий в 30 калибров для броненосцев «Екатерина II», «Чесма» и «Синоп». Орудия эти были изготовлены по чертежу, несколько отличному от прежнего. Толщина скрепляющих колец была уменьшена до 2,4 д., что позволило улучшить механические качества стали; число колец было увеличено до пяти; дульная часть была скреплена тремя оболочками, соединенными между собою на замок; внутренние трубы вставлялись с дульной части. Наконец, снарядная камера была заменена вторым коническим катом, длиною в один калибр, а диаметр и длина зарядной камеры соответственно равнялись 13,2 и

65 д. при наружном диаметре внутренней трубы в 16,3 д. В 1887 г. орудия были выпущены из мастерских завода.

Общую пробу 12-д. пушек нельзя было произвести на заводе из опасения повредить тоннель, устроенный для испытания стрельбою, поэтому орудия были отправлены на батарею Охтинского поля. Всего было испытано в этом году четыре 12-д. пушки, по 9 выстрелов каждая, зарядами в 287 и 245 фн. призматического пороха, плотностью 1,75, и снарядами в 810 фн.; проба показала полную удовлетворительность орудий.

Остальные орудия были испытаны в 1888—1889 гг. теми же зарядами и снарядами и оказались не менее совершенными.

Надо заметить, что еще в 1886 г. Бринк спроектировал 9-д. пушку в 35 калибров, скрепленную цилиндрическими кожухами, с клиновым механизмом; Обуховский завод представил также свой чертеж 9-д. пушки, но предпочтение было отдано системе Бринка. Завод изготовил несколько и таких орудий.

В 1885 г. А. А. Колоколыцов и Н. В. Калакуцкий просили г. Лонгиджа составить для Обуховского завода чертеж 6-д. проволочного орудия с соответствующими вычислениями, вполне сходный с только что нами разобранным. Чертеж вскоре был получен, немедленно начато изготовление орудия, а в 1887 г. на Обуховском заводе уже было произведено и испытание этой первой проволочной пушки. Всего было сделано 545 выстрелов зарядами от 30 до 44 фн. призматического охтинского пороха и снарядами от 80 до 136 фн. (последними — 505 выстрелов).

Проволочная пушка была изготовлена Обуховским заводом по его собственной инициативе. Поэтому А. А. Колоколыцов, представив Управляющему Морским министерством удовлетворительные результаты описанной работы, просил разрешения изготовить по типу проволочных хотя бы некоторое число орудий в счет данного заводу наряда на 79 пушек 6-д. калибра.

В ответ на это последовало разрешение изготовить восемь проволочных орудий, испытав предварительно пробную пушку на Охтинском поле, до 1000 выстрелов.

Весной 1888 г. пробное проволочное орудие и было испытано еще 455 выстрелами, зарядами в 44 фн. призматического охтинского пороха и разнообразными снарядами.

Удовлетворительность проволочного скрепления выяснилась вполне после этого испытания. Наибольшая длина выгорания в камере и нарезах после 1000 выстрелов простиралась до 117 д. Отпирание и запираание затвора не представляло никаких затруднений; прочность всех его частей не подлежала сомнению.

Затем испытанное орудие было доставлено опять на Обуховский завод. Там изготовили новую внутреннюю трубу, навили ту же проволоку, но с большими натяжениями; число рядов проволоки было доведено до 46, а общий вес орудия увеличился до 356 $\frac{1}{2}$ пуда. Переделанное орудие снова было испытано 500 выстрелами.

Остальные восемь проволочных пушек для корабля «Император Николай I» и еще две для канонерских лодок «Отважный» и «Гремящий» было решено изготовить по чертежу переделанной пробной пушки, заменив только ее чугунную оболочку стальной, отчего вес орудия уменьшился до 310 пудов.

В 1890 г. эти орудия были уже изготовлены, когда Обуховский завод получил наряд на 35 6-д. пушек в 35 калибров для вооружения «Наварина», «География Победоносца», «Рюрика», «Скобелева» и опять «Отважного» и «Гремящего». В целях экономии эти пушки предложено было изготовить по типу проволочных.

В Артиллерийском комитете возник вопрос о конструкции заказанных орудий. Дело в том, что в проволочных пушках, изготовленных для «Императора Николая I», при весе орудия в 305 пудов и упругой прочности 5911 атм. в месте наибольшего скрепления сжимающее усилие на поверхности канала превышало предел упругости на 25%; а пережатие при скреплении вообще признается вредным для прочности орудия. Это обстоятельство и другие соображения, высказанные членами комитета, повели сначала только к некоторым изменениям в первоначальном чертеже 6-д. проволочных пушек, но вскоре вслед за тем А. А. Колокольцовым был представлен и проект новой двухтрубной пушки 6-д. калибра.

Двухтрубная 6-д. пушка длиной в 35 калибров состояла из основной трубы, которая скреплялась 36 рядами проволоки и стальной оболочкой, надетой вплотную, но без стягивания; ближе к дулу скреплением служили кольца или цилиндры. В скрепленный таким образом ствол вставлялась в холодном состоянии (без стягивания, но и без большого зазора) внутренняя труба, из возможно мягкой стали. Общий вес орудия получился в 300 пудов. Сжимающее усилие на внутренней поверхности основной трубы равнялось 3300 атм., то есть было равно пределу упругости металла этой трубы; натяжение для всех слоев проволоки при выстреле предложено в 5200 атм.

Прочность скрепленного ствола в месте наибольшего скрепления, не считая внутренней трубы, составляла 4400 атм. Внутреннюю трубу завод считал не более как распределяющей прокладкой, передающей давление газов с меньшей поверхности (по каналу орудия) на большую (по каналу основной трубы), а потому и допускал во внут-

ренной трубе давление в 6038 атм., что и принималось за упругую прочность всего орудия.

Самая проволока была прямоугольного сечения, шириной 0,26 д. и толщиной 0,05 д. Вредные напряжения проволоки вследствие изгиба при навивке устранялись в этом проекте употреблением проволоки из металла высоких механических качеств (предел упругости — от 12 000 до 14 000 атм., коэффициент упругости — 2 070 000 атм.) и навивкой ее на трубу (основную) с наружным диаметром в 11,2 д., а не в 9 д. (диаметр внутренней трубы в прежних проектах).

Главным же достоинством двухтрубной проволочной пушки была возможность в случае выгораний в канале легко заменить внутреннюю трубу новой, причем не нужно было ни сматывать проволоку, ни снимать другие части орудия.

Рассмотрение проекта двухтрубной проволочной пушки Обуховского завода сопровождалось весьма оживленным обменом мнений между представителями завода и членами комитета. В результате Обуховскому заводу было предложено изготовить все 35 заказанных пушек по этому проекту. Испытание первой двухтрубной проволочной 6-д. пушки было начато в январе 1892 г. 102 выстрелами; из них уменьшенными зарядами два выстрела, а остальные 100 — зарядами в 56 фн. бурого призматического пороха и снарядами в 136 фн.

А затем появление у нас скорострельных пушек системы Канэ (Canet) повлекло за собой прекращение производства двухтрубных проволочных пушек на Обуховском заводе. На корвет «Скобелев» были установлены две однотрубные проволочные 6-д. пушки, изготовленные по образцу для броненосца «Император Николай I». Двухтрубные, уже изготовленные, пушки разместили на кораблях следующим образом: «Наварин» — 8, «Георгий Победоносец» — 7, «Гремящий» и «Отважный» — по одной; всего вместе с пробной — 18 пушек.

II

Празднование 25-летнего юбилея Обуховского завода в 1890 г.

В 1890 году исполнилось более 25 лет существования Обуховского завода, а вместе с тем прошло и 25 лет с того времени, как А. А. Колоколыцов стал во главе этого важного предприятия. Это событие было почтено скромным торжеством, характер и значение которого будут ясны читателю из цитируемой ниже заметки, взятой из периодической прессы 1890 г.

«31-го января в Обуховском сталелитейном заводе (близ Петербурга) произошло торжественное и в высшей степени задушевное чествование начальника завода, контр-адмирала Александра Александровича Колокольцова, по поводу 25-й годовщины славного его управления.

По окончании работ этого дня более 2000 мастеровых и служащих с их семьями собрались в одной из обширных мастерских приветствовать сего достойного начальника, встретив его, по русскому обычаю, хлебом-солью, при торжественных звуках военной музыки. Затем, когда был отслужен благодарственный молебен и дети заводской школы пропели кантату, сочиненную к этому дню в честь их попечителя, начался прием поздравлений и многочисленных адресов от представителей ученых учреждений и обществ, заводов и отдельных лиц, причем было получено и множество телеграмм из разных мест.

Такая глубокая признательность была вызвана плодотворною деятельностью юбиляра, представляющей неоценимую заслугу как перед государством — создание могущественного русского оружейного завода, обеспечивающего средства его обороны, — так и перед русскою техникой — образцовой постановкой наитруднейшего производства под руководством избранных Колокольцовым исключительно русских инженеров.

Близко ознакомившись с главнейшими иностранными заводами и их производствами, А. А. Колокольцов с удивительною легкостью усваивал себе практически такие многосторонние знания, каких не в состоянии дать никакая школа. Это не ускользнуло от проницательности Его Императорского Высочества Генерал-Адмирала, и когда явилась необходимость поддержать только что зародившийся русский оружейный завод, Его Императорское Высочество решил достигнуть этого, между прочим, постановлением во главе завода морского офицера, обладающего отличными познаниями, приобретенными им во время многолетних сношений с заводами Великобритании, как это выражено в Высочайшем Его Императорского Высочества докладе от 19-го июня 1865 г., вследствие которого в том же году и состоялось назначение А. А. Колокольцова начальником Обуховского завода.

С того времени продолжается та блестящая, неутомимая деятельность А. А. Колокольцова, благодаря которой Обуховский завод, развиваясь с поразительным успехом, приобрел европейскую известность, огромное государственное значение и сделался, по справедливости, предметом нашей национальной гордости».

III

Вопрос о сохранении 12-д. калибра для орудий флота. — Заказ шести 12-д. орудий в 35 калибров заводу Круппа; его основания и условия. Испытания заказанных орудий и их результаты. — Изготовление и испытание 12-д. орудий в 35 и 40 калибров на Обуховском заводе. — Меры для устранения прогиба в 12-д. орудиях в 35 калибров Обуховского завода. — 10-д. орудия системы Бринка

Во всяком сколько-нибудь прогрессирующем деле под влиянием временного господства какой-либо идеи возможны преувеличения и переходы от одной крайности к другой.

Артиллерийская техника, как мы неоднократно имели случай заметить, дает немало примеров такого увлечения идеей, после чего следует всегда реакция.

Это же случилось и в 1880 — 1890 гг. Доведя еще в 1880-х гг. размеры орудий до чудовищного 22-д. калибра и видя громоздкость, медленность действия и огромную стоимость этих колоссов, артиллеристы, как мы уже говорили, обратились в другую сторону и стали преследовать идею наибольшей дальнобойности, а затем и скорострельности орудий. Возможное увеличение этого последнего качества повлекло за собой не только прекращение выделки орудий очень большого калибра, но и стремление, часто даже излишнее, уменьшить до последней степени калибр вновь изготавливаемых пушек.

В 1891 г. и у нас, в России, возник вопрос о том, не следует ли уменьшить наибольший принятый у нас калибр орудий, то есть вооружать вновь строящиеся суда орудиями менее 12-д. калибра в целях уменьшения веса артиллерии и возможности действовать орудиями вручную.

Для решения подобного вопроса необходимо было прежде всего рассмотреть и сравнить данные относительно баллистических свойств и веса орудий различного калибра, а также относительно веса их установок и боевых запасов на 12 часов боя.

С уменьшением калибра, правда, получался выигрыш в весе судовой артиллерии, но зато действительность выстрелов уменьшалась весьма чувствительно. Большая же скорострельность едва ли могла возместить этот проигрыш, так как даже 9-д. орудие действовало только в 1 1/2 раза скорее, чем 12-д. пушка, а орудие калибром в 11 д. — лишь в 1 1/4 раза; да и разрывное действие снарядов значительно уменьшалось с понижением калибра.

Что же касается возможности действовать 12-д. орудиями вручную, то главным препятствием на пути к этому являлось большое усилие, необходимое для вращения башен. Но с введением у нас башен, устроенных таким образом, что центр тяжести установки лежит на оси вращения, что практиковалось уже во Франции на «Capitan Prat», «Brennus» и др., ручное вращение башен делалось вполне достижимым. Следовательно, в этом отношении уменьшение калибра орудий не играло никакой роли.

Переходя к вопросу о весе судовой артиллерии, мы видим следующее. Вес этот, разумеется, уменьшится более или менее значительно в зависимости от количества орудий на судне; но если ограничить число орудий меньшего калибра, например, числом 12-д. орудий, то это привело бы к более или менее резкому ослаблению боевой силы судна.

С другой стороны, если уменьшение индивидуальной боевой силы орудий вознаграждать увеличением их числа, сохраняя принятое в нашем флоте отношение между их весом и водоизмещением судна, то принципиальное решение вопроса опять-таки становится невозможным. Конечно, с тактической точки зрения в некоторых случаях перевес может оказаться на стороне орудий меньшего калибра.

Но ведь это только «некоторые», то есть частные, случаи, и притом определенные теоретически.

Все эти обстоятельства и, между прочим, существование 12-д. калибра даже в иностранных флотах сохранили 12-д. калибр и в нашем флоте.

В ноябре 1885 г. начальнику Обуховского завода была доставлена ведомость орудий всех калибров, которые потребуются на вооружение нашего флота до 1890 г.

Заводу предстояло выполнить наряд на 18 орудий 12-д. калибра для «Екатерины II», «Чесмы» и «Синопа». Орудия для «Екатерины II» и «Чесмы» были в работе еще со времени заказа в ноябре 1884 г., а наряд на шесть орудий для «Синопа» был дан только в декабре 1885 г. Напомним, что каждое 12-д. орудие в 30 калибров состоит из внутренней трубы, составного ствола (казенная часть и три дульные части), из 71 скрепляющего кольца (в том числе одно цапфенное) и, наконец, из запирающего механизма. Следовательно, на шесть орудий для одного броненосца требуется, кроме запирающих механизмов, шесть внутренних труб, шесть казенных частей составного ствола, 18 дульных частей составного ствола, 420 скрепляющих колец и шесть цапфенных колец. Между тем, обращаясь к сведениям о ходе работы по изготовлению орудий для «Синопа», мы видим, что к январю 1886 г. внутренние трубы для этих орудий, равно как дуль-

ные части ствола и кольца, совершенно не были изготовлены; была обточена и высверлена нагрубо всего лишь одна казенная часть. Прибавим, что при изготовлении этих частей орудия мог получиться значительный брак вследствие сильно повышенных (особою комиссией 1885 г.) требований относительно качества стали и что срок сдачи орудий истекал весной 1888 г.

Из всего сказанного будет понятно предложение А. А. Колокольцова — заказать четыре 12-д. орудия заводам Круппа и Армстронга, — сделанное в 1886 г.

Технический комитет, рассмотрев это предложение и находя, что заказ орудий за границей во всяком случае послужит к своевременному вооружению не только «Синопа», но даже «Екатерины II», нашел нужным заказать заводу Круппа не два, а ввиду однообразия материальной части броненосца шесть 12-д. орудий.

Немедленно были начаты переговоры с Круппом. Он прислал чертеж своей 12-д. пушки в 35 калибров длиной, с цилиндро-призматическим затвором его системы. Это орудие состояло из толстой внутренней трубы, вставляемой с натяжением в казенную часть составного ствола; на ствол надето три ряда скрепляющих колец. Обыкновенно вес таких орудий равнялся 3004 пудам, причем наибольшая толщина всех скрепляющих слоев была относительно невелика — около 10 д. В обуховских орудиях толщина наибольшего скрепления была еще меньше, что при употреблении медленно горящих сортов пороха могло вредно повлиять на прочность орудий. Поэтому в заказанных Круппу орудиях наибольшая толщина всех скрепляющих слоев была доведена до 13 д., при этом для тяжелого снаряда 1111 фн. весом была гарантирована начальная скорость в 2000 ф. в секунду при давлении на клин не свыше 3000 атм.

Увеличение скрепления, правда, прибавило к первоначальному весу лишних 355 пудов, так что в общем этот вес равнялся 3 360 пудам, а по доставлении детального чертежа пушки возрос и до 3 471 пуда. Но зато сила этих орудий значительно превышала силу обуховских 12-д. орудий в 30 калибров. Так, крупповское пробивало у дула железную плиту толщиной 26,3 д., а обуховское — 19,22 д., что дает 7,1 д., или 37%, разницы в пробивной силе в пользу первой. Преимущества крупповских орудий еще более выступали при стрельбе на дальнюю дистанцию, так как обуховские орудия не допускали употребления тяжелых снарядов. По заявлению завода Круппа, цена с пуда каждого 12-д. орудия, по какому бы из наших или его чертежей мы ни пожелали изготовить его, была одна и та же. Понятно, что было выгоднее заказать 12-д. орудия в 35 калибров по чертежу Круппа, нежели 12-д. в 30 калибров по чертежу Обуховского

завода. При обсуждении вопроса о сроке и технических условиях этого заказа Морское министерство и представитель Круппа в России пришли, после долгих разногласий, к следующему: расчет прочности и других конструктивных элементов производится согласно теории сопротивления орудий, причем линейное сжатие металла по окружности канала орудия не должно превосходить упругого удлинения при разрыве образцов металла от внутреннего слоя более чем на 12%.

Завод Круппа обязывается, кроме того, изготовить орудия наибольшей прочности, возможной при пределе упругости металла внутреннего слоя в 3000 атм., а при наружном диаметре орудия — в 4 калибра. Во всех остальных слоях орудия завод обязуется ставить сталь с пределом упругости не менее 2800 атм.; удлинение металла при разрыве не должно быть менее 14% при длине брусков 100 мм.

Срок изготовления орудий — 14 месяцев.

Испытание металла от каждой отдельной части орудий и наблюдение нашего приемщика за ходом работ по изготовлению орудий не были внесены в контракт, так как Крупп обнаружил полную уверенность в непоколебимой прочности и стойкости орудий его фирмы и не согласился допустить эти условия без значительного повышения цены. Заметим, что А. А. Колокольцов особенно настаивал на соблюдении этих последних условий, видя в них единственное ручательство благонадежности заказанных орудий. Условия в форме контракта были утверждены 30 апреля 1886 г. Следовательно, не позже 30 мая 1887 г. заказанные орудия должны быть готовы к отправлению в Севастополь. Однако наряд на шесть 12-д. орудий для «Синопа», данный ранее Обуховскому заводу, не был отменен ввиду того, что эти орудия могут быть запасными и послужить вооружением вновь проектируемых судов.

Наступил июнь 1887 г. Заказанные Круппу орудия не были изготовлены. Даже испытания на Мёппенском полигоне (Пруссия) производились всего над двумя орудиями. Производство опытов, имевших целью приискание зарядов и составление таблиц стрельбы, а также самый прием орудий были возложены на комиссию из следующих лиц: нашего военно-морского агента в Германии, капитана 2-го ранга Доможирова, штабс-капитана Бринка и поручика Рязанина

Первым подверглось испытанию 12-д. орудие № 2. Стрельба из него производилась зарядом 181,6 кг. Начальная скорость получилась 568 м, а давление 2980 атм. Обмер пушки после девяти выстрелов показал, что наибольшее расширение снарядной камеры по нарезам равнялось 0,16 мм, а на гладком скате пороховой камеры — 0,49 мм по вертикальному и 0,22 мм по горизонтальному направлению. Сделали еще пять выстрелов. Последние два выстрела были про-

изведены зарядом 192 кг, причем начальная скорость равнялась 599 м, а давление — 2900 атм. Новый обмер показал, что деформация канала продолжается: расширения в начале нарезов увеличились до 0,24 мм.

Затем была произведена стрельба из пушки № 1. Заметим, что еще до представления к приему завод Круппа сделал из нее различными зарядами и сортами пороха семь выстрелов, причем скорости получились от 553 м до 601 м, а давления — от 2365 до 3245 атм. Наибольшее расширение канала равнялось при этом 0,07 мм. В присутствии комиссии из этой пушки было сделано девять выстрелов зарядом в 200 кг (скорость 610 м в секунду и давление 2970 атм.), а десятый выстрел — зарядом в 185 кг, причем скорость равнялась 579 м. От всех десяти выстрелов наибольшая величина расширения в канале получилась 0,26 мм, а на скате пороховой камеры — 0,54 мм по вертикальному и 0,37 мм по горизонтальному направлениям.

Что же касается образования выгораний на скатах обоих орудий, то сетчатых выгораний не было замечено ни в том ни в другом. Но по всей поверхности скатов ясно видна была продольная полировка вместо бывшей до стрельбы круговой, что необходимо признать начальной формой выгораний.

Наконец приступили к испытанию пушки № 3 зарядом в 200 кг из нескольких сортов бурого пороха при давлении 2700 атм. и начальной скорости снаряда 582 м в секунду. После девяти выстрелов наибольшее расширение канала равнялось 0,23 мм; расширения замечались даже позади ската зарядной камеры.

Таким образом, наибольшее расширение получилось в пушке № 1 (0,26 мм). В пушках № 2 и 3 получились почти одинаковые расширения, хотя давление в последней было значительно меньше. Это обстоятельство можно объяснить большою мягкостью металла трубы в пушке № 3 сравнительно с пушкой № 2. Мягкость стали в трубах пушек № 1 и 3 была засвидетельствована и показанием заводских техников Круппа.

Все вышеизложенное и послужило темой доклада комиссии Морскому техническому комитету.

Комитет вместе с представителями Обуховского завода пришел к заключению, что Крупп нарушил условия контракта. И действительно, по контракту завод Круппа обязан был к определенному сроку (не позже 30 мая 1887 г.), иметь готовыми к отправлению в Севастополь шесть 12-д. орудий, развивающих начальную скорость в 2000 ф. в секунду при весе снаряда в 1111 фн. и давлении пороховых газов на клин не свыше 3000 атм., причем выбор сорта пороха предоставлен заводу, и порох, естественно, надо приискать своевременно, до сдачи

орудий. В самих орудиях не должно существовать после стрельбы расширений ни в пороховой камере, ни по дну нарезов канала и зарядной каморы.

Между тем, не говоря уже о крупной просрочке в самом изготовлении орудий, завод Круппа не позаботился о приискании соответствующего пороха. Ряд расширений в канале и каморах орудий не давал возможности довести начальную скорость снаряда до 2000 ф. в секунду. Наконец, из заявлений самого завода Круппа ясно, что им не выполнены условия относительно стягиваний, потому что в зарядной камере допущено сжимающее усилие на 17%, а в зарядной — на 3% большее сравнительно с тем, что Круппа предлагалось.

Во имя всего этого необходимо было сколько-нибудь убедиться в прочности заказанных орудий, ведя опыт с новой, еще не имеющей расширения пушкой и начиная стрельбу при давлении 2000 атм. (три выстрела), а затем в 2250 атм. Если не появится после этого расширений, следующие орудия можно испытать уже при давлении 2500 атм. Первые три орудия, № 1, 2 и 3, необходимо подвергнуть на заводской счет стрельбе девятью выстрелами при тех давлениях, на которых придется остановиться после испытания новых пушек; перед стрельбой каналы этих трех орудий должны быть отполированы.

Представители Обуховского завода А. А. Колоколыцов и Н. В. Калауцкий снова остались при особом мнении. Видя в резкой разнице между вертикальными и горизонтальными расширениями ската начало разгораний, столь вредных для современных орудий большого калибра, они настаивали на том, чтобы испытание орудий производилось при давлении в 3000 атм., и притом в России.

Дело между тем затянулось до 1888 г., когда были испытаны пушки за № 4 и 5. Не останавливаясь на них подробно, скажем, что в результате все изготовленные Круппом орудия можно было признать прочными для среднего давления газов на клин не свыше 2200 атм. Из орудия № 6, кроме того, была произведена продолжительная стрельба, для приискания веса зарядов из нашего пороха, бурого и черного. Всего было произведено 166 выстрелов. При стрельбе выяснилось, что уже после 114-го выстрела меткость снарядов длиной в 4,1 калибра весьма чувствительно ухудшилась, а к концу испытания совершенно исчезла. Глубина выгораний в нарезах доходила до 2 мм, а протяжение их — 3 м от начала нарезов к дулу и 1 м назад, в зарядную камору. После этого завод Круппа заявил приемщикам, что орудие № 6 нуждается в исправлении, и предложил вставить за особую плату новую внутреннюю трубу, требуя 9 месяцев времени. Но подобная работа могла с большим успехом выполняться и на Обуховском заводе; поэтому предложение Круппа не было принято.

В июне 1888 г. все шесть орудий Круппа были отправлены в Севастополь — на год позже назначенного срока. Орудие № 6 было временно помещено на «Чесме», впредь до замены его 12-д. пушкой Обуховского завода, также в 35 калибров. Заметим между прочим, что по причине существования остающихся расширения в канале крупповские 35-калиберные орудия оказались в состоянии выносить только те же давления пороховых газов, что и обуховские 30-калиберные. Таковы в общих чертах плоды нашего последнего заказа заводу Круппа.

Еще в 1886 г. Обуховский завод предъявил чертеж 12-д. орудия длиной в 35 калибров, по типу крупповских орудий того же калибра. В 1891 г. первая 12-д. пушка в 35 калибров была доставлена на Охтинское поле, где и испытана. Было произведено девять выстрелов снарядами в 810 фн., зарядами в 345—402 фн. бурого призматического пороха; средняя начальная скорость снарядов оказалась равной 2090 ф., а среднее давление на дно канала — 2300 атм. Орудие оказалось вполне удовлетворительным.

В том же году возник общий вопрос о конструкции 12-д. орудий.

Главное внимание сталепушечных заводов всегда было обращено преимущественно на улучшение качеств орудийного металла, и в этом отношении Обуховский завод шел впереди других. Упругая прочность его стали так высока, что позволяет изготавливать орудия, выносящие давления газов до 3000 атм.

Но теперь явилось новое затруднение, с которым приходится весьма и весьма считаться, — выгорание металла в канале современных орудий.

При давлении в 3000 атм. оно так велико, что после 50 выстрелов меткость орудия уже перестает быть сколько-нибудь действенной.

Чтобы выйти из этого затруднения, приходится при проектировании новых орудий довольствоваться начальной скоростью только в 1780 ф. вместо 2000 ф. для тяжелых снарядов весом в 1111 ф., длиной в 3 1/2 калибра. Очевидно, такая начальная скорость более чем недостаточна. Увеличить же ее возможно только удлинением канала орудия, доводя последний до 45 калибров; при этом, конечно, необходимо избегать увеличения общего веса орудия.

Механические станки Обуховского завода были рассчитаны и на 12-д. орудия в 40 калибров; прочие условия выделки длинных орудий вполне соответствовали средствам и силам завода. Понятно, что вопрос о производстве 12-д. орудий в 40 калибров для Обуховского завода был решен положительно.

Механические испытания металла внутренних труб 12-д. орудий в 30 и 35 калибров показали, что из 29 труб только у одной предел

упругого сопротивления составлял 3300 атм.; у всех же остальных предел упругости гораздо выше, причем удлинение было не менее 14%. Кроме того, с тех пор как за минимальный предел упругости стали в трубах приняты 3000 атм., не было ни одной трубы, забракованной по недостаточности предела упругости металла.

Ясно было, что завод в состоянии изготовлять внутренние трубы с пределом упругости в 3300 атм., не повышая процент содержания углерода в стали.

А такая перемена в задании у 12-д. орудий в 35 калибров, весящих 3400 пудов, дает облегчение веса в 700 пудов. Затем уменьшение давления с 3000 до 2500 атм. позволяет уменьшить вес орудия еще на почти 500 пудов. В результате получается возможность изготовлять 12-д. орудия в 35 калибров с теми же баллистическими свойствами, как и ранее, но на 1200 пудов легче. Важность этого облегчения особенно ясна, если иметь в виду переход к ручному управлению орудиями и бабнями. Спроектированное по тем же принципам 12-д. орудие в 40 калибров весит около 2500 пудов.

В 1892 г. заводом был представлен чертеж 12-д. орудия в 40 калибров; вес орудия составлял 2583 пуда, а в марте 1895 г. прошло и испытание стрельбой первой 12-д. пушки в 40 калибров, изготовленной на заводе. Вес заряда из бездымного пороха равнялся 276,5 фн., вес снаряда — 810 фн. При этом начальная скорость оказалась равной 2600 ф. в секунду при максимальном давлении пороховых газов в 2250 атм.

В 1891 г. при обсуждении вопроса о 12-д. орудиях в 40 калибров было обнаружено, что в некоторых 12-д. орудиях в 35 калибров, выпущенных Обуховским заводом, был замечен прогиб. Для устранения этого недостатка предполагалось некоторое число коротких скрепляющих колец заменить трубами длиной от 5 до 10 ф.

Обуховские 12-д. пушки в 35 калибров отличаются от крупновских того же калибра главным образом тем, что в них труба прямо вставляется в кожух и что скрепляющие кольца у них короче.

Наибольший изгибающий момент в 12-д. орудиях приходится позади центра тяжести орудия, у места прикрепления его к салазкам. Но здесь имеется цельный ствол, представляющий сам по себе большое сопротивление изгибу, и прогиб вряд ли возможен. А самое опасное в отношении прогиба сечение орудия находится несколько впереди центра тяжести, где стыки колец перекрыты весьма мало. Поэтому уже в 1892 г. было решено заменить сравнительно короткие скрепляющие кольца впереди центра тяжести длинными цилиндрами.

Так, в 12-д. орудиях в 35 калибров, изготовленных Обуховским заводом для «Наварина», скрепляющие цилиндры наружного ше-

стого и пятого слоев были увеличены по длине на 70 д. Кроме того, в последующих 12-д. орудиях длинный цилиндр третьего слоя на дульной части был заменен несколькими короткими цилиндрами, что отчасти уменьшало его сопротивление изгибу, а вместе с тем значительно облегчило самое изготовление орудия.

Одновременно с вопросом о сохранении в нашем флоте 12-д. калибра было решено ввести в вооружение судов орудия промежуточного калибра — между 12-д. и 9-д. Примером служили новейшие английские (типа «Centurion») и германские суда, снабженные 10-д. и 24-см орудиями. 10-д. калибр был принят и у нас.

В 1892 г. Бринк представил чертежи этого орудия. 10-д. пушка состояла из четырех слоев и весила 1388 пудов. Предел упругости стали внутренней трубы и скрепляющих цилиндров равнялся 3300 атм., а в оболочке — 3100 атм. При этих механических качествах сопротивление орудия в месте наибольшего скрепления составляло 5000 атм.

Затвор — поршневой, по образцу для 12-д. пушки длиной в 40 калибров. Сущность устройства и действия поршневого затвора заключается в том, что, посредством вращения рукоятки его в одну и ту же сторону, выполняются автоматически и в последовательном порядке все действия затвора при отпирании, а вращением рукоятки в другую сторону производится запираение затвора. Чтобы извлечь всю пользу из бездымного пороха и получить возможно большую начальную скорость, длина пушки была назначена в 45 калибров. Это давало начальную скорость в 2500 ф. в секунду для снаряда в 470 фн. Обуховскому заводу в том же 1892 г. был дан наряд на изготовление десяти таких орудий для броненосцев «Адмирал Сенявин» и «Адмирал Ушаков».

IV

Скорострельные орудия большого калибра в нашем флоте. — Испытания 4,7-д. скорострельных пушек Армстронга. — Комиссия для изучения систем скорострельных орудий за границей. — Патронные пушки системы Канэ. — Изготовление патронных пушек Канэ на Обуховском заводе

Появление скорострельных пушек большого калибра за границей немедленно отразилось и на состоянии нашей артиллерии; был проведен ряд опытов над этими орудиями.

Не вдаваясь в их подробное описание, скажем, что в 1889 г., когда встал вопрос о вооружении парохода «Орел», было решено приобрести от фирмы «Армстронг, Митчел и К°» две 4,7-д. скорострельные

пушки системы Армстронга, со всеми необходимыми принадлежностями. В конце 1890 г. эти пушки были доставлены на Охтинскую морскую батарею с боевыми запасами на 500 выстрелов и с двумя станками: один — на центральном штыре, для открытых батарей, другой — междупалубный, для установки в закрытой батарее.

Из пушки на станке для закрытой батареи было сделано 28 выстрелов, из пушки на штыровом станке — 154 выстрела. При заряде в 13 фн. 20 зол. доставленного из Англии черного пороха и снаряде в 50 фн. 46 зол. была получена средняя начальная скорость в 1762 ф., а среднее давление газов — 2345 атм.

Орудия действовали вполне исправно, но меткость их оказалась далеко не удовлетворительной: почти в три раза хуже меткости 42-линейной сухопутной пушки при стрельбе в щиты на 500 и 1000 сажений. Конструкция затвора была слишком сложна вследствие совмещения двух способов воспламенения заряда — ударного и гальванического. Кроме того, по чертежу пушка состояла всего из двух слоев; из этого можно было заключить, что прочность пушки Армстронга ниже прочности наших орудий, если, разумеется, механические качества самой стали в ней не выше требуемых у нас.

Как видно, результаты этого испытания не могли дать веских доводов в пользу введения у нас 4,7-д. пушек Армстронга, по крайней мере в неизменном виде. Нужно было ознакомиться, следовательно, со скорострельными пушками других систем: Гочкисса, Грюзона и особенно системой Канэ, все более и более заставлявшей говорить о себе и в органах специальной военной прессы, и в отзывах очевидцев офицеров. Комитет, сознавая это, предложил командировать за границу комиссию из сведущих офицеров для изучения скорострельных орудий на месте их производства, с уплатой иностранным заводам расходов на опыты.

Потребность в скорострельных орудиях была действительно более чем неотложна. Иллюстрацией этой неотложности может служить резолюция адмирала Чихачова, управлявшего тогда Морским министерством, в ответе на предложение комитета. Вот эта резолюция: «Согласен на командировку трех офицеров за границу для ознакомления со скорострельною артиллерией, но прошу Технический Комитет с этим делом торопиться; в иностранных флотах суда уже вооружены скорострельною артиллерией больших калибров; у нас же ни на чем не останавливаются, и несколько лет делятся опыты без результатов. Совершенства добиваться некогда, нужно выбирать лучшее, что имеется. Иначе надолго отстанем от других и в случае военных действий будем без всякой скорострельной большекалиберной артиллерии».

Опуская описание системы Армстронга, Гочкисса и Грюзона, обратимся к пушкам системы Канэ.

Перед стрельбой на «быстроту» г. Канэ заявил, что его пушки можно считать скорострельными лишь при условии употребления бездымного пороха как дающего гораздо меньший нагар. Действительно, при стрельбе бурым порохом 15-см пушка делала в среднем 2,4 выстрела в минуту, а 12-см — 5,2 выстрела в минуту, обе с банием. Заменяли обыкновенный порох бездымным, и получились совершенно иные результаты: 15-см пушка сделала 6,2 выстрела в минуту, а 12-см — 10,7 выстрела.

Системы Гочкисса и Грюзона, как имевшие клиновые затворы, не могли быть, по мнению комиссии, приняты для скорострельных пушек калибром выше 4 д.

Оставалось выбрать между системами Канэ и Армстронга. Но отпирание и запираение замка в системе Канэ было удобнее, проще и легче, нежели у Армстронга, а прямо следует и большая скорострельность первой системы; в ней же совершеннее разработано и экстрактирование гильзы. Ввиду всего этого Морской технический комитет остановился на системе Канэ. Производить же пушки Канэ решено было на Обуховском заводе.

С инженером Канэ как изобретателем системы орудий и станков к ним, а вместе с тем и представителем Общества «Forges et Chantiers de la Méditerranée» был заключен особый договор, по которому он обязался приготовить и выслать чертежи скорострельных пушек: 6-д. и 12-см в 45 калибров длиной, 75-мм — в 50 калибров и 57-мм — в 80 калибров.

В том же 1891 г., как только были получены из Франции чертежи, Обуховский завод приступил и к изготовлению 6-д. орудий системы Канэ, причем затворы и все части механизма в этих орудиях делались взаимно заменяемыми.

V

Скорострельные пушки малого калибра в нашем флоте. — Сравнительные испытания пушек Энгстрема, Пальмкранца и Гочкисса. — Испытания их. — 47-мм одноствольная пушка Гочкисса. — Изготовление орудий Гочкисса на Обуховском заводе

В начале 70-х годов с появлением минных атак, естественно, возник вопрос и о способах защиты судов от нападения минных шлюпок. Действовать по ним с каким-либо успехом из больших судовых орудий было весьма трудно, почти невозможно. Этому мешала, во-первых, малочисленность большекалиберных орудий на каждом

судне и медленность стрельбы из них, а во-вторых, трудность попадания в столь малую и притом движущуюся цель, как шлюпка. Ружья или картечницы также не могли принести существенной пользы: ружейными пулями невозможно уничтожить шлюпку в короткий промежуток времени ее приближения к судну; да и команда шлюпок всегда более или менее удовлетворительно защищена от ружейного огня. Поэтому на судах всех наций скоро появились пушки, специально предназначенные для защиты от минных шлюпок.

В нашем флоте сначала употреблялись для этой цели 4-фн. нарезные пушки на станках, приспособленных для очень больших углов возвышения и снижения, что давало возможность открывать стрельбу по шлюпкам с дальнего расстояния и преследовать их вплоть до борта судна. Пушки эти представляли достаточную защиту против обыкновенных паровых шлюпок, двигавшихся сравнительно медленно. Но с появлением быстроходных миноносок действие их оказалось недостаточным, что заставило артиллеристов обратиться к системе скорострельных патронных пушек, действовавших без отката. Последнее качество было весьма важно при стрельбе по быстро движущимся миноноскам: появилась возможность постоянно следить орудием за целью.

На крейсерах, приобретенных нашим Правительством в Америке в 1878 г., были картечницы Фаррингтона, сданные после войны в Кронштадтский арсенал и оставшиеся без употребления.

Кроме того, в России были испытаны скорострельные орудия двух типов. К первому принадлежали пушки Энгстрема — 1 ³/₄ -д. калибра, Барановского — 2 ¹/₂ -д. калибра, с одним стволом; они заряжались отдельно для каждого выстрела. Ко второму типу относились четырехствольная картечница Пальмкранца 1-д. калибра и пятиствольная пушка-револьвер Гочкисса 37-мм (1,45-д.) калибра.

В кампанию 1879 г. на судах Балтийского флота были произведены сравнительные опыты над скорострельными пушками системы Энгстрема, Пальмкранца и Гочкисса, чтобы определить, которая из них наиболее соответствует своей цели. Пушки Барановского испытывались позже, когда к ним были приспособлены станки, действовавшие без отката.

На основании этого испытания предпочтение было отдано пушкам Гочкисса; простота их устройства, меткость стрельбы, вес снарядов, вполне достаточный для существенного повреждения миноносок, — все это вполне отвечало той цели, для которой они были предназначены. Пушки Энгстрема уступали им в меткости и скорости стрельбы, а пушки Пальмкранца — в меткости и весе снарядов.

До 1886 г. эти орудия изготовлялись на заводах самого Гочкисса. В этом же году производство 37-мм пушек утвердилось на Императорском Тульском оружейном заводе, что было, разумеется, гораздо выгоднее во всех отношениях, а в экономическом в особенности. Надо сказать, что завод Гочкисса ценил каждое 37-мм орудие, изготовленное им, в 587 фн. стерл. 14 пилл. (около 6000 руб.); считая от 1879 г. — времени испытания, мы заплатили иностранному заводу за 150 орудий около 1 000 000 руб. Затрата той же (в худшем случае) суммы на изделия русского пушечного завода, несомненно, в большой степени повлияла бы на поднятие его производительности в настоящем и понизила бы цены на пушки в будущем.

В 1883 г. ввиду необходимости вооружать миноноски скорострельными орудиями возможно малого веса при достаточно разрушительном действии их снарядов от Гочкисса была приобретена одноствольная 37-мм пушка его системы. Она состояла из ствола цельного, не скрепленного кожухом. Цапфенное кольцо навинчено на среднюю часть ствола таким образом, что пушка не имела перевеса. Рукоятка затвора является вместе с тем и предохранительной скобой спускового крючка. Для уменьшения отката на цапфы были надеты бронзовые стаканы с широкими фланцами, между которыми помещалось толстое резиновое кольцо. Вес орудия равнялся 2 пудам, более чем в шесть раз легче пятиствольной пушки того же изобретателя. Вес и род патронов те же, что и в пятиствольной пушке. Для испытания этой пушки на Охтинском поле из нее было сделано 260 выстрелов, причем скорость стрельбы без прицеливания оказалась равной 19, а с прицеливанием — 10 выстрелам в минуту. Простота и легкость обращения с пушкой во время стрельбы и прочность частей орудия и его установки способствовали тому, что одноствольную 37-мм пушку быстро ввели на вооружение нашего флота.

В 1884 г. на крейсере «Африка» в Биорк-э-Зунде происходило сравнительное испытание скорострельных пушек Гочкисса (37-мм и 47-мм калибра) и Норденфельта (25-мм и 42-мм калибра).

Здесь не место давать описание этих в высшей степени интересных, отлично скомбинированных и поставленных опытов; поэтому мы ограничимся только указанием на то, что 37-мм и 47-мм пушки были признаны наиболее удовлетворяющими условиям отражения атаки миноносок.

Как мы уже говорили, с 1886 г. пятиствольные, сначала 47-мм, а потом и 37-мм пушки Гочкисса начали готовиться на Тульском оружейном заводе. Стволы для 47-мм пушек выделялись на Обуховском заводе. До сих пор 47-мм стволы поступали от Витворта к Гочкиссу в таком же виде, как и 37-мм, то есть высверленными;

поэтому можно было предположить, что качество стали в обоих калибрах не должно особенно отличаться. Механические испытания стали проводились только над образцами, взятыми от 37-мм стволов; 47-мм же вовсе не подвергались этим испытаниям. Принимая предел упругости стали в 47-мм пушках равным среднему, полученному при испытании 37-мм стволов, и считая диаметр 47-мм ствола в казенной части 110 мм, а в камере 55,3 мм, получен предел прочного сопротивления 47-мм орудия только в 2604 атм. Но давление газов при стрельбе из пушки этого калибра черным порохом было равно 1900 атм. Ясно, что достаточной прочности 47-мм стволов быть не могло.

Ввиду всего этого на Обуховском заводе был установлен следующий метод изготовления 47-мм стволов: стволы выделывались с запасом по длине в 182 мм; затем они высверливались наугрубо и закаливались в масле с отпуском тем же порядком, что и большие орудия; после закалки металл каждого ствола испытывался на прессе, для чего от казенной части вырезывалось по два продольных бруска; наконец, предел упругости в образцах определялся не менее 3700 атм.

Кроме многоствольных пушек суда иностранных флотов с 1887 г. начали усиленно вооружаться и одноствольными 47-мм и 57-мм скорострельными пушками Гочкисса и других систем. Для водворения производства подобных пушек на Обуховском заводе ему был дан наряд на изготовление пробных 47-мм и 57-мм пушек Гочкисса. А в 1889 г. на Охтинскую морскую батарею была уже доставлена и пробная 47-мм одноствольная пушка Обуховского завода за № 1. Там она была испытана 265 выстрелами при заряде в 1 фн. 87 зол. французского пороха марки С2 и снаряде в 3 фн. 64 зол. Средняя начальная скорость для десяти выстрелов оказалась равной 1964 фн.; давление газов 2193 атм. Быстрота стрельбы — от 13 до 20 выстрелов в минуту. Орудие оказалось вполне удовлетворительным. В 1890 г. испытывалась пробная 57-мм пушка Обуховского же завода. Всего было сделано из нее 97 выстрелов при весе заряда в 2 фн. 62 зол. Для 12 выстрелов средняя начальная скорость получилась в 1810 ф. Давление газов, среднее из девяти выстрелов, определилось в 2050 атм. Надо заметить, что у 57-мм орудия французского образца, которым и руководствовался Обуховский завод, было 24 нареза; у пробной же Обуховской пушки было всего 20 нарезов. Но, как показали испытания, уменьшение числа нарезов в канале не только не сказалось на качестве орудия, но даже дало ему большую против образцовой пушки меткость. Впрочем, 57-мм пушки не вошли на вооружение русского флота, так что, кроме пробной, завод не выделял более скорострельных пушек этого калибра.

VI

Взгляд на прошлое минного дела за границу и в России. — Минное дело на Обуховском заводе. — Конструкция мин, принятых в нашем флоте. — Мина 1894 г.

Какая нация увеличила разрушительные средства человечества, включив в их число торпеды, или мины, и в какое время — сказать трудно, почти невозможно. Первый опыт над торпедой, судя по историческим данным, относится к 1775 г., когда американец Бушнелль действовал своими торпедами против судов английского флота. В 1805 г. Роберт Фультон взорвал бриг в 200 т, действуя торпедой из замка Walmer. Этот опыт происходил в присутствии адмирала Холлоуэя и других офицеров. Торпеды подвели под судно с подводной лодки. Воспламенение было воспроизведено с помощью часового механизма, в известный момент спускавшего курок кремневого замка. Фультон производил опыты, кроме того, в Нью-Йорке и других местах Соединенных Штатов. В 1853—1856 гг. подводные мины были впервые применены нами для защиты Балтийского побережья и Керченского пролива, на Дунае и в устьях Днепра и Днестра. По способу воспламенения они разделялись на гальванические и пиротехнические, снабженные ударным механизмом. Взрыв тех и других происходил при ударе. В результате мы испортили четыре английских парохода. Англичане также употребляли торпеды во время военных действий на Балтийском море; но вред, наносимый ими, был самый ничтожный. Они срывали медную обшивку и разбивали немного посуды в кают-компаниях. Китайцы примерно в это же время действовали (против англичан) какими-то адскими машинами, но безуспешно. Что же касается систематической разработки минного дела за все время с 1853 по 1867 г., то в Европе, за исключением австрийцев, никто ничего не сделал. Австрийские же инженеры под руководством барона Эбнера выработали целую систему подводных мин, пользуясь даже хлопчатобумажным порохом.

Вскоре после начала войны за освобождение в Америке южане быстро поняли всю выгоду применения подводных мин. Ричмондское правительство видело в них отличное средство для обороны побережья и внутренних водных путей страны от канонерок федералистов. Капитан Мори и другие горячо принялись за проектирование торпеды. Плавающая, или «дрейфующая», и пиротехническая торпеды, впервые появившиеся у южан, были, разумеется, грубо и неудачно задуманы. Во всяком случае они положили прочное основание дальнейшему развитию этого рода оружия. Чаще всего южане употребляли

шестовые мины, то есть насаженные на длинные шесты; последние прикреплялись к борту небольшого, по возможности быстроходного, парохода. Снабженный таким вооружением пароходик налетал на неприятельское судно и ударом шеста в его борт производил взрыв мины. Впрочем, результаты взрыва были большею частью весьма плачевны и для пароходика, и для его команды: и тот и другая следовали за взорванным судном на воздух. Громадное значение мины как страшного орудия морской войны было всеми признано и усвоено, особенно после окончания войны Севера и Юга. От мин, устроенных южанами, погибло более 40 военных судов, в том числе 6 мониторов, и масса судов получила серьезные повреждения. В отчете секретаря флота Соединенных Штатов было прямо сказано: «Торпедо конфедератов причинили более вреда судам нашего флота, чем все другие средства береговой обороны, взятые вместе». Не менее характерны слова адмирала Фаррагута по поводу морального воздействия подводных мин на противника: «Одна мысль о соседстве с таким опасным и притом невидимым врагом наводит ужас...» Эти итоги действия мин во время междоусобной войны в Штатах были настолько внушительны, что все государства невольно обратили особое внимание на разработку вопросов минного дела и на подготовку сведущих минеров.

В России заведывание минной частью до 1862 г. было поручено инженерному ведомству. И лишь в 1862 г. испытание минных таранов, предложенных бароном Тизенгаузенем, положило начало самостоятельной разработке минного дела во флоте. Уже в 1868 г. была образована особая «минная» комиссия, установившая в 1870 г. обучение офицеров и нижних чинов минному искусству. Первые напистовые мины были на откидных шестах, ими с 1869 г. снабжались суда, назначенные в заграничное плавание. Появившиеся в том же году самодвижущиеся мины Уайтхеда были еще далеко не совершенны и притом слишком дороги.

В 1874 г. минная часть была выделена в особую, самостоятельно функционирующую отрасль военно-морского дела, а в 1875 г. появилось и положение о минном офицерском классе со школой для нижних чинов, об учебном минном отряде, о минных офицерах и минерах во флоте. обстоятельные исследования и опыты вскоре обнаружили в шестовых минах массу пороков: откидные шесты были слишком громоздки и сильно затрудняли как действие ими, так и уборку; буйки, поддерживающие их на известной глубине, были годны лишь при небольшом ходе; вес самих мин был чересчур велик. Кроме того, обыкновенный порох не обладал достаточной для повреждения броненосных судов силой. Эти обстоятельства заставили заняться разработкой новых приспособлений.

Сначала появились цилиндрические, шестовые мины системы капитана Трумберга. Они снаряжались пироксилином и весили уже только 2 1/2 пуда. Этими минами лейтенанты Дубасов и Шестаков и произвели знаменитый взрыв турецкого монитора на Дунае; при этом откидные шесты были заменены трубчатыми выдвигными шестами. Затем были исследованы цилиндрические мины Гарвея и появились особые мины для самозаграждения судов системы лейтенанта Тверитинова.

В 1875 г. на первый план выдвинулись самодвижущиеся мины, названные по имени их изобретателя минами Уайтхеда. Первоначальная идея постройки подобных мин принадлежит австрийскому капитану Люпису*. В 1864 г. случай свел Люписа с Уайтхедом. Последний был в то время директором одного машиностроительного завода в Фиуме. Крайне заинтересованный идеей австрийца, англичанин принялся за работу и после двухлетних неустанных трудов при помощи только своего тогда еще очень молодого сына и одного искусного рабочего построил первую свою самодвижущуюся мину. Но только в 1868 г. Уайтхеду удалось усовершенствовать свою мину, чтобы сделать ее пригодной для военных целей. Продолжая улучшать свое изобретение, Уайтхед довел скорость движения своих самодвижущихся мин до 20 узлов на коротком расстоянии и около 9 узлов на сравнительно большом расстоянии, причем увеличил их способность сохранять требуемое направление и двигаться на заранее назначенной глубине. Почти все государства немедленно обзавелись уайтхедовскими минами. В 1876 г. мины Уайтхеда появились в России.

Ими действовали с больших судов с помощью особых выбрасывающих аппаратов, помещавшихся в надводной части судна; для этой цели употреблялись передвижные трубы наподобие пушек, действовавшие сжатым воздухом. С миноносок мины спускались из надводных спусковых труб, установленных в носовой части. В войну 1877—1878 гг. миной Уайтхеда был уничтожен на Батумском рейде турецкий сторожевой пароход.

Для самостоятельного изготовления мин и минных принадлежностей служило с 1872 г. небольшое минное отделение Кронштадтской артиллерийской мастерской. Но с дальнейшим развитием минного дела, а особенно с принятием мин системы Уайтхеда, выяснилась необходимость иметь отдельные минные мастерские, оборудованные усовершенствованными механическими станками и паровым двигателем. Такие мастерские и были устроены в Кронштадте. Они состояли

* Hermann Gercke. «Die Torpedowaff, ihre Geschichte, Eigenart, Verwendung und Abwehr». Berlin, 1898.

из двух отделений, в которых исправлялись, а впоследствии и приготавливались мины всех образцов, не исключая и мин Уайтхеда. Первая же изготовленная в мастерских мина Уайтхеда была испытана 30 августа 1878 г. и оказалась ничем не уступающей минам, изготовленным за границей, а стоила значительно дешевле. И уже в 1880 г. была окончена выделка первых партий мин Уайтхеда в числе 35 штук.

Но дальнейшая выделка новых мин в кронштадтских торпедных мастерских почти совершенно прекратилась ввиду постоянных работ по ремонту мин и насосов. За все остальное время своего существования, то есть по 1897 г., мастерские выпустили еще только 34 новые 10-футовые мины.

Изготовление самодвижущихся мин системы Уайтхеда началось на Обуховском заводе в конце 1883 г. при отделе полевых орудий, находившемся тогда в заведывании Э. Э. Гаген-Торна. С 1888 г. самостоятельное заведывание минным производством было предоставлено инженеру-технологу П. Н. Сильверсвану, в ведении которого оно находится и по сей час. Начиная с этого времени Обуховский завод не переставал снабжать наш флот минами различных систем.

В минной мастерской производились кузнечные, медницкие, токарные, фрезерные, строгательные, сверлильные, слесарные и сборочные работы. В кузнице имелся один работающий от привода и требующий 6 л. с. пневматический молот (*Patent-Luftdruckhammer*), общий вес которого составлял 4600 кг, при диаметре цилиндра 250 мм. Он приобретен с завода Л. В. Брейера, Шумахера и К°, в Кальхе, близ Кёльна на Рейне.

Механизмы мастерской приводились в движение электрической энергией, передаваемой по проводам всем моторам от динамо-машины, находящейся в отдельном от мастерской помещении. Больших (сравнительно) электромоторов, приводящих в движение приводные валы, в мастерской пять: один в 25 л. с. — для воздухонагревательного насоса; другой в 20 л. с. — для трех приводных валов верхнего этажа; два по 10 л. с. — для двух приводных валов в нижнем этаже; наконец, один в 10 л. с. — для пневматического молота и двух полировочных станков. Кроме того, в медницкой имелся небольшой мотор для вентилятора к горнам.

В мастерской установлено 11 станков (токарных и сверлильных), каждый со своим электромотором, и от приводов работает 76 разных станков. Всего, следовательно, 87 станков, а именно: 63 токарных, 11 сверлильных, 6 фрезерных, 4 строгательных, 2 долбежных и 1 зуборезный.

Выдающимся станком из них следует признать универсально-радиально-сверлильный, со своим электромотором, приобретенный с завода Колле и Энгельгард, в Оффенбахе на Майне.

Наибольшая производительность мастерской составляет в год 100 мин Уайтхеда и 200 приборов Обри (для мин же), не считая других мелких нарядов.

Кроме Обуховского завода мины Уайтхеда изготавливались и изготавливаются в России главным образом на механическом заводе Лесснера в Петербурге, начавшем выделку мин одновременно с Обуховским заводом. Заводом Лесснера изготовлено для Морского министерства по 1897 г. включительно всего 338 мин разных образцов, резервуары для которых были им, однако, получены в неокончателной отделке с Обуховского завода.

На Черном море, в Николаевской мастерской, было выделано в конце 70-х и начале 80-х гг. небольшое число мин (20) по образцу уайтхедовских. Затем там же было переделано небольшое число мин (31) из старого образца на новый, а в последние годы Николаевская мастерская, кроме переделок и ремонта, изготовила и некоторое количество мин по последним, выработанным на Обуховском заводе образцам. Владивостокская минная мастерская, насколько нам известно, новых мин не изготавливала, а занята исключительно ремонтом мин. Резервуары для мин Кронштадтская и Николаевская мастерские тоже получали в неокончательно отделанном виде с Обуховского завода.

Минных аппаратов (пушки для стрельбы минами Уайтхеда) Обуховский завод не изготавливал. Выделка аппаратов производилась и производится преимущественно на заводе Лесснера в Петербурге, а также на заводах: Колпинском, Путиловском, Металлическом и Нобеля.

Кроме мин, в минном отделе Обуховского завода изготавливались до последнего времени (когда решено было перейти от стрельбы сжатым воздухом к исключительно пороховой стрельбе минами из аппаратов) много стальных воздухохранителей, как зарядных (для менее высокого давления), так и запасных (для давления в 70 атм. и выше). Зарядные воздухохранители завод изготавливал преимущественно в неокончательной отделке. Окончательная отделка производилась на других, только что упомянутых заводах и на заводе Беллино-Фендериха в Одессе (для Николаевского порта). Запасные воздухохранители изготавливались Обуховским заводом в окончательно отделанном виде в минном отделе и подвергались гидравлической (на 120—150 атм.) и воздушной (70—90 атм.) пробам в присутствии приемщика и минной приемной комиссии от Морского министерства.

С 1885 по 1897 г. включительно Обуховским заводом окончательно изготовлено и сдано 194 воздухохранителя разных размеров и значительно более этого числа изготовлено и сдано таких же воздухохранителей в неокончатальной отделке.

VII

Станочное дело на Обуховском заводе от 1886 г. по настоящее время. — Станок Вавассера для 8-д. дальнобойных орудий в 30 калибров. — Его испытание. — Изготовление установок для 12-д. орудий в 30 и 35 калибров на Обуховском заводе. — 12-д. установки системы г. Рассказова. — Башенные установки системы г. Гаген-Торна. — Станки для 10-д. орудий системы г. Алексева. — Станок Гочкисса для 47-мм одноствольных пушек. — Установки для 37-мм пушек системы г. Алексева. — Станки Канэ для 6-д., 120-мм и 75-мм патронных пушек. — Установки для 47-мм пушек системы Меллера

Особая комиссия артиллеристов, действовавшая в 1885 г., ввела в русскую артиллерию тип дальнобойного орудия, о чем мы имели случай говорить подробно. Очевидно, и прежний тип орудийного станка должен был соответственно видоизмениться.

Прежде чем приступить к очерку этих новых станков, появившихся с 1885 г. по настоящее время, скажем заранее, что предметом дальнейшего изложения будут служить типы станков, изготовленных за указанный период исключительно Обуховским заводом. Сделав эту небольшую оговорку, приступим к описанию испытания станка системы Вавассера — первого в нашем флоте станка для дальнобойных 8-д. орудий в 30 калибров.

Испытание стрельбой первого станка Вавассера, изготовленного на Обуховском заводе, происходило в 1885 г. из 8-д. орудия в 30 калибров. Всего было сделано 114 выстрелов. Прочность станка оказалась вполне достаточной; обращение и действие с него — весьма удобными, простыми и не требующими каких бы то ни было предосторожностей. Станки этого типа были установлены на фрегатах «Дмитрий Донской» и «Герцог Эдинбургский».

Станки Вавассера были значительно усовершенствованы штабс-капитаном Дубровым, специалистом по станочному делу, изучавшим его и за границею. Он дал русскому флоту станки для 8-, 9- и 6-д. дальнобойных орудий — станки Вавассера — Дуброва.

На испытании станки оказались вполне пригодными. Восемь таких станков (первая партия) поместили на «Александр II» и «Николай I».

В том же 1887 г. был утвержден и проект бортового гидравлического станка того же Дуброва. Особенностью проекта являлось приспособление, с помощью которого орудие вводится внутрь судна, для крепления по-походному.

Приспособление это состоит в том, что станок с платформой передвигаются по винту, который проходит через платформу и крепится с ее стрелой. Для исполнения самого маневра роульсы платформы поворачиваются по направлению рельсов, болт, сообщающий платформу со стрелой, вынимается, и вся система действием рукоятки отодвигается по винту до тех пор, пока шестерня поворотного механизма не дойдет до дополнительного небольшого погона. Далее роульсы платформы поворачиваются по направлению дополнительных погон, а самая платформа действием поворотного механизма поворачивается на угол в 25° для того, чтобы окончательно ввести дульную часть орудия внутрь судна и этим поставить орудие, для крепления по-походному, в положение, почти параллельное диаметральной плоскости судна. Весь этот маневр требует около 5 минут времени. Отметим еще одну деталь, отличающуюся остроумием замысла. Когда орудие из походного положения будет поставлено в боевое и, что легко может случиться, орудийная прислуга позабудет сообщить платформу со стрелой, стрельба из орудия невозможна. А именно, самое приспособление для ввода орудия устроено таким образом, что орудие нельзя наводить в горизонтальной плоскости до тех пор, пока стрела не будет сообщена с платформой. Описанное приспособление позволяет -- что весьма важно -- значительно (10–15%) уменьшить ширину борта и увеличить горизонтальный угол обстрела.

В 1888 г. происходило уже испытание первого 6-д. станка Вавассера – Дуброва, выпущенного Обуховским заводом. Наибольший угол возвышения оказался равным $11^\circ 24'$, наибольший угол снижения $8^\circ 30'$. Поворот системы на 180° двумя человеками потребовал всего 48 секунд, а отодвигание от борта тремя работниками – 49 секунд. Наконец, установка системы для крепления по-походному, вместе с уборкой станка внутрь судна, была совершена семью человеками в течение всего 4 минут 47 секунд. Ни повреждений, ни подпрыгивания станка не было. Обуховскому заводу был немедленно дан наряд на изготовление 21 станка Вавассера – Дуброва для 6-д. орудий. Станки были постепенно размещены на броненосец «Александр II» и крейсер «Память Азова».

Переходя к бортовому гидравлическому станку Вавассера – Дуброва для 8-д. орудий в 30 калибров, заметим, что по типу он всецело принадлежит к вышеописанным станкам для 9-д. орудий в 35 калиб-

ров и для 6-д. в 35 калибров. Впрочем, по сравнению с 6-д. станками 8-д. станок имеет то преимущество, что, благодаря установке в бортовых выступах, не требует разобщения от боевого штюра и отодвигания на дополнительные погоны, для крепления орудий по-походному. Как 8-д., так и 6-д. станки снабжены щитами для защиты от ружейного огня.

Установки для 12-д. дальнобойных орудий изготовлялись на Обуховском заводе сравнительно редко, особенно в первое время их появления. Первый наряд, данный на эти установки Обуховскому заводу, относится к 1883—1884 гг., когда заводу было поручено изготовление носовых башен для броненосца «Екатерина II».

Первоначально с этим заказом уже решено было обратиться за границу, именно к заводу Истон и Андерсон (Easton and Anderson). Но главный инспектор морской артиллерии генерал Пестич настоял на том, чтобы 12-д. установки разрабатывались и изготовлялись в России. Обуховский завод не располагал еще тогда всеми средствами для выполнения подобной работы, а потому изготовление кормовой башни для «Екатерины II» все-таки было поручено заводу Истон и Андерсон.

Проект носовых башенных установок броненосца «Екатерина II» был выработан подполковником Рассказовым. Сущность устройства следующая. К плитам, представляющим основание системы, прикреплены сбоку два гидравлических цилиндра. Штоки поршней этих цилиндров соединены с двумя прочными рычагами. Рычаги нижними концами надеты на вал, проходящий сквозь плиты. В верхних же концах рычаги снабжены гнездами для цапф орудия. Казенная часть самого орудия поддерживается двумя особыми тягами. Верхние концы тяг надеты на цапфы, укрепленные у заднего скрепляющего кольца орудия; нижние — связаны с механизмом, могущим передвигать их и тем изменять положение орудия в вертикальной плоскости. От действия выстрела вся эта система — орудие со станком — опускается внутрь барбета. Когда процесс заряжания окончен, то система поднимается вверх, над бруствером; последнее достигается накачиванием жидкости под большим давлением внутрь компрессорных цилиндров. Вода идет из аккумулятора с давлением в 40—50 атм.

Под наблюдением Рассказова производились и работы на Обуховском заводе.

Эта система являлась в свое время большим шагом вперед. Главными ее достоинствами были: укрытие орудий при зарядании от неприятельских выстрелов, незначительность крена судна при поворотах установок и самая легкость поворотов; затем, простор и свет в башне, отсутствие выступающих предметов и скрытое помещение

мелких механизмов установки; и наконец, укрытие вспомогательных механизмов и приборов в просторном нижнем каземате, под орудиями, и круговой поворот установок при опущенных орудиях.

Но скоро обнаружилось в системе и крупные недостатки, приведшие к тому, что она была понемногу оставлена. Во-первых, оказалось, что за своевременный подъем орудия после выстрела и заряжания далеко не всегда можно ручаться. Нередки были случаи, когда какая-нибудь внезапная неисправность гидравлических приспособлений или даже просто задираание трущихся частей оставляли орудие на дне нижнего каземата; а между тем никаких других приспособлений для заряжания и подъема орудия не имелось. Кроме того, большой диаметр и вес башни, малое выступание дула орудия за бруствер, необходимость каждый раз приводить установку на марку для заряжания, большое число мапинистов для действия механизмами каземата — все это являлось большим неудобством.

Начиная с 1884 г. и вплоть до 1891 г. Обуховский завод совершенно не готовил больших установок, так как чрезвычайно повышенное, как мы видели, качественно и количественно производство орудий совершенно не оставляло ни времени, ни средств для выполнения подобных нарядов. Поэтому 12-д. установки готовились главным образом на заводах: С.-Петербургском Металлическом, Путиловских и других.

Только в 1891 г. Обуховскому заводу был дан наряд на изготовление двух установок для 12-д. орудий в 35 калибров длиной, на два орудия каждая. Они предназначались на эскадренный броненосец «Наварин». Общие чертежи установок были доставлены заводом Истон и Андерсон; детальная же разработка была возложена на инженера Обуховского завода Гаген-Торна.

Установка башенная с качающейся платформой, по которой ходят салазки. К салазкам орудие притягивается коваными бугелями, кроме полуколец и шпонок, препятствующих продольному движению пушки в салазках. Углы возвышения придаются орудию под действием подъемных гидравлических цилиндров на конце платформы.

Для крепления орудий по-походному, когда цилиндры не работают, под дуло вне башни подводится особый упор. Прибойник — телескопический.

Компрессор, подобно принятому в установках С.-Петербургского Металлического завода, — с двумя цилиндрами, а потому отличается от компрессоров, действующих на английских судах в установках Андерсона, где закрывание отверстий производится золотником, помещенным вне компрессорного цилиндра. Поворотные цилиндры получают воду от распределителя, помещенного в башне. Торможение производится непосредственным действием гидравлических прессов на обод башни.

Давление доставляется в гидравлические трубы и цилиндры не воздушными аккумуляторами, а двухцилиндровыми помпами двойного действия, вроде принятых во французском флоте (броненосец «Marseau»). Эти помпы обладают большими достоинствами в смысле их постоянной готовности к делу, отсутствия воздушного насоса, простоты ухода за ними и меньшего числа прислуги.

Затем в 1894 г. Обуховский завод приступил к изготовлению двух 12-д. башенных установок для броненосца «Севастополь» по чертежам, данным для «Сисоя Великого», «Полтавы» и «Петропавловска». Установки готовил Металлический завод.

Из современных установок Обуховского завода упомянем об установках системы капитана В. А. Алексеева, где само орудие заменяет собой шток компрессора и движется в цилиндре, наполненном жидкостью. Такое устройство было применено, в виде опыта, к 37-мм пушкам Гочкисса и 2 ¹/₂-д. пушкам Барановского. Оно до крайности упрощает сложную систему станка.

Еще в 1888 г. от фирмы «Гочкисс и К°» был приобретен нашим Правительством гидравлический станок для 47-мм одноствольных пушек Гочкисса.

Испытывался этот станок сравнительно с прежним станком без отка-та, также системы и изготовления Гочкисса. По прочности, меткости и скорости стрельбы преимущество было отдано гидравлическому станку. Оба станка были отправлены для образца на Обуховский завод, где с этого времени установилось производство таких и им подобных установок, как для 47-мм, так и для 37-мм скорострельных пушек.

Примерно в это время на Обуховском заводе стали изготавливаться и установки для 37-мм пушек чертежа В. А. Алексеева.

В 1892 г. капитаном Рязаниным по возвращении из-за границы были представлены чертежи станков системы Канэ для 6-д., 120-мм (12-см) и 75-мм патронных пушек Канэ.

Чертежи были переданы на Обуховский завод, где через некоторое время наладили производство этих станков.

Для закрытой установки 6-д. патронных пушек в 45 калибров длиной в нашем флоте приняты башни системы капитана В. А. Алексеева. Вот их общее устройство. Они состоят из уравновешенной броневой башни, вращающейся на горизонтальном роульсовом круге. Круг расположен под нижним основанием центральной трубы. В башне помещаются два орудия на станках Канэ, но без поворотного механизма и с удлиненными станками.

Вращение башни или электрическое, или же вручную. Подача зарядов производится с помощью бесконечной цепи из 46 кокозов, также приводимой в движение электричеством или вручную.

Наибольшая скорострельность пушек и наименьшая возможность ошибок, зависящих от быстроты работы — вот на что рассчитаны все приспособления.

Подача снарядов устроена так, что патроны трех родов — бронебойные, фугасные и шрапнельные — подаются со скоростью, в три раза превышающей скорострельность орудия. Таким образом является полная возможность расходовать снаряды какого угодно назначения, не замедляя заряжания. Все не понадобившиеся патроны и стреляные гильзы немедленно убираются из башни действием того же механизма. Все движение скомбинировано так, что при несвоевременном или неправильном действии людей, управляющих механизмами, оно прекращается.

При попадании же постороннего тела в механизм мотор продолжает действовать, но все муфты трения работают вхолостую. Тогда исполнительный механизм останавливается, и поломок никаких быть не может. Для управления этим исполнительным механизмом служат два автоматических и один ручной замыкатель.

Установки для 75-мм пушек вполне сходны со станками Канэ на центральном штыре для 6-д. и 120-мм пушек, описанными выше.

В числе проектов установок, выработанных на Обуховском заводе, заслуживают внимания установки для 47-мм и 75-мм орудий системы капитана А. П. Меллера. Взамен пружин в них применен воздушный накатник. Он компактнее, прочнее и не зависит от всей остальной работы станка. Компрессорный цилиндр наполняется ртутью. Вес и стоимость установки Меллера вдвое меньше по сравнению с прежними.

VIII

Производство снарядов на Обуховском заводе до 1886 г. — Испытание стальных снарядов Обуховского завода в 1886 г. — Выработка правил для приема снарядов с завода. — Испытания 8-д. и 11-д. снарядов Обуховского завода

Как мы уже говорили, производство снарядов из чугуна значительно развилось и удешевилось вследствие конкуренции, возникшей между отдельными заводами в 70-х годах. Чтобы уменьшить потерю скорости снаряда на больших расстояниях, вес его был увеличен путем удлинения снаряда. Так, до 1880 г. 6-д. снаряд был в 2 1/2 калибра длиной и в 90 фн. весом, а с 1880 г. его заменили 136-фн. длиной в 4 калибра.

Для орудий образца 1867 г. в складах имелось много снарядов быстрозакаленного чугуна. Постепенно их начали обращать в снаряды с медными поясками.

Обуховский завод с 1880 по 1886 г. изготовлял стальные снаряды различных калибров небольшими партиями, и производство снарядов нельзя было считать сколько-нибудь прочно установившимся.

Причиной этого стала новизна самого дела и отсутствие определенности в условиях, необходимых для изготовления прочных снарядов. В 1883 г., например, испытывались четыре пробных 6-д. стальных снаряда Обуховского завода. Но один лопнул при закалке, другой был оставлен на заводе для механических испытаний металла. Для испытания остальных двух была взята цельная 8-д. железная плита Ижорских заводов, на расстоянии 350 ф. от дула орудия.

Стрельба производилась из 6-д. дальнобойной пушки Обуховского же завода длиной в 28 калибров зарядами в 38 фн. охтинского, плотн. 1,75, призматического пороха. Первый снаряд пробил плиту насквозь, но сам разбился так, что голова с передним поясом засела в пробоине, а дно и цилиндрическая часть снаряда отскочили назад в виде 12 кусков. Да и засевшая в пробоине головная часть дала много сильных продольных трещин. Второй снаряд также прошел плиту насквозь, но тоже разбился. В пробоине удержалась только часть дна; два кусочка найдены тотчас за срубом, остальные не найдены совсем.

Результаты механического испытания стали от головной части и дна третьего, оставленного на заводе, снаряда получились следующие: сопротивление разрыву — от 7 200 до 9 100 атм. на кв. д.; относительное удлинение при разрыве — от 5,5 до 14,7%. Данные неудовлетворительные, так как в обуховских 6-д. снарядах 1882 г. сопротивление разрыву измерялось от 12 016 до 12 162 атм., а удлинение при разрыве — 7,1 и 7,2%. Эти последние снаряды были изготовлены Обуховским заводом для снаряжения пироксилином, а один из них углубился почти на 11 д. в 12-д. плиту Ижорских заводов, отскочил назад и не получил при этом никаких видимых изменений и трещин.

Приведенного примера достаточно, чтобы понять, насколько неодинаковы были условия изготовления и закалки снарядов.

В 1885 г. вопрос о способах фабрикации снарядов начинает понемногу выясняться. Одни снаряды 6-д. калибра подвергались отжигу, другие остались неотожженными. Результат испытания стрельбой в железную броню оказался одинаково удовлетворительным и для тех, и для других. Поэтому Обуховский завод при выполнении заказа на 600 снарядов от Морского ведомства изготовил для упрощения работы одну партию в 300 снарядов, не подвергая их отжигу. Но три конт-

рольных снаряда, выбранных из этой партии, разбились в куски. А между тем условия изготовления контрольных снарядов ничем не отличались от пробных, хорошо выдержавших, как мы заметили, испытание. Качество металла по механическим испытаниям оказалось вполне однородным и в тех и в других. Ясно, что неудовлетворительность контрольных снарядов зависела от вредных натяжений металла.

Для удостоверения в этом решено было взять из первой партии несколько сомнительных по звуку (способ поручика Михайловского) снарядов, отжечь их, а затем испытать стрельбой наряду со снарядами неотожженными, выбранными по исследованию на звук. Результат испытания показал, что все отоженные снаряды при стрельбе в железную броню пробивали ее и оставались целыми, а неотожженные одни разбивались, а другие оставались целыми. Таким образом, было доказано наличие вредных напряжений металла в некоторых снарядах*. Поэтому снаряды первой партии были все отожены вторично и тогда приняты. Кроме того, появилась возможность заказать Обуховскому заводу еще 1700 снарядов для 6-д. орудий в 28 калибров длиной, что представлялось крайне необходимым: на судах нашего флота было размещено уже тогда 65 таких орудий.

В 1886 г. произошел окончательный перелом к лучшему в производстве снарядов в отношении выработки, так сказать, исходной точки, опорного пункта в процессе этого производства**.

* Определение качества снарядов по звуку, как показали дальнейшие испытания, оказалось вполне неудовлетворительным. Удачный исход приведенных испытаний явился, к сожалению, не более как простою случайностью.

** Опыты производились над стальными снарядами Обуховского завода следующих размеров и калибров: над тремя 6-д. снарядами длиной 3,6 калибра из пробной партии в 20 штук, причём два из испытанных были изготовлены из вольфрамовой стали; над тремя 8-д. снарядами длиной в 2,5 калибра, контрольных из первой партии в 300 штук и, наконец, над одним контрольным 9-д. снарядом длиной 2,7 калибра из первой партии в 200 штук.

6-д. снаряды были выстрелены из 6-д. пушки в 35 калибров в 12-д. железную плиту Ижорских заводов, зарядом в 44 фн. черного призматического пороха. Первый снаряд, из вольфрамовой стали, крепко засел в плите целым. Второй, из обыкновенной тигельной стали, разбился на три части, из которых одна засела в плите. Третий, опять из вольфрамовой стали, сильно углубился в плиту и засел в ней.

8-д. снаряды были выстрелены в такую же железную плиту из 8-д. орудия в 30 калибров зарядом в 80 фн. того же пороха с расстояния 444 ф. Все три снаряда остались целыми. Замечательно удачен был второй снаряд за № 36: он пробил насквозь плиту, прошел обшивку, железную рубашку сруба и на расстоянии 250 саж. углубился в землю на 1 аршин. Он настолько хорошо сохранился, что при ударе молотком издавал совершенно чистый и дребезжащий звук.

Наконец, 9-д. снаряд был выпущен из 9-д. пушки образца 1877 г. зарядом в 76 фн. того же пороха, но в стале-железную 9-д. плиту Ижорских заводов; расстояние 300 ф. Снаряд пробил плиту насквозь, но сам разбился на 84 куска. Плита свалилась со сруба: болты срезало.

Заметим кстати, что в этом же году были впервые заказаны 12-д. снаряды на русских заводах: Путиловских, Нобеля, Брянском и Уральском. Снаряды из закаленного чугуна, по чертежу капитана Дуброва, весом в 810 и 1111 фн.

Руководствуясь результатами опытов, Технический комитет пришел к нижеследующим общим выводам.

Разнообразие расстояний от орудия до плиты, зависящее от взаимного положения орудий и срубов на Охтинском поле, нельзя не найти вредным: оно приводит к сбивчивости при сравнительной оценке достоинства снарядов, хотя одного и того же калибра и рода, но испытанных в разное время. Поэтому расстояние между орудием и срубом не должно выходить из пределов 300—350 ф. Кроме того, в видах достижения того же однообразия условий испытаний, угол между направлением выстрела и нормалью к плите должен равняться 25° при стрельбе в железные плиты и 0° — при стрельбе в сталежелезные.

При приеме стальных снарядов с Обуховского завода 1% их числа испытывался стрельбой и 1% подвергался механической пробе металла. В то же время размер контрольных партий обуславливался, главным образом, тем числом снарядов, которое завод мог в данное время представить к приему. Так, например, при приеме 6-д. снарядов длиной в 2,8 калибра представлялись партии в 100, 200, даже 600 снарядов. Понятно, что определение достоинства снарядов по результатам испытания 1% от их числа не могло иметь определенного характера. Между тем подразделение снарядов на партии по однородности их качеств, в зависимости от условий их выделки, вполне возможно для приемщика, наблюдающего за всем ходом процесса изготовления, и, разумеется, весьма важно для самого дела. Поэтому комитет принял размер партии в 300 снарядов за нормальный. Больший размер, при испытании только 1% снарядов стрельбой, не мог бы достаточно гарантировать их доброкачественность, а меньший размер при строгом испытании вызвал бы слишком большие расходы на производство опытов, что обременительно для завода. Далее, из каждой нормальной партии приемщик выбирает, по соглашению с заводом, 3 снаряда (1%) для механической пробы металла и три снаряда для контрольной пробы стрельбой. Если первых два снаряда выдержат стрельбу удовлетворительно, то третий не испытывается и партия принимается. В противном случае каких-либо два снаряда из этих трех решают прием или забракование партии, причем третий снаряд также не испытывается, если два первых дали явно неудовлетворительный результат.

Для пробы должно выбирать наиболее сомнительные снаряды. Результат пробы считается удовлетворительным, если снаряд не разбился, не получил сквозных трещин и не деформировался значительно, независимо от степени его проникания в плиту. Трещины считаются не сквозными, если не пропускают воды при давлении 3 атм.

Затем, если число заказанных снарядов не есть кратное от 300, то остающаяся дробь присчитывается к одной из партий, если она менее $\frac{1}{2}$, и составляет самостоятельную партию, если она равна или более $\frac{1}{2}$. Вместе с тем, в случае однородности качеств в снарядах нескольких партий и удовлетворительности результатов испытания первой из них, комитет предоставлял себе право вовсе не испытывать прочие партии или же испытывать одним выстрелом.

Кроме того, был решен вопрос о плитах, служащих для испытания снарядов. Дело в том, что еще с 1884 г. суда стали покрываться не железною, а стале-железною броней. Но сопротивление последних было на 25% более, чем первых. А мы видели, как неудовлетворительно действовал 9-д. снаряд на 9-д. стале-железную плиту. Ввиду этого испытание стрельбой в стале-железные плиты было признано для будущих снарядов неперменным условием, влияющим на прием или забракование всей поставки. Изучение внутренних напряжений в снарядах при помощи приборов Н. В. Калауцкокого являлось при этом наилучшею мерой для получения удовлетворительных результатов от таких испытаний.

На журнале комитета, трактовавшем об изложенных принципах испытания и приема снарядов, управляющий тогда Морским министерством адмирал И. А. Шестаков сделал такую характерную пометку:

«Согласен, но прошу не довольствоваться изданием более или менее отвечающих требованиям правил приема, а настаивать, чтобы непрерывно силились достигнуть лучших результатов со снарядами больших калибров и вели постоянно дело, не прерывая его ни по каким соображениям. Есть хорошие пушки; к ним должны быть и хорошие снаряды».

В 1888 г. возник вопрос об изготовлении на Обуховском заводе и других русских заводах 12-д. стальных снарядов. Обуховский завод не доставил пробных 12-д. снарядов, так как еще не были испытаны изготовленные им 8-д. снаряды длиной в 3 $\frac{1}{2}$ калибра, и 11-д. — в 2,8 калибра. Наряд на 12-д. снаряды был дан поэтому Путиловскому и Пермским заводам.

Толщина соответствующих стале-железных плит в различных государствах определялась разнo: у нас на $\frac{1}{6}$, во Франции — на $\frac{1}{4}$, в Англии — на $\frac{1}{3}$ тоньше железных плит. Разница эта являлась

следствием того, что сопротивление таких плит всецело зависит от химического состава стали, а он изменяется в широких пределах. У нас тогда же была взята средняя величина. Железные и стале-железные плиты должны считаться одинаковыми по сопротивлению, если стале-железная на 25% тоньше железной или железная на 33% толще стале-железной.

Возвращаясь к испытанию 8-д. и 11-д. стальных снарядов Обуховского завода, заметим, что два 8-д. снаряда весом 311 $\frac{1}{2}$ фн. были выстрелены из 8-д. орудия в 35 калибров, зарядами в 98 фн. черного призматического пороха, в 12-д. стале-железную плиту. Оба снаряда разбились; первый — пробив плиту насквозь, второй — при ударе. Пробные 11-д. снаряды весом 600 фн. были испытаны в 1889 г. из 11-д. орудия образца 1877 г. зарядом в 128 фн. черного призматического пороха в 16-д. стале-железную плиту, на расстоянии 390 ф. Первый снаряд углубился в плиту на 12 $\frac{1}{2}$ д. и разбился на 4 куска. Второй углубился на 12 $\frac{3}{4}$ д. и разбился на 8 кусков.

В том же 1889 г. в число снарядов, принятых в нашем флоте, были введены фугасные бомбы и сегментные шрапнели. Производство их установилось на Обуховском заводе уже с 1891—1892 гг.

Переходя к настоящему времени, отметим некоторое изменение в условиях испытания снарядов сравнительно с 1886 г. Именно, прежние формулы для измерения отношения толщины брони к калибру и скорости пробивающего ее снаряда были заменены формулами Жакоб де-Марра (Jacob de Marre).

IX

Сравнительное испытание броневых плит С.-Шамон, Каммеля, Викерса и Брауна. — Стальные и стале-никелевые плиты Обуховского завода

Производство броневых плит начато на Обуховском заводе весьма недавно — в 1893—1894 гг. Немного ранее этого, в 1891—1892 гг., за границей обратили особенное внимание на выделку стале-никелевых и стальных плит, постепенно вытеснявших железные и стале-железные.

Фирма «The Harvey Steel Co.» в Нью-Йорке предложила нашему Правительству произвести испытание броневой плиты, одобренной по способу Гарвея. Одновременно с этим фирмы «Ч. Каммель», «Дж. Браун», «С.-Шамон» и «Викерс» сделали подобные же предложения.

В ноябре и декабре 1892 г. состоялось и самое испытание конкурентных плит*.

Предпочтение было отдано плите Викерса — Гарвея. Считая, что несдобренная плита Викерса обладает крепостью, соответствующей Гаврской формуле, можно положить, что способ Гарвея увеличил сопротивление плиты по крайней мере на 40%. Поэтому принципы Гарвея приняты и на наших, тогда только еще начинавших работать плиты, заводах, Колпинских и Обуховском.

Первые плиты, изготовленные Обуховским заводом, были стальные, без никеля, 10-д. толщины. Для испытания, происходившего в 1894 г., были взяты две плиты. Одна, из тигельной стали, была закалена и потом отпущена, другая, из мартеновской стали, была закалена без отпуска. Снаряды проббили обе плиты, которые получили при этом значительные трещины. Один 6-д. снаряд засел в пробоине, ударив в плиту со скоростью 1950 ф. После этого испытания Обуховский завод перешел на изготовление стале-никелевых плит. В одну из подобных плит было произведено 5 выстрелов со скоростью от 1990 до 2100 ф., и плита не получила трещин.

Чтобы дать понятие о качествах обуховской брони, приводим результаты механического испытания брусков, взятых из обрезанных краев болванки, по взаимно-перпендикулярным направлениям. Предел прочного сопротивления бруска, как показало испытание, равнялся 3200—3700 атм. на кв. д.; сопротивление разрыву 5500—6100 атм. у продольных и 5500—6500 атм. у поперечных брусков; наконец, относительное удлинение при разрыве: у продольных 14,3—24,5%, а у поперечных 13,5—21,2%. Это — бапленная броня.

* Все плиты 10-д. толщины. Плита С.-Шамон и две плиты Каммеля были сделаны из специальной стали этих заводов и представляли собой лишь дальнейшее развитие того направления, в котором плиты совершенствовались и прежде. Что же касается плит Брауна и Викерса, то они были изготовлены по новому принципу, отличительной чертой которого является закалка лицевой поверхности плиты до самой высокой степени. Плита Брауна — составная из трех слоев и обработана по способу Тресидера. Плита Викерса — стальная, цементована и закалена по способу Гарвея. В сталь всех плит был введен никель, а в сталь некоторых, кроме того, и хром.

Стрельба производилась 6-д. снарядами Путиловского завода. В результате одна плита Каммеля разбилась на куски после трех выстрелов, другая же дала одну трещину. Плита С.-Шамон после шести выстрелов не дала ни одной трещины. Плита Брауна давала сквозные трещины после каждого выстрела и части ее отпадали, так что после пятого выстрела была оголена почти половина сруба. Наконец, первые четыре выстрела в плиту Викерса — Гарвея дали весьма малые выбоины, причем головные части снарядов как бы вварились в плиту, остальные пробивались на куски; на плите — ни одной трещины. Оставшиеся два выстрела были произведены 9-д. снарядами, причем плита дала сквозные трещины, но снаряды разбились.

Бортовая же броня, более твердая, дает: предел прочного сопротивления от 4200 до 4300 атм., сопротивление разрыву от 6400 до 6900 атм. и относительные удлинения при разрыве — от 15,5 до 16%.

Плита толщиной в 10 д. для броненосца «Полтава» при испытании стрельбой из 6-д. орудия в 35 калибров длиной была признана вполне удовлетворительной. Было произведено 5 выстрелов 97-фн. снарядами Пермских заводов, со скоростью снаряда при ударе в 2140 ф. Снаряды углублялись в плиту не более чем на 8 д. и отскакивали целыми, без трещин. В плите не оказалось ни одной трещины, и все броневые болты остались неповрежденными.

Х

Производительные средства Обуховского завода в настоящее время. — Пудлингование. — Производство тигельной стали. — Мартеновский процесс. — Процесс бессемерования на Обуховском заводе. — Количество стали, выработанное в 1897 г.

Приступая к очерку производительных сил и средств Обуховского завода в настоящее время, мы будем придерживаться того же метода, что и ранее: отметим наиболее существенные и рельефные изменения в процессе жизни и деятельности завода, давая, таким образом, известное представление о сложном явлении эволюции заводского организма под влиянием прогресса науки и техники и в зависимости от государственных нужд данной эпохи.

Важные процессы получения стали частью видоизменились, а частью ведутся на прежних основаниях. Сталь изготовляется на Обуховском заводе четырьмя способами: тигельным, бессемеровским, мартеновским и пудлинговым. Сырые материалы получают большую часть с Уральских заводов. В год с Саткинских заводов поступает на Обуховский до 250 000 пудов чугуна; сюда нужно присоединить и около 35 000 пудов шведского зеркального чугуна.

Производство пудлинговой стали в принципе почти не изменилось со времени основания завода. Но если самый процесс пудлингования стали протекает в прежнем порядке, то горючий материал, этот необходимейший для выработки стали требуемых качеств деятель, получил существенное изменение к лучшему. В начале 1899 г. в пудлинговой мастерской был произведен ряд опытов с отоплением печей нефтяными остатками (мазутом), что было вызвано вздорожанием за последние годы горючего материала.

Испытания эти дали столь блестящие результаты, как в смысле значительного сокращения времени и расходов на горючий материал,

так и по отношению к самому процессу пудлингования, что в том же 1899 г. правление завода заключило с товариществом Нобеля и К^о контракт на доставку заводу 2 000 000 пудов мазута. Таким образом, с 1900 г. пудлинговая мастерская Обуховского завода работает уже исключительно на нефти*, причем, несмотря на новизну дела и связанную с этим потерю времени, еще к весне было выработано 38 124 пуда пудлинговой стали и 13 360 пудов 2-сварочного железа.

Для характеристики современных средств пудлингово-прокатной мастерской Обуховского завода приводим нижеследующие данные.

Сталепудлинговая мастерская завода prepares ежегодно до 150 000 пудов стали на шести печах. В ней находятся два паровых молота системы Моррисона для обжимки криц; один в две, а другой в 2 1/2 т. Кроме того, в мастерской установлены: две отражательные печи (одна для выделки высокого сорта железа, идущего на шихту тигельной литой стали, а другая — для нагревания стальных и железных болванок при прокатке их); прокатный стан, состоящий из обжимочных и сортовых валков, с машиной в 30 сил; наконец, ножницы для резки стали, прокатанной в полосы. Все эти механизмы приводятся в движение паром из котлов, которые нагреваются теряемым пудлинговыми печами жаром. При каждой пудлинговой печи работает артель, состоящая из пудлингера, его помощника, младшего подручного и кочегара — всего четыре работника. Такая артель prepares в смену до 68 пудов стали, причем расходуется до 2,25 саж. высушенных 9-четвертовых дров или соответствующее количество нефти.

Получение тигельной стали ведется совершенно на тех же основаниях, что и 35 лет назад. Надо сознаться, что за последние 5—6 лет производство это сильно пошатнулось. В стали начали замечаться пороки: трещины, светловины, твердовины и т. п. Но в последние годы дело снова наладилось.

В сталелитейной мастерской завода расположено 160 самодувных горнов на 690 тиглей и 4 печи Сименса — Мартена: две по 30 т, одна в 15 т и одна в 5 т. Сверх того в мастерской имеются: 16 кранов, от 2 до 100 т, из коих 75-, 30- и 25-тонные действуют электричеством; две пары ножниц для резки стали; наконец, паровой молот в 15 пудов.

Возможность дешево и удобно получить большие массы литой стали быстро распространила мартеновский процесс по сталелитейному производству. За границу, преимущественно во Франции, качества мартеновской стали признаны настолько высокими, что из нее

* В последнее время нефтяное отопление применено на Обуховском заводе также к нагревательным печам молотовой мастерской и сталеплавильным Сименса — Мартена, равно как и для нагрева паровых котлов.

выделяются орудия всех калибров. На Обуховском заводе, где требования, предъявляемые к качествам стали, гораздо выше, марте-новская сталь идет на выделку рулевых рам, штевной, гребных валов и, главным образом, броневых плит. А в настоящее время завод изготовляет и внутренние трубы из мартеновской стали для орудий больших калибров, равно как и стволы для 6-д. пушек Канэ.

Бессемеровская сталь идет на Обуховском заводе главным образом на резервуары и воздухохранители для мин, доньев, рулей и прочих принадлежностей к ним и на оболочки полевых орудий и пр. Бессемеровская мастерская Обуховского завода располагает двумя ретортами на 5 т каждая и 4 вагранками. Здесь же установлены: два гидравлических крана по 5 т и один ручной (мостовой) в 10 т; один аккумулятор с давлением в 25 атм. на кв. д.; наконец, две воздуходувные машины, дающие в реторте давление в 1,5 атм. на кв. д., и один вентилятор Рута для вагранок, с давлением воздуха, равным давлению 18-д. водяного столба на кв. д. Все перечисленные механизмы приводятся в движение паровую машиной в 240 сил.

Глава **XI**, содержащая подробное описание молотовой мастерской, ковального преса (с чертежом) и отжигательной мастерской, не публикуется (см. «Морской сборник», 1902, № 3).

XII

Общий очерк механических средств Обуховского завода. Мастерские завода: пушечноотделочная; станочная; полевых орудий; снарядная; бронелитейная; цементационная и закалочная; бронеотделочная. — Физическая лаборатория. — Химическая и микрофотографическая лаборатории

Переходя к производительным силам механических, пушечноотделочных и пр. мастерских Обуховского завода, заметим, что в настоящее время там установлено до 1000 станков и механизмов различного назначения, питающихся от 114 паровых котлов разных систем и конструкций, с общей нагревательной поверхностью около 8172 кв. м.

Пушечноотделочная мастерская распырилась почти с каждым годом существования завода. Так, уже в 1868 г. прежняя лафетная мастерская увеличилась на целый отдел, II — пушечно-сверильный, положив начало ряду пушечноотделочных мастерских. В 1872 г. был прибавлен III отдел, в 1880 — 1881 гг. — IV и V механические отделы и, наконец, в 1885 — 1887 гг. остальные, VI и VII.

В VII отделе вырезаются из различных частей орудия образцы для механических испытаний орудийного металла. Мастерская полевых орудий, устроенная, как мы уже говорили, в 1873 г., располагает ныне 171 станком разного назначения.

Снарядная мастерская изготавливает снаряды преимущественно следующих четырех калибров: 47-мм стальные гранаты, 75-мм стальные гранаты, 120-мм стальные и 6-д. стальные бронебойные снаряды.

В бронелитейной мастерской завода установлена первая по величине в России 40-тонная основная печь Сименса — Мартена, нагреваемая нефтью и предназначенная исключительно для изготовления броневых болванок хромоникелевой стали.

Производительность ее измеряется приблизительно 200 000 пудов. К печи приспособлен 75-тонный электрический кран с подвешиваемым на крюк ковшом. Для закалки материала имеется также электрический кран в 6 т. Для воздушного дутья установлено 10 компрессоров Вестингауза.

Цементационная и закалочная мастерская завода для броневых плит снабжена 12 цементационными печами, из коих 4 нагреваются нефтью, 2 — углем, 3 — газом, и для более мелких изделий установлены еще 3 нефтяные печи.

Для охлаждения плит имеются следующие приспособления:

бак с репным маслом вместимостью до 3000 пудов — 1;

бак с водой — 1;

аппарат для sprыскивания плит водой — 1.

Кроме вышеупомянутого 75-тонного крана в мастерской имеется еще паровой кран в 40 т. Все тележки у печей выдвигаются посредством электрических лебедок. Температура печей измеряется неподвижно вделанным в печь пирометром системы Ле-Шателье — Круппа, причем для контроля имеется аппарат, автоматически записывающий температуру печи. Производительность цементационной мастерской Обуховского завода рассчитана на 200 — 300 плит в год.

В последние годы на заводе была значительно расширена и переведена в новое здание прежняя мастерская изготовления деревянных моделей для фасонных отливок.

Кроме того, весной 1898 г. окончена постройкой и снабжена необходимейшими механизмами бронеотделочная мастерская. Особого внимания заслуживает здесь установка 75-тонного мостового крана завода «Феникс», приводимого в движение электричеством и снабженного крюком для подъема грузов до 25 т с большой скоростью.

В особой пристройке установлена для этой цели динамо-машина Сименса, типа № 11, мощностью в 33 киловатта, при напряжении в 110 вольт. Она приводится в движение ременной передачей от паровой машины Фелозера системы Compond, без охлаждения. Пар доставляется от трех водотрубных котлов мастерской с нагревательной поверхностью в 329 кв. м. Кроме вышеописанного крана в мастерской имеются еще два электрических крана большой скорости в 30 т завода «Феникс».

Ремонтная и котельная мастерские выполняют самые разнообразные работы собственно для надобностей завода. По своим ограниченным размерам эти мастерские не имеют достаточных средств для удовлетворения всем заводским требованиям по ремонтным работам. Исправление же механизмов, машин и пр. производится в различных мастерских завода, что крайне неудобно и невыгодно. Ввиду этого предполагается устроить обширные отдельные мастерские исключительно для заводских ремонтных работ*.

Физическая лаборатория для испытаний металла располагает в настоящее время пятью прессами следующих систем: один — Шенка, один — Киркальди, горизонтальный; один — Брауна, вертикальный, с двумя катетометрами; и два — Витворта, последние четыре — гидравлические.

Из этих пяти прессов — три рычажных (Киркальди, Брауна и Шенка) и два поршневых (Витворта).

Прессы Витворта и Шенка приводятся в движение электродвигателем Сименса, типа М. № 2, мощностью в 1110 ватт, при напряжении в 105 вольт. Он питается током от электрической станции при пушечноотделочных мастерских. За все время существования лаборатории в ней было испытано на разрыв, растяжение, сжатие более 750 000 образцов, взятых от орудий, снарядов и различных изделий.

Наконец, химическая лаборатория завода производит анализы чугуна, руд, шлаков, орудийного металла, броневых плит, снарядной стали и пр.

В 1895 г. на Обуховском заводе была устроена микрофотографическая лаборатория для исследования структуры и качеств стали — первая в России попытка применить микроскопический анализ в стальном деле. Лаборатория эта находится в заведовании инженер-технолога А. А. Рженотгарского, главного металлурга Обуховского завода.

* Ремонтными и котельными работами на Обуховском заводе заведует около 30 лет техник И. И. Бухей.

Наиболее трудной задачей при исследовании металлов под микроскопом является приготовление препаратов, или шлифов. Малейшие неровности и шероховатости на их поверхности уже не позволяют принимать значительных увеличений. Форма шлифа различна: пластинка, кубик, цилиндрик, при площади не более 1 кв. см, в поперечном сечении $1/2$ кв. см. Полировка шлифов производится промытым, отмученным наждаком, а для более тщательной шлифовки — хорошо отмученным крокусом (*rouge d' Angeletterre*) с водой. Для вытравки шлифов образчики погружаются на известное время в раствор азотной кислоты (36° Бомэ) или бромистой воды. Смотря по крепости раствора и сорту стали, через несколько секунд на поверхности шлифа выступает довольно отчетливый узор; он является следствием неодинакового действия кислоты на различные составные элементы стали, выделившиеся во время нагревания или испытания металла. Готовые препараты предохраняются от пыли.

Имеющиеся в лаборатории световые источники позволяют рассматривать шлифы при любом увеличении и снимать при помощи фотографии полученные под микроскопом изображения.

Эта новая отрасль науки, металлография, построена на том основании, что вытравленный на шлифе узор будет изменяться в зависимости от той или другой группировки элементов строения данного металла — для стали, от условий нагрева и остывания. Микрофотография дает возможность, как показал опыт, наблюдать в стали частные ликвации, имеющие огромное влияние на свойство металла, причем даже химический анализ не в состоянии определить их присутствия.

ХIII

Общий очерк осветительных средств Обуховского завода. — Установка пародинамо-машин. — Газовое заведение. — Хозяйственные учреждения. — Технические и рабочие силы Обуховского завода

До 1883 г. Обуховский завод освещался исключительно газом. За последние же 9 лет на заводе постепенно установлено электрическое освещение. Установки таких значительных размеров, как предназначенные для освещения целого завода, всегда возбуждают известный интерес к технической их стороне даже за границей, где эксплуатация электрической энергии во всех ее видах развита гораздо более, чем у нас. Относительная новизна дела и вытекающее отсюда отсут-

ствие определенности в расчете и комбинировании всей установки для каждого данного случая играют здесь главную роль.

У нас эти факторы действуют еще энергичнее, и поэтому мы позволяем себе остановиться на установках Обуховского завода главным образом со стороны распределения паро-динамо-машин по мастерским и количества даваемого ими света.

Для выработки электрической энергии Обуховский завод располагает в настоящее время 4 электрическими станциями: одной, главной мощностью в 1560 эффективных сил, с отдельными паровыми котлами, и тремя вспомогательными станциями, мощностью в 480, 300 и 100 эффективных сил; последняя на правом берегу Невы, против завода, тоже с отдельными паровыми котлами.

Такое сравнительно невыгодное для эксплуатации распределение генераторов тока объясняется самою историей применения электрической энергии на заводе. До 1883 г., как уже было упомянуто, освещение заводских мастерских и двора завода было исключительно газовое. В 1883 г., в виде опыта, введено было в одной из заводских мастерских электрическое освещение по системе Яблочкова, но освещение это не привилось и существовало всего только около года. В 1889 г., тоже в виде опыта, было введено освещение лампами накаливания и дугowymi фонарями, установленными в пущечной мастерской. С этой целью были приобретены динамо-машины постоянного тока напряжением в 120 вольт; на заводе нашлись подходящие свободные паровые машины. Для всего этого нашли помещение в той же пущечной мастерской, которую предполагалось осветить, устроили ременную передачу, и таким образом на заводе появилось некоторое подобие электрической станции. В 1892 г. решили осветить электричеством станочную и снарядную мастерские, помещавшиеся в одном общем здании. Немедленно приобрели новую паро-динамо и поставили ее тут же в мастерской. Появилась вторая электрическая станция. Обе станции обслуживали каждая свой небольшой район до 1895 г., когда решено было осветить электричеством двор завода, а также и другие мастерские, до сих пор не освещавшиеся электричеством и находившиеся на другом конце завода, вдали от станций пущечной и станочной. Вследствие такого решения было выстроено внутри завода, приблизительно в центре его, отдельное здание, где и установили две динамо-машины постоянного тока в 120 вольт, в 150 киловатт каждая, с отдельными паровыми двигателями и отдельными паровыми котлами. Таким образом появилась третья электрическая станция. Все три станции до 1898 г. служили исключительно для освещения, так что работали они только по вечерам и в часы производства ночных работ в мастерских, кроме двух машин пущечной станции, рабо-

тавших и ночью, и в праздничные дни и освещавших некоторые жилые здания. В 1895 г. в пушечной мастерской был переделан 60-тонный мостовой ручной кран на электрический, но для приведения его в действие в той же мастерской поставили отдельную динамо-машину, работающую от приводного вала станков.

Начиная с 1897 г. завод быстро расширяется. Строятся новые мастерские, приводимые в действие электричеством; устанавливаются в этих мастерских электрические краны; прежние ручные и канатные краны в старых мастерских переделываются тоже на электрические; заводские жилые и служебные здания, освещавшиеся ранее газом, переводятся на электрическое освещение. Все эти сооружения вызвали, конечно, такой расход электрической энергии, что прежних генераторов тока оказалось недостаточно. Пришлось с большой поспешностью устанавливать новые паро-динамо-машины, которые все не уместились бы на одной какой-либо из трех станций, а поэтому новыми динамо-машинами заполнили все три станции, так что к концу 1899 г. ни на одной из них не оставалось уже свободного уголка. При этом на пушечной станции, вместо прежних горизонтальных паровых машин в 12 и 40 сил, поставили две вертикальные — в 200 сил каждая. Но потребность в электрической энергии с каждым месяцем продолжала увеличиваться, так что в начале 1900 г. заводу управлению волей-неволей надо было или расширять здание третьей электрической станции, постройки 1895 г., или же выстроить новую станцию, куда можно было бы поставить новые генераторы тока, перенеся туда же и установленные на первой станции. Так как по местным условиям здание старой станции расширять было крайне неудобно — местоположение ее было весьма невыгодное вследствие отдаленности от воды, с одной стороны, и соседства молотовой мастерской с громаднейшими паровыми молотами — с другой, решились построить для электрической станции новое здание на берегу р. Невы. Но еще до этого решения, именно в 1898 г., завод устроил на правом берегу р. Невы свой собственный полигон для испытания стрельбой выделанных на заводе орудий. Для выгрузки орудий с баржи и для установки их на месте производства стрельбы потребовались два мостовых крана, в 75 т каждый. Краны эти было решено сделать электрическими, а для приведения их в действие на том же правом берегу, во избежание прокладки подводного кабеля, поставили в отдельном здании две паро-динамо-машины.

Существующие на заводе в настоящее время четыре электрические станции оборудованы следующим образом.

Первая станция, постройки 1901 г.

Здесь установлены динамо-машины Сименса и Гальске постоянного тока напряжением 120 вольт; шесть — типа I 150 и одна —

типа I 85. Из числа динамо I 150 три приводятся в действие вертикальными паровыми машинами Шихау тройного расширения и три — вертикальными паровыми машинами Compound завода «Феникс», тоже с охлаждением пара. Динамо I 85 непосредственно соединена с вертикальным паровым двигателем Compound закрытого типа, тоже завода «Феникс», и также с охлаждением пара. Для всех паровых машин «Феникс» на станции установлен общий конденсатор, а машины Шихау каждая имеет свой конденсатор. Водотрубные паровые котлы Бабкока — Вилькокса, каждый с поверхностью нагрева в 150 кв. м. и с рабочим давлением в 12 атм, установлены в числе 8 штук и отапливаются мазутом, имея общую дымовую трубу в 20 саж. высотой. Для питания котлов, кроме инжекторов, служат две донки, установленные в кочегарном отделении, прогоняющие питательную воду через экономизатор. Последний установлен в борове паровых котлов, на пути течения продуктов горения в дымовую трубу, и служит для подогревания питательной воды до температуры кипения. Как донки, так и конденсаторы берут воду из колодца, устроенного в кочегарном отделении и непосредственно сообщенного с Невою с помощью 18-д. трубы. Коммутация динамо-машин устроена таким образом: все они могут работать параллельно и, кроме того, динамо I 150 попарно могут соединяться последовательно, что сделано ввиду того, что все электродвигатели, установленные после постройки станции, а равно предположенные к установке вновь, рассчитаны на напряжение в 220 вольт.

От этой станции освещаются двор завода, близлежащие улицы, все мастерские, за исключением отдела полевых орудий, станочной, снарядной и минной, и все заводские административные и жилые здания; ночное освещение, собственно для прохода, в мастерских станочной, снарядной и минной, а также в отделе полевых орудий производится тоже от этой станции; отсюда же идет ток для приведения в действие всех электрических кранов и электродвигателей, за исключением мастерских станочной, снарядной, сталелитейной и I—VII отделений пушечной.

Вторая станция, при пушечной мастерской

Здесь установлены динамо-машины Сименса и Гальске постоянного тока напряжением 120 вольт: две — типа I 125, одна — типа I 46 и одна — типа II 250. Динамо I 125 приводятся в действие вертикальными паровыми двигателями Compound завода «Феникс»; при них общий конденсатор. Динамо I 46 работает от паровой вертикальной машины простого расширения без охлаждения, завода «Фельзер и К°», а динамо II 250 работает от паровой горизонтальной машины простого расширения, тоже без охлаждения, завода «Фельзер и К°».

Все паровые двигатели питаются паром от соседних котлов сталелитейной и котельной мастерских. Все динамо типа I работают параллельно, а динамо II 250, с обмоткой Compond, служит запасной и с помощью переключателя может работать на освещение отдела полевых орудий. Эта станция питает током электрические краны и электродвигатели, установленные в физической лаборатории сталелитейной мастерской и в I – VII отделениях пушечной, а также освещает отдел полевых орудий.

Третья станция, при станочной мастерской

Здесь установлены динамо-машины Сименса и Гальске постоянного тока напряжением 120 вольт, две — типа I 85 и одна — типа I 40. Обе динамо I 85 приводятся в действие паровыми двигателями Compond, без охлаждения, завода «Феникс», динамо I 40 — двигателем Нобеля, тоже Compond и без охлаждения. Все двигатели питаются паром от котлов станочной мастерской. Динамо все работают параллельно и подают ток как для освещения, так и для передачи силы в мастерские: станочную, снарядную и минную.

Четвертая станция, на правом берегу Невы

Здесь установлены динамо-машины Сименса и Гальске постоянного тока напряжением 120 вольт, типа I 33, которые приводятся в действие паровыми двигателями Compond, без охлаждения, завода «Лесснер». При станции кочегарня с двумя водотрубными паровыми котлами системы Бабкока — Вилькокса, с поверхностью нагрева 81 кв. м каждый. Рабочее давление 10 атм. В кочегарне установлены две донки, подающие воду из р. Невы в водонапорный бак, обслуживающий водой как станцию, так и соседнее с ней паровозное депо, а также и баллистический домик. Станция эта, как уже было упомянуто раньше, питает током два 75-тонных крана и освещает во время производства работ рельсовый путь, идущий от берега к полигону, протяжением около 1 версты, и самый полигон, где производится стрельба.

Заканчивая очерк производительных сил Обуховского завода в настоящее время, считаем нужным упомянуть о следующем факте, наглядно свидетельствующем о расширении деятельности завода. На правом берегу р. Невы, против завода, приобретен участок земли, около 50 десятин; на берегу этого участка устроен бассейн для ввода груженых барж и поставлен мостовой кран в 75 т, причем подъемной силой, равно как и осветительным средством, служит электрический ток со специально устроенной станции; перевозочными средствами через Неву служат два буксирных парохода и паровой катер; от бассейна проложен железнодорожный путь к новому заводскому поли-

гону для испытания изготовленных на заводе орудий, а также к Охтинскому полигону, на протяжении 13 верст. Кроме того, завод соединен рельсовым путем с Николаевской железной дорогой. К числу заводских строений принадлежит прекрасная каменная церковь и больница с амбулаторией, на 36 кроватей в общей палате и на 6 — в отдельных комнатах. Морское ведомство, идя навстречу заботам начальника завода И. А. Власьева об экономическом благосостоянии служащих и рабочих, приобрело еще 2 десятины земли в непосредственной близости от завода. Строения, находящиеся на этой земле, обращены в квартиры для служащих на заводе; учреждена библиотека для техников и служащих завода, читальня для рабочих, школа для их детей с вечерними классами и воскресными чтениями для взрослых. Составлен хор певчих и оркестр из рабочих. Устраиваются спектакли и концерты, зимой горы и каток, летом в заводском саду по воскресным дням играет музыка. При заводе находится пожарное депо с двумя паровыми машинами в 20 и 12 сил и обозом с новейшими усовершенствованиями. Под магазин недавно образовавшегося «Общества потребителей при Обуховском сталелитейном заводе» возведено обширное здание, а в последнее время окончено постройкой здание для бани на 600 человек. Наконец, для обеспечения рабочих учреждена сберегательная касса.

Обуховский завод имеет около 4000 человек рабочих. Мы не даем точной цифры, потому что для каждого данного года она не одна и та же. Для примера приводим число рабочих за 1896—1897 гг.: при железном производстве было занято 225 человек; при стальном — 1136 человек; при прочих производствах — 1364 человек; наконец, вспомогательных, по всему заводу вообще, числилось 555 человек.

Переходя к техникам завода, скажем, что вследствие условий сталепушечного дела, распадающегося на ряд отдельных производств — пудлингово-прокатного, сталелитейного, пушечно-отделочного и т. д., — заведующие мастерскими вполне независимы в своих распоряжениях и действиях в пределах всего, что касается данного производства. Остальные же техники являются уже менее самостоятельными руководителями, что, впрочем, ясно из тех же условий стального дела. Главный контингент техников составляют инженеры-технологи и инженеры-механики; шесть морских офицеров, получивших специальное образование; три кандидата университета; четыре горных инженера. В общем более 40 человек. Мастера завода преимущественно из числа лиц, получивших среднее техническое и ремесленное образование.

XIV

Обуховский сталелитейный завод на Парижской Всемирной выставке в 1900 г. — Некоторые случаи из заводской практики. — Статистические данные о производительности Обуховского завода

На Всемирной Парижской выставке 1900 г. предметы нашей морской артиллерии, главным образом Обуховского завода, составляли отдельную группу в общем нашем морском отделе, помещавшемся в огромном здании армий и флотов*.

Обуховским заводом были выставлены всего 24 предмета, из числа которых 19 собственно артиллерийских.

а) 8-д. пушка в 45 калибров, чертежа генерал-майора Бринка — состоит из внутренней трубы, двух скрепляющих колец, составленных из цилиндров разной длины и кожуха. Теоретическая прочность орудия — 5000 атм., допускаемое давление газов в канале 2500 атм. Нарезка — параболическая. Камора — бутылочной формы. Запирающий механизм системы капитана Розенберга позволяет открывать и закрывать канал в течение 5 секунд вращением рукоятки в ту или другую сторону. Заряд бездымного пороха в 81,5 фн. сообщает снаряду в 214,5 фн. весом начальную скорость в 2950 ф. в секунду. Станок орудия сообразен по типу станков Канэ, за исключением заднего кольца, которое позволяет разборку компрессора, не снимая пушки со станка. Вес орудия с замком — 12,3 т, вес станка, построенного по вычислениям капитана Меллера, — 15,2 т.

б) 75-мм пушка в 50 калибров на станке системы капитана Меллера — состоит из ствола и одного скрепляющего слоя, перекрывающего ствол на 0,56 всей длины пушки. Затвор закрывается и открывается движением рукоятки на $\frac{1}{2}$ оборота. Вес орудия — 55 пудов. Заряд бездымного пороха в 4 фн. 36 зол. сообщает снаряду в 12 фн. начальную скорость 2700 ф. в сек. Так как вес имеющихся у нас станков Канэ к 75-мм пушкам доходит до 120 пудов, то для уменьшения этого веса капитан Меллер проектировал выставленный станок весом всего в 46 пудов, причем сила, действующая на палубу, остается той же, что и в станке Канэ. Это достигается большей длиной отката. Легкость станка объясняется тем, что продольная рама и скользящая по ней обойма совершенно устранены и заменены кольцами, укрепленными на концах компрессора и накатника. Механизма для горизонтального наведения станок не имеет: оно производится плечом

* См. «Морской сборник» 1901 г., № 2, ст. «Артиллерия на всемирной выставке в Париже, 1900 г.», В. С.-й.

стреляющего, который, просунув руку внутрь приклада, устроенного петлей, совершенно связывает себя с орудием.

с) 47-мм пушка Гочкисса на ртутной установке капитана Меллера. Вес орудия, стреляющего патронами, — 14,5 пуда, вес заряда — $\frac{17}{8}$ и стального снаряда — $\frac{35}{8}$ фн.; начальная скорость снаряда — 2034 ф. в секунду. Главнейшие достоинства станка состоят в его легкости и простоте устройства. Его вес — 13 пудов, тогда как вес станков Гочкисса к той же пушке — 32 пуда. Внутреннее устройство станка чрезвычайно просто: во время отката пушка тащит за собой навинченное на нее кольцо, внизу которого ввинчен цилиндрический поршень; поршень этот, проходя внутрь цилиндра, расточенного по кривой, вытесняет заключенную в цилиндре жидкость через постепенно суживающийся кольцевой просвет между поршнем и стенками цилиндра — сперва в наклонные, а потом в вертикальные каналы, сделанные с обеих сторон обоймы; входя в вертикальные каналы, жидкость сжимает в них воздух, расширением которого по окончании отката пушка ставится к борту.

д) 37-мм пушка Гочкисса на станке капитана Алексева — применяется для вооружения марсов, миноносков и сторожевых судов. Вес орудия — 2 пуда; начальная скорость снаряда — 1360 ф. в секунду.

Устройство станка изображено следующим образом: откатываясь, пушка проходит через обойму с неподвижным компрессором, на дне которого прикреплено регулирующее веретено.

На самом орудии надето кольцо, в нижнюю часть которого ввинчена труба с дном, входящая во время отката внутрь компрессора. Когда эта играющая роль поршня трубка входит внутрь компрессора, то жидкость вытесняется из компрессора и через отверстие в дне трубки, постепенно закрывающееся регулирующим веретеном, переходит внутрь трубки и гонит перед собой металлическую пробку (с манжетами), которая, отодвигаясь по трубе, сжимает пружину, а разжатием этой пружины после отката пушка ставится к борту.

е) Снарядов выставлено 4, а именно: бронебойный стальной для 12-д. орудия в 40 калибров, весом $20 \frac{1}{4}$ пуда, стоимостью в 410 руб.; такой же снаряд для 10-д. пушки, весом в 550 фн., стоимостью 282 руб., и наконец снаряды для 8- и 6-д. пушек в 45 калибров, весом в $214 \frac{1}{2}$ фн. и $101 \frac{1}{4}$ фн., причем стоимость 6-д. снаряда равнялась 60 руб. Все эти снаряды, взамен прежней свинцовой оболочки, снабжены близ дна ведущими медными поясками.

ф) Патронов выставлено 3 — для 75-мм пушки в 58 калибров и для 47- и 37-мм пушек Гочкисса, весящих $12,7 \frac{5}{8}$ и $\frac{15}{6}$ фн.

г) Гальванический аппарат для определения продольного прогиба пушек, капитана Розенберга.

С увеличением длины пушек замечено, что и естественный прогиб пушки значительно возрос вместе с числом сделанных из орудия выстрелов. Найдено, что, например, у 11-д. орудия в 35 калибров получается после 100 выстрелов прогиб в один дюйм. Ввиду изменения величины этого прогиба за время службы пушки явилась необходимость в его определении, что и достигается экспонируемым прибором, построенным на следующем основании. Тонкая стальная проволока протягивается вдоль канала пушки с известным натяжением и устанавливается так, что проходит через две определенные точки оси канала пушки; указателем точности этой установки служит замыкание электрической цепи. По отсчету на шкале того прибора, который ставится на дуло пушки, можно определить прогиб орудия, т. е. величину понижения центра дульного среза под осью каморы. Влияние личной погрешности наблюдателя на точность наблюдения устранено. Точность показания прибора — 0,01 д. Прибор пригоден для пушек различных калибров.

Учебный ствол для 8-д. пушки в 45 калибров. Подобными стволами снабжаются все пушки от 12- до 6-д. калибра. Ствол при помощи установочных колец помещается в каморе пушки, и из него производится учебная стрельба для обучения орудийной прислуги.

Прибор Келейникова для проверки прицельной линии. Прибор состоит из двух дисков, из которых один крепится к казенному срезу пушки, а другой — к дульному, по чертам, имеющимся на срезах орудий. Каждый диск снабжен на высоте прицельной линии передвижной рамкой с нониусом. Рамки (казенная и дульная) соединяются тонким шнуром, который, при заданной установке, должен проходить через прорезь прицела, поставленного на нулевое деление, и мушку.

Все описанные здесь предметы, а также и прочие артиллерийские изделия, присланные на выставку Обуховским заводом, как-то: зарядная труба к 8-д. пушке в 45 калибров, клещи для вынимания заевших гильз в каморе 75-мм пушек и ящики с запасными частями и принадлежностью для пушек и станков для 8-д. орудия в 45 калибров, 75-мм пушки в 50 калибров и 47- и 37-мм пушек, — обращали на себя всеобщее внимание своею превосходной отделкой, причем в полной мере заслуженною является присужденная заводу награда — Grand Prix*.

* Ранее завод принимал участие в выставках: Парижской 1867 г., Всероссийской С.-Петербургской 1870 г., Московской 1872 г., Венской 1873 г., Филадельфийской 1876 г., Московской политехнической 1882 г. и на Всероссийской в Нижнем Новгороде в 1896 г.; на всех выставках были получены высшие награды.

Нельзя не упомянуть об отзывах заграничной специальной печати о нашем артиллерийском отделе вообще. Так, капитан М. С. Curey в статье «L'artillerie Russe a L'Exposition Universelle de 1900», помещенной в сентябрьской книжке (1900) «Revue d'Artillerie», говорит следующее:

«Выставка предметов артиллерии русского правительства в высшей степени интересна и своеобразна, как представляющая собой нечто вполне законченное.

В то время как все другие техники военного дела ограничились устройством каких-либо односторонних выставок, например, ручного оружия (Манлихера и К°) и артиллерийских орудий (Крезю, С.-Шамон, Гочкисс, Викерс — Максим и др.), мы, наоборот, видим в русском отделе собрание большинства предметов, употребляемых в русской артиллерии».

Аналогичный этому отзыв мы находим и в статье майора С. Шотта «Umschau auf Militertechnischem Gebiet», напечатанной в декабрьской книжке «Jahrbücher für die Deutsche Armee und Marine», в которой говорится, что только одна Россия организовала свои отделы по артиллерии столь полными, что получилась возможность составить себе верное понятие о современном состоянии технической части нашей артиллерии.

В апреле 1894 г. А. А. Колокольцов, получив назначение членом Адмиралтейств-Совета, оставил трудный пост начальника Обуховского завода. В течение 29 лет он отдавал свою энергию, редкий администраторский талант и умение отстаивать интересы дела на осуществление идеи развития сталепушечного производства в России. И Обуховский завод не только вышел из эпохи начала, но и поднялся до европейской известности. Пост начальника завода занял генерал-майор Геннадий Александрович Власьев, долгое время занимавший должность помощника начальника завода при А. А. Колокольцове. Г. А. Власьев окончил курс в Николаевской морской академии в 1870 г. и тогда же посвятил свои знания и способности техническому делу. Будучи неоднократно командирован за границу для изучения заводских производств, Г. А. вынес оттуда редкое по глубине и широте знание всех отраслей механики.

В бытность свою на Путиловском заводе, в начале 70-х гг., он с успехом выполнил сложное тогда дело установки регенеративных печей Сименса — Мартена и устройства обширной прокатной мастерской для производства листовой стали и рельсов. Заняв в 1894 г. пост начальника Обуховского завода, Г. А. Власьев весь отдался своему призванию, и нет сомнения, что под его руководством Обуховский завод будет всегда стоять на высоте своего положения.

Нам осталось сказать несколько слов о тех явлениях, что неизбежно сопровождают деятельность каждого сталепушечного завода. Мы подразумеваем здесь разрывы и порчу орудий на службе и во время производства испытаний стрельбой. Обуховский завод может справедливо гордиться тем, что за все время его существования ни одно из выпущенных им орудий не разорвалось в строю — на службе, а этого нельзя сказать про пушки иностранных флотов. Несчастный случай на «Сисое Великом», имевший место в недавнем прошлом, не считаем исключением. Как показало следствие, здесь причина несчастья заключалась в недовернутом на $\frac{1}{6}$ оборота замке. Броненосец был вооружен четырьмя 12-д. орудиями в 40 калибров, расположенными попарно в носовой и кормовой башнях. Запирание замка производилось вращением в одну сторону — тот же способ Канэ, но без устройства предохранителя, что не избавляет, конечно, от возможности произвести выстрел при не вполне закрытом замке. А подобная возможность усугубляется еще тем, что в одной и той же башне у двух орудий нарезные муфты, когда замок заперт, находятся у левой пушки сверху, а у правой — внизу. Ошибка комендора является, таким образом, более чем вероятной для каждого данного случая. Впрочем, в настоящее время в устройство замка введен предохранитель, вполне устраняющий повторение несчастий вроде упомянутого. Следовательно, самый процесс изготовления орудия не играет в данном случае никакой роли. Что же касается разрывов пушечных стволов во время испытаний, то и здесь число подобных случаев для Обуховского завода сравнительно весьма невелико. Так, в октябре 1895 г. была оторвана замочная часть 12-д. орудия № 9 на первом боевом выстреле. В 1897 г. два орудия системы Канэ, из которых одно, с оболочкой из мартеновской стали, разорвалось на первом боевом заряде, а другое, с оболочкой из тигельной непрессованной стали, -- на первом половинном заряде. В том же году потерпели разрыв три 10-д. орудия: два с внутренними трубками из тигельной непрессованной стали и одно — из тигельной прессованной; первые — на 73-м и 22-м выстрелах, третье — на 84-м выстреле. Наконец, в апреле 1898 г. разорвалось 6-д. орудие Канэ в дульной части, на 270-м выстреле. Причину всех этих разрывов следует искать в конструкции орудия, в далеко еще не определенных свойствах бездымного пороха и — последнее реже всего — в самом металле.

Генерал-майор В. И. Колчак

ДНЕВНИК ЛЕЙТЕНАНТА А. В. КОЛЧАКА *

22 ноября 1904 года **

Цинга увеличивается, и больных ею масса; характерно заболевание куриной слепотой — признак крайнего утомления и истощения. Сегодня вечером на восьмерке под парусами ушел в Чифу капитан II ранга Цвингман, чтобы дать знать о положении дел в Порт-Артуре.

3 декабря

Утро ясное и холодное, с норд-ветром. Днем редкий огонь из 11-дюймовых орудий. В последние ночи были атаки на стоящий «Севастополь» — все они отбиты и говорят, что утоплено 4 миноносца. Днем японцы пускали шрапнель на батарею № 4 и Скалистую Гору. Сегодня 6 орудий с откоса Большой Горы обстреливали окопы у укрепления № 3 — очень удачно, и разрушены японские окопы около угла рва укрепления. Вечером, когда стемнело, я приступил к углублению хода сообщений к батарее № 4. Грунт скалистый, и необходимы подрывные работы.

Днем я сделал несколько выстрелов по перевалу из 120-мм орудий по идущему обозу.

4 декабря

Японцы с утра обстреливали старый город и порт с Волчьей Горы.

Третьего дня нас постигло большое несчастье — 11-дюймовый снаряд около 10 часов вечера влетел в каземат форта № 2 в офицерское помещение и убил 7 и ранил 8 офицеров. В числе убитых, к

* РГА ВМФ. Ф. 11. Оп. 1. Д. № 62, 37 страниц.

** Все даты приведены по старому стилю. — Прим. ред.

несчастью, находились генерал Кондратенко, полковник Науменко, полковник Раневский. Потеря Кондратенко незаменима — это был самый выдающийся защитник Порт-Артура.

Степенко сообщил, что на днях японцы передали нам частную корреспонденцию — во всяком случае, это большая любезность. Про «Севастополь» он говорит, что атаки на него отбиты, японцы потеряли 4 миноносца, но взрывы снарядов причинили-таки разрушения, кроме того, одна мина (говорят, с минного катера) прошла через разорванную сеть и причинила пробоину. «Севастополь» теперь на грунте. Это лучше, чем быть расстрелянным на внутреннем рейде Порт-Артура.

5 декабря

Утро холодное, с северным ветром. Ночью мы оставили форт № 2, взорвали все внутренние помещения и убрали оттуда около 150 человек гарнизона. Держаться дальше было бы действительно трудно, когда форт наполовину разрушен и пробивается снарядами. Генерал-лейтенант Фок назначен начальником сухопутной обороны.

Днем японцы обстреливали город. Стреляли с Сахарной Головы по новому городу и порту. Утоплен 120-мм снарядами «Всадник».

6 декабря

Утро ясное, довольно тихо и тепло. С утра редкий огонь и на правом фланге сосредоточен по форту № 2 и Малому Орлиному Гнезду. Около двух часов пополудни на форте № 2 и в бруствере был произведен взрыв, и около роты японцев попробовали штурмовать форт, но не пошли далее $\frac{1}{2}$ бруствера и залегли. Взорванные места обстроили мешками и забили. В то же время японцы развили сильный артиллерийский огонь по прилегающим к форту укреплениям. С Заредутной батареи очень удачно обстреливали 9-дюймовыми мортирами залегшие японские войска. Замечено у них два взрыва на Высокой Горе и за Волчьими Горами. Сегодня бомбили у японцев движение обозов по передвигающимся войскам. Японцы вели редкий шрапнельный огонь по нашему сектору и до вечера пускали снаряды по всем долинам, вероятно, предполагая там резервы.

7 декабря

День облачный, холодный, свежий норд-ветер. С утра 11-мм снарядами стреляют по обозу, больше половины снарядов не рвутся... Из порта прислали не то... вместо требуемого для пушек.

Днем довольно тихо. Крейсер усиленно обстреливал перевал и до рогу левее Сахарной, где было большое движение японцев.

Приведу список взятых японцами позиций.

26 июля взят Дагушань.

6—8 августа штурм и взятие редутов № 1 и № 2. Во второй половине августа — Угловая Гора.

29 августа — гора Сиротка и Трехславная.

2—3 сентября взяты Кумиренский и Водопроводный редуты.

6 сентября взят капонир № 3.

3 октября — штурм правого фланга и взятие окопов перед фортом № 2.

13 октября — взятие окопов на укреплении № 3 и форта № 3.

16 октября окончательно заняты окопы у укреплений № 3.

17 октября штурм правого фланга и взятие капонира № 2.

18 октября штурм и взятие рва форта № 2.

7 ноября штурм форта № 3.

10 ноября штурм форта № 2.

13 ноября штурм правого фланга от литеры Б до Курганной батареи.

22 ноября в ночь очищена нами и взята японцами Высокая Гора.

5 декабря штурм форта № 2, и вечером форт очищен нами и взят японцами.

Днем большое движение обозов и людей.

8 декабря

День пасмурный, морозный и крепкий норд-ветер. Были у нас генерал-лейтенант Фок и генерал-майор Горбатовский — осматривали позиции. Ожидается штурм на Орлиное Гнездо и Курганную батарею.

Вечер облачный, временами редкий снег, прежний снег уже почти весь исчез. Вечером около 11 часов донесли, что на Куропаткинском люнете пожар и горят погреба, что это такое, не знаю, — вероятно, мы сами подожгли для уничтожения левой части люнета.

9 декабря

День ясный и морозный при свежем норд-ветре. Вечером полная луна. Японцы бросают время от времени мины в Китайскую стенку. Днем большое движение войск — признак близкого штурма.

У нас много новых заболеваний цингой среди комендоров, и число больных теперь не менее 30 процентов. Люди постоянно простужаются, не имея теплого платья... едят одну брюкву и черствые сухари.

У нас все время работали по установке 47-мм пушки в редуте на наблюдательном пункте.

10 декабря

День ясный, холодный, с крепким норд-ветром. Японцы с 6 часов утра обстреливают центр и прилегающую часть правого фланга, на левом фланге идет артиллерийская подготовка, направленная главным образом на форт № 5 и Точную Гору. С 7 часов утра там началось наступление и сильный ружейный огонь. К 8 часам утра все стало стихать.

На форте № 5 около 11 часов утра начался пожар. Японцы выбили нас из окопов Промежуточной Горы и заняли их. 11-дюймовые орудия подбили на форте № 5 дальнобойные 6-дюймовые пушки — еще одно доказательство, что ставить открыто пушки на фортах нельзя.

Около 6 часов вечера я направился в город, прошел через порт и увидел лежащий в доке «Амур»; это какой-то кошмар: судно лежит на боку с трубами и мачтами на берегу.

На катере я перебрался на Тигровый полуостров, был на «Ретвижане» и «Победе», а затем говорил с Васильевым по поводу воздушных мин. Надо отвечать японцам и бросать воздушные мины. Это очень трудно в таком месте, но надо попробовать. Затопленные суда минируются и приготавливаются на всякий случай к полному уничтожению.

Положение вещей в Порт-Артуре очень серьезное.

11 декабря

Ясный холодный день с норд-ветром, усиливающимся после полудня. Днем большое движение обозов, передвижение войск невелико. Обстреливание дороги из города в штаб генерала Горбатовского шрапнелью даже по однопочным людям вызвало устройство новой дороги мимо нашей насыпи.

Вечером я пришел в штаб генерала Горбатовского и оттуда по ходу сообщения на укрепление № 3; мне надо было найти 75-мм пушку на колесном лафете для стрельбы воздушными минами, предложенными Власьевым.

Вечером тихо. С укрепления № 3 я увидел, что батарея № 4 недостаточно маскирована, и приказал ночью выложить бруствер дерном. Ночью японцы бросают мины с редутов и капонира № 2 на Китайскую стенку.

12 декабря

С утра японцы начали обстреливать 11-дюймовыми орудиями Курганную батарею. Огонь по Курганной был очень сильный — они выпустили 140—142 11-дюймовых снаряда, но результаты ничтожны: ни одного раненого и подбит лафет 42-мм линейной полевой

пушки. Это обстреливание продолжалось до вечера. Вечером я отправился на дачные места переговорить с капитаном II ранга Герасимовым и лейтенантом Развозовым относительно минной стрельбы с Орлиного Гнезда. Мне обещали через несколько дней доставить минную пушку для стрельбы минами на 400 – 500 шагов. Капитан II ранга Герасимов предложил минные пушки или мортиры из простой трубы на деревянном станке. Мины бросаются на 250 – 300 шагов. Их разрушительное действие не уступает японским минам.

С дачного места я и лейтенант Развозов верхами отправились в штаб генерала Горбатовского и оттуда прошли на Китайскую стенку против редута № 2, где я осмотрел минную пушку и при мне выбросили мину на японские окопы около редута; взрыв 18-фунтовой мины очень серьезный.

Японцы подошли местами на 20 шагов, и мы бросали в них бомбочки.

Ночью тихо, но после выстрела пускают шрапнель... орудийные выстрелы по фронту. Днем большое движение обозов.

13 декабря

День ясный и теплый с легким норд-ветром. С утра японцы обстреливают 11-дюймовыми снарядами Курганную, укрепление № 3 и форты № 2 и № 3 – очевидно, готовят штурм на эти укрепления; масса вновь выставленных пушек, преимущественно 75-мм, в блиндажах... Кроме того, они отвечают на каждый наш выстрел и поминутно пускают по всем направлениям шрапнель.

Ночь тихая и ясная. Вечером приходила команда работать в окопах около капонира – там окоп по поясу... и во время стрельбы ходят там – просто черт знает что!

14 декабря

Ясный и теплый день. Японцы с утра продолжают обстреливать форт № 3, укрепление № 3 и Курганную 11-дюймовыми снарядами. Ожидается взрыв и штурм форта № 3.

Японцы слегка обстреливали и Скалистую Гору. Вечером я был на Орлином Гнезде, чтобы выбрать место для установки минной пушки и переговорить с капитаном Зейцем – начальником артиллерийского сектора № 11.

Вечером углубляли окопы у капонира. Японцы в капонире № 2 установили 3 минные пушки и громят ими Китайскую стенку совершенно безнаказанно. Японцы подошли к ней шагов на 30. Всю ночь пускают шрапнель и бросают мины. Движение обозов большое, войск – незначительное. Ожидается завтра или послезавтра штурм.

15 декабря

С рассветом батареи артиллерийского сектора № 11 открыли огонь по редутам и капонирам, 75-мм батарея Круссера стреляла по Волчьим Горам. С 8 часов утра японцы начали обстреливать форты № 3 и укрепление № 3, и в 9 часов начался штурм форта № 3.

Штурм начался со взрыва бруствера — по-видимому, удачно... Форт и укрепление... в облаке дыма и пыли от взрыва и ревущих снарядов. 75-мм батарея Круссера открыла огонь по батареям и пулеметам и Волчьим Горам; я стал обстреливать окопы у форта № 3 и 4-фунтовые пушки, а затем перешел на капонир у укрепления № 3.

На дороге у нашей <...> постоянная масса пуль; кроме того, японцы стали пускать шрапнель и бризантные снаряды, сосредоточивая их на батарее Круссера.

Форт № 3 был совершенно невидим, по мере увеличения стрельбы все стало застилать буроватой мглой, среди которой мелькали огоньки выстрелов и рвущихся снарядов, в небе повсюду встают клубы дыма и шрапнели. Сильная ружейная перестрелка стала стихать к 11 часам. Я уменьшил огонь с капонира и к 12 часам совсем прекратил его — все стало стихать, казалось, штурм отбит.

С 12 часов до 2 было сравнительно тихо; около 3 часов огонь стал усиливаться и начался второй штурм форта № 3. Скоро опять все исчезло в облаках мглы и дыма.

В 4 часа мы с наблюдательного пункта заметили массу японцев на бруствере форта, наши отошли к городу и держались в левом углу форта; японцы быстро окопались и вели сильный огонь по нашим и бросали ручные гранаты.

К 5 часам вечера около двух батальонов японцев окончательно утвердились на бруствере и стали там окапываться, огонь начал стихать; во время штурма было видно, как японские снаряды и шрапнель хоронили наши войска — они вообще почти не стреляли.

Вечером продолжалась оживленная перестрелка, и к нам летит масса пуль; ранило одного на батарее Круссера и у меня второй номер от 47-мм орудия — Тимофеева пулей навывлет в левую руку.

Ночь тихая и теплая; в центре линии наших войск видны взрывы ручных гранат; японцы пускают все время шрапнель — вероятно, в расчете на резервы, но их нет.

Весь вечер мы подносили на батарею снаряды и патроны к амбразуре 47-мм орудий в редуте, чтобы обстреливать бруствер форта № 3, занятого японцами.

Долго ли еще продержится этот форт в таком положении? Теперь очередь за Куропаткинским люнетом и укреплением 3, и тогда вся линия укреплений центра и части правого фланга будет в руках неприятеля.

16 декабря

С утра холодная погода, с крепким норд-ветром; после полудня ветер крепчал; облака пыли покрывают все окрестности. На форте № 3, оставленном только по приказу генерал-лейтенанта Стесселя, японцы устроили бруствер и поставили там, по-видимому, пулеметы.

Утром Хоменко, а также я стреляли из 47-мм пушки по этому брустверу, где стоял часовой... довольны...

Японцы сегодня оставили там минную пушку. После полудня ветер дошел до степени штурма, пришлось прекратить работы. Вечером шел мелкий снег. Вечером у форта № 3 слышны минные взрывы.

17 декабря

День с утра ясный и морозный, с легким норд-ветром. С утра стрелковая батарея, а после полудня 6-дюймовая с батареи Большой Горы обстреливали форт № 3, японцы устроили бруствер с бойницами и поставили пулеметы, к вечеру они порядочно разнесли его. Под вечер я сделал 7 выстрелов из 4-фунтовой пушки по форту.

Сегодня ранило прапнелю в бедро двумя пулями мапинного квартирмейстера Кормилыцына. Его отправили в Маринский госпиталь. Ранило его на дороге, все время обстреливаемой дежурными японскими пушками прапнелю даже по одиночным людям. Около 4 часов на Кладбищенской Горе был небольшой пожар: по-видимому, загорелся патронный погреб. Вслед за этим начался пожар между нами и арсеналом, там был склад патронов и китайских гранат, продолжавшийся до 9 часов вечера. Японцы обстреливали, конечно, пожар, но его, кажется, никто и не думал тушить.

Под вечер поднялся свежий норд-ветер. Привезли около 60 87-мм гранат для стрельбы из 4-фунтовых орудий.

18 декабря

Утро ясное, тихое и теплое. С утра японцы обстреливают 11-дюймовыми снарядами укрепление № 3 и Курганную батарею. В 8 часов к нам приехали генералы Фок и Горбатовский.

В 9 часов Круссер и я пошли на батареи. Мы уже подходили к наблюдательному пункту, когда сигнальщик крикнул нам, что на укреплении № 3 произошел сильнейший взрыв; в тот же момент открыли огонь японские батареи; на бегу я приказал открыть огонь по рву и окопам укрепления № 3 и прошел на капонир. Начался штурм. Взрыв был очень чувствителен и обвалил большую часть бруствера; на гребне показались в дыму фигуры японцев, капонир бил уже прямо по людям, японцы пытались проникнуть во двор укрепления № 2 по брустверу... показался японский флаг; огонь по укреплению мгновенно стих и перешел на окруженную батарею; непрерывный огонь

шрапнелью и брзантными снарядами по капониру и батарее Круссе-ра; снаряды их ложатся очень хорошо. Круссер стрелял по Волчьим Горам, мои орудия -- по укреплению № 3 и окопам.

Около 10 часов утра на наших укреплениях показался белый флаг; укрепление было взято. Взрыв перебил большую часть гарни-зона, убит и комендант. Японцы поставили пулемет и принудили по-лузодохнувших людей сдаться. Ружейный огонь очень слаб — укрепление взято взрывом и страшным артиллерийским огнем. Мы беззащитны бороться с артиллерией японцев, особенно при необхо-димости экономить снаряды.

Во время штурма стреляли почти все наши батареи, особенно форт № 4 и Черепанья Гора. К полудню все стихло. Около 2 часов японцы двинулись из форта № 3 на Скалистый Кряж, по ним был от-крыт сильный ружейный огонь с наших окопов, кроме того, очень не-дурно работали 47-мм пушки, особенно наши, в редуте — стрельба по людям прицельная.

Несколько раз я открывал огонь по укреплению № 3, разгоня ра-ботавших там японцев... До вечера над этими укреплениями виднел-ся огромный национальный флаг — я стрелял по нему, но сбить не удалось. К темноте японцы были отбиты от Скалистого Кряжа и ушли на форт; их легло там порядочно — видно было, как их укла-дывали. К вечеру тихо. Вечером подносили патроны и снаряды из главного погреба на батарею. Летит много пуль; во время переноски патронов ранило пульей навывлет в руку одного моего матроса. После подноса патронов мне под огнем пришлось посылать за патронами, так как я очень быстро вынул весь погребок. Ночью ружейный огонь и минные взрывы, изредка шрапнель.

19 декабря

С утра ясно, тихо, небольшой морозец. За ночь очищена Китай-ская стенка от форта № 3 до Орлиного Гнезда и оставлены Скали-стый кряж, Волчья моргирная и Заредутная батареи. Наши позиции идут по линии Курганная, Владимирская, Митрофаньевская, Орли-ное Гнездо, со 2-й линией Скалистых Гор и Безымянных Гор.

Сильные сами по себе позиции малопригодны в то время, когда не могут быть долговременно укреплениями, тем более что окопы и ходы сообщения не окончены, прикрытый от шрапнели и блиндажей нет, высидеть долго под японским артиллерийским огнем, которым они только и берут позиции, нельзя.

С утра начала обстрел Орлиного Гнезда. Подходившие резервы несли огромные потери. Японцы дошли до вершины и поставили пу-леметы; идет бой от Орлиного Гнезда до Литеры В. 120-мм снаряда-ми разбит бруствер, и батарея заставила японцев очистить гребень.

В это время японцы уже выбили нас из окопов Орлиного Гнезда и стали взбираться на вершину... 75-мм орудия не позволили им занять вершину и перейти на склон горы, но наши уже оставили Орлиное Гнездо. К 4 часам огонь стал стихать и продолжались лишь редкие ружейные выстрелы. Орлиное Гнездо — ключ новой позиции, ведь после него она должна пасть на другой день.

К вечеру облачное небо и полная тьма. Парламентеры поехали в японские позиции. Ночью редкий ружейный огонь. С 8 часов вечера начались страшные взрывы на кораблях, продолжавшиеся до утра.

20 декабря

Всю ночь продолжались громовые раскаты взрывов в порту — все уничтожалось — подрывались орудия, машины, корпуса судов. «Баян», «Победа», «Пересвет» горели. Рано утром, когда еще была полная тьма, мы получили извещение — первыми не открывать огонь и стрелять только при наступлении японцев, что было вовремя — еще 15 минут просрочки, открыли бы огонь по Орлиному Гнезду.

В ночь был очищен Куропаткинский люнет, форт Литеры Б, Малое Орлиное Гнездо и Залитерная вершина и вся Китайская стенка до укрепления № 2.

Когда рассвело, то на всех вершинах виднелась масса японцев, они не скрывались и просто сидели группами на вершинах, на обращенных к нам склонах, большинство без оружия, кроме цепи, довольно редкой, часовых. Редко кое-где слышались отдельные ружейные выстрелы или отдельные удары взрывов; порт и город скрывались в густых клубах дыма от горевших судов.

Получено вторичное приказание ни под каким видом не открывать первыми огня. Очевидно, японцы получили такое же приказание.

Обе стороны не трогали друг друга — большинство японских солдат были без ружей. После полудня мертвая тишина — первый раз за время осады Артура...

На Митрофаньевской Горе весь день парламентский флаг. Объявлено перемирие по случаю переговоров о капитуляции крепости.

Около 10 часов утра «Севастополь» показался перед входом во внутренний рейд и стал тонуть, через 5 минут он исчез под водой. Суда взорвали, они кое-где дымились. Вечером известили нас, что получены приказания ничего больше не взрывать и не портить, что было и передано.

Флот не существует — все разрушено и уничтожено; вход в гавань прегражден затопленными мелкими судами, кранами и землечерпательными машинами; 4 миноносца ушли в Чидру с 2 минными катерами.

21 декабря

За ночь мы кое-что уничтожили, но пушек не трогали и вообще взрывов никаких не устраивали. Утро туманное, легкий морозец... Около 10 часов утра собрались русская и японская комиссии по сдаче крепости, а в город стали вступать японские войска. Около 11 часов приказано было сдать все ружья и ружейные патроны, что я и сделал.

После обеда я получил приказ очистить... и приказал войскам в районе нашего сектора уходить в казармы, оставив только посты. Японские солдаты без оружия небольшими группами проходили в город и обратно, невольно обращая внимание на себя своим прекрасным обмундированием и дисциплиной, У нас, к сожалению, наоборот — много распущенности и внешней и внутренней.

К вечеру я снял посты и оставил только дневальных на батарее и увел команду в город.

Ночь тихая, и эта мертвая тишина как-то кажется чем-то особенным, неестественным.

А. В. Колчак, лейтенант флота

Примечание

Биографические данные о морских офицерах,
фамилии которых упомянуты в дневнике
(данные приведены на 1917 год)

1. *Адольф Карлович Цвингман* — капитан I ранга, командир канонерской лодки «Гремящий», награжден золотым оружием с надписью «За храбрость» за оборону Порт-Артура и французским орденом Почетного Легиона.

2. *Георгий Пафнутьевич Круссер* — капитан II ранга, за оборону Порт-Артура награжден тремя боевыми орденами.

3. *Александр Михайлович Герасимов* — вице-адмирал, командир морской крепости «Петр Великий», в годы гражданской войны начальник Морского управления при генерале А. И. Деникине. В период 1920 — 1925 гг. — начальник Бизертского Морского кадетского корпуса. Скончался в Бизерте (Тунис) в 1931 г.

4. *Алексей Васильевич Стеценко* — капитан I ранга, начальник 1-го дивизиона миноносцев Балтийского флота.

5. *Александр Владимирович Развозов* — капитан I ранга, начальник 2-го дивизиона эскадренных миноносцев Балтийского флота, затем контр-адмирал и Командующий Балтийским флотом. В 1919 г. арестован ЧК по обвинению в контрреволюционном заговоре — умер в тюремной больнице.

6. *Сергей Николаевич Власьев* — капитан II ранга, командир подводной лодки «Акула». В 1920 г. с кораблями Черноморского флота ушел в Марсель. Скончался в эмиграции в Париже.

А. В. Колчак

**КРАТКИЙ ОБЗОР
ИССЛЕДОВАНИЯ МОРСКОГО ПУТИ
ВДОЛЬ СЕВЕРНЫХ БЕРЕГОВ РОССИИ
(1907)**

Северо-Восточный проход морем из Атлантического в Тихий океан может быть подразделен в зависимости от физико-географических условий и степени исследования на четыре крупные части:

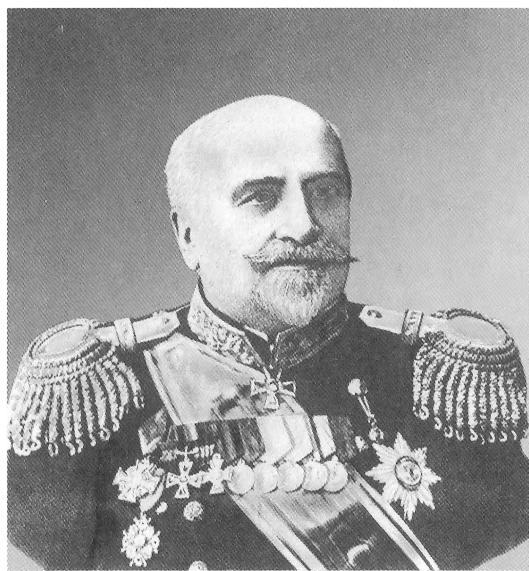
- 1) от Югорского Шара до входа в Енисейский залив, точнее, до порта Диксон, куда входит нижняя часть Карского моря;
- 2) от острова Диксон до Хатангского залива, расположенного у берегов Таймырского полуострова;
- 3) от Хатангского залива до устья реки Колымы вдоль северного побережья Азиатского материка;
- 4) от устья реки Колымы до Берингова пролива.

Первая часть от Югорского Шара до Енисейского залива в настоящее время может считаться практически исследованной. Занимая наиболее благоприятное с точки зрения физико-географической обстановки положение, эта часть пути в последнее десятилетие служила местом гидрографических работ, начатых полковником (ныне генерал-майором) А. Н. Вилькицким. Морской путь на Енисей и Обь может считаться уже имеющим практическое значение, и об этой части Северо-Восточного прохода в смысле его доступности говорить не приходится.

То же самое можно сказать и о крайней восточной части этого пути, расположенной к востоку от устья реки Колымы до Берингова пролива. Эта часть пути ежегодно посещается американскими кито-

Ольга Ильинична Посохова, мать А. В. Колчака

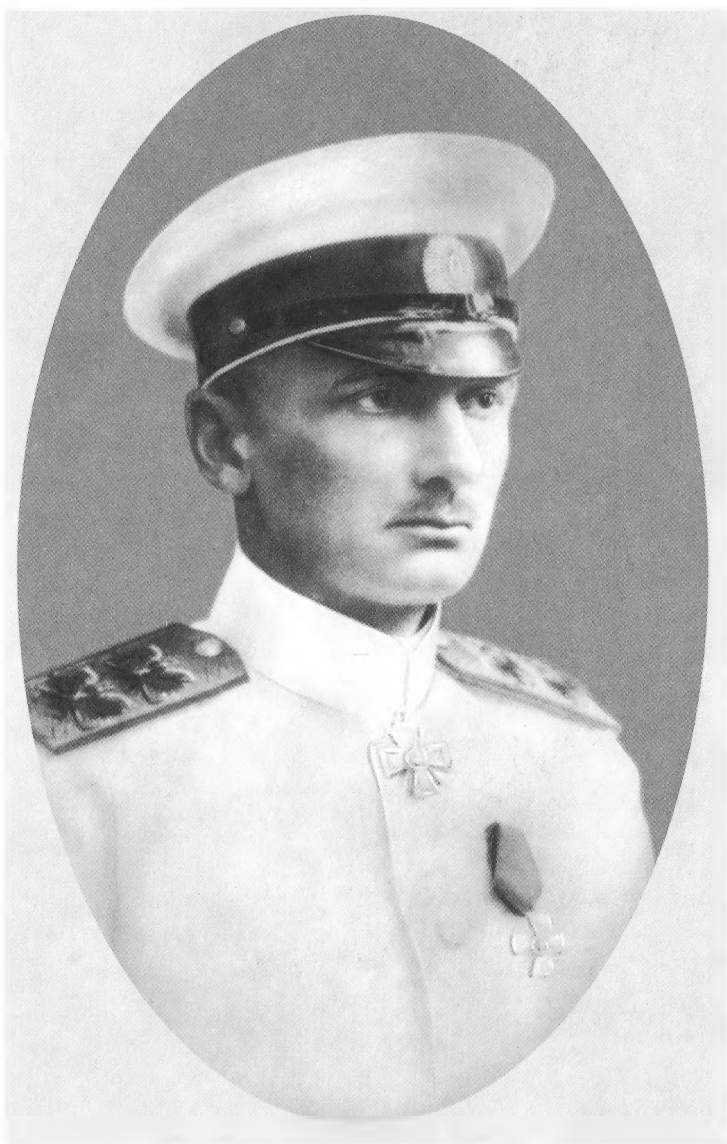
Генерал-майор Василий Иванович Колчак,
отец А. В. Колчака

Контр-адмирал Александр Федорович Колчак,
дядя А. В. Колчака. Умер в Ленинграде в 1926 г.

Корабельный гардемарин Владимир Александрович Колчак,
племянник А. В. Колчака (фото 1915 г.)

Вице-адмирал Александр Васильевич Колчак,
командующий Черноморским флотом. 1916 г.

Анна Васильевна Тимирева. 1915 г.

Здание Морского кадетского корпуса, который в 1894 г. закончил мичман А. В. Колчак

А. В. Колчак на первой зимовке
у западного берега полуострова Таймыр в 1900–1901 гг.

КАРТА
СЬВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ
КАРСКОГО МОРЯ
ОТЪ ОСТРОВА ВИЛЬКИЦКАГО ДО МЫСА МИХАЙЛОВА
(Съверная часть Енисейскаго залива, Пясинскій заливъ
и берегъ Лейтенанта Харитона Лаптева.)
Составлена Лейтенантомъ Колчакомъ.
ИЗДАНА ГЛАВНЫМЪ ГИДРОГРАФИЧЕСКИМЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ
МОРСКОГО МИНИСТЕРСТВА
ВЪ 1906 ГОДУ.
Глубины въ сажняхъ.
Бодовое увеличеніе 1 см. Карты около 6'.
Масштабъ 5 миль въ 2 дюйма или 1:125000.
на среднюю параллель 75° параллели.

Надпись карты северо-восточной части Карского моря,
составленной лейтенантом А. В. Колчаком

Примѣчанія.

Карта составлена: отъ острова Вилькицкаго до мыса Северо-Восточнаго по описи Енисейской экспедиціи Полковника Вилькицкаго въ 1896 г.; южный берегъ Писинской губы и берегъ Лейтенанта Харитона Лаптева по описи Лейтенанта Коломейцева (Русская Полярная Экспедиція барона Толля) въ 1901 г.; означенные пункты юръ берега и острова Пясинскаго залива по описи штурмана Минина въ 1740 г.

Глубины нанесены на основаніи промѣровъ Шведской Полярной Экспедиціи Норденшильда въ 1878 г., Енисейской Экспедиціи Полковника Вилькицкаго въ 1896 г., Норвежской Полярной Экспедиціи Хансена въ 1893 г., Русской Полярной Экспедиціи барона Толля въ 1900 г., а также съ карты штурмана Минина 1740 г. (глубины Минина подчеркнуты) и карту издавную Главнымъ Гидрографическимъ Управленіемъ.

Берегъ Лейтенанта Харитона Лаптева нанесенъ по картѣ Лейтенанта Коломейцева, составленной на основаніи маршрутной съемки, произведенной имъ во время пути по льду на собакахъ съ мѣста 1-й зимовки Русской Полярной экспедиціи на устьѣ рѣки Енисей въ Апрель и Май 1901 г.

Определеніе во время этого пути астрономическіе пункты расположены вблизи берега на льду и имѣютъ приблизительную точность: въ широтахъ $\pm 15'$, а въ долготѣхъ $\pm 4'$. Координаты этихъ пунктовъ взяты съ оригинальной карты Лейтенанта Коломейцева. Наиболее вѣрною является позрѣность въ долготѣхъ, которую надо считать въ астрономическихъ пунктахъ на $3\frac{1}{4}'$ къ востоку противъ показанной на картѣ.

Наибольше сомнительной частью карты надо считать область острововъ Челльманъ и шхеры Минина, съ обширными необследованнымъ заливомъ Минина. Этой районъ имѣетъ характеръ шхеры и многие острова остались не нанесенными на карту, будучи неустойчивы за туманомъ и пасмурностью. Также весьма неопредѣленной является группа Каменныхъ острововъ, число которыхъ по картѣ Минина доходитъ до семидесяти. Положеніе возможныхъ проливовъ, указанныхъ на картѣ, главнымъ образомъ, основано на данныхъ описи штурмана Минина 1740 г., а потому нуждается въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ.

При пользованіи картой надо имѣть въ виду условія съемки и промѣровъ, произведенныхъ Полярными Экспедиціями и потому полагаться вполне на точность и полную описи берега Лейтенанта Харитона Лаптева нельзя.

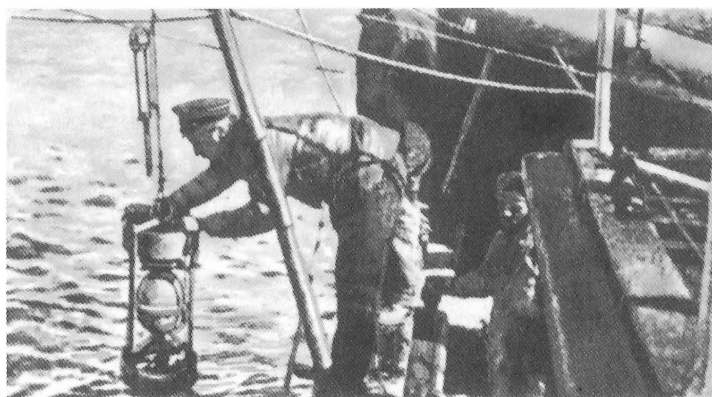
Теченіе въ районѣ до острововъ Челльманъ, повидимому, зависитъ отъ вліянія Енисей и имѣетъ N-е направленіе. Среди острововъ наблюдаются сильныя приливотливныя теченія, хотя высота прилива не превышаетъ $2\frac{1}{2}$ — 3 фута въ сизигіи.

Движеніе льда у береговъ, всецѣло, зависитъ отъ вѣтровъ; шхеры даютъ всегда возможность избѣгнуть напора ледяныхъ полей, при W-хъ вѣтрахъ подходящихъ къ мористой части острововъ и шхеръ. Шхеры въ Августъ свободны отъ большаго наеся льда, въ это время ледъ въ нихъ разбитъ и проходимъ. Шхеры у берега Лаптева вообще мелководны (глубины менше 10 сажень) и, повидимому, имѣютъ много подводныхъ опасностей.

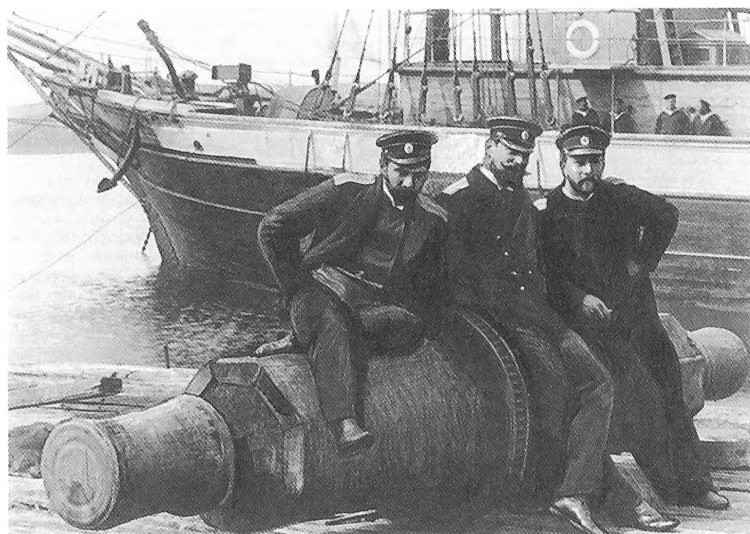
Плавая вблизи берега Харитона Лаптева, вездѣ, гдѣ ледъ допускаетъ, необходимо употреблять Sumbarine Centry James'a или имѣть лотовыя, а также держать наготовѣ секстантъ и хронометръ для наблюденій, пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ для опредѣленія, что иногда не удается по небыльямъ. Рекомендуется обращать особое вниманіе на неподвижныя льдины, обмѣлающія иногда на глубинахъ до 6 сажень и служащія естественными знаками огражденія подводныхъ опасностей. Грунтъ въ шхерахъ и у берега Лаптева вообще хороше: густой илъ или илъ съ пескомъ. На берегахъ много плавника (выкидного леса), но къ северу отъ острововъ Челльманъ количество его постепенно убываетъ. Вѣсѣ берега указанные на картѣ, необитаемы; льдомъ вблизи порта Диксона, на материкѣ случайно можно встрѣтить оленей, а на р. Пясинѣ самопововъ. На южномъ берегу Пясинскаго залива имѣется рядъ развалинъ старыхъ зимовьевъ промышленниковъ; изъ нихъ нанесено приблизительное положеніе зимовья Моржево по картѣ Минина и развалины двухъ зимовьевъ вѣтречныхъ Лейтенантовъ Коломейцевыхъ, съ глазючными планами. Зимовья эти теперь не посѣщаются и никакого значенія для мореплавателей не имѣютъ.

Лейтенантъ Колчакъ.

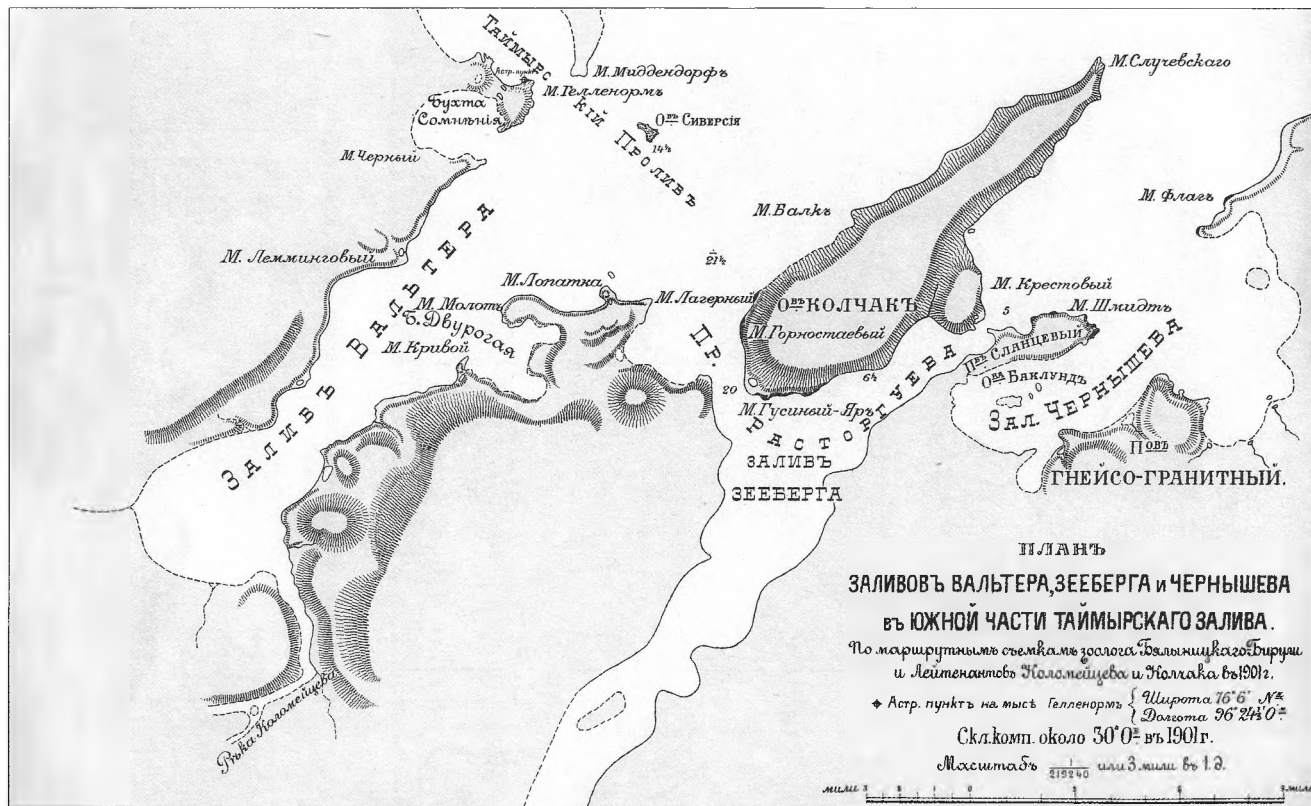
Легенда к картѣ северо-восточной части Карскаго моря,
написанная лейтенантомъ А. В. Колчакомъ

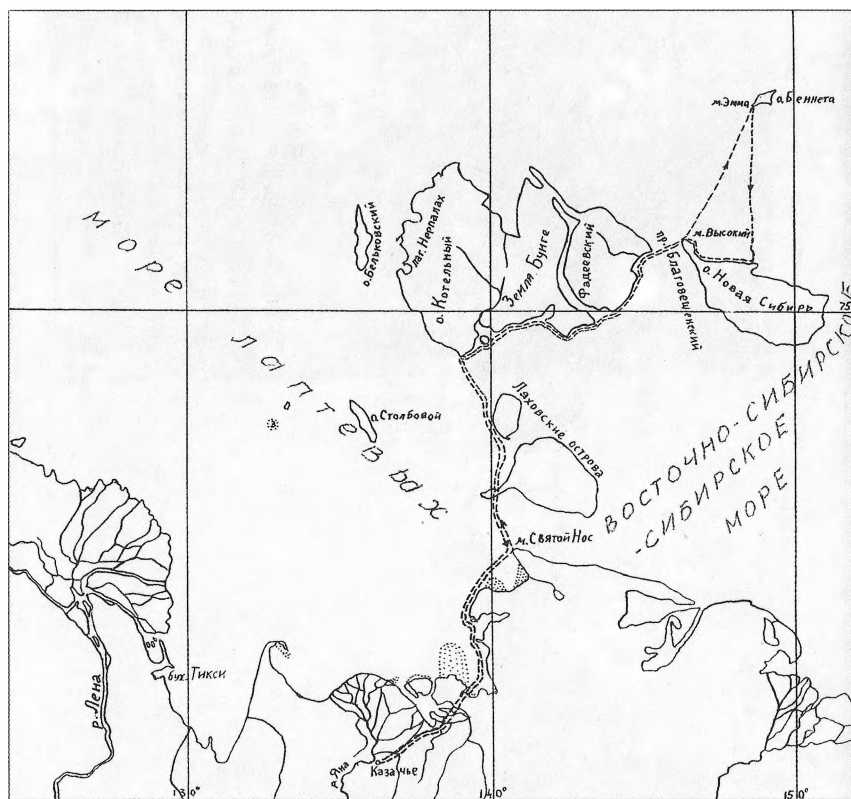
А. В. Колчак на яхте «Заря» работает с батометром

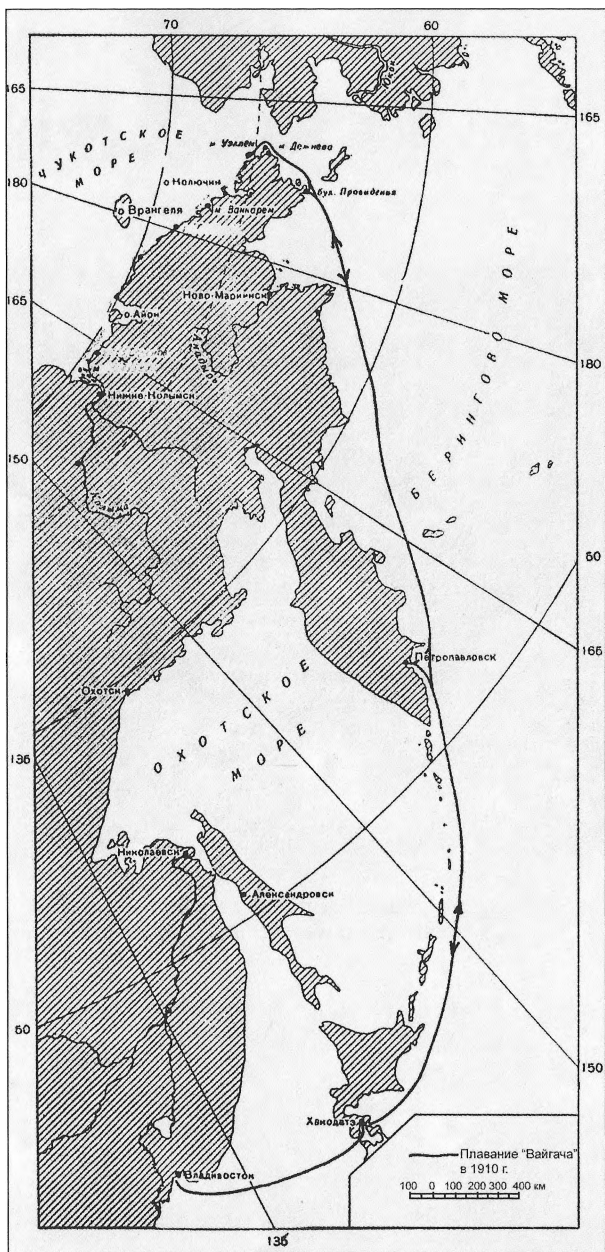
Офицеры яхты «Заря». Слева направо:
А. В. Колчак, Н. Н. Коломейцев, Ф. А. Матисен

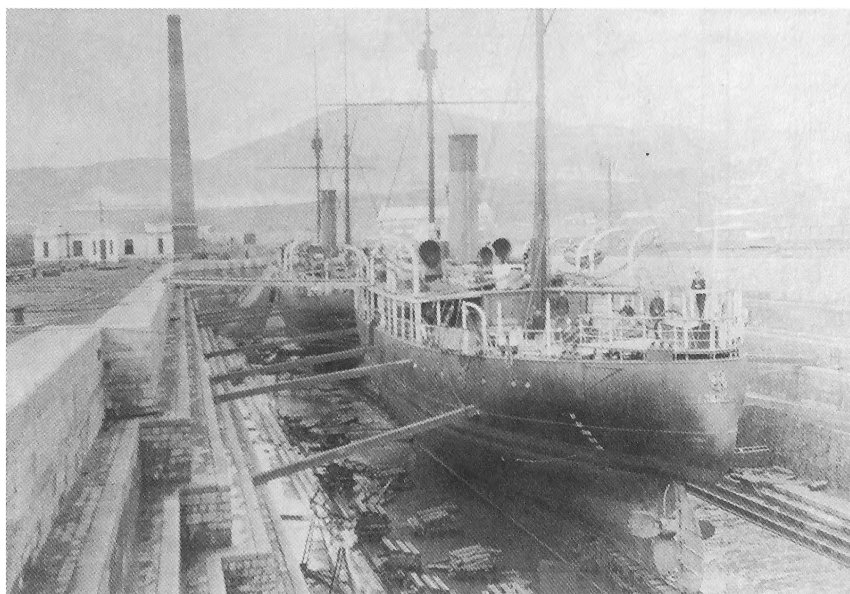
Фрагмент карты северо-восточной части Карского моря с обозначением острова, названного именем А. В. Колчака

Маршрут спасательной экспедиции лейтенанта А. В. Колчака
на вельботе в 1904 г.

Маршрут плавания ледокольного парохода «Вайгач» в 1910 г.

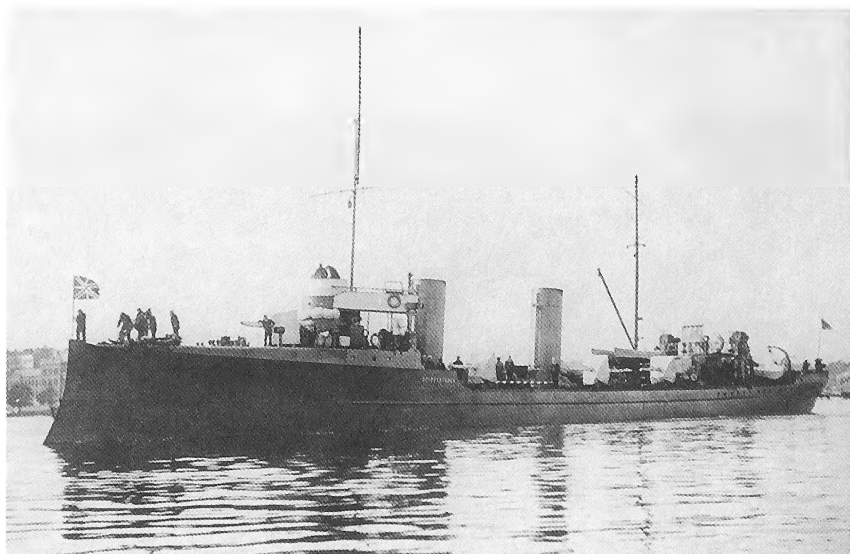
Ледокольные пароходы «Таймыр» и «Вайгач»
в доке Владивостокского порта

ПЕТРОГРАДЪ

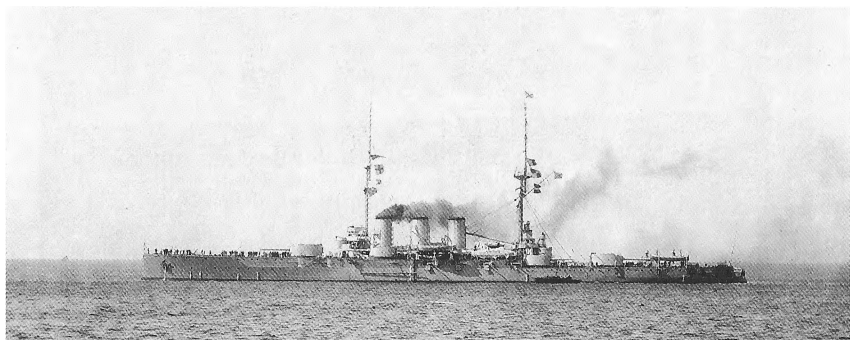
Вас. Оскар. Николаевская Морская Академия
Wass. Oscar. Académie de marine de St-Petersbourg I.

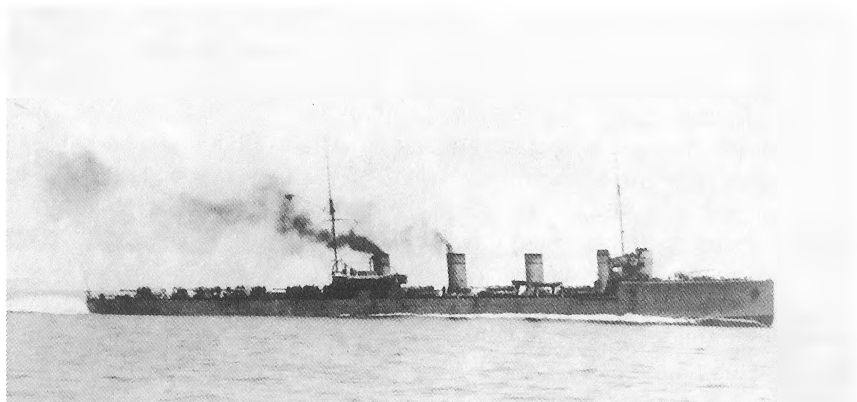
Здание Николаевской Морской академии, в которой А. В. Колчак читал курс лекций по службе Морского генерального штаба

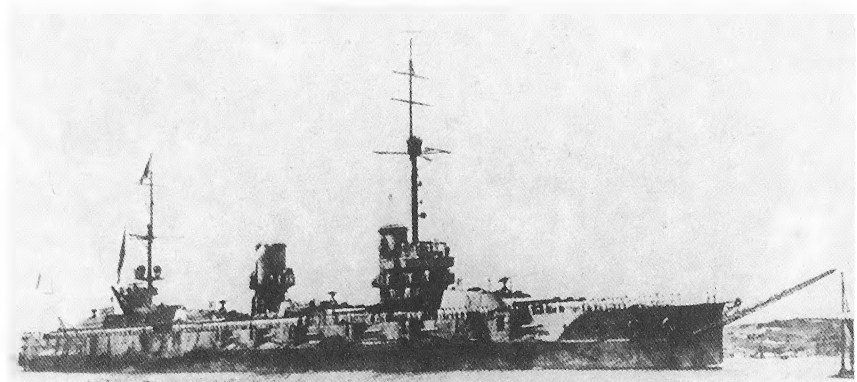
Эскадренный миноносец «Пограничник», которым командовал капитан 2 ранга А. В. Колчак в 1913–1914 гг.

Броненосный крейсер «Рюрик», флагманский корабль командующего Балтийским флотом адмирала Н. О. Эссена, на котором в 1914 – 1915 гг. выходил в боевые походы флаг-капитан по оперативной части штаба флота капитан 1 ранга А. В. Колчак

Эскадренный миноносец «Новик», на котором в 1916 г. держал свой флаг начальник Минной дивизии Балтийского флота контр-адмирал А. В. Колчак

Линейный корабль «Императрица Мария», флагманский корабль командующего Черноморским флотом вице-адмирала А. В. Колчака в 1916 г.

Верховный правитель адмирал Александр Васильевич Колчак. 1918 г.

боями, ведущими хищнический торг с обитателями Чукотской земли, и многие корабли неоднократно доходили почти до меридиана реки Колымы в пунктах, значительно лежащих к северу от берегов.

Остаются две средние части, наименее обследованные и представляющие уже по этой одной причине наибольшие трудности для практической навигации. Настоящая записка имеет целью дать краткий свод тех сведений, которыми мы располагаем для суждения о возможности плавания в этих отдаленных и малоизвестных водах.

Если не рассматривать исследование времен Императрицы Анны Иоанновны, произведенное партиями Великой Северной Экспедиции под общим начальством командора Беринга, то все фактические данные об этих частях Северо-Восточного пути лежат в работах трех современных экспедиций: 1) шведской экспедиции под начальством Норденшельда на яхте «Вега» в 1879 г.; 2) норвежской полярной экспедиции Фритъофа Нансена на шхуне «Фрам» в 1893 г.; 3) русской полярной экспедиции барона Толля на яхте «Заря» в 1900 г., снаряженной Императорской Академией наук.

Из этих экспедиций только одна — шведская под начальством Норденшельда имела своей главной задачей доказать практически возможность плавания северо-восточным проходом. Две остальные преследовали иные задачи: Нансена — открытие полюса, барона Толля — обследование Ледовитого океана в районе к северу от Новосибирских островов.

Экспедиция Норденшельда совершила переход от Югорского Шара до Берингова пролива в одну навигацию, не встретив на пути нигде серьезных препятствий. Зимовка «Веги» вблизи Колочинской губы на Чукотском полуострове не может считаться обусловленной невозможностью совершить этот переход в период навигации, так как Норденшельд для научных работ останавливался во многих местах и зимовка была вынуждена сознательной потерей времени.

Экспедиция Нансена на «Фраме» совершила свой путь с большими препятствиями как в Карском море, так и в Сибирском по восточную сторону Таймырского полуострова, встречая по пути много льда. Вблизи Таймырского пролива «Фрам» был остановлен неподвижным льдом, но попутный шторм устранил эту преграду, и Нансен после недельной остановки продолжил свой путь, обогнул мыс Челюскин, самую северную точку Азиатского материка и, спустившись вдоль берега почти до меридиана реки Оленек, направился к северу, где застрял в лед и начал свой известный дрейф со льдом Арктического океана, продолжавшийся почти три года.

Русская Полярная экспедиция барона Толля в 1900 г. встретила еще большие препятствия; этот год был крайне неблагоприятен в

смысле распространения льда, и яхта этой экспедиции «Заря» вынуждена была пробираться вплотную к совершенно не обследованным берегам западного Таймыра, встречая затруднения со стороны полного отсутствия гидрографических исследований, не меньшие, чем от масс льда.

В том же самом месте, где в 1893 г. был остановлен неподвижным льдом «Фрам», «Заря» встретила перемычку из сплошного льда и за поздним временем, которое ушло на вынужденные исследования неизвестных заливов и проливов, должна была стать на зимовку.

На второй год (1901 г.) «Заря» со вскрытием моря без особых затруднений обогнула мыс Челюскин и пересекла Сибирское море, к востоку от Таймырского полуострова, по параллели гораздо севернее путей Норденшельда и Нансена.

Все три экспедиции были произведены на судах, совершенно не приспособленных для активной борьбы со льдом, со слабыми вспомогательными машинами, и препятствие, которое остановило «Зарю», состояло из узкой ледяной перемычки, шириной менее мили, из слабого годовалого льда, 2–3 фута толщиной, легко преодолимого ледоколом. Эти три экспедиции совершили переход вдоль наиболее северной части Северо-Восточного прохода, от порта Диксон кругом мыса Челюскин, или совершенно свободно, или же встречая препятствия, устранимые современными средствами.

Исследования этих трех экспедиций, особенно последней — барона Толля, совершившей три навигации (в 1900, 1901 и 1902 гг.) в рассматриваемых водах, дали возможность уяснить отчасти физико-географическую обстановку Северной части Карского моря, а также Сибирского, в прибрежной полосе вод которых проходит Северо-Восточный путь.

Огромный Таймырский полуостров с выступающим на север мысом Челюскин, самой северной точкой не только Азиатского материка, но и вообще всех материков обоих полушарий, во многих своих частях, даже прилегающих к морю (не говоря уже о внутренних), представляется настоящей terra incognita, о которой известны только приблизительные очертания берегов, отчасти до настоящего времени основывающиеся на работах сподвижников командора Беринга.

Совершенно не согласуясь с существующими картами, берега западного Таймыра до устья реки, носящей то же наименование, сильно изрезаны глубокими фиордообразными заливами и окружены многочисленными островами, местами принимающими характер пихерных архипелагов (каменные острова, группы Челльмана, Норденшельда и проч.).

Проливы и проходы среди этих островов вообще не глубокие, со средними глубинами около 10–8 сажен, являются случайными открытиями упомянутых экспедиций, не имевших ни задач, ни средств производить у этих берегов какие-либо систематические гидрографические работы. Для того чтобы плавать в этих водах, прежде всего необходимы исследования их, а между тем этот берег кажется скорее благоприятствующим для навигации, о чем будет говориться ниже.

К востоку от мыса Челюскин до Хатангского залива единственным основанием для картографии этой части Азиатского материка являются съемки участников Великой Северной экспедиции времен Императрицы Анны Иоанновны. Последние экспедиции только кое-где приходили на вид этих берегов, стремясь к выполнению иных целей и стараясь использовать свободную воду, которую они неизменно встречали в этой части Северо-Восточного прохода.

От Пясинского залива, от которого к северу начинаются берега Таймырского полуострова, до Хатангского с впадающей в глубине его рекой Хатангой, на Таймыре имеется только одна значительная река — Таймыра, но и та представляется ничтожной по сравнению с могучими потоками пресной воды, впадающими в Северный Ледовитый океан к востоку от Таймырского полуострова, которые начинаются упомянутой Хатангой и кончаются Колымой.

Побережье Азиатского материка к востоку от Таймырского полуострова вообще более обследовано, оно доступнее совершенно не обитаемых и никогда не посещаемых даже кочевниками-иногородцами берегов Таймыра, и к архаическим описям экспедиции Беринга во многих местах присоединяются исследования новейших путешественников. К востоку от Лены до Колымы берега описаны лейтенантом Врангелем и Анжу в 20-х годах прошлого столетия, дельта Лены обследована в 1881 г. экспедицией Юргенса, работы Бунге, Толля, лейтенанта Шилейко, участников Русской Полярной экспедиции в 1900–1903 гг. определили много астрономических пунктов, но гидрографических исследований в точном смысле этого понятия все-таки нет.

Большая часть съемок и определений совершена в зимнее время путем объезда берегов на собаках и оленях, и только линии курсов «Веги», «Зари» и «Фрама» дают кое-где морской промер, являющийся единственным основанием для суждений о рельефе дна Сибирского моря.

Такое состояние гидрографии большей части Северо-Восточного прохода представляет затруднения едва ли не большие для мореплавателя, чем лед, являющийся специфическим препятствием для навигации в широких широтах арктических морей.

Лед, который встречается в Арктическом океане и прилегающих к нему морях, может быть подразделен на два вида: лед океанического происхождения, представляющийся в виде полей в десятки квадратных миль площадью, из многолетнего набивного льда до 30 и более футов мощностью, и лед местного морского происхождения. Первая форма является препятствием, для активной борьбы с которым средств нет, но он и не встречается на длине Северо-Восточного пути, и только у мыса Челюскин можно ожидать появления масс арктического пака, хотя ни одна из трех экспедиций его там не встретила.

Лед, с которым придется иметь дело при плавании вдоль северных берегов Азии, почти исключительно местного происхождения. Лед этот можно подразделять на многолетний и годовалый.

Первый также представляет зачастую трудности, неодолимые самыми действительными средствами, второй дает возможность бороться с ним во время навигации. В прибрежной полосе вод преобладают годовалые и вообще не очень старые формы, в открытом море больше шансов встретить многолетний набивной лед.

Массы пресной воды, стекающей в море в период таяния, способствуют сильнейшему разрушению льдов вблизи берегов и там, где имеются в наличии такие источники пресной воды, как великие сибирские реки, там можно а priori ожидать полной возможности плавания без особых затруднений со стороны льда.

Таймырский полуостров, лишенный больших рек, должен представлять наибольшие затруднения, усугубляемые его крайним северным положением.

Влияние Енисея почти не сказывается даже в Пясинской губе, так как вся масса выносимой им пресной воды направляется на NW в открытое море. Но географические условия на берегах западного Таймыра все-таки скорее благоприятствуют плаванию, чем затрудняют его. Масса островов, местами придающих местности чисто шхерный характер, является как бы естественным ограждением прибрежных вод от многолетних полей, образующихся в открытом море. Правда, проливы и заливы вскрываются позже открытых частей водного пространства, но, раз очистившись от льда, они остаются свободными в то время, когда с мористой стороны островов сплошные поля старого льда делают плавание невыполнимым.

Чтобы пользоваться этими шхерами, конечно, необходимы исследования; до этого навигация в них является практически не имеющей значения.

Выше я указывал на мыс Челюскин как на место, где можно ожидать самых серьезных препятствий: высокая широта этого пункта, близость океанических глубин, отсутствие островов дают основание

предполагать, что при северных ветрах поля льда из области арктического пака могут подходить вплотную к мысу Челюскина. Опыт трех экспедиций не подтверждает этого предположения, хотя и не опровергает его.

В 1901 г. шхуна «Заря», огибая мыс Челюскин, имела на север совершенно свободное море; зыбь, шедшая от НО, как бы подтверждала отсутствие близости льда, который почти и не встречался на всем пути шхуны через Сибирское море.

Обращаясь к части пути, лежащей к востоку от Таймырского полуострова, мы получаем все основания для возможной беспрепятственной навигации.

Ряд огромных рек от Хатанги до Колымы обеспечивает такие массы пресной воды вблизи берегов, что лед если и бывает во время лета в их близости, то не может оказать серьезных препятствий. Даже в 1902 г., крайне неблагоприятном для навигации в Сибирском море, когда граница арктического пака спустилась на юг благодаря упорным ветрам северной половины компаса в прибрежных районах моря не было совсем льда; правда, эти наблюдения относятся к месту, где оказывает влияние первая по величине река Северо-Восточной Сибири -- Лена, но и этот факт в связи с плаванием «Веги» и «Фрама» подтверждает вышеизложенное.

Если мы обратимся ко времени Великой Северной экспедиции в первой половине XVIII столетия, то увидим, что даже при тех примитивных средствах, которыми обладали ее участники, на судах местной постройки, лишенных парового двигателя, были совершены плавания от Хатанги до Колымы; незнание местных условий, отсутствие опыта и связанные с ним ошибки зачастую ставили первых пионеров-гидрографов в критические положения, но, рассматривая их подвиги, видно, что они также указывают на практическое существование водного пути в рассматриваемой области.

При современном положении наших знаний о берегах Таймырского полуострова и северного побережья Сибири к востоку от него трудно сказать, в чем лежат большие препятствия для плавания: в естественных ли условиях или в незнании этих условий. Короткий период возможной навигации, который надо считать не большим 5—6 недель (август и начало сентября), конечно, ограничивает значение Северо-Восточного пути, тем не менее оно сохраняется, придавая государственную важность связанным с ним вопросам, решить которые может только снаряжение настоящей гидрографической экспедиции.

15 января 1907 г.
С.-Петербург

Лейтенант Колчак

А. В. Колчак

**О ПРОИЗВОДСТВЕ
ГИДРОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
СЕВЕРНОГО ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА
ОТ БЕРИНГОВА ПРОЛИВА
ДО УСТЬЯ РЕКИ ЛЕНЫ**

При наличии двух судов, специально оборудованных для плавания в Северном Ледовитом океане, в целях исследования Северо-Восточного морского пути из Атлантического в Тихий океан, имея в виду возможные сокращения кредитов на три проектированные Морским ведомством экспедиции (две морских и одну сухопутную), представляется целесообразным использовать эти суда для выполнения в первую очередь задач, связанных с исследованием Северного Ледовитого океана от Берингова пролива до устья реки Лены, что вызывается наиболее неотложными потребностями настоящего времени.

Вопрос этот был рассмотрен на заседании Совета Министров 7 апреля прошлого года, причем было признано настоятельно необходимым в возможно скором времени связать устья Лены и Касымы с остальными частями нашего отечества как для оживления этого обширного района Северной Сибири, отрезанного ныне от центра, так и для противодействия экономическому захвату этого края американцами, ежегодно посылавшими туда с Аляски шхуны для меновой торговли с прибрежным населением.

При осуществлении этого предприятия с помощью транспортов «Таймыр» и «Вайгач» отпадает главный расход на приобретение специальных судов покупкою, чем в значительной мере сокращается смета сумм, потребных для выполнения этой экспедиции.

Экспедиция для достижения указанных целей и установление постоянных сообщений с прилегающими к Северному Ледовитому океану частями Иркутского генерал-губернаторства потребуют посылки транспортов к Берингову проливу к началу навигации в Северном Ледовитом океане. Эти транспорты, приняв полный запас угля со специально посланного для этой цели судна, используют навигационный период на гидрографические работы в районе от Берингова пролива до устья реки Лены и ко времени прекращения плавания в Ледовитом океане уйдут во Владивосток, с тем чтобы в следующем году продолжать дальнейшие работы по исследованию Северного Ледовитого океана.

Условия плавания в высоких широтах Ледовитого океана требуют специального снабжения судов и необходимости предусматривать возможность вынужденной зимовки.

Вопрос об исследовании в Ледовитом океане непосредственно связан с обеспечением судов запасами топлива, для чего необходимо снабдить посылаемые суда экспедиции полным запасом угля к началу и концу навигации вблизи Берингова пролива.

На основании изложенного представляется на уложение Совета Министров вопрос о снаряжении экспедиции для исследования части Ледовитого океана от Берингова пролива до устья реки Лены и о внесении необходимого кредита в размерах в смету Морского министерства на 1910 год.

А. В. Колчак

СЛУЖБА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА (1912)

Глава 1

КОМАНДОВАНИЕ КАК ИДЕЯ ВОЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В основании учения об управлении вооруженной силой лежит идея единой творческой воли начальника — командующего, облеченного абсолютной властью как средством выражения этой воли.

Идея военного управления есть идея совершенного абсолютизма, вытекающего из сущности военного дела как борьбы, руководство которой не допускает никакого другого начала, кроме начала единой воли и единой власти.

Это основное положение, выражающееся в понятии «командования», как отношение начальника к окружающему, определяется известной формулой: «полная мощь командующему», т. е. полная возможность в отношении всех средств борьбы применить их сообразно своей единой воле. Понятие о единой военной власти проходит через всю историю человечества; в те периоды, когда неизменная борьба, характеризующая всю мировую историю, принимала конкретную форму войны, управление вооруженной силой всегда сосредоточивалось в лице единого начальника или командующего.

Совершенно бессознательно история говорит о войнах и походах Александра Македонского, Цезаря, Суворова, Наполеона, ставя даже понятия о государстве и национальности в этом случае на второе место.

Подразделение или дифференциация вооруженной силы, вероятно, с первых дней ее появления вызвавшее в свою очередь требования организации этой силы, установило и военную иерархию, подчиненную единой высшей власти и известным образом уполномоченную ею в отношении управления своими частями.

Установление высшего командования, вероятно, столь же давнее и естественное, как и сама война, и вытекает из ее сущности. Оно создавалось само собой не только в войнах определенных народностей или государств, но неизменно появлялось и в союзных организациях, где всегда на военное время проводился принцип единой власти.

По мере развития военного дела, а следовательно, и тех условий и требований, которые предъявляло оно и своим руководителям, явилась необходимость сначала со стороны высшего командования, а впоследствии и на других ступенях военной иерархии в особых средствах для управления вооруженной силой, как в смысле рационального ее применения или использования, так и в прямом смысле — распоряжения ее действиями. Каждое проявление воли подразумевает прежде всего понятие о волевом импульсе, выражающееся в идее, основанной на представлении об обстановке (как совокупности всех условий, в которых надлежит действовать), цели, в логической связи между обстановкой и целью, определяющей ряд действий, служащих для достижения этой цели.

Военный замысел как искусство командования

Развитие упомянутой логической связи между военной обстановкой и целью, из которых вытекает представление о последовательности определенных действий, составляет то, что называется военным замыслом.

Искусство высшего, вернее, всякого командования есть искусство военного замысла, — это та творческая работа, которая в силу своей сущности может принадлежать только одному лицу, так как понятие о всякой идейной творческой деятельности не допускает возможности двойственности и вообще участия в ней второго лица.

Итак, военный замысел определяется прежде всего обстановкой, как известным исходным положением для творческой работы начальника или командующего. Я умышленно не говорю о высшем командовании, ибо понятие об обстановке и творческой деятельности в военном смысле является универсальным или всеобщим, независимо от ступени военной иерархии, на которой находится рассматриваемый начальник или командующий; масштабы или размеры этой обстановки и сообразно с нею и творческой деятельности в деле войны крайне разнообразны, но сущность остается одна и та же.

Обстановка или совокупность всех условий для действия

Рассмотрим несколько подробнее вопрос об обстановке как совокупности всех условий, при которых надлежит действовать.

Мы упоминали выше, что обстановка или, точнее, уяснение ее, правильное представление ее является основанием для творческой работы по военному замыслу.

Это представление об обстановке выражается из ее оценки как известном подразделении ее на категории, на части, определении взаимной связи между ее отделами и установлении значения этих отделов или частей с точки зрения достижения поставленной основной цели.

Оценка обстановки, естественно, предполагает ее изучение, начиная от элементарных форм знания и кончая представлениями о внутренней связи между отдельными факторами или условиями, совокупность которых создает обстановку.

Оценка обстановки является по существу функцией командования как «подготовка решения», как основание творческой работы по военному замыслу, неразрывно с ним связанное.

От правильной оценки обстановки непосредственно зависит вся дальнейшая творческая работа командующего, а потому эта оценка должна быть сделана им единолично, как и сама выработка военного замысла.

Вспомнить из стратегии афоризм, что «обстановка есть то начало, которое повелевает», которому подчиняется разум и воля командующего, и в то же время она является основанием всей творческой деятельности начальника в области искусства военного замысла. Понятно само собой представление о необходимости правильной оценки этой обстановки, так как неверное начало определит и ложные действия, даже при условии их последовательности и логичности.

Но обстановка не только повелевает, она зачастую и подавляет обыкновенного человека, особенно в высших проявлениях, своею сложностью, запутанностью, участием воли противника и третьих лиц; военное дело, которое неразрывно связывается со всею жизнью государства или народа, со всеми условиями его существования, начиная с географических и кончая политическими, определяется обстановкой, в которой самостоятельно разобраться и составить верное представление дается в удел очень немногим.

История человечества есть история непрерывных войн — мирные периоды являются только исключениями, а между тем число великих деятелей в области военного творчества — великих полководцев — ограничивается на всю историю единицами. Величайшие полководцы Александр Македонский, Цезарь, Чингисхан, Тимур, Наполеон являются в истории не только как военные деятели, но в то же время и

как устроители, законодатели и организаторы государств, как гении в области самых больших масштабов творчества, доступного человеку.

Подражать их приемам в оценке обстановки и в искусстве военного замысла, конечно, невозможно — война не ждет появления гения военного творчества, будучи явлением самым обычным, самым естественным; жизнь и участь государств решалась зачастую и без великих полководцев, и самый обширный опыт войны уже в отдаленнейшие времена вырабатывал известные формы, облегчающие и способствующие деятельности военного творчества, из которых, применяя слова Наполеона, трудом можно достигнуть того же, что и гениальностью.

Изучение обстановки

Первой и основной функцией командующего мы признали изучение и познание обстановки для составления ее оценки как фундамента по созданию военного замысла.

В самые отдаленные времена требования, предъявляемые изучением обстановки, вызывали создание известных военных организаций, временного или постоянного характера, имевших целью собирание и разработку элементарных сведений по обстановке: о театре военных действий в смысле выбора операционных направлений, о силах и состоянии их у противника и т. п.

Получаемые сведения, имевшие характер результатов военной разведки, поступали в распоряжение высшего командования как элементы обстановки, на основании которых вырабатывались им и соответствующие решения.

С развитием этих организаций явилась естественная необходимость объединения их деятельности определенным лицом или группой лиц, стоящих непосредственно при высшем командовании, на которых легла обязанность представлять высшему командованию сведения об обстановке в более законченном или обработанном виде, чем тот, который могли дать отдельные агенты военной разведки.

Такие организации существовали уже в римских войсках, но особенное развитие получили в блестящую военную эпоху монгольских мировых завоеваний.

Великие монгольские завоеватели, давшие военной истории такие колоссальные образы, как Чингисхан или Тимур, основывали свои военные замыслы на весьма тщательном и детальном изучении обстановки, не стесняясь отправлением целых военных экспедиций, имевших задачей изучить намеченный театр действий и собрать на месте все сведения для основы величайших военных замыслов, которые ставили конечной целью ни более ни менее как завоевание мира.

Я умышленно избегаю давать название этим постоянным органам, стоявшим при высшем командовании в эпоху монгольских завоеваний, я только хочу обратить внимание на факт их существования, тем более поучительный, что одновременное развитие военной деятельности Западной Европы, выразившееся в крестовых походах, не дает никаких указаний на что-либо подобное. Насколько обоснованы были военные замыслы у монгольских завоевателей, настолько же управляемы были «его величеством случаем» руководители западноевропейской вооруженной силы в одну и ту же эпоху.

Можно сказать, что творческая деятельность командующего практически всегда вызывала необходимость предоставления в его распоряжение данных по обстановке, которые в силу непрерывного увеличения сложности и объема определяли потребность в надлежащей их обработке как материала, могущего быть оцененным лично командующим и оценка которого дала бы творческой способности командующего возможность создать военный замысел.

Для этой цели постепенно образовался при высшем командовании орган, носящий постоянный характер с ясно определенными функциями для разработки вопроса по обстановке, который в своей элементарной форме может быть назван **органом военной разведки**.

Оценка данных по обстановке как подготовка решения

Само появление такого специального органа, имевшего чисто вспомогательное значение для командования, составило за последним вторую функцию — оценку данных по обстановке как подготовку решения.

В самые отдаленные времена высшее командование прибегало к вспомогательному органу для оценки обстановки, а иногда и для выбора цели и решения образа действия, известному под названием военного совета, или, говоря языком Петровской эпохи, «консилиума».

Обсуждение или освещение лежит в природе человека — отрицать это, конечно, невозможно. Во все времена у всех народов в военное время собирались и будут собираться военные советы. Не будучи обязательным учреждением для высшего командования, военный совет всегда образовывался по его инициативе в качестве вспомогательного органа, решения которого в принципе никогда не были для высшего командования обязательными.

На практике военный совет иногда представлялся с настолько расширенной компетенцией, что принимал на себя функции высшего командования.

Военный совет вообще имел назначение помочь высшему командованию разобраться в обстановке и способствовать надлежащей ее

оценке, а в такой форме он является вполне законным и естественным, применяемым с отдаленнейших, известных военной истории, времен большинством военных начальников, среди которых полное отрицание военного совета мы встречаем, скорее, как исключение, только со стороны великих вождей — военных гениев.

Военный совет в лице своих членов может пойти и дальше суждений об обстановке и перейти к решениям, т. е. уже войти в сферу творчества военного замысла и тем самым влиять на эту сторону деятельности высшего командования.

Однако при сохранении совещательного характера совета даже и такая его деятельность может оказаться полезной при условии сохранения свободы выбора предлагаемого решения со стороны высшего командования.

Такая форма деятельности военного совета также имела практическое применение во все времена военной истории.

Наконец, как упоминалось выше, военный совет может получить значение инстанции решающей или, в военном смысле, командующей, принимающей на себя роль коллективного органа по выработке военного замысла и выражению его в определенных действиях. Эта форма ложная по существу самого дела, самой идейной творческой работы, нарушающая принципы единства идеи, долженствующей быть выработанной одним лицом, в котором выражается высшее командование, всегда единое и нераздельное. В этом случае высшее командование является фактически подчиненным лицом и теряет тем самым смысл этого понятия.

Существование такого совета указывает на падение военной идеи, является признаком разложения военной мысли и всегда ведет к верному проигрышу и поражению. Классический пример австрийского гофкригсрата достаточно всем известен, и тем не менее не далее как в 1911 г. во Франции серьезно обсуждался вопрос об организации высшего командования в виде коллективного органа из случайных представителей правительства, нечто гораздо хуже гофкригсрата, состоявшего все-таки из военных членов.

Отрицательное отношение к военному совету принца Евгения Савойского, Фридриха Великого, Наполеона, Суворова знакомо, конечно, всем из лекций стратегии. Однако эти великие полководцы собирали военные советы, находясь в критических положениях: Фридрих Великий собирал такой совет под Лейтеном, Наполеон — на острове Лобау в 1809 г. после неудачного сражения под Асперном, Суворов — в Мутенской долине. Но смысл этих советов был совершенно иной, о нем я буду говорить ниже. Пока необходимо заметить, что на упомянутых советах не только не постановлялись решения, но

даже не выяснялась обстановка, которая была известна и понятна высшему командованию лучше, чем кому-либо другому, и советы эти собирались не для вспомогательной деятельности по отношению к высшему командованию, а для разъяснения последним своим подчиненным сущности обстановки, сообщения им уже готового решения (решение Суворова идти на Гларис в Мутенской долине) и морально-го на них воздействия.

Вообще же, переходя к обычной жизненной практике, военный совет с точки зрения военной вполне законен, но при условии, сформулированном Леером, что военный совет не должен решать, а только готовить решения.

Таким образом, собранные данные по обстановке оцениваются высшим командованием или единолично, или при помощи военного совета, ни в каком случае не принимающего на себя каких-либо функций в отношении военного замысла. Далее уже начинается область единоличного идейного творчества командующего, который, исходя из оценки обстановки и основной цели военных действий, должен создать военный замысел.

Мы выше определили военный замысел как логическую связь между обстановкой и поставленной целью, определяющую действия, ведущие к достижению этой цели. С точки зрения конкретной, так сказать, стратегической, военный замысел выражается в виде одной или нескольких операционных линий, понимаемых как идеи ряда подготовительных операций (в буквальном смысле — действий), предшествующих и заканчивающихся главной операцией (решающей).

Я не буду касаться учения об операционных линиях, составляющего отдел стратегии, тем менее я намерен вдаваться в анализ самого идейного творчества, по существу являющегося вопросом психологическим и не имеющим значения для предмета всего сообщения.

Мы примем, что высшее или иное командование выработало военный замысел, и рассмотрим дальнейшие функции высшего командования по реализации этого замысла в определенные действия или операции.

Идея операции (операционная линия), выработанная высшим командованием, определяет собой сами операции.

Для того чтобы выполнять операции, необходимо создать определенные формы действий, установить последовательную связь между этими действиями во времени и пространстве и установить порядок или организацию этих действий в виде определенного **плана операции**. Разработка идеи операции (операционной линии) в план

операции, определяющей последовательность действий для ее выполнения, составляет сущность так называемой **оперативной работы**.

Для перехода от оперативного плана к самим действиям является естественная необходимость в соответствующих распоряжениях, выражающихся в конечной форме определенными приказами. Эту деятельность мы назовем **распорядительной**.

Итак, на высшем командовании лежат функции **оперативные и распорядительные**, общее назначение которых заключается в реализации военного замысла как идеи в конкретные формы отдельных действий. Совершенно так же, как и по отношению к функциям высшего командования по подготовке военного замысла, заключающегося в изучении и оценке обстановки, оперативная и распорядительная деятельность когда-то выполнялась командующим единолично.

Первоначально высшее командование в лице вождя вооруженной силы или полководца вело армию лично, находясь фактически в голове ее, и при решении главной операции — боя — командующие вступали в бой впереди всех. Оперативный план создавался лично командующим, и при указанных условиях говорить об организации распоряжения или управления операциями не приходилось.

Создав военный замысел, высшее командование обыкновенно собирало уже упомянутый военный совет, на котором разъясняло подчиненным свои намерения, свой план образа действий, в который совет иногда вносил свои поправки, и далее военный замысел переходил в действие непосредственно примером и деятельностью командования.

По мере расширения масштаба военной деятельности и появления начала определенной военной организации, являющейся выражением выработанного опытом образа действий, мы видим, что для высшего командования явилась необходимость сначала в органах распорядительных, а впоследствии и в оперативных.

Эволюция военного дела, появление резервов в боевом порядке, авангардов в марш-маневре, наконец, увеличение чисто пространственное походного и боевого порядка определили необходимость в органе, при помощи которого военный замысел высшего командования мог бы претвориться в отвечающие ему действия.

В те времена, когда рыцарская организация вооруженной силы Западной Европы не нуждалась еще в таком органе, когда командующий вел непосредственно свои войска в бой, как магистр Тевтонского ордена под Грюнвальдом в 1410 г., т. е. тогда, когда управления боем почти не существовало, монгольские завоеватели уже ввели организацию резерва, при котором находилось высшее командование,

руководившее боем до того момента, когда военный замысел и вытекающий из него план действия требовали решительного удара, наносимого командующим непосредственно.

Во времена, близкие к упомянутому Грюнвальдскому сражению как примеру боя без управления, мы видим в 1402 г. управление массовыми армиями в Ангорском сражении со стороны величайших военных деятелей той эпохи — Тимура и Баязета.

Эволюция в указанном смысле продолжалась и продолжается непрерывно с общей эволюцией военного дела.

Для управления походным движением и боем при высшем командовании появилась постоянная организация, принимающая непосредственно приказания и передающая их соответствующим частям вооруженной силы для выполнения оперативного плана.

Первоначально эта организация, весьма определенная у монголов уже в XIII в., имела форму ординарческую или даже механическую, как вид связи, и главное значение получила в бою. Следующей формой явилась адъютантская с несколько расширенными функциями, на которой лежали обязанности не только по передаче приказаний, но и по вопросам марш-маневра, исходного движения, расквартирования войск, составления диспозиции и проч.

Оперативная же сторона работы по военному замыслу лежала, вообще говоря, всецело на высшем командовании, и средством сообщения подчиненным инстанциям оперативного плана в виде уже готовых решений был тот же упомянутый выше военный совет. Последний собирался зачастую принципиальными противниками как орган подготовки решения для указанной цели.

Мы выше упоминали о таких военных советах, которые собирали Евгений Савойский, Фридрих Великий, Наполеон, Суворов... В действительности военные советы в Лейтене, на острове Лобау, в Мутенской долине не были «советами» в буквальном смысле этого слова. На них никто не спрашивал и не подавал советов, а это были, скорее, военные собрания, на которых высшие командующие разъясняли свои оперативные, выработанные ими единолично, соображения, отдавали соответствующие распоряжения и оказывали моральное воздействие на подчиненных.

Такая форма оперативной деятельности высшего командования сохранилась даже в эпоху Наполеоновских войн. Этот всеобъемлющий военный гений разрабатывал лично планы операций и диктовал уже готовые решения зачастую в конкретной форме определенных приказаний.

Достаточно вспомнить хотя бы выполнение тактического развертывания армии в виде боевого порядка, устанавливаемого лично

императором, имевшим возможность объезжать поле сражения и руководить боем с какого-нибудь возвышенного пункта, когда принятый им метод действий (например, по внутренним операционным линиям), наконец, условия пространства и времени допускали такую оперативную работу. Военный замысел, выливавшийся в форму идеи главной операции — боя, — самим Наполеоном выражался планом боевого развертывания или диспозицией, и если и была необходимость во вспомогательном органе, то только в виде распорядительной части, ведающей технической стороной передачи приказаний и наблюдений за их выполнением.

Я не буду останавливаться более на этом вопросе. Достаточно элементарного знакомства с системой управления вооруженной силой и руководства боем в эпоху Наполеоновских войн, чтобы уяснить себе на примерах только что сказанное.

XIX столетие составило новую эпоху в методе ведения войны. Явилось учение о войне — стратегия как наука о методах ее ведения. Появление в конце XVIII в. основателя современной стратегии Ллойда положило начало научному военному мышлению. Создались школы, которые я позволю назвать франко-русской с основателем в лице Жомини и выразителем которой у нас явился Леер, и германской с Клаузевицем и Мольтке.

Военный опыт XIX столетия, связанный с научным исследованием, выдвинул на первый план значение подготовки к войне, в деле же ведения войны определил развитие подготовительных операций. Сами операции, выполняемые массовыми армиями при крайне сложных технических условиях, вызвали необходимость огромной оперативной работы, выполнение которой во всем объеме одним лицом явилось фактически невозможным.

Высшее командование, за которым неизменно оставалась разработка военного замысла, должно было получить вспомогательные органы, принявшие на себя обязанность детальной разработки оперативных директив высшего командования в виде планов операций, реализующих военный замысел.

Итак, деятельность командования состоит:

- 1) в подготовительной работе по изучению обстановки как совокупности всех условий, при которых надлежит действовать;
- 2) в оценке этой обстановки;
- 3) в творческой работе по созданию военного замысла, основанного на понятой и оцененной обстановке, определяющей цель и логически связанные между обстановкой и целью действия;
- 4) в разработке военного замысла как идеи в оперативную форму — плана операций;

5) в составлении и отдаче соответствующих распоряжений и приказаний.

Творческая работа по созданию военного замысла является по существу единоличной и принадлежит всецело командующему безраздельно, всякое влияние на нее со стороны вторых лиц является недопустимым, никакой помощи или совместной деятельности в этой работе быть не должно.

Подготовительная работа по изучению обстановки в широком понятии этого слова с очень отдаленного времени вызывала потребность в специальном органе, состоящем при командовании.

Оценка обстановки в принципе должна производиться командованием единолично как подготовка решения. На практике командование всегда прибегало к случайному вспомогательному органу по подготовке решения — военному совету, который ни в каком случае не должен оказывать влияния на последующую единоличную работу командования по созданию военного замысла.

Для осуществления военного замысла является необходимостью в другом вспомогательном органе, состоящем при командовании для выражения этого замысла в оперативную форму, в конечном виде как плана операций, и в органе, ведающем выработкой и технической стороной распоряжений и приказаний. Элементарная форма вспомогательной организации при командовании, следовательно, состоит из частей:

- а) разведочной;
- б) оперативной;
- в) распорядительной.

Эта организация составляет **штаб командования**. Указанная элементарная форма штаба как вспомогательного органа управления (в военном понятии — командования), свойственна не только чисто военной организации, но и всякой другой, в основание которой положена идея борьбы. Промышленные и торговые предприятия, действующие на началах конкуренции, т. е. известной формы борьбы, всевозможные общества, экспедиции, во главе которых находится определенное управление, образуют при последнем вспомогательный орган, основанный на вышеизложенных принципах.

Формальная сторона этой организации может изменяться как угодно, но сущность остается одна и та же, так как она вытекает из функций всякого управления. Разведочная часть получает наименование осведомительной, справочной; оперативная часть встречается в виде административной, организационной или технической; распорядительная часть может быть сорганизована с другой или совсем отсутствовать; могут явиться дальнейшие их подразделения и допол-

нения, но функции управления остаются неизменными вне зависимости от организации.

Единство работы командования и его штаба

Высказанная точка зрения на единство военного управления, понимаемого как «командование», с основанием в виде единоличной творческой работы по военному замыслу определяет и сущность работы штаба как специального вспомогательного органа, деятельность которого всецело ограничивается волею командования. Исходя из положения об идейном творчестве, мы обращали внимание на совершенную недопустимость постороннего влияния на эту сторону деятельности командования, и штаб по своей сущности ни в каком случае не должен ее касаться.

Дело штаба — дать сведения об обстановке в той форме, которая могла бы быть с наименьшим трудом усвоена и использована командованием, и на основании директив последнего разработать оперативный план, составить определенные распоряжения, из этого плана вытекающие, и следить за их выполнением.

Работа штаба поэтому должна являться совершенно лишенной чьей-либо субъективности или индивидуальности — она должна составлять одно целое с деятельностью командования. Штаб есть только средство командования, но ни в каком случае не что-либо самостоятельное, так как уже само представление о штабе как коллективной организации исключает всякую допустимость этой самостоятельности в деле военного управления. Точно так же совершенно несвойственны штабу как военному органу какие-либо функции совещательного характера — его работа должна быть определенной и строго ограниченной свободой творческой деятельности командования. Короче говоря, штаб должен понимать, видеть и действовать во всех случаях так, как его командование. Таково теоретическое положение штаба. На практике мы несомненно встречаем отклонение от этого идеала.

Никакая другая организация не зависит в такой степени от индивидуальности командования, как его штаб, и, с другой стороны, нигде не может сказаться такого влияния, как со стороны работы штаба, на командование.

Действительно, изучение обстановки и предоставление изученного материала в распоряжение командования очень легко может носить отпечаток индивидуальной работы лиц, которые этим делом занимаются.

Установить границу между безличной обработкой материала и его оценкой, всегда тесно связанной с личностью работника, его развити-

ем, его понятиями и проч., очень трудно, а следовательно, всегда возможно влияние этой работы штаба на командование.

Конечно, за последним остается всегда свобода выбора и оценки, но уже сам характер работы по обстановке обыкновенно носит отпечаток индивидуальности его составителя. Так как мы признаем крайнюю нежелательность такого влияния, то является основное требование к штабной работе по обстановке: это возможно объективное и беспристрастное отношение к ней со стороны составителей и выполнение этой работы в определенной установленной форме, дающей ясные ответы на все вопросы, которые могут явиться со стороны командования, исключающей всякую возможность толкования или двойственности.

Точно так же оперативная работа штаба, выливающаяся в конечную форму «плана операции», является как бы выражением операционной линии — результата творческой деятельности по военному замыслу.

Установить определенную границу между идейной стороной операции и конкретным выражением этой идеи в плане весьма затруднительно. Здесь основную роль играет выражение этой идеи, созданное командованием в виде директив или указаний оперативной части штаба.

Понятно, что в зависимости от индивидуальности командующего директивы, исходящие из военного замысла, в зависимости от того, насколько военный замысел разработан самим командующим, могут быть весьма разнообразны: начиная от отвлеченной идеи операции и кончая точными указаниями, сводящимися почти непосредственно к распоряжениям. Поэтому и оперативная деятельность штаба получает весьма неопределенный, в смысле свойства и размера работ, характер. Говоря принципиально, командующий должен дать оперативной части основания плана операций в виде ряда определенных категорических положений, выражающих задания для действия. Оперативная работа штаба выразится тогда в разработке этих оснований в детальный план операций, утверждаемый командованием.

Здесь также может сказаться влияние на командование лиц, занятых оперативной деятельностью, причем вероятность и значение этого влияния будут находиться в прямой зависимости от степени ясности и определенности оснований, которые дало командование, и вообще от достоинства результата работ его по военному замыслу.

Что же касается до распорядительных функций штаба, то они менее других вызывают какие-либо вопросы, так как эта часть штаба является учреждением чисто техническим, деятельность которого легче всего может быть регламентирована.

Из практики военных действий наблюдается неизменное явление: развитие штаба и его деятельности в самостоятельные формы находится в прямой зависимости от личных качеств командования. Чем последнее выше, тем более узкой, более специальной и безличной становится работа штаба, и наоборот. В последнем случае бывали положения, когда штаб являлся не только совещательным органом командования, но изображал и само командование в коллективной, а стало быть совершенно недопустимой с военной точки зрения форме.

Основаниями штабной работы являются следующие положения.

1. Штаб есть вспомогательный орган командования и никаких самостоятельных функций не имеет.

2. Работа штаба должна производиться строго в духе его командования.

3. Работа штаба должна быть по возможности безлична и не носить следов индивидуальности его состава.

4. Работа штаба должна вестись в определенной установленной форме, ограничивающей воззрения личного его состава и ограждающей командование от влияния этого состава на самостоятельную деятельность начальника.

5. Как нельзя регламентировать личность командующего, от которого всецело зависит работа штаба, точно так же нельзя регламентировать совершенно определенно эту последнюю. Единственной нормой штабной работы является свобода творчества командующего по выработке военного замысла, на которую штаб не должен иметь какого бы то ни было влияния.

Развитие вспомогательных органов командования во флоте

До сего времени я старался держаться общей военной точки зрения на командование и его штаб, не рассматривая эти вопросы со стороны военно-морской деятельности.

Во флотах штабные организации определялись гораздо позднее и в более узких формах, чем в сухопутных вооруженных силах.

Если морская война как самостоятельный вид военных действий, совершенно не подчиненных и не связанных с сухопутными, появилась только в конце XVI в., то учение о морской войне, морская стратегия возникли почти на наших глазах.

Общность военных принципов, конечно, сознавалась уже давно, но формулировка их применительно к морской войне является делом последних десятилетий.

Эпоха парусных флотов очень мало дает указаний на развитие органов командования морской вооруженной силой.

В зависимости от особенностей обстановки морской войны и организации морской силы командование до последнего времени имело большую возможность удовлетворяться личной работой по обстановке, в которой упрощался в значительной мере вопрос о местности и его влиянии на ход операций, столь важный в сухопутной войне.

Все вопросы передвижения, базирования, связи, обеспечения операций в период парусного флота были значительно упрощенными, и личный опыт командования достаточно обеспечивал ему все необходимые данные для единоличной выработки военного замысла.

Вопросы разведки точно так же были весьма примитивны и не требовали специальных органов по обработке тех фактических данных, которые получались непосредственно командующим от лиц, несущих разведочную службу.

Как была поставлена организация разведочной службы даже в эпоху англо-французских войн в XVIII и начале XIX в., достаточно указывают факты из Булонской и Египетской операций.

Точно так же, в силу особенностей положения командования морской силой, не представлялось особенной надобности и в специальном органе для осуществления военного замысла.

Присутствие командования в лице адмирала-флагмана, возможность последнего сигналами руководить движениями флота на маршманевре и в первые фазы боевого маневрирования при общей сравнительной медленности передвижения значительно упростили все вопросы по осуществлению военного замысла. Если сигнал не был понят, если обстановка не позволяла его сделать, у командования оставалась всегда в запасе известная формула, понятная всем: «следовать движению адмирала». Эта формула особенно резко подчеркнута одним из величайших морских военачальников, генерал-адмиралом Рюйтером на собрании флагманов и командиров голландского флота перед 4-дневным боем в канале. Рюйтер очень мало касался изложения своего плана ведения боя, он преимущественно старался поднять нравственный элемент командного состава в своем обращении к нему, которое заключил выражением уверенности, что все последуют его примеру.

Появление свода сигналов, непосредственно связанное с установлением известных тактических норм и положений, наконец, общее развитие вопросов по управлению морской силой определили и первоначальные штабы морского командования в виде распорядительного органа.

Мы видим в конце XVI в. появление секретарей при высшем командовании, примером которых может служить всем известный Павел Гост при адмирале Турвиле.

Аналогично адъютантской организации на сухом пути — на море явился флаг-офицерский штаб, с чисто распорядительными функциями, впоследствии расширенными еще и строевыми обязанностями по личному составу.

Воспный совет как вспомогательный орган командования имел то же значение и применение, как в деле управления сухопутной вооруженной силой. Классическими примерами могут служить военные советы, собираемые Рюйтером перед 4-дневным сражением в канале, Нельсоном — перед Трафальгарским боем. Эти советы носили характер собраний, на которых командующие сообщали свои оперативные планы и делали соответствующие распоряжения (Нельсон) или имели целью личное нравственное воздействие на подчиненных (Рюйтер), и гораздо реже собирались для рассмотрения обстановки и подготовки решения (совет перед боем у Лепанто).

Чаще всего ввиду упрощенных представлений об обстановке военный совет собирался на море для выслушивания распоряжений со стороны командования и постепенно вылился в форму собрания флагманов и капитанов, существующую до настоящих дней во всех флотах и имеющую именно характер собрания, а не совета.

До последнего времени в организации командования морской вооруженной силой штаб носил чисто строевой распорядительный характер, оперативная и разведочная части существовали совершенно не дифференцированными и их работа выполнялась одной флаг-офицерской организацией.

Усложнение технической стороны управления вооруженной силой и развитие специальных технических отраслей морского дела обусловили появление флагманских специалистов в штабах в виде флагманского артиллериста, минера, штурмана, механика, врача, а в недавнее время и интенданта. Существование специалистов-техников в штабе флагмана имело своим назначением техническо-хозяйственные функции, сливавшиеся и с учебно-распорядительными по специальностям. Объединение строевой распорядительной части с флаг-капитаном во главе, техническо-хозяйственной и учебной в виде флагманских специалистов производилось в лице начальника штаба, которому морской устав придавал функции заместителя высшего командования данной морской части в случае его смерти или тяжелой раны в бою и вообще в тех условиях, когда нельзя было допустить иной преемственности в главном руководительстве операцией.

Что же касается до оперативных и разведочных функций (понимая под последними всю деятельность, относящуюся к вопросам по обстановке), то они не дифференцировались до последнего времени не только в нашем, но и в других, более организованных флотах.

Они, несомненно, существовали, но только не были регламентированы достаточно ясно и выполнялись или флаг-офицерами, или флагманскими специалистами: оперативные обыкновенно — артиллерийскими, а разведочные — штурманским, у которого сосредоточивались сведения по театру военных действий.

Первое оперативно-разведочное отделение штаба у нас было сформировано в штабе 1-й Тихоокеанской эскадры адмирала Макарова, и только с организацией высшего командования флотами наших морей в 1911 г. и выходом положения о командующих морскими силами оперативные отделения появились при штабах этих последних, причем обе функции — разведочная и оперативная — не были резко разделены, но практически определялись подчинением флагманского штурмана начальнику оперативного отделения как лица, на которое возлагалась, в силу специальности, обработка данных хотя бы по одной из частей обстановки — театра военных действий. В данном случае важна именно не формальная сторона, а сущность подразделения штаба высшего флагмана на оперативную, строевую распорядительную и техническо-хозяйственную, совершенно определенно предусматриваемую последним положением о штабах командующего морскими силами.

Мы не будем пока более подробно разбирать вопросы о флагманских штабах, так как впоследствии мы вернемся к ним при рассмотрении службы генерального штаба во флоте.

Глава 2

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ

Определение термина «генеральный штаб»

В военной организации до настоящего времени нет более неопределенного и неясного вопроса, как положение генерального штаба. До последнего времени под генеральным штабом подразумевали собрание чинов высших войсковых штабов, имеющих назначением быть помощниками строевых начальников при разработке операций и руководстве их выполнением, совокупность лиц, занимающих генеральские должности, корпус офицеров, получивших высшее военное образование и несущих службу в войсковых штабах, причем служба генерального штаба понималась как прохождение службы офицеров этого корпуса, и т. д. До наших дней организация генеральных штабов различных государств имеет свои особенности, что уже само по себе указывает на неустановившийся взгляд на это учреждение.

Основным определением генерального штаба, принятым большинством военных академий, является характеристика Клаузевица: «Генеральный штаб назначается для того, чтобы превращать в приказания идеи командующего генерала, не только сообщая последние войскам, но, скорее, обрабатывая все детали и освобождая самого генерала от этого бесплодного труда».

Такое определение, в сущности говоря, касается части назначения генерального штаба и подходит к каждому штабу отряда, да и то относится только до некоторых его функций. Уже указывалось, что такие функции явились совершенно определенными задолго до появления самого термина «генеральный штаб».

Генерал от инфантерии Бронзарт фон Шеллендорф, профессор Берлинской военной академии, ученик фельдмаршала Мольтке, в своем важнейшем из существующих трудов по службе генерального штаба говорит: «Довольно трудно дать точное определение, какую часть называть генеральным штабом. В некоторых армиях под этим именем подразумевают все штабы. Но везде пришли к необходимости привлечь к разработке так называемых операций часть генерального штаба, специально для того призванную».

Эту часть штаба высшего командования называют в германской армии «Генеральным штабом».

Если мы обратимся к «Энциклопедии военных и морских наук», изданной под редакцией нашего самого выдающегося военного ученого, генерала Леера, то мы найдем там то же определение Клаузевица: «Назначение генерального штаба -- разрабатывать и налагать идеи высших строевых начальников в форме приказов со всеми необходимыми для исполнения деталями; кроме того, генеральный штаб заботится о боевой готовности и материальных нуждах войск, для чего, не вмешиваясь в деятельность специальных органов (интендантских, санитарных и проч.), он должен сообщать им необходимые указания, вытекающие из общего хода военных действий; с другой стороны, генеральный штаб получает от этих органов сведения о степени обеспечения войск соответствующими предметами довольствия и содержит означенные сведения в полноте и подробности, необходимых для общих военных соображений».

Это определение в сущности также мало отвечает разбираемому вопросу, поясняя назначение любого штаба командования, но совершенно не говорит о генеральном штабе как самостоятельном органе.

Можно ограничиться этими определениями, излишне приводить мнение хотя бы других наших военных авторитетов по этому вопросу, которые надо признать совершенно неудовлетворительными.

Достаточно упомянуть, что начальник бывшей Николаевской академии генерального штаба в 1905 г. признал, что у нас нет даже определенно установившегося взгляда вообще на специальную службу генерального штаба и на то, чем должен быть генеральный штаб.

Если мы обратимся опять к генералу Бронзарт фон Шеллендорфу, то на странице 26-й его труда «Служба генерального штаба» мы увидим замечание о расчленении прусского генерального штаба после войны 1813 – 1815 гг. и Парижского мира на «большой генеральный штаб» с определенным начальником во главе, оставшийся в Берлине, и «генеральный штаб армий», под наименованием которого образовался корпус офицеров, получивших назначение при командующих корпусами и дивизиями.

В этой двойственности понятие генерального штаба как «большого», или центрального, учреждения и корпуса офицеров, несущих известные функции в войсковых штабах, и заключается вся неясность и кажущаяся ошибочность вышеприведенных определений Клаузевица, Леера и даже Шеллендорфа, признающего изречение Клаузевица, «посейчас вполне исчерпывающих сущность вопроса, если принять во внимание обязанность генерального штаба со своей стороны непрестанно, по всем направлениям не терять из виду сохранение боевой готовности и здоровья войск».

«Правда, в каждом более крупном штабе, — говорит генерал Шеллендорф, — все жизненные отрасли армии представлены особыми лицами и учреждениями и на их обязанности естественно лежит прежде всего забота о сбережении сил. Но часто эти управления бывают не в состоянии вследствие недостаточного знания общего положения выполнить желаемое. Поэтому на обязанности генерального штаба лежит и здесь действовать возбуждающим и выясняющим образом, посредством сохранения постоянной связи с соответствующими лицами, причем начальник генерального штаба должен тоже стоять связующим элементом во главе всего штаба».

Этой цитаты совершенно достаточно, чтобы понять, что Клаузевиц, а за ним Леер и Шеллендорф говорят о генеральном штабе как о корпусе офицеров, несущих службу в войсковых штабах.

Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о генеральном штабе как центральном учреждении, отвечающем германскому «большому генеральному штабу», вспомним в общих чертах историю его развития.

Не будем вдаваться в детальный разбор возникновения и развития генерального штаба, так как высокоавторитетный труд генерала Шеллендорфа совершенно достаточно уясняет этот вопрос.

Русский генеральный штаб

Учреждение генерального штаба в форме генерал-квартимейстерской у нас относится к царствованию Петра Великого, назначившего первого генерал-квартимейстера, князя Шаховского, в 1701 г. При императрице Екатерине II был сформирован генеральный штаб, в который вошли чины квартирмейстерской части, подчиненный вице-президенту военной коллегии в 1763 г.

Император Павел I упразднил генеральный штаб в той форме, в какой он был преобразован генералом Бауром как самостоятельное учреждение, и затем (через три дня) сформировал его в виде «свиты Его Величества по квартирмейстерской части» с первым начальником ее, в звании генерал-квартимейстера, в лице Аракчеева в 1797 г. Таким образом, при Императоре Павле I генеральный штаб получил и у нас непосредственное подчинение верховному вождю вооруженной силы Империи.

Из дальнейших преобразований необходимо отметить появление в 1914 г. гвардейского генерального штаба, просуществовавшего до 1864 г. Это наименование, впрочем, имело чисто формальное значение как часть «свиты Его Величества для квартирмейстерской службы» со служебными правами старой гвардии.

«Свита Его Величества для квартирмейстерской службы» просуществовала до 1827 г., выделив в 1815 г. еще и «Главный штаб Его Императорского Величества» с начальником князем Волконским, на котором лежали функции высшего руководства квартирмейстерской службой.

«Свита Его Величества для квартирмейстерской службы» с этого времени явилась только наименованием корпуса офицеров, несущих службу генерального штаба и получивших подготовку в частном училище для колонновожатых, первоначально образованном в 1810 г. генералом Муравьевым при Московском университете.

Вскоре по вступлении на престол Императора Николая I «свита Его Величества для квартирмейстерской службы» была преобразована в «генеральный штаб». При этом было выполнено подразделение генерального штаба на «отделение генерального штаба с генерал-квартимейстером» как часть военного министерства с подчинением военному министру и «войсковой генеральный штаб», имевший установленные штаты в штабах корпусов и дивизий.

Военная академия как школа офицеров генерального штаба

Необходимо еще сказать несколько слов о военной академии как высшем военно-учебном заведении, которое почти всегда и везде являлось как бы подготовительной школой для генерального штаба.

Непосредственно в связи с генеральным штабом в 1832 г. по предложению генерала Жоинни у нас была учреждена военная академия, состоящая под высоким руководством начальника генерального штаба, которая получила с 1857 г. наименование Николаевской академии генерального штаба, чем совершенно ясно определялось ее назначение: подготовка контингента офицеров с высшим военным образованием, предназначенного для комплектования генерального штаба.

В 1911 г. Николаевская академия генерального штаба была переименована в Николаевскую военную академию, чем как бы указывалось на расширение ее задач, не только ограниченных потребностями генерального штаба, но определяемых общей необходимостью высшего военного образования для офицеров русской армии, причем сохранилось подчинение и высшее руководство академией за начальником генерального штаба.

Со времени возникновения военной академии генеральный штаб комплектовался исключительно офицерами, окончившими ее курс.

В Пруссии еще в 1810 г. было учреждено Общее военное училище, имевшее целью заменить все ранее существовавшие специальные академии, причем высшее наблюдение за ним поручалось начальнику генерального штаба.

В 1819 г. оно перешло в ведение генерал-инспектора военного образования и воспитания и сохранило эту форму подчинения до 1872 г., при переименовании в 1859 г. в военную академию. В 1872 г. военная академия поступила в непосредственное наблюдение начальнику генерального штаба армии и сохранила это положение до настоящего времени.

Мы ограничимся пока этой краткой исторической заметкой о возникновении и первоначальном развитии генеральных штабов в Германии и России и перейдем к рассмотрению периода, имевшего основное значение для современных генеральных штабов. Этот период определяется 30-летней деятельностью прусского генерального штаба, во главе которого с 1857 по 1888 г. стоял генерал-фельдмаршал Мольтке, справедливо называемый создателем современного генерального штаба.

Фельдмаршал Мольтке как создатель современного генерального штаба

Напомним в нескольких словах биографию этого великого военного деятеля.

Хельмут Карл Бернгард Мольтке родился в 1800 г. в Мекленбурге. Военное воспитание получил в военном училище в Копенгагене, по окончании которого поступил офицером в датскую армию, откуда

в 1822 г. перешел на прусскую службу. В 1835 г. поступил инструктором в турецкую армию, где принял за ее реорганизацию.

Кроме организации турецкой армии Мольтке принимал большое участие в вопросах фортификационных, и под его ближайшим руководством были перевооружены и вновь построены Дарданелльские и Босфорские укрепления. Он лично участвовал в военных экспедициях против курдов и в Сирийском походе во время турецко-египетской войны в 1839 г. В том же году, после смерти султана Махмуда II, по личному предложению которого он перешел в турецкую армию, Мольтке вернулся в Пруссию. В 1848 г. он принял участие в качестве начальника дивизии в Шлезвиг-гольштинской войне 1848—1850 гг. В 1857 г. Мольтке был назначен начальником прусского генерального штаба, в должности которого состоял 31 год до 1888 г. За это время Пруссия провела три победоносные войны: датскую в 1864 г., австро-прусскую в 1866 г. и франко-прусскую в 1870—1871 гг. Эти войны, послужившие превращению Пруссии в Германскую империю, были подготовлены и руководимы самим Мольтке, оставшимся начальником генерального штаба, и победы германского оружия являются победами Мольтке. Территориальные приобретения в виде Гольштинии и Шлезвига, Эльзаса и Лотарингии и объединение Германии связаны с именем Мольтке постольку же, поскольку с Бисмарком и Императором Вильгельмом I.

Имя фельдмаршала Мольтке неразрывно связано с большим генеральным штабом, начальником которого он состоял без перерыва 31 год (1857—1888), и победы Мольтке в то же время являются победами его штаба.

Из этого краткого очерка мы видим, что большой генеральный штаб возник в Пруссии в 1815 г., с 1821 г. он стал независимым учреждением, подчиненным одной верховной власти, и Мольтке был четвертым его начальником. В чем же заключается творчество Мольтке в отношении генерального штаба?

Необходимо вдуматься в те глубокие изменения в военном деле, которые совпали с периодом начальствования Мольтке над генеральным штабом. Достаточно указать на железные дороги, дальнобойное нарезное оружие, признание общей воинской повинности и появление массовых армий, электрический телеграф — все эти факторы коренным образом отразились на стратегии, и та форма стратегии, которая возникла в рассматриваемый период, сохранилась до наших дней, и ее выразителем в войнах 1866 г. и 1870—1871 гг. явился Мольтке, называемый Шлихтингом основателем современной стратегии.

Одновременно с новыми факторами военного дела, преимущественно технического характера, возникла потребность в систематиче-

ской заблаговременной подготовке к войне; эта потребность стала возрастать непрерывно с того времени, когда военное дело стало развиваться в тесной связи с техникой, получившей совершенно новый и необычный прогресс во второй половине XIX в.

До этого времени большой генеральный штаб, являясь штабом высшего командования, имел характер организационно-распорядительный, как и большинство штабов того времени.

Если мы вспомним характеристику назначения генерального штаба, высказанную Клаузевицем, то увидим, что он говорит о войсковом генеральном штабе; большой генеральный штаб носил тот же характер, и о нем Клаузевиц не упоминает вовсе; деятельность большого генерального штаба в мирное время состояла преимущественно в изучении обстановки и в подготовке самого штаба, его личного состава к войне как органа высшего командования, которым неизменно являлся король Пруссии.

Со времени Мольтке значение подготовки к войне заняло первенствующее место, совершенно отличное от предшествующей эпохи, явились новые формы стратегии и явился новый генеральный штаб как орган, имеющий основную задачу в мирное время — подготовку к войне.

Подготовка к войне получила значение не общего места, а как учение о ряде подготовительных операций, заканчивающихся мобилизацией и стратегическим развертыванием как исходным положением для начала военных действий. Мольтке является выразителем этого учения, и его метод, его система практического приложения этого учения, выполнявшаяся большим генеральным штабом, является и до наших дней образцовой. Мольтке не только создал теоретические формы этого учения, обоснованные глубоким пониманием стратегии, но и дал практическое применение им в двух больших европейских войнах, которые доказали справедливость его метода.

Большой генеральный штаб как орган подготовки вооруженной силы к войне

Мольтке не оставил нам определения, что такое большой генеральный штаб. Формы и организация прусского штаба стали известными, и почти все государства приняли их для своих генеральных штабов, но, по-видимому, далеко не все усвоили сущность и работу этого учреждения -- приведенное выше признание бывшего начальника нашей академии генерального штаба в совершенном незнании, чем должен быть генеральный штаб, подтверждает это положение.

Наиболее авторитетный по вопросам службы генерального штаба генерал Бронзарт фон Шеллендорф, бывший у Мольтке долгое вре-

мя в большом генеральном штабе в качестве офицера штаба, а потом начальника отделения, в своем обширном труде почти ничего не говорит о службе большого генерального штаба. Его сочинение трактует преимущественно о службе войскового генерального штаба, о службе штаба в поле, но все, что касается службы центрального учреждения, Шеллендорф обходит молчанием или ограничивается очень неясными и туманными намеками.

Совершенно невольно приходит в голову мысль, что говорить о большом генеральном штабе избегал как его основатель, так и его ученики.

Во время празднования 87-й годовщины дня своего рождения фельдмаршал Мольтке на собрании офицеров берлинского гарнизона сказал: «В будущей войне самую важную роль будут играть стратегия и искусство управления войсками. Наши войны и победы научили наших врагов, и они теперь не уступают нам в числе, вооружении и мужестве. Наша сила будет заключаться в ведении, в командовании, словом, в большом генеральном штабе, которому я посвятил последние дни моей жизни. Этой силе наши враги могут завидовать, но ее у них нет».

Понятно, что Мольтке не желал пояснять сущность той силы, которой враги Германии, по его мнению, не располагали, приведя только неясную характеристику большого генерального штаба как органа командования, т. е. то, чем вообще является всякий штаб, в своей сущности неотделимый от своего командования.

Попробуем, однако, разобрать хотя бы то, что сказал ученик и сорудник Мольтке — генерал Шеллендорф в своем высокоавторитетном труде про большой генеральный штаб как специальный орган, в чем заключается его назначение и цель его существования. На 6-й странице этого сочинения мы читаем: «Большой генеральный штаб, в состав которого входят офицеры генерального штаба, не распределенные по войсковым штабам, обрабатывает под высшим руководством начальника генерального штаба армии подготовку к возможным военным действиям посредством урегулирования движений и перевозок по железным дорогам, занимается изучением и сравнительной оценкой законоположений различных армий Европы, возможных театров военных действий и составлением карт. На его попечении лежат заботы о развитии военных наук, особенно военной истории, и по образованию младших офицеров».

Если мы выбросим совершенно не нужные и ничего не поясняющие слова об урегулировании движений и перевозках по железным дорогам, так как эта частность заведомо не исчерпывает компетенцию генерального штаба по подготовке к войне (на что есть совершенно

определенные сведения по данным части 2-го обер-квартирмейстера нашего главного управления генерального штаба), равно как об изучении и оценке **законоположений** европейских армий и **составлении карт**, чем ведает, как и у нас, особый военно-топографический отдел, состоящий при генеральном штабе, то получим следующее определение: большой генеральный штаб имеет своим назначением: 1) подготовку к войне; 2) изучение обстановки, т. е. вооруженной силы собственной, иностранных государств и театров военных действий.

Еще определеннее говорит Бронзарт фон Шеллендорф на 42-й странице того же труда о служебном распорядке большого генерального штаба, имеющем целью:

1) подготовку в военном отношении германской армии и крепостей, перевозку войск во время мобилизации и «стратегическое развертывание армии»;

2) изучение иностранных армий и флота, обязанность следить за их дальнейшим развитием и наблюдение за военными событиями за границей.

Можно свободно опустить пункт 3-й, трактующий о совершенствовании офицеров генерального штаба, и пункт 4-й — о разработке новейших вопросов относительно крепостей, оружия и орудий как частные и входящие равно и в 1-й и 2-й пункты; пункт 5-й, упоминающий о разработке больших маневров, являющихся поверкой работы по пункту 1-му, а также назначения военно-исторического и топографического отделов.

Здесь подтверждается вышеприведенное назначение большого генерального штаба как органа по подготовке к войне, основанное на изучении обстановки, в которой подчеркнуто изучение вероятного противника.

Если мы внимательнее вдумаемся в эти два пункта, то увидим, что подготовка к войне, составляющая цель работы большого генерального штаба, заканчивается «стратегическим развертыванием армии» как наиболее благоприятным исходным положением для начала военных действий, а пункт 2-й, говоря об изучении вероятных противников, совершенно ясно указывает на военную разведку, названную «наблюдением за военными событиями за границей», под которыми, очевидно, подразумевается **военная деятельность иностранных государств**.

Мы говорим пока о прусском большом генеральном штабе, созданном фельдмаршалом Мольтке, и цитируем его ближайшего сотрудника и ученика Бронзарт фон Шеллендорфа, имея в виду положение прусского большого генерального штаба, послужившего образцом, с которого скопировали все другие государства органи-

зацию (хотя бы только внешние ее формы) своих сухопутных генеральных штабов, по отношению к которым морские генеральные штабы являются только формальными приложениями идеи генерального штаба к военно-морскому делу.

Мы не будем более вдаваться в рассмотрение вопроса о том, что такое прусский большой генеральный штаб, а закончим общей характеристикой его, что большой генеральный штаб **есть специальный орган, ведающий подготовкой вооруженной силы государства к войне.**

В свое время мы рассмотрим в применении к флоту значение и роль генерального штаба **во время войны**, равно как постараемся выяснить службу его в обоих случаях как центрального учреждения, так и со стороны службы генерального штаба во флоте.

Мы также оставим пока положения организационного свойства, которые разберем в дальнейших сообщениях, а теперь перейдем к рассмотрению вопроса, что такое подготовка к войне, так как с уяснением его свяжется непосредственно и понятие о генеральном штабе.

Глава 3

ПОДГОТОВКА К ВОЙНЕ

Универсальность учения о войне в применении к государственной деятельности

Война, принимая классическое определение Клаузевица, есть «проявление насилия с целью вынудить противника исполнить нашу волю».

Будучи, таким образом, одним из средств политики, которая является учением о проведении государственной воли в жизнь, война определяется политической уверенностью в необходимости применения в соответствующем случае силы, связанной с употреблением оружия. Таким образом, политика определяет необходимость и цель применения к определенному противнику вооруженного насилия или, короче говоря, войны.

Война есть одно из неизменных проявлений общественной жизни в широком смысле этого понятия. Подчиняясь, как таковая, законам и нормам, которые управляют сознанием, жизнью и развитием общества, война является одной из наиболее частых форм человеческой деятельности, в которой агенты разрушения и уничтожения переплетаются и сливаются с агентами творчества и развития, с прогрессом, культурой и цивилизацией.

«Война есть приложение к жизни человеческих обществ всемирного закона борьбы за существование, высшее, наиболее яркое проявление принципа этой борьбы», — говорит генерал Михневич в своем исследовании войны как явления в жизни обществ.

«Если история, — говорит он далее, — показывает, что на 13 лет войны приходится один год мира, то война более нормальное явление в жизни общества, чем мир» (Михневич. Стратегия. Том I. С. 90).

Эта последняя фраза является основанием военного мирозерцания, которое рассматривает жизнь человеческого общества как непрерывную борьбу, в которой война является только одной из наиболее частных форм, а мир есть только ее видоизменение.

Понятие о войне неотделимо от понятия о государстве. Если определение Чичерина государства «как групп народов, связанных законом в одно юридическое целое, управляемых верховною властью для общего блага», справедливо с отвлеченной точки зрения государственного права, то с точки зрения военной, основанной на представлении жизни как непрерывной борьбы, независимой от понятия об «общем благе» как цели государственного бытия, государство определится на вид организации общества, наиболее отвечающей задачам борьбы, которой достигается упомянутая цель — общее благо.

Понятие о «всеобщем благе» не имеет практического значения, и в жизни человечества приходится считаться только с теми представлениями, которые определяют существование отдельных единиц, называемых государствами. Огромное различие в условиях и обстановке, в которых создалась и протекает жизнь каждого государства, показывает, что если даже общее благо отдельных народов одно и то же, то пути и способы его достижения не могут быть одни и те же.

Отсюда является понятие о различии интересов, о различии представлений о выгоде, о благе в более узком смысле слова, которые управляют в каждый данный момент жизнью государства и для достижения которых направляется его воля, олицетворяемая понятием «власть».

Приемы и способы осуществления государственной воли для достижения государственного блага составляют сущность политики как учения, в которой война является одним из средств.

Если мы признаем взгляд на жизнь государства как борьбу, то одновременно возникает вопрос, как надо вести эту борьбу с наибольшим успехом для достижения поставленных целей. С этой точки зрения политику можно рассматривать как учение о борьбе в приложении к государственной жизни.

Из принципиальной стороны учения о войне нам известны так называемые принципы военного искусства. В нашу задачу совершенно

не входит их рассмотрение. Будут ли это четыре принципа Клаузевица или двенадцать принципов Леера, их сущность исчерпывается одной военной аксиомой, которую мы позволим назвать аксиомой о превосходстве сил. Чтобы победить, надо быть сильнее противника, и как выполнить эту задачу — указывают упомянутые военные принципы. Принципы эти покоятся на неизменных началах, будучи выражением сущности не только конкретного случая — войны, но и общего представления о борьбе.

Если мы определили политику как учение о борьбе в приложении к государственной жизни, то а priori можно быть уверенным, что принципы войны, как таковые, целиком приложимы и к политике. Совершенно одинаковое значение для политики, как и для стратегии, имеет учение об операционной линии как подготовка цели и выбор направления операции (действия). Этот вопрос очень подробно разобран в работе капитана 2 ранга Макалинского «Наша политика и операционная линия в связи с дальневосточным вопросом», где он, говоря об условии «достижения важной цели», указывает на наибольшие результаты при совпадении операционных линий политической и стратегической по цели и направлению.

Нас очень далеко завело бы дальнейшее рассмотрение этого вопроса. Он не является новым по существу, но чрезвычайно мало распространен. Я напомним, что сочинение основателя современной стратегии Ллойда носит название «Memoires politiques et militaires»; те же идеи высказаны и Жомини в его труде «Аналитический обзор главных соображений военного искусства и об отношениях оных с политикой государства».

Наша задача заключается в указании, что сущность государственной политики покоится на тех же началах, что и военное дело, так как политика является лишь формой основного представления о борьбе, общего в применении к решению государственных задач, достижению стратегических или тактических целей.

Генеральный штаб как государственное учреждение

Отсюда является и военная идея высшей государственной организации, основанной на неизменном военном начале единства власти, вытекающем из представления о единстве творчества замысла государственного или военного. Те же соображения, которые приводились в первой части, когда выяснялся вопрос о сущности военного управления и штаба как вспомогательного органа командования, приложимы целиком и к военной организации государства. Последняя неизменно должна обладать органом, дающим основания по политической обстановке, оперативным органом по выражению едино-

личного государственного замысла в оперативный план и, наконец, исполнительными или распорядительными органами, претворяющими план действия в форму директив, указаний и распоряжений.

Таковым государственным учреждением является германский большой генеральный штаб, непосредственно подчиненный верховной государственной власти в лице императора, начальник которого с государственным канцлером как руководителем внешней политики государства входит в состав императорской главной квартиры или штаба Его Величества, когда Император принимает на себя функции главнокомандующего. Эта форма высшей государственной организации практически применяется в Германии и была испытана в период войны 60-х и 70-х годов, когда верховное управление государством выражалось Императором Вильгельмом I и тремя военными деятелями: в сфере политической обстановки — Бисмарком, в области высшей оперативной работы — Мольтке и в деле организации и создании силы как выражения оперативной работы — военным министром Рооном.

Если политическая жизнь государства есть форма борьбы, то орган внешней политики должен быть создан на военных началах и иметь самую тесную связь с генеральным штабом или соответствующим ему учреждением.

Генерал-майор Борисов в своем сочинении «Работа большого генерального штаба» на странице 9-й говорит: «В Германии руководство общей политикой, имеющей целью достижение государственных задач путем или соглашений, или вооруженной силы, лежало на Бисмарке. Но уже давно создано, что вооруженная сила, чтобы быть пущенной в ход, нуждается в особых специальных условиях, определенных политическими и военными требованиями.

Определение этих условий относится к области военной политики, руководство которой входило в деятельность начальника генерального штаба — Мольтке.

Мольтке все время ориентирует Бисмарка в военном положении Пруссии, сообщает о вооружениях соседей, выясняет военное значение их, настаивает, чтобы объявление войны не опоздало против конца развертывания, и особенно выясняет Бисмарку значение наступательных и оборонительных союзов».

Все сказанное уясняет нам роль генерального штаба как общеимперского учреждения, имеющего неизменную схему вспомогательного органа высшего командования.

Таково значение генерального штаба как государственного, или общеимперского, учреждения.

Подобная форма генерального штаба принята, например, германской, японской государственной организацией, более подробно мы коснемся этого вопроса при рассмотрении устройства генеральных штабов.

У нас существовало государственное учреждение под именем «совета государственной обороны», образование которого имело целью создать орган, подчиненный непосредственно верховной власти, ведающей вопросами военной политики государства. Состав этого совета определяется обязательными членами: министрами — военным и морским, начальниками обоих генеральных штабов, министром иностранных дел и членами по назначению из высших представителей военного и морского ведомств и командования. В силу такого состава совет государственной обороны был лишен специализации и определенного назначения, и хотя основан на правильной идее, но форму получил совершенно не военную. Военный совет никогда не может являться в качестве постоянного органа высшего командования — он всегда имеет временный, совещательный характер; единственная постоянная форма такого вспомогательного органа есть штабная, а не временная — совета. Выше указывалось на истинное значение военного совета и отличие его от штаба командования, и потому не будем вдаваться в рассмотрение этого вопроса.

Совет государственной обороны не был по своей организации военным учреждением, и после нескольких лет существования он перестал функционировать.

Мирное время как период подготовительной деятельности к войне

С общей государственной точки зрения, имея в основании высказанный взгляд на существование государства как непрерывную борьбу, война есть явление чисто эпизодического характера.

С этой точки зрения совершенно безразлично, понесла ли политика государства удары под Мукденом и Цусимой или в течение так называемого мира, как, например, во время недавней аннексии Боснии и Герцеговины. Политика осуществляет свои операционные линии без войны и при ее помощи и может нести победы и поражения в мирное время одинаково, как и в военное.

Сущность остается все-таки неизменной — она сводится к вопросу о реальной государственной силе, безразлично, имеет ли эта сила потенциальный характер во время мира или кинетический в период войны.

Последнее состояние вооруженной силы связывается с расколом ее энергии, не только в отвлеченной, но и в высшей степени конкретной

форме, в виде убыли личного состава, расхода материальной части, финансовых средств и проч. Уже в силу этого война не может быть постоянной, а требует перерывов в виде мирных периодов, когда расходуемая в ней энергия должна быть пополнена.

По выражению германской военной школы, любящей образные сравнения, война должна уподобляться молнии, исходящей из грозовой тучи, а для этого необходима известная работа во времени для накопления энергии, которая называется **подготовкой к войне**.

Итак, период мира с военной точки зрения есть период подготовки к войне.

Являясь предшествующим и последующим войне актом, подготовка неотделима по своей сущности от войны — это есть совокупность действий, которые выливаются в войну, как энергия грозовой тучи в молнию.

Образование этой энергии, равно как и молния, есть явление одного и того же порядка, а потому законы войны являются законами и для подготовки к ней.

Следует обратить внимание на совершенную необходимость не отделять внутреннее содержание деятельности военного периода от мирного, разграничение между которыми является условным, так как война всегда будет продолжением политики и работы мирного времени и обратно, причем формальный переход от мира к войне в наши дни может произойти совершенно неожиданно.

Если с общей государственной точки зрения различие между миром и войной существует только формальное, то тем большее значение имеет этот взгляд со стороны военной деятельности. Поэтому рассмотрим период мира или период подготовки к войне с точки зрения учения о войне.

Подготовка к войне есть военная операция или их совокупность, совершенно такая же, как и всякая другая. Будет ли это постройка боевых судов, обучение ли стрельбе, мобилизация, марш-маневр и проч., это безразлично. Все эти действия являются военными операциями, подчиненными общим военным принципам, как неизменным началом всякой военной деятельности.

В силу этого вся организация военного дела должна быть неизменной и постоянной.

Руководство всякой операцией мы называем командованием как формой военного управления. Как уже указывалось, основанием военного управления является представление о единстве командования, вытекающее из категорического требования со стороны идейной творческой работы по военному замыслу — работы всегда единоличной.

Подготовка к войне как операция должна исходить из единоличной творческой работы высшего командования, которая выражается в основной идее операции — операционной линии, характеризующей операцию по цели и направлению.

Вспомогательный орган этого высшего командования в деле подготовки к войне как операции есть генеральный штаб.

Если только мы признаем правильным этот взгляд на генеральный штаб, то вопросы о его назначении, организации, деятельности и проч. становятся совершенно ясными.

Генеральный штаб есть прежде всего штаб, т. е. вспомогательный орган какого-то командования, военного управления подготовительными операциями, и к нему целиком приложимы те положения, о которых говорилось в первой части, где выяснялись вопросы о сущности командования и штабе как его вспомогательном органе.

Принципы штабной деятельности в применении к генеральному штабу

Выше, при рассмотрении вопроса о положении штаба как вспомогательного органа командования, указывалось на основное принципиальное положение — единство работы командования и штаба. Эта работа должна быть совершенно одина не только по форме, но и по духу и неотделима от единоличной работы командования, как основание и развитие его творческой деятельности по военному замыслу.

В деле подготовительных операций, как и всяких других, руководство ими сводится к военному управлению или командованию. Выше говорилось об универсальности военных принципов, о необходимости отсутствия разделения военной деятельности в зависимости от чисто внешней формальной стороны мирного или военного периода и признания взгляда на период мира как период подготовки к неизбежной и неизменной войне. Отсюда вытекает требование постоянной военной организации тех органов, которые призваны к руководству операциями подготовительного периода командования и его штабу, т. е. высшему начальнику, выполняющему функции командования или управления подготовительными операциями, располагающему вспомогательным органом — генеральным штабом.

В основание работы командования ложится представление о единоличной творческой деятельности по созданию военного замысла, выражающегося в операционной линии как идеи операции.

В деле государственной подготовки к войне как подготовительной операции должно быть положено то же начало. Для выработки идеи операции необходима оценка обстановки как совокупности всех

условий для действия, в свою очередь основывающаяся на изучении и познании этой обстановки, слагающейся из целого ряда отдельных положений и условий. Их изучение и ориентировка командования в этом отношении составляет первую задачу генерального штаба как вспомогательного органа командования.

Второй задачей является выражение операционной линии как идеи операции и директив, на ней основанных, преподанных командованием, в форму оперативных планов, определяющих последовательность по месту и времени отдельных действий, которые должны вести к цели, указываемой операционной линией.

Третьей задачей является уже составление определенных на основании оперативных планов распоряжений и приказаний для непосредственного управления исполнительными органами, на которые возлагается производство отдельных действий, объединенных и согласованных оперативным планом в смысле времени, места и последовательности.

Совокупность этих исполнительных органов образует ведомство.

Ведомство (министерство) как совокупность исполнительных органов подготовительных операций

Задача ведомства определяется выполнением подготовки вооруженной силы к войне, которая слагается из ряда операций; отсюда является естественная организация ведомства, основанная и подразделенная по отдельным подготовительным операциям.

Это теоретическое положение, вытекающее из взгляда на деятельность ведомства, как выполнение определенных военных операций, до некоторой степени существует на практике.

Исполнительным органом по операции создания силы в смысле судового состава является главное управление кораблестроения, по созданию личного состава — главный морской штаб, оборудование театра военных действий является задачей строительной части, обеспечение флота запасами и материалами — главного морского хозяйственного управления, исполнительная часть мобилизации — специального мобилизационного органа главного штаба и т. д. Нет необходимости утверждать, что существующая организация вполне отвечает высказанным положениям, но последнее преобразование морского ведомства, известное под именем «временного положения об управлении морским ведомством», представляет уже значительное приближение к рассматриваемой схеме, к которой ведомство подошло чисто практическим путем.

Наиболее существенное отличие этой схемы от действительной организации заключается в отсутствии у генерального штаба распоря-

дительного органа. Выражение оперативных планов в распоряжения и приказания, на практике выливающиеся в форме докладов генерального штаба министру как высшему командованию, вспомогательным органом которого является генеральный штаб, и утверждаемых министром, в сущности и является распорядительной функцией генерального штаба. Утвержденный министром доклад есть не что иное, как директива министра, являющегося высшим командованием, тем или другим исполнительным органом, ведающим определенной операцией. Можно, конечно, выработать несколько вариантов организации ведомства, но целесообразной из них явится только та, которая будет создана на началах чисто военных, в духе управления как командования, исключаящую всякую коллегиальность, совещательный характер. Органы последнего типа также необходимы и существуют в действительности, но они принципиально не могут быть допустимы в непосредственном деле подготовки флота к войне, которое является рядом военных операций, управление которыми должно быть военным по духу или содержанию.

Положение генерального штаба как органа ведомства

Из всего вышеизложенного мы видим, что генеральный штаб занимает совершенно исключительное положение в организации ведомства, являясь единственной формой органа, лишенного по существу исполнительных функций.

Все вышеизложенное имеет применение к существующему у нас во флоте положению генерального штаба. Говоря выше о генеральном штабе как вспомогательном органе высшего командования, мы неоднократно упоминали о непосредственном подчинении генерального штаба высшей верховной власти, приводя как пример основание организации военного управления Германии.

Непосредственное принятие верховной властью на себя высшего командования вооруженной силой, естественно, вызывает непосредственное подчинение генерального штаба верховной власти и выделение его из состава ведомства. Начальник ведомства (министр) при такой организации высшего командования является только главой исполнительных органов, ведающих отдельными операциями и составляющих министерство или ведомство. Как таковому ему одновременно не является подчиненным и флот, командующий которым также непосредственно подчиняется верховной власти.

Такая форма государственной организации, где верховная власть является непосредственным высшим командованием, как уже говорилось, принята в Германии.

У нас верховная власть, сохраняя наименование верховного вождя вооруженных сил страны, выполняет функции высшего командования посредством министров военного и морского, которым на этом основании подчинены генеральные штабы и непосредственные начальники вооруженных сил, которыми у нас во флоте являются командующие морскими силами.

Совершенно бесполезно для целей этих сообщений вдаваться в разбор той или другой организации. Для вопроса службы генерального штаба практически совершенно безразлично, кто является его непосредственным начальником: верховная власть или лицо, ею уполномоченное. В том и в другом случае служба генерального штаба или выполнение им своих задач остается одной и той же.

Основной функцией высшего командования является выработка идеи операции, идеи плана войны, плана подготовки вооруженных сил к войне как операционная линия, являющаяся созданием единой творческой работы командования. Через какие инстанции эта операционная линия будет дана генеральному штабу для его работы, как работы вспомогательного органа — безразлично. Практически ее должен дать штабу его непосредственный начальник — начальник генерального штаба, как основание всей работы последнего, и вопрос, каким образом он ее выработал или получил, для генерального штаба с точки зрения его службы является вопросом уже иного порядка.

Отношение генерального штаба к вооруженной силе

Наличие генерального штаба определяет существование высшего командования, которому подчинен флот как вооруженная сила. Безразлично, будет ли это высшее командование олицетворяться верховной властью, или уполномоченным ею министром, или кем-либо другим. Командование есть нечто другое, как командование и командующий морскими силами есть лицо, фактически подчиненное у нас морскому министру. Так как последний является главным начальником флота и морского ведомства в силу единоличного подчинения ему генерального штаба, ведомства и флота и, как таковой, дает операционную линию подготовки вооруженной силы к войне (безразлично, вырабатываемую им лично или нет, но во всяком случае санкционированную верховной властью или непосредственно от нее исходящую), то о генеральном штабе как о чем-то самостоятельном говорить не приходится.

Нельзя говорить об отношениях генерального штаба к вооруженной силе, например к флоту, по той простой причине, что таких отношений не существует, а можно говорить лишь об соотношениях

командования, которому подчинен генеральный штаб, к командованию, которому подчинен непосредственно флот.

Необходимо иметь в виду это замечание, чтобы дальше, где будет говориться о генеральном штабе как известном органе и его соотношениях, помнить всегда принцип неотделимости штаба от командования.

Являясь вспомогательным органом высшего командования в деле подготовки пооруженной силы к войне, получая от этого высшего командования основную операционную линию, генеральный штаб разрабатывает и преобразует ее в план войны как план подготовки к ней в смысле создания силы, обеспечения ее деятельности за военное время и определения исходного положения этой силы для начала военных действий в отношении ее состава, места и времени.

Практическое осуществление этих задач свяжется прежде всего с вопросами общегосударственными, совершенно исключаящими влияние на них со стороны какой бы то ни было подчиненной власти; всякое воздействие последней принципиально является недопустимым уже в силу того, что только единая верховная власть является неизменной, всякая другая может быть сменяема и переменяема и является вообще случайной. Подготовка государства к войне не может зависеть от случайного лица, ибо ее тогда просто-напросто не будет и практически при таком порядке ее и осуществить нельзя. Поэтому в деле подготовительных операций к войне, вытекающих из основных государственных задач, характеризуемых высшей операционной линией, командование и вся полнота власти должны принадлежать высшему командованию безраздельно, все остальные степени командной иерархии могут иметь только совещательный голос в тех пределах, которые указываются высшим командованием.

Необходимо иметь в виду, что командующий морской вооруженной силой, равно как и сухопутной, в деле войны и подготовки к ней должны быть объединены высшим общим командованием, ибо с государственной точки зрения морские и сухопутные операции являются лишь формами военных действий, сущность которых сводится к единой операционной линии.

Наличие морской вооруженной силы в каждый данный момент ее жизни и развития образует флот. В период подготовки государства к войне флот выполняет свою подготовительную операцию, состоящую в обучении как подготовке к военной деятельности.

Эта подготовительная операция является единственной прямой задачей вооруженной силы в период подготовки в лице командующего этой силой, который обязан дать операционную линию как основную идею операции обучения.

В деле этой подготовительной операции командующему должна быть предоставлена полная свобода действий, и принципиально высшее командование с генеральным штабом совершенно не должно входить в нее со своим влиянием. Со стороны высшего командования командующий морскими силами должен получить такую же высшую операционную линию, которая преподается им своему вспомогательному органу – генеральному штабу – и которая ложится в основание всех подготовительных операций как характеристика их по цели и направлению.

Таким образом, в принципе совершенно определяются функции генерального штаба как органа высшего командования в деле управления определенными подготовительными операциями и функции командования вооруженной силой и его штаба как органа командования, имеющего целью обучение и использование во время войны этой силы.

Вопросы о взаимоотношениях генерального штаба с флотом есть по существу вопрос о взаимоотношениях тех командных лиц, которым непосредственно подчинен генеральный штаб, с одной стороны, а с другой – вооруженная сила. Принятый в Германии способ непосредственного подчинения генерального штаба и флота верховной власти есть одно решение этого вопроса, подчинение генерального штаба и флота верховной власти посредством особого уполномоченного лица есть другая форма, принятая у нас.

Уже из одного содержания этой формы ясно, что появление какого-либо трения в вопросах компетенции, влияния и специализации между генеральным штабом и вооруженной силой знаменует неправильное функционирование одного из этих органов.

Таково отвлеченное теоретическое положение вопроса о генеральном штабе как органе высшего командования по отношению к флоту.

Оба органа имеют свои определенные задачи: подготовка как создание вооруженной силы является основанием работы генерального штаба, подготовка как обучение для использования этой силы есть основание работы штаба командующего морскими силами.

Оба положения, создание и использование вооруженной силы, находятся в неразрывной между собой связи, провести определенную границу между ними на практике, конечно, невозможно: военные действия как использование силы выливаются непосредственно из подготовки, как выливается вода из содержащего ее сосуда, и возникает естественный вопрос, где же лежит граница компетенции генерального штаба в отношении вооруженной силы и обратно.

Решение этого вопроса, который в сущности состоит в определении компетенции высшего командования, которому подчинен гене-

ральный штаб по отношению к непосредственному начальнику вооруженной силы, зависит от ясного определения подготовительных операций в смысле использования этой силы.

Необходимость связи морского генерального штаба с генеральным штабом армии

С общей государственной точки зрения разделение военных действий на сухопутные и морские представляется чисто формальным.

Единство высшей государственной операционной линии, которой определяется война по цели и направлению, делает совершенно безразличным для этих задач практическую сторону их решения.

Вооруженные силы страны — армия и флот — должны иметь общую, объединяющую их деятельность цель, основную операционную линию и вытекающее из этого положение единое верховное командование. Это командование на общих основаниях должно располагать вспомогательным органом, который в военный период носит название «главной квартиры». Организация этой «главной квартиры» входит в задачи подготовительных операций (см.: Леер. Организация армии. Отдел 2-й, подготовительные операции, стр. 2-я), и при высказанном ранее взгляде о необходимости постоянства организации «главная квартира» должна существовать в той или иной форме и на мирное время. Практически она осуществляется подчинением верховной власти генеральных штабов, как это принято в Германии, начальники которых входят в состав главной квартиры в военное время (как, например, Мольтке в последних прусских войнах). Точно так же была образована «главная квартира» у японцев в минувшую войну, где в ее состав входили начальники обоих генеральных штабов, подчиненные и в мирное время непосредственно верховной власти.

Во всяком случае назначение единого верховного командования совершенно неизбежно, будет ли оно образовано с объявлением войны или же сохранит форму, уже принятую в мирное время. Не вдаваясь в вопросы об организации главной квартиры, следует обратить внимание на необходимость установления так называемых «совместных действий» вооруженной силы страны — армии и флота, понимаемых не в смысле частных операций, к которым этот термин обычно прилагается, как, например, десантная операция, осада приморской крепости и проч., но в высшем стратегическом понятии.

Раз мы признаем необходимость «совместных действий» армии и флота, то их, конечно, придется распространять и на подготовительные операции. По отношению к последним «совместные действия» должны выражаться в согласовании подготовительных операций, например, по времени, а в вопросах стратегического развертывания —

и по месту. Операция сосредоточения или развертывания вооруженной силы, в основание которой должна быть положена единая операционная линия, должна быть по существу операцией, строго согласованной в отношении армии и флота. Понятно, что если развертывание армии не обеспечивает со стороны суши развертывание флота, и наоборот, обнажая, например, пути развертывания, то самая операция становится небезопасной и не удовлетворяет основным требованиям стратегии. В принципе чрезвычайно важно, чтобы момент начала военных действий совпал бы с окончанием развертывания вооруженной силы, а следовательно, здесь необходимо строгое согласование этих — морской и сухопутной — операций по времени, а так как развертывание неразрывно связывается и с прочими подготовительными операциями, то является потребность общего согласования их как единой подготовки государства к войне.

Достигнуть этого возможно только при наличии внутренней связи обоих генеральных штабов, их совместной работы, особенно важной при неопределенном положении вопроса с «главной квартирой», которая формируется у нас только с объявлением войны. Совместная деятельность обоих генеральных штабов только и может удовлетворить требованию единства высшего командования по управлению совместными действиями армии и флота в военное время, вытекающими из подготовительных операций, значение которых Леер определяет известной формулой, которой позволительно дать общее значение: «Вооруженная сила, проигравшая войну, проиграла ее до начала военных действий».

Подготовка государства к войне

Заканчивая этот краткий обзор подготовительных операций как области деятельности генерального штаба, мы коснемся в нескольких словах подготовки государства к войне в более широком смысле этого понятия, чем только в непосредственном приложении его к вооруженной силе.

Современное положение государства исключает возможность даже условного ограничения подготовки к войне как специальной деятельности вооруженной силы.

В настоящих войнах все государство во всех отраслях его жизни так или иначе принимает участие в вооруженной борьбе с другими государствами.

Война предъявляет государству требования, гораздо более широкие, чем только подготовка вооруженной силы. Она также требует

создания от государства сил, средств и исходного благоприятного для него положения в более общем значении этих понятий.

С этой точки зрения государство, готовясь непрерывно к войне как способу осуществления своей воли в достижении определенных целей, должно создать силу в виде физически и морально здорового населения, проникнутого идеей государственности и признанием превосходства государственных общих задач над личными целями и выгодами.

В этом состоит задача государственного воспитания и образования, в которые должны быть введены основания военного начала, военного духа.

Экономические основания, на которых теперь создается государственная жизнь, являются первоисточником средств для подготовки государства, не только в смысле военных подготовительных операций, но и в отношении обеспечения военной деятельности вооруженной силы в период войны.

Этот период несомненно вносит глубокие изменения в народное хозяйство, во все его отделы, вызывая иногда положения, не только косвенно способные отразиться на деятельности вооруженных сил, но и непосредственно повлиять на отношение государства к войне, а следовательно, и тем целям, которые ею преследуются.

Война, как говорит д-р Фелькер в своем «Исследовании народного хозяйства Германии в случае войны», является с национально-экономической точки зрения хозяйственным кризисом.

Война уменьшает производительность, препятствует обмену товаров и является прежде всего могущественным фактором потребления или уничтожения экономических средств и имущества, расходом капитала и рабочей силы. Война, сокращая производство, но в то же время заставляя капитал напрягать все свои силы, тем самым нарушает экономическое равновесие.

Здесь возникают вопросы чисто финансовые, вопросы производства, товарообмена, вывоза и ввоза. Удары, наносимые войной на эти стороны государственной жизни, могут оказаться более тяжкими, чем истребительные бои на театре военных действий, решающие военные операции.

Поэтому государство должно вести свою подготовку к войне, как финансовую в смысле создания известного фонда для непосредственного ведения войны, так и хозяйственную для удержания неизбежного экономического кризиса от поражения в критическое положение или бедствие.

Наконец, в смысле благоприятного исходного положения государства в отношении обстановки, позволяющей государству сосре-

доточить все свои силы на театре войны, необходимо создание определенной политической конъюнктуры. Последняя задача получает более чем когда-либо в настоящее время первенствующее значение при возможности возникновения коалиционных войн и относительно малой вероятности войны в виде единоробства двух каких-либо держав.

Эти вопросы, составляющие предмет внешней политики, теснейшим образом связаны с военной политикой, непосредственно базирующейся на состоянии вооруженных сил государства. Из этого состояния вытекают представления об опасном, а потому нежелательном противнике и могущественном, а следовательно, желанном союзнике, которые ложатся в основание всех политических комбинаций.

Отсюда совершенно ясна связь между подготовкой вооруженной силы государства с общей его подготовительной деятельностью к войне и необходимость известного согласования отраслей этой деятельности, хотя по общему элементу времени.

Все эти вопросы не составляют непосредственно предмета занятия генерального штаба. Они, скорее, относятся к прямой деятельности начальника генерального штаба или высшего командования, которому подчинен генеральный штаб, но так как последний является его ближайшим вспомогательным органом, то генеральный штаб может быть привлечен к известной работе в деле общей подготовки государства к войне, хотя эта работа и не может быть точно регламентирована.

Глава 4

МОРСКОЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ

Образование Морского генерального штаба в России

Если высказанный афоризм, что «военная сила, проигравшая войну, проиграла ее до начала военных действий» и может возбудить некоторое сомнение в смысле общего значения, то справедливость применения его к миновавшей войне не составляет вопроса.

Война была проиграна прежде всего потому, что о ней никто не думал и никто не готовился.

Вопроса о подготовке к войне не было вовсе — равно как и не существовало никакого плана войны.

В 1905 г. 10 декабря, т. е. тогда, когда последняя война уже стала историческим фактом, лейтенантом Щегловым была представлена морскому министру работа под наименованием «Стратегический

обзор русско-японской войны», в которой детально была разобрана обстановка, определенная полным отсутствием в нашем флоте какой-либо подготовки к войне, и вытекающая из этого положения необходимость создания специального органа, который ведал бы этой подготовкой, — генерального штаба.

В своих дальнейших работах по этому вопросу, образовавших труд под наименованием «Значение и работа штаба на основании опыта русско-японской войны», лейтенант Щеглов выяснил детально организацию Морского генерального штаба, как штаба высшего командования с выделением его из состава Морского министерства и подчиненного непосредственно верховной власти, наравне с командующим морскими вооруженными силами.

По схеме лейтенанта Щеглова Морской генеральный штаб состоял из двух отделов: 1) стратегического и 2) мобилизационного.

Первый подразделялся на отделения: а) оперативное; б) русской статистики; в) иностранной статистики; г) архивно-историческое.

Второй состоял из: а) отделения личного состава и б) отделения материальной части.

Отделения стратегического отдела в свою очередь подразделялись (кроме архивно-исторического) по трем нашим морским театрам: а) Балтийскому, или Северному; б) Черноморскому, или Южному; в) Тихоокеанскому, или Восточному.

При стратегическом отделе состояло особое разведочное бюро, на которое возлагалась тайная разведка.

Комплектация Морского генерального штаба определялась лейтенантом Щегловым из одного адмирала (начальника), 10 штаб-офицеров и 30 обер-офицеров.

Таковы были соображения, которые легли в основание учреждения Морского генерального штаба.

Высочайшим рескриптом, данным на имя морского министра 24 апреля 1906 г., было учреждено Управление Морского генерального штаба, наименование, принятое по аналогии с управлением генерального штаба армии, и в именном Высочайшем указе Правительствующему Сенату от 5 июня 1906 г. Управление Морского генерального штаба именуется уже Морским генеральным штабом.

Существеннейшим отличием этого штаба, от предлагаемого лейтенантом Щегловым, являлось положение Морского генерального штаба как учреждения, входящего в состав Морского министерства, с вытекающим отсюда подчинением начальника Морского генерального штаба непосредственно морскому министру, с предоставлением ему права личного всеподданнейшего доклада в присутствии морского министра, согласно вышеприведенному Высочайшему рескрипту.

Соответствующий приказ по Морскому ведомству, определивший первоначальную схему и состав Морского генерального штаба, был дан от 29 апреля 1906 г. за № 157.

Организация Морского генерального штаба первоначально выразилась следующим образом.

Морской генеральный штаб состоял из трех оперативных отделений, соответствующих трем морским театрам, отделений русской статистики, иностранной статистики и исторического. Мобилизационной части не было образовано, и она осталась при главном морском штабе. Причиной этого, по крайней мере формальной, явилось преобразование «стратегической части Главного морского штаба и связанной с ней организационной части мобилизации флота» в Морской генеральный штаб, согласно Высочайшему рескрипту от 24 апреля 1906 г. Таким образом, мобилизационная часть Главного морского штаба сохранила свое положение, выделив в Морской генеральный штаб только вопросы организационного характера, сохранив исполнительные функции по производству мобилизационных расчетов и соображений.

Первоначальный личный состав Морского генерального штаба состоял из начальника, помощника его (штаб-офицера) и 16 штаб- и обер-офицеров.

Дальнейшие преобразования в организации генерального штаба происходили путем внутренних распоряжков и определялись потребностями, вытекающими из характера работы штаба и его положения как одного из центральных учреждений Морского министерства.

С первых дней своего существования вновь учрежденный Морской генеральный штаб встретил необходимость огромной организационной работы. Вопросы организационные, строго говоря, не входят в круг прямых обязанностей и задач генерального штаба, но так как они являются основанием всякой деятельности и организация по существу определяет работу каждой исполнительской части, а исследования по русской статистике скоро выяснили полное отсутствие правильной организации как ведомства, так и флота, то мало-помалу отделение русской статистики вылилось в форму организационно-мобилизационной части, причем мобилизационная сторона дела сохранила исключительно организационный характер, русская же статистика была распределена по оперативным отделениям. В таком виде внутреннее устройство Морского генерального штаба сохранилось до настоящего времени.

Здесь приводится этот краткий фактический очерк создания и организации Морского генерального штаба, совершенно не имея в виду критическое наследование тех форм внутреннего устройства штаба, о

которых сообщалось выше, так как подобная задача совершенно не может быть выполняема в сообщениях по службе генерального штаба, которые должны быть совершенно академическими.

То или иное внутреннее устройство Морского генерального штаба будет принято, генеральный штаб как учреждение, носящее это наименование, имеет свои цели и должно выполнять известную работу — работу генерального штаба, и вести определенные функции, в совокупности называемые службой генерального штаба.

Теоретическая организация Морского генерального штаба

Итак, генеральный штаб есть прежде всего вспомогательный орган высшего командования, которому он непосредственно подчинен. В существующей организации нашего морского ведомства такое командование является в лице морского министра.

На морского министра ложатся функции главного начальника флота и морского ведомства, хотя и не редактированные в существующем положении, но тем не менее сохранившиеся во всем объеме, путем единоличного непосредственного подчинения морского министра верховной власти и фактическому подчинению морскому министру всего флота и ведомства.

Штабами при высших командованиях состоят генеральные штабы как его вспомогательные органы в деле выработки оперативных планов, подготовки вооруженной силы к войне как ряда определенных подготовительных операций.

Так как вся деятельность флота и морского ведомства в мирное время является совокупностью подготовительных операций, то на генеральном штабе лежит обязанность ориентировать и предоставлять все необходимые данные высшему начальнику по обстановке как совокупности всех условий для деятельности в таком виде, чтобы начальник мог дать надлежащую оценку этой обстановке и создать идею подготовительных операций, или идею плана подготовки к войне (операционную линию), выразив ее в виде оперативных директив, сообщаемых Морскому генеральному штабу.

Далее на генеральном штабе лежит обязанность разработать эти оперативные директивы в оперативный план, иначе называемый планом подготовки к войне или планом войны.

Работа генерального штаба, как сказано, распадается по существу на две части: а) по изучению обстановки как совокупности всех условий для деятельности и б) по собственно оперативной работе.

Этими двумя отделами, в сущности, исчерпывается вся деятельность и назначение генерального штаба.

Всякая другая работа не есть работа генерального штаба, она условно может существовать **при нем, но не в нем** как в генеральном штабе.

Всякая организационная, распорядительная, административная и техническая деятельность должна быть в принципе изъята из генерального штаба, так как для этой цели должны существовать специальные органы.

Если мы примем вышеприведенные положения, то организация Морского генерального штаба является совершенно определенной и ясной.

Отдел штаба по изучению обстановки в силу различия свойств и методов работы распадается на три отделения:

- 1) ведающее изучением вероятных противников, или отделение иностранной статистики;
- 2) ведающее изучением собственных сил, средств и ресурсов, или отделение русской статистики;
- 3) изучающее обстановку с исторической точки зрения, или отделение военно-историческое.

В свою очередь отделение иностранной статистики в силу различия приемов изучения и наследования вероятных противников разделяется на две части: а) разведочную и б) военно-статистическую. Оба статистических отделения должны быть еще подразделены в силу физико-географических условий обстановки на три театра*.

Оперативная часть или отдел Морского генерального штаба должен быть подразделен на отделения по трем театрам, как это было принято при учреждении генерального штаба.

В принципе, также желательно разделение военно-исторического отделения по трем главным театрам, но если детально разобрать деятельность военно-исторического отделения как органа Морского генерального штаба, дающего ориентировку обстановки со стороны исторического опыта, то, быть может, наиболее правильным явится подразделение военно-исторического отделения на две части:

- 1) обрабатывающую опыт современных войн;
- 2) занимающуюся документальной разработкой по архивным материалам прежних кампаний.

Такое подразделение существует в большом генеральном штабе в Германии, и надо думать, не без серьезных оснований, принимая во внимание различие приемов и методов в работе по этим двум делам.

* Этот вопрос в отношении русской статистики требует более детального рассмотрения; практика как бы давала указание на большее удобства подразделения русской статистики не по театрам, а по специальным отделам самой военной статистики.

Связь организации генерального штаба с организацией министерства

Необходимо иметь в виду, что такая теоретическая организация генерального штаба находится в тесной связи с соответствующей организацией Морского министерства или ведомства, которое должно составлять ряд исполнительных органов, определяемых частными подготовительными операциями. Выше указывалось, что организация Морского министерства, соответствующая последнему «Положению об управлении морским ведомством», до известной степени удовлетворяет этому требованию, но только до известной степени.

Подобная военная организация ведомства исходит из взгляда на мирную деятельность как не отличающуюся от военной, из взгляда на каждый род деятельности как операцию и на управление, как командование.

Без сомнения, такое положение не всегда проводится в курсах военной администрации, и начала, положенные в организацию министерства не только у нас, но и в большинстве государств, совершенно иные.

Если смотреть на штаб с высказанной выше точки зрения, то его необходимо будет дополнить исполнительной частью или отделом распоряжений и приказаний. Практически исполнительные функции нашего Морского генерального штаба выражаются в форме докладов с испрошением соответствующих приказаний морского министра, в виде резолюций, которые сообщаются штабом соответствующим исполнительным органам. Резолюции министра вообще являются как бы директивами по докладываемым вопросам, но иногда имеют и категорическую форму приказаний.

Этот прием соответствует положению министра как высшего командования и в то же время начальника морского министерства, которому каждое центральное учреждение делает соответствующие доклады и получает непосредственно указания, и поэтому нет необходимости в особом распорядительном органе при Морском генеральном штабе: что же касается до флота, подчиненного такому министру, то по отношению к нему распорядительным органом является Главный морской штаб, в котором сосредоточиваются, согласно положению, «распоряжения морского министра по управлению флотом».

Распорядительный орган генерального штаба был бы необходимым в том случае, если бы морской министр являлся только высшим командованием и непосредственно министерством не ведал.

Организационно-мобилизационная часть

Выше сообщалось, что жизнь вызвала необходимость образовать в Морском генеральном штабе организационное отделение, в котором

также сосредоточились и тактическо-технические функции. Мы переживаем теперь совершенно исключительное время, когда возникает необходимость не только создавать что-либо, но и упорядочить, привести в систему и организовать то, что уже имеется.

Принципиально каждое учреждение или каждая часть, имеющая определенные задачи, должны выработать соответствующую организацию, которая является выражением разделения труда и определением функций отдельных элементов или единиц, входящих в состав данного учреждения или части. С этой точки зрения, например, боевую организацию должен выработать непосредственно флот, руководствуясь тактическими основаниями и пользуясь опытным методом.

Но требования, предъявляемые некоторыми организационными работами, вызывают необходимость, во-первых, теоретической разработки, иногда связанной с формами коллективной или совещательной деятельности, и вообще практически трудно выполнимы в обстановке плавания, наконец, они бывают и связаны с оперативными планами. Таким образом, организационная работа, если и не существует в постоянных размерах, то почти всегда является в том или ином виде.

Точно так же тактические соображения, например, тесно связанные с проектами боевых судов, казалось бы, должны быть сосредоточены в той части Морского министерства, которая ведает новым судостроением, но по существующему характеру этих учреждений практическое выполнение этого соображения вызвало бы много затруднений ввиду малой связи последних с плавающим флотом. Учреждение новой комиссии по наблюдению за постройкой судов из строевых офицеров до некоторой степени решает этот вопрос, но для проектирования боевых судов все-таки является необходимостью в специальном органе, который бы ведал соответствующими вопросами с чисто военной точки зрения, которая занимает в чисто технических учреждениях не всегда первенствующее место.

Подобные соображения, которые вызываются самою жизнью, конечно, нельзя игнорировать, хотя бы с точки зрения подготовки к войне, и Морской генеральный штаб обыкновенно и берет на себя эти функции.

Отсюда и вытекает потребность особой части — организационно-тактической, которая по существу должна состоять при генеральном штабе, не входя собственно в его состав.

Вопрос этот вообще осложняется тем положением, что Морской генеральный штаб не является исключительно штабом высшего командования уже потому, что это командование у нас не вполне дифференцировано, а сливается с непосредственным начальства-

нием ведомством или министерством, а потому штабу необходимо иметь в виду задачи вспомогательного органа не только высшего командования подготовительными операциями, но вспомогательного органа по управлению морским министром своим министерством. В отношении последней формы управления вспомогательная роль Морского генерального штаба заключается в ориентировке морского министра по вопросам, главным образом организационным и тактическим.

Мы говорили также о мобилизационной части, предусматриваемой первоначальной работой лейтенанта Шеглова как особый отдел штаба. Вопрос о мобилизационной части представляется весьма важным, и на нем необходимо остановиться несколько подробнее.

Мобилизационная часть

Мобилизация является подготовительной операцией, вместе со стратегическим развертыванием образующей совершенно особую группу в ряду прочих подготовительных операций по созданию сил и средств.

Это есть операции, исполнительная часть которых уже принадлежит флоту и через которые деятельность Морского генерального штаба сливается с работой штаба командующего морскими силами. Ведомство уже почти не принимает в них непосредственного участия.

По существу план мобилизации, как план всякой подготовительной операции, входит в состав работы генерального штаба. Более подробно об этом будет говориться при рассмотрении работы оперативной части штаба, пока же ограничимся замечанием, что выполнение плана вызывает необходимость очень обширных и сложных работ по мобилизационным расчетам как по личному составу, так и по материальной части. Такая работа по мобилизационному учету и расчетам должна принципиально выполняться соответствующим центральным органом министерства, являясь уже по отношению к плану исполнительной его частью.

В нашей организации министерства такой орган имеется при Главном морском штабе в виде мобилизационного отделения этого штаба.

Из тех сведений, которыми мы располагаем относительно иностранных генеральных штабов, как пример, германский и японский, видно, что мобилизационные задачи частью возложены на генеральный штаб, частью на какие-то мобилизационные органы морского министерства. Так, например, в Германии имеется мобилизационное отделение во 2-м департаменте министерства. В Японии мобилизационного отделения в Морском генеральном штабе не существует.

Во всяком случае работа по мобилизационному учету не может являться функцией высшего командования, а должна принадлежать исполнительному органу министерства, а потому, если мобилизационная часть и может состоять при генеральном штабе, то только по соображениям административного свойства, но не вытекающим из сущности генерального штаба как вспомогательного органа высшего командования.

Глава 5

СЛУЖБА МОРСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КАК ШТАБА ВЫСШЕГО КОМАНДОВАНИЯ

Служба информационного отдела

Примем положение, что Морской генеральный штаб как вспомогательный орган высшего командования должен быть подразделен на два основных отдела: 1) изучающий и обрабатывающий всю совокупность условий для деятельности, иначе говоря, обстановку и 2) разрабатывающий преподаваемую высшим командованием идею операций (операционную линию) на оперативные планы. Первый отдел можно назвать **информационным**, второй называется **оперативным**.

Приступим к рассмотрению службы 1-й группы органов, образующих **информационный** отдел. Как уже говорилось, подразделение этого отдела определяется различием методов и приемов получения и обработки необходимых материалов и данных по двум сторонам обстановки, слагающейся из собственных сил, средств и ресурсов и таковых вероятного противника.

С этой точки зрения представляется естественным подразделение информационного отдела на органы русской военной статистики и иностранной, с дальнейшим расчленением их по театрам военных действий. Не входя в организационную сторону устройства статистических органов Морского генерального штаба, можно выработать несколько схем, вообще удовлетворяющих требованиям и сводящихся к двум формам: а) разделению военной статистики по театрам и расчленению каждого театра на русский и иностранные отделения и б) разделению военной статистики на две части — русскую и иностранную, с дальнейшим расчленением каждой по театрам. Сущность работы остается при этом, конечно, неизменной.

Основной задачей информационного отдела является представление обработанных данных по обстановке высшему командованию для

оценки последним этой обстановки, а также оперативному отделу штаба, так как последний, разрабатывая директивы высшего командования в форме оперативных планов, должен руководствоваться той же обстановкой.

Далее, чтобы не усложнять изложения, будем понимать под высшим командованием начальника Морского генерального штаба, который, с точки зрения службы штаба, является его непосредственным руководителем. Для нашей цели совершенно безразлично, кому представляет начальник генерального штаба результаты работы этого штаба и от кого он получает необходимые директивы для дальнейшей оперативной деятельности.

Военная обстановка, подлежащая изучению генерального штаба, представляет так называемое массовое явление, исследование которого возможно только путем применения статистического метода наблюдений. Последний в свою очередь состоит в подразделении изучаемой массы (совокупности явлений или результатов деятельности) на большее или меньшее число групп, в состав которых входят неделимые, обладающие каким-либо общим определенным признаком.

Теория статистики указывает, что для изучения таких групп необходимо: 1) определить изучаемую массу в пространстве, 2) во времени, 3) избрать неделимые, служащие объектом непосредственных наблюдений и 4) определить признаки, присутствие которых имеется в виду констатировать относительно всех неделимых массы.

Определение исследуемого массового явления в пространстве основывается прежде всего на данных географических, в военном смысле, в виде военно-географического изучения.

По отношению ко времени необходимо иметь в виду, что теоретически все статистические наблюдения должны быть приурочены к одному определенному моменту, что на практике выполняется с большим трудом, особенно по отношению к иностранным государствам.

Военная обстановка вообще непрерывно меняется, и для статистических наблюдений, которые должны быть относимы к определенному времени, приходится прибегать к так называемым «переписям». Последние, однако, применимы только по отношению к явлениям, относительно мало изменяющимся или имеющим характер периодичности, к явлениям же, обладающим большой изменчивостью во времени, необходимо применять прием «текущей регистрации».

Разделение изучаемой массы (совокупности явлений) на объекты наблюдений прежде всего определяется природой массы (военной обстановки), складываемой с военной точки зрения из: а) сил (личного

состава и оружия); б) средств (обеспечивающих их успешное и целесообразное применение); в) ресурсов (определяющих их создание); г) условий распределения и состояния их по месту; д) условий распределения и состояния их во времени, целей и задач на них возлагаемых.

Дальнейшим основанием выделения объектов наблюдений служат те цели, для которых производятся исследования. Например, задаваясь целью изучения десантных операций, мы выделим объекты наблюдений в виде: 1) перевозочных средств, 2) средств посадки десанта, 3) средств высадки, 4) вооруженной силы, назначаемой для десанта, и проч. Эти же цели определяют выбор признаков, присутствие или отсутствие которых у каждого объекта наблюдений должно констатировать непосредственное наблюдение.

Не входя в дальнейший разбор этих вопросов, подробно рассматриваемых специальными трудами по теоретической статистике, следует иметь в виду необходимость ознакомления со статистическим методом, который должен быть принят в отделе генерального штаба, носящем наименование статистического.

Собранный материал по обстановке, для того чтобы его возможно было бы использовать с наименьшими затратами труда и времени для надлежащей оценки, должен быть обработан в виде сводок и представлен в виде таблиц и графиков. Графический способ изображения статистических сводок имеет крайне важное значение для быстрой и правильной оценки данных по обстановке, и следует принять за правило пользоваться им всегда, где только это возможно. Поэтому военно-статистические органы генерального штаба должны представлять начальнику результаты своих работ по возможности в виде карт, схем, картограмм, диаграмм, прилагая к ним объяснительные записки и таблицы.

Никакое описание угольных складов с таблицами, определяющими их состояние или наличие, не представит того, что даст сразу карта с графическим изображением запасов, распределенных на театре, и графической или условной характеристикой складов этих запасов.

Органы военно-статистического отдела, занятые русской статистикой, могут пользоваться совершенно свободно принятыми статистикой способами. Деятельность каждого статистического органа распадается на две части: 1) сбор или получение материала и 2) его обработка. В отношении сбора и получения желаемых сведений и заключается отличие работы русской статистики от иностранной, кото-

рой необходимо прибегать для этой цели к совершенно особым приемам.

Русская военная статистика может получать материал отчасти в обработанном виде непосредственно как от центральных учреждений министерства, из которых каждое ведет определенную статистическую работу, так и от всех правительственных органов, равно как имеет возможность получать все необходимые сведения путем непосредственных наблюдений и применения приемов переписей и текущей регистрации, посредством сосредоточения в штабе определенных данных в установленные сроки.

Работа отделения русской статистики является главным образом со стороны обработки материала, так как ни одно правительственное учреждение не может отказать генеральному штабу в предоставлении его органам необходимых сведений. Можно с уверенностью сказать, что главной задачей русской статистики является основная свodka необходимого статистического материала, который может быть получен сразу в обширном размере и потребует большой работы для приведения его в систему и выражения в наиболее практичной форме.

По окончании этой основной работы деятельность отделения русской статистики должна уменьшиться в объеме и свестись к организованной системе периодических переписей и текущей регистрации непрерывно меняющихся факторов.

Политическая обстановка по существу выходит из ведения русской статистики, так как генеральный штаб в лице его начальника должен быть всегда ориентирован Министерством иностранных дел в этой области по всему, что относится к политической государственной деятельности.

Работа русского военно-статистического отделения

Представляется целесообразным разделить всего материала, подлежащего статистической обработке, на три основных отдела: 1) сил, 2) средств и 3) ресурсов.

К первому относятся все данные по: а) боевому судовому составу и б) личному составу, обслуживающему боевые части флота. По этому отделу русская статистика должна вестись путем текущей регистрации:

- 1) учет боевого наличия судов флота, для чего должна располагать всеми сведениями о готовности каждого судна;
- 2) о ремонте боевых судов;
- 3) о дислокации боевых частей флота и о местонахождении отдельных судов, находящихся в заграничном плавании;

путем получения периодических сведений располагать всеми данными по:

- 4) состоянию личного состава боевых частей флота;
- 5) состоянию работ на строящихся и капитально ремонтирующихся судах;
- 6) состоянию судов в отношении потребностей в ремонте, переделок и замены различных устройств, непосредственно связанных с боевыми качествами корабля.

Кроме того, отделение русской статистики должно располагать всеми стратегическими и тактическими данными по судовому составу, составляя судовые списки, путем обработки тактических формуляров.

Кроме тактических формуляров в отделении русской статистики должны быть сосредоточены эскизные чертежи боевых судов, которые бы делали возможность выяснить все вопросы о боевых элементах, на которые не могли бы дать ответ судовые списки.

Ко второму отделу, сведений о средствах, должны быть отнесены все данные о портах, или средствах, задачах и о всех частях оборудования театра военных действий.

При помощи текущей регистрации русская статистика должна быть осведомлена:

- 1) о состоянии запасов топлива и смазочных материалов и распределении их по портам данного театра;
путем периодических сообщений должны пополняться сведения:
- 2) о боевых запасах, орудий, мин, снарядов ручного оружия и проч.;
- 3) о запасах провизионных;
- 4) о запасах прочного снабжения по всем частям и ремонтных материалов;
- 5) о запасах по медицинской части.

Необходимо подразделение всех сведений по запасам на неприкосновенные и расходные.

Отделение русской статистики должно составить описание военных портов по всем частям и располагать общими планами военных портов.

Относительно средства портов должны иметься все данные:

- 6) по портовым плавучим средствам.

Последние должны быть разработаны не только в отношении состояния наличия, но и со стороны возможности использования их для целей угольных погрузок, снабжения водой, перевозки воинских частей и военных грузов.

В описание военных портов должны входить соображения о возможности выполнения портом определенных задач, например: погрузки угля и снабжения водой известных частей флота, приема десанта, боевых запасов и проч., применительно к задачам, которые на порт возлагаются оперативными соображениями.

Кроме пункта 6-го особенно должны быть разработаны сведения:

7) о доках сухих и плавучих;

8) об угольных складах и способах погрузки угля;

9) о складах боевых запасов и способах их подачи на суда.

В описание порта должны войти сведения о способности и оборудовании порта для работ в ночное время.

Далее следуют данные:

10) о ремонтных средствах портов и специальных технических мастерских, о заводах и эллингах;

11) об устройстве и оборудовании прочих складов, кроме поименованных в пункте 8-м и 9-м;

12) о госпиталях и средствах приема раненых и больных;

13) о казармах и помещениях для команд.

По вопросам оборудования театра военных действий должны иметься все сведения:

14) по службе сообщения и связи, о наблюдательных постах, станциях, радиостанциях, кабелях, телеграфных и телефонных сообщениях;

15) по приморским крепостям, причем должны иметься в наличии планы крепостей, минных и ряжевых заграждений и прочие данные по вопросам береговой обороны;

16) по гидротехническим сооружениям в собственном районе театра военных действий, т. е. данные о капалах, шлюзах, искусственных фарватерах, имеющих военное значение.

К отделу ресурсов должны быть отнесены:

17) коммерческие порты, по которым необходимо иметь описания применительно к военным вопросам о возможности использования порта для надобностей стоянки военных судов, для посадки или высадки десанта и проч.;

18) запасы топлива и материалов, которые можно использовать в военное время на данном театре;

19) торговый флот, по которому необходимы детальные сведения о коммерческих судах, приписанных к портам, имеющие значения для соображений об использовании коммерческих судов в военное время для надобностей десанта, транспорта на театре военных действий, для вспомогательных целей (быстроходные пароходы, яхты, ледаколы и проч.). Также важны подробные сведения об иностранных

судах, находящихся на линиях, связующих наши порты с иностранными, имея в виду возможность их реквизиции в военное время для указанных целей;

20) частные заводские и технические предприятия на театре военных действий с возможными целями использования их в военное время;

21) источники снабжения флота в виде промышленных районов, например каменноугольных, нефтяных и проч. В связи с возможностью воспользоваться ими в период военных действий при помощи железных дорог и водных путей сообщения.

К основной работе военно-статистической части относятся военно-географическое и статистическое описание театра. Это описание должно заключать в себе все сведения по данному театру, начиная с физико-географической обстановки и кончая экономической. Необходимо заметить, что самая полная лощия не дает того, что является иногда необходимым для военных соображений. Военно-географическое описание театра должно быть составлено так, чтобы получились бы совершенно определенные ответы на вопросы, называемые известными операциями.

Укажем для примера десантную операцию. Имея данные о портах и лощии, можно, конечно, всегда составить представление об удобстве или затруднительности высадки десанта в том или другом месте, но военно-географическое описание побережья должно прямо указать на те пункты, которые являются удобными для этой цели в связи с вероятными намерениями высадившегося и возможностью их выполнения при помощи путей сообщения, расположенных в прибрежной полосе, местных ресурсов и т. п.

Нельзя не обратить внимания, например, на связь военных вопросов с гидрологическими данными о течениях, удельных весах морской воды для использования плавучих мин, на состояние ледяного покрова при тех же вопросах о постановке минных заграждений на известной глубине, о топографических особенностях шхерных районов при обсуждении возможности скрытного для неприятеля маневрирования в них и проч.

Чтобы получить ответ на такие вопросы, иногда требуется большая работа над различными источниками и картами, и военно-географическое описание театра должно давать ясное представление о театре с точки зрения оперативной. Несомненно, что описание театра в собственных территориальных водах может быть выполнено гораздо точнее и приемы для изучения будут совершенно иные, чем в отношении иностранных вод, где приходится пользоваться общедоступными сведениями и пополнять их уже особыми исследованиями.

Работа иностранного отделения военно-статистического органа

Итак, центр тяжести деятельности по собственной (русской) военной статистике лежит в обработке материала, получение которого вообще для генерального штаба не представляет затруднений. Если даже имеемых сведений недостаточно, то ничто не мешает предложить соответствующему правительственному органу собрать или дополнить их и затем уже предоставить в распоряжение генерального штаба.

Совершенно иное положение создается для органов иностранной статистики, имеющих целью изучение противника не только со стороны его сил, средств и ресурсов, но и в смысле его воли и намерений, в установлении его операционных линий.

Говорить о важности или необходимости этого изучения не приходится, напомним только слова Клаузевица: «Сведения о неприятеле составляют основу всех идей и действий на войне».

Уже одно значение этих сведений достаточно для создания необходимости затруднить противнику получение их всеми возможными способами.

Из этой необходимости вытекает понятие о военной тайне, начала которой лежат в основном военном принципе внезапности, неожиданности, который парализуется только знанием и осведомленностью.

Поэтому отделение иностранной военной статистики должно прежде всего располагать соответствующей организацией получения сведений, которое так упрощается в работе по собственным.

Задачей военной статистики является изучение сил средств и ресурсов, характеризующих военную сторону государства; в отношении к иностранному государству необходимо прибавить еще изучение его воли, в конкретном смысле — его операционных линий. Этот последний отдел представляет исключительную важность и резко отличается работы органов иностранной статистики от собственной или русской.

Обработка полученных данных по иностранным государствам в сущности должна вестись по тому же методу, по которому составляются сведения о собственной обстановке, и мы не будем входить в подразделения необходимых сведений, так как теоретически они должны быть одними и теми же, по крайней мере в отношении сил, средств и ресурсов.

Мы более подробно коснемся вопроса о работе органов Морского генерального штаба по сбору и получению военных сведений об иностранных государствах в период подготовки к войне.

Принципиально, в силу уже высказанных положений, вся военная сторона государственной деятельности должна быть тайной для всех, не имеющих непосредственного отношения к этой деятельности. Но современная жизнь каждого государства так тесно сближается с военной деятельностью, с одной стороны, а с другой, настолько связывается с жизнью иностранных государственных организаций, что практическое осуществление военной тайны во всем объеме представляется невыполнимым.

Таким образом, известная сторона военного дела неизбежно получает огласку и даже становится всеобщим достоянием. Но тем не менее каждое государство обязано и принимает меры, чтобы сохранить в безусловной тайне свои намерения, а в области сил, средств и ресурсов прежде всего обеспечить неприкосновенность хотя бы тех отделов, которые могли бы способствовать уяснению этих намерений, а затем всего того, что при данной организации возможно удержать в секрете.

Огромное значение военной техники в современном военно-морском деле и те преимущества, которые могут дать сохраненные в тайне от противника известные технические устройства и даже способы их использования, создали в последнее время целую область секретных данных, совершенно не существовавших ранее.

С другой стороны, увеличение чисто количественное вооруженных сил, тесная связь военного дела с другими отраслями государственной жизни, развитие международных сношений создали обстановку, в которой сохранение в тайне последнего рода сведений сделалось крайне затруднительным.

Из сказанного вытекает прежде всего разделение сведений на общедоступные, получение которых может быть названо открытым или легальным, и тайные, для сбора которых необходимы специальные приемы. В зависимости от этого подразделение иностранная статистическая организация генерального штаба выделяет орган тайной разведки, на который возлагается специальная работа по сбору сведений, которые иностранные государства сохраняют в секрете.

Открытый способ получения воепных сведений об иностранных государствах

К открытым, легализованным международным правом, органам по сбору сведений об иностранных государствах принадлежит так называемая военная агентура.

Военная агентура

Военная агентура как совершенно легальное установление развилась из дипломатической, приблизительно в эпоху Наполеоновских

войн, до которых она не имела определенного характера. Представители дипломатии, которые нередко были военнослужащими и даже сохраняли это звание, осведомляли свои правительства и по военным вопросам, получая соответствующие инструкции. В начале прошлого столетия нами уже применялся прием, по которому в состав миссий входили офицеры, временно принимавшие на себя дипломатическое звание, но только с 1864 года эти офицеры получают официально звание военных и морских уполномоченных. Входя в состав дипломатического корпуса и будучи аккредитованы Министерством иностранных дел, военные агенты пользуются всеми преимуществами иностранных миссий, правами экстерриториальности и вытекающей из последней личной и имущественной неприкосновенности.

Таким образом, официальное положение военного агента, как говорит полковник Чернозубов в своей статье по этому вопросу («Военный сборник», 1911 г., № 11), является совершенно определенным — он может смотреть и читать все, что ему разрешает иностранное правительство, по отношению к которому он имеет право сношения с определенными государственными учреждениями. Как говорит Бронзарт фон Шеллендорф: «Поддержка со стороны правительственных властей, при которых состоит военный агент, обыкновенно более чем достаточна для того, чтобы иметь возможность исполнить свою задачу, в особенности когда она касается вещей, хранение которых в тайне не составляет особых забот государства. Во всяком случае официальное положение и предупредительность, которую военное начальство оказывает аккредитованным иностранным офицерам, заставляют его довольствоваться собиранием сведений о предметах и учреждениях, доступ к которым ему обеспечен. Если можно опасаться, что собранные таким образом сведения будут недостаточны, то можно приобрести полную свободу действий, лишь отказавшись совершенно от поддержки властей страны, о которой желательно иметь данные».

Действительно, при известной «предупредительности» со стороны правительства, которой, например, еще недавно пользовались у нас иностранные военные агенты, последние, не выходя из границ совершенно легальных, могли получать ценные сведения. Во всяком случае даже деятельность военного агента, очерченная вышеприведенными словами Шеллендорфа, имеет огромное значение. Статистический метод исследования известных явлений требует систематических наблюдений, и очень ценные и важные сведения составляются из таких наблюдений над вещами, в отдельности не имеющими никакого значения и которые могут быть произведены военным агентом на месте, при принятии последним определенной

системы. Но и эта деятельность в действительности затрудняется. Огромная военная подготовка, которую ведут все великие державы, выдвинула, особенно в последние годы, значение военной тайны и вызвала крайнее стеснение всякой официальной деятельности военных агентов. Сведения, получаемые на основании запросов военных агентов, обыкновенно или недостаточны, или же могут быть заведомо неверными; стеснена свобода посещения агентов тех мест, которые могут иметь значение хотя бы в смысле систематических внешних наблюдений, и агентам разрешается, например, посещение военных портов и строящихся судов приблизительно раз в год, что исключает само собою всякую систему.

Таким образом, на практике военному агенту приходится либо «приобретать свободу действий», либо крайне ограничивать сферу своей деятельности.

На рубеже этой «свободы действий», лишенной, конечно, поддержки того правительства, к которому аккредитован военный агент, лежит осведомление по той обстановке, на которой военный агент находится.

Способ получения сведений, иногда чрезвычайно ценных, лежит в возможности для военного агента непосредственных сношений с представителями правительства. Последнее обязывает военного агента к широкому знакомству с представителями военных властей, и изучение их, хотя бы личных свойств, особенно тех лиц, которые состоят на командных должностях, может совершенно оправдать существование военного агента. Как непосредственному наблюдателю агенту доступна та сторона обстановки, которая совершенно ускользает при самом добросовестном изучении страны вне ее пределов, вне соприкосновения с правящими кругами государства. Конечно, эту сторону деятельности чрезвычайно трудно регламентировать, но тем не менее отрицать ее значение совершенно невозможно.

Все, что выходит из этой области, явится уже деятельностью, занявшись которой военный агент вступает на путь «тайной разведки».

Официально дружественные державы не занимаются этим делом. В случае каких-либо недоразумений на рассматриваемой почве с военным агентом аккредитовавшее его правительство должно поступить так, как поступило недавно японское правительство, когда был уличен его морской агент в Париже в подкупе служащего в Морском министерстве с целью приобретения чертежей подводных лодок. Японская миссия немедленно объявила, что «слухи об этом происшествии лишены основания и во всяком случае оскорбительны, так как японцы никогда не прибегают к шпионству вообще, а военные агенты в частности». Далее придется, конечно, сменить военного агента,

несмотря на заявленную «неосновательность и оскорбительность» слухов о причинах этой смены.

Говорить о занятиях военного агента тайной разведкой поэтому не приходится. Этот вопрос должен быть предоставлен самому военному агенту, завися всецело от его личных способностей, такта и умения использовать обстановку, в которой он находится, соответствующим образом.

Во всяком случае в силу своего положения военный агент в деле тайной разведки не должен принимать непосредственного участия, он может явиться только руководителем ее и организатором. Необходимо иметь в виду, что контрразведка, непосредственно связанная с тайной агентурой, неизбежно устанавливает наблюдение вообще за военными агентами и в случае даже недоказанной подозрительной деятельности военного агента будут приняты меры для искусственного создания такого положения, которое может повлечь вынужденное отозвание агента.

Военные агенты Германии, Японии, Австрии, как правило, ведут тайную разведку в самых широких размерах, нимало не стесняясь, когда возникновение какого-нибудь громкого дела о военном представительстве, обычно связанного с получением секретных сведений, вызовет отозвание замешанного в этом деле военного уполномоченного и замену его другим до следующего недоразумения.

Известный всем процесс Дрейфуса выяснил совершенно определенно деятельность германского военного агента Шварцкоппена, итальянского — Паницарди и австрийского, действовавших согласно и взаимно помогавших друг другу в деле обширной тайной агентуры.

Целый ряд судебных процессов в связи с этой деятельностью, до последнего дела у нас в России — капитана Постникова, — только подтверждает сказанное.

В заключение нельзя не согласиться с мнением полковника генерального штаба Чернозубова, что «отсутствие сведений о работе военных агентов» в области тайной разведки «есть только проявление их ловкости в этом деле».

Посещение военных судов

Следующим после военной агентуры легальным средством являются официальные посещения иностранных государств, их портов и территориальных вод военными судами. Официальная сторона их деятельности в рассматриваемом смысле так же затрудняется, как и в отношении официальной военной агентуры, но тем не менее присутствие военного судна в иностранном порту должно быть обязательно использовано для собирания сведений. Конечно, трудно бывает

выполнить широкие задачи разведки, но почти всегда можно получить некоторые данные путем, например, телефотографических съемок и непосредственным наблюдением и осмотром.

Точно так же здесь приходится все время находиться на границе легальных поступков и таких, которые могут вызвать неприятные последствия, тем более неудобные, что личный состав военного корабля, сходя на берег, не пользуется правом экстерриториальности. Во всяком случае обязанность каждого офицера, находящегося в военном иностранном порту, в пределах соблюдения местных правил и обязательных постановлений, сделать все, что представляется возможным. Необходимо помнить, что многие вопросы, трудно разрешаемые даже при помощи тайной агентуры, могут получить ответ со стороны специалиста-офицера по деталям, совершенно ускользающим от внимания мало знакомого с делом человека.

Следует помнить, что в подобного рода сведениях играет роль не столь их объем, сколько определенность и точность того, что сообщается. Обработка даже на первый взгляд не значащих данных при известной систематичности в течение некоторого промежутка времени может дать ценные указания, получить которые непосредственно было бы очень трудно.

В прежнее время, когда у нас вообще не существовало никаких других приемов осведомления и деятельность агентов была малопродуктивна, военные суда нередко составляли чрезвычайно важные работы по военной статистике и военным описаниям иностранных государств.

П е ч а т ь

Следующим источником для получения открытым или легальным путем военных сведений является печать.

Ее развитие и то значение, которое получила она в виде повременной прессы в жизни современных государств, делает ее весьма важным пособником осведомления в рассматриваемой области.

Необходимо отделить специальную военную техническую литературу от общей печати с периодической прессой во главе. Первая, вообще, в виде официозных или полуофициозных изданий, журналов и газет обыкновенно состоит под наблюдением военных властей, очень часто — генеральных штабов, и руководится представителями — или военными, или имеющими тесную связь с военными учреждениями. Такая печать, сохраняя за собой огромное военно-образовательное значение, естественно избегает оповещения таких фактов и освещения той стороны военного дела, которая нежелательна для всеобщей огласки, но тем не менее она является основанием для суждения

о военной деятельности государства, даже со стороны оперативной. Совершенно иной характер носят общие повременные издания в виде газет. Беря на себя роль руководителя общественного мнения и выразителя известной его части при партийном направлении, эта печать является в сущности самым простым коммерческим предприятием, во главе интересов которого стоит соотношение спроса и предложения.

В жизни современного государства, при более или менее резко выраженном конституционном строе его управления, существовании политических партий, представители которых участвуют в законодательных собраниях, военная деятельность не может быть ограничена рамками военной среды — она так или иначе делается достоянием широкого круга лиц, стоящих в стороне от военного дела и зачастую занимающихся им не с точки зрения государственной обороны, а со стороны партийных интересов. Повременная печать заинтересована в обслуживании этих интересов, если она партийная, и прежде всего во всех случаях спросом, основанным на известной сенсации и оповещении всякого рода новостей. С этой точки зрения всякая секретность или тайна для газет нежелательна, так как она ограничивает материал, который может быть использован. Прикрываясь необходимостью осведомлять широкие круги населения, газетная пресса явилась источником оповещения и всех тех лиц, которые специально заинтересованы в деле получения военных сведений, и даже в такой стране, как Германия, где над прессой существует суровый военный контроль, периодическая печать дает чрезвычайно важные указания.

Ценность периодической печати с рассматриваемой точки зрения является не столько со стороны важности сведений, сколько в ежедневном сообщении отдельных малозначащих данных, дающих возможность использовать их как «текущую регистрацию» событий в изучаемом флоте.

Для примера можно указать на ежедневные сведения о движении военных судов в известном порту. Сами по себе они совершенно не имеют цены, но, собранные за известный промежуток времени и надлежащим образом обработанные, они дают отчетливую картину о районе плаванья тех или иных отрядов, характере занятий и проч., о чем получить сведения непосредственно очень трудно. Такие заметки о движении судов во время маневров, надлежащим образом систематизированные, дают важные указания о маневренном районе, о составе отрядов и даже о характере этих маневров, что само по себе является большим секретом.

Очень часто военные потребности, вносимые правительством в представительные учреждения, как указывалось, получают в политических кругах значение партийных вопросов, и тогда в зависимости

от отношения к ним различных партий выражающие их мнения печатные органы выступают с различными политическими и обличительными статьями.

Коммерческие интересы газеты в таком случае требуют, естественно, возможно широкого осведомления, средства для получения источников всегда можно найти, даже среди агентов правительства, и обыкновенно в периоды такой общественной деятельности пресса совершенно не считается, уже в силу просто невежества, с тем, что можно объявлять во всеобщее сведение и чего нельзя.

Вредная до предательства, а следовательно, высокоценная для противника роль нашей современной печати в освещении минувшей войны всем известна: не менее предосудительной является газетная деятельность в последующий после войны период, где с целью разоблачений и обвинений Морского министерства пресса сообщала такие данные, например, о нашем судостроении, которые являются невысказанными в Германии, а подобные попытки, предпринятые в Англии, вызвали немедленно мероприятия с целью их прекращения. Об этом упоминается только потому, что при всех условиях военной цензуры пресса является весьма важным источником сведений. Из официальных изданий имеют большое значение бюджетные отчеты представительных учреждений, при известном навыке и умении критически относиться к цифрам дающие массу данных по различным отделам военной подготовки. Гораздо легче изучение ресурсов страны и получение официальных и печатных сведений в этой области. Здесь требуется преимущественно умение использовать материал с известной точки зрения, недостатка в котором вообще быть не может.

На этом приходится закончить обзор таких средств, к которым могут прибегать военно-статистические органы для получения сведений, действуя открытым путем.

Нет необходимости доказывать, что эти средства совершенно недостаточны. Все государства приняли и принимают меры для сохранения в тайне военной стороны своей деятельности: официальные военные агенты стеснены в настоящее время до крайности, посещения иностранных военных судов ограничиваются, насколько возможно, как в смысле заблаговременных дипломатических сношений, так и в отношении числа и продолжительности стоянок в портах, против разнузданности периодической печати издаются военно-цензурные законы, принимаются меры к сохранению тайны со стороны представительных учреждений. Англия недавно ввела присягу работающим в адмиралтействах в отношении сохранения в тайне всего, что касается военного судостроения, подобная же система принята и Германией,

частные фирмы находятся, помимо обязательств сохранения в тайне технических секретов, под явным и тайным наблюдением.

Практика показывает, что даже такие трудно скрываемые вещи, как расположение и число башен на строящихся судах, сохраняются в секрете до полной готовности корабля, маневры выполняются в условно обозначенной местности для скрытия действительной оперативной обстановки, кроме непосредственного сохранения тайны прибегают к приемам сообщения заведомо ложных или неверных сведений.

Военные соображения все-таки вызывают потребность получения необходимого материала, и чем серьезнее затруднения в его добывании, тем важнее становится организация тайной разведки.

В настоящее время тайная разведка является одним из важнейших предметов занятий генерального штаба, на котором лежит обязанность не только получать сведения в течение подготовительного периода, но и выполнить в этот период подготовку и организацию тайной разведки на время войны.

Тайные разведочные органы генерального штаба

Говоря о разведочном органе Морского генерального штаба, должно иметь в виду, что по самому смыслу этого органа все, что относится до его содержания и деятельности, должно быть тайной от всех, не исключая офицеров генерального штаба. Поэтому все, что будет говорить о тайной разведке, явится совершенно теоретическим или заимствованным из данных по иностранным государствам.

Современное разведочное отделение генерального штаба должно нести два рода функций:

1) собственно по тайной разведке, т. е. сбору данных о противнике;

2) подготовительные, относящиеся до организации тайной разведки в военное время и по созданию в некоторых областях известной благоприятной обстановки.

Кроме этих положительных функций, как бы их antecedентом является противодействие противнику в разведке с его стороны и соотвествующей его тайной деятельности, т. е.

3) контроль-разведка.

Сбор сведений, добываемых тайной разведкой, может быть подразделен по своему характеру на:

1) данные о силах и средствах статистического свойства;

2) технические сведения;

3) сведения о намерениях противника или, вообще говоря, оперативные.

По способу получения надо подразделить их на:

- 1) добываемые путем непосредственного наблюдения или регистрации;
- 2) приобретаемые путем добывания секретных материалов, в смысле документов.

Тайная военная агентура (военное шпионство)

Соответственно главным задачам, возлагаемым на разведочную часть, а также характеру и приемам получения сведений, должна быть выработана внутренняя организация этой части и внешняя, т. е. тайная, агентура или шпионство. Далее будет употребляться этот последний термин как совершенно определенный и характеризующий тайную разведочную деятельность.

Шпионство как одно из важнейших средств изучения противника не может быть импровизацией, оно должно быть организовано для производства систематической и планомерной деятельности.

Как общее правило, шпионство требует в зависимости от задач кроме личных свойств лиц, им занимающихся, еще более или менее широкой подготовки своих агентов.

Изучение путем непосредственных наблюдений данных оперативного характера, т. е. самых важных и наиболее трудно получаемых, требует непременно офицера широко образованного в военном отношении и отлично понимающего смысл и задачи своей работы. Такой же подготовки требует шпионство в области технической. Статистическая и регистрационная шпионская деятельность может быть возложена на лица с более ограниченной компетенцией и в некоторых случаях выполняться представителями самых разнообразных профессий и положений.

Приобретение материалов документального характера в зависимости от их содержания точно так же в некоторых случаях требует надлежащей оценки, что может быть выполнено далеко не каждым агентом.

Шпионство есть не что иное, как форма борьбы, и как таковая совершенно необходима, ибо отказ от нее был бы признанием известной победы со стороны пользующегося ею противника.

Применение к шпионству этических начал возможно лишь постольку, поскольку они приложимы вообще к войне, в отношении применения принципа внезапности и неожиданности.

Шпионство определяется признанием его государственной необходимостью, в некоторых случаях имеющей такое значение, перед которым, говоря словами Маккиавели, падают совершенно «соображения о справедливости или несправедливости, человечности или жестокости, славе или позоре».

Участие офицеров в тайной разведке

Здесь говорится об этом потому, что должно признать совершенную необходимость участия офицеров в шпионстве, иначе последнее не будет достигать цели.

Без сомнения, подобной деятельностью, требующей участия офицеров, с пользой могут заниматься только безукоризненные лично люди, глубоко проникнутые уверенностью в необходимости этой работы для блага государства, и что идея этого блага выше всех остальных этических соображений, которыми определяется частная деятельность.

Отрицательная сторона шпионства лежит не в его сущности, а в той возможности и легкости перехода от служебной деятельности к осуществлению личных целей; при обстановке тайны, доверия и отсутствия контроля над лицом, занимающимся тайной разведкой.

Приведем мнение лейтенанта (ныне капитана 2 ранга) Щеглова по вопросу об организации разведочного отделения с офицерской агентурой, высказанное им в вышеупомянутой работе о Морском генеральном штабе.

«1. Во главе разведочного отделения стоит штаб-офицер, который получает от начальника статистического отделения указания о тех сведениях, которые необходимо добыть:

а) для выполнения его поручений он выбирает по личному своему усмотрению трех (по числу театров) офицеров, которые остаются известны лишь ему одному;

б) начальник отделения по мере надобности может временно увеличивать состав разведочных офицеров, испрашивая предварительно на то разрешения начальника генерального штаба;

в) начальник разведочного отделения заведует командировками этих офицеров, дает им директивы, получает от них сведения, рассматривает их годовые отчеты, работы, а также и отчеты их секретных расходов;

г) в военное время начальник разведочного отделения штаба кроме обычных своих обязанностей заведует цензурой военных сведений для печати.

2.

а) офицеры разведочного отделения друг другу неизвестны;

б) офицеры не имеют определенного постоянного местожительства, а путешествуют по мере надобности, сообщая каждый раз о передвижении начальнику разведочного отделения;

в) в мирное время, кроме добывания секретных сведений, на обязанности офицеров лежат мероприятия и заботы об обеспечении

получения сведений в военное время при посредстве торговых фирм, частных и доверенных лиц на территории нашего противника. В военное время офицеры, работающие в воюющем с нами государстве, направляются в штаб командующего флотом, где и распределяются по нашим портам для заведования разведочной службой, необходимость которой выяснилась во время минувшей войны.

3. Начальник разведочного отделения, по мере надобности, уполномочивается начальством находиться в связи с полицией и почтово-телеграфными учреждениями.

4. Начальник разведочного отделения озабочивается о выработке порядка тайных сношений с разведочными офицерами».

Такова организация офицерской тайной разведки, предлагаемая капитаном 2 ранга Щегловым. Не будем входить в ее критику, так как приводим ее в виде примера, в котором каждый может усмотреть достоинства и недостатки.

Оперативное шпионство

Деятельность офицеров разведочного отделения должна быть направляема преимущественно на изучение вопросов оперативного характера и непосредственно с ними связанных, с конечной целью выяснения операционной линии противника, вообще говоря, его намерений.

Получить данные по этой части путем приобретения непосредственно документов чрезвычайно трудно. Оперативные планы являются достоянием очень небольшого числа лиц, несомненно знающих их значение, и рассчитывать на получение подлинников или, вернее, копий (обыкновенно фотографических) не приходится. Поэтому остается наиболее целесообразный способ — непосредственные наблюдения и обработка отдельных данных, имеющих связь с оперативными планами противника. Окончательной задачей работы в этом направлении является установление стратегического развертывания флота.

Это развертывание как операция является последней на ряду прочих подготовительных операций, но идея стратегического развертывания в то же время служит основанием всех оперативных сообщений: она определяет судостроительную программу, оборудование театра военных действий, дислокацию, план обучения и проч.

Поэтому обработка данных, получаемых легальным путем и тайной разведкой по этим вопросам, должна вестись в рассматриваемом направлении с конечной целью выяснить стратегическое развертывание противника.

Но самым важным актом для выяснения развертывания и операционной линии противника служит изучение больших стратегических маневров.

Для сохранения в тайне больших маневров, а также для того, чтобы применение их к действительной обстановке не имело характера демонстрации, принято в настоящее время производить большие маневры в условной обстановке, которая набирается нередко на другом стратегическом театре, но так, чтобы выбор портов, баз, опорных пунктов, объектов действий в смысле взаимного положения, расстояний и проч. по возможности бы соответствовал действительности.

Для примера можно привести германские маневры 1909 года в Балтийском море, на котором решалась маневренная задача, относящаяся до театра Северного моря. Разбор этих маневров указывает, что мыс Аркона и остров Рюген соответствовали Сильту и Северным Фрисландским островам. Шведский берег около Треллеборга — Южным Фрисландским островам, в частности острову Боркум, а Борнгольм изображал Гельголанд.

Точно так же маневры английского флота в 1910 году происходили в условной обстановке в Атлантическом океане и при входе в канал.

С первого взгляда стратегическая обстановка маневров представляется совершенно непонятной, но более внимательный разбор ее дает указание, что база синего флота в Обэне на берегу Шотландии, с двумя выходами: западным — прямым и южным около Гебридских островов, отвечает устью Эльбы с выходами — прямым в Северное море и через канал Императора Вильгельма, кругом Скагэна. Берхавен в Ирландии отвечал Нору или Дувру, Мильфорд — Розайту или Дунди, словом, обстановка маневров была по соответствующим расстояниям довольно близка к действительной обстановке в Северном море.

Эти примеры указывают на большую сложность уяснения и разбора маневров, который может выполнить только офицер генерального штаба с надлежащей подготовкой.

Наблюдения за большими маневрами неизбежно требуют участия офицеров, так как полученные данные от других лиц только запутают дело и в лучшем случае могут иметь вспомогательное значение простой регистрации передвижения военных судов в маневренный период.

Вопросы тактического свойства, например стрельбы, минные атаки и проч., точно так же могут быть правильно поняты и оценены только офицерами, другие агенты вообще не могут сообщить достаточно верных по этому предмету сведений.

Более легким является получение секретных сведений технического свойства, уже в силу того, что они имеют более широкое распространение и более доступны. Во многих случаях приобретение их есть вопрос чисто материального свойства и потому может быть выполнено и не особенно компетентным лицом. Обыкновенно эти сведения получают в виде чертежей, планов или, вернее, фотографических копий с них, так как в современной технике шпионства принято избегать похищения подлинников, всегда связанного с нежелательными последствиями, хотя бы с точки зрения усиления бдительности и осторожности тех лиц, которые несут ответственность за их сохранность.

При этом необходимо иметь в виду, что контрразведка может иметь задачи сообщать при посредстве своих агентов заведомо неверные сведения, причем естественно, что они обставляются с внешней стороны так, чтобы ввести противника в заблуждение в смысле их подлинности. Совершенно понятно, что насколько нежелательно сообщить противнику, например, действительный план минного заграждения, настолько полезно иногда дать ему неверные сведения, опираясь на которые он окажется неожиданно в затруднительном положении. Поэтому надо принять за правило: делать поверку подобных документов другими способами и всегда относиться к ним с большой критикой, несмотря на всю кажущуюся достоверность.

Кроме указанных специальных вопросов, исследование которых требует военной, иногда очень широкой подготовки, существует масса других, которые разрешаются вообще систематическим наблюдением, изучением и сбором сведений на месте. Использовать для этой цели офицеров почти невозможно — это было бы совершенно непроизводительным расходом дорого стоящего для службы офицерского состава.

Военно-политическое шпионство

Вопросы войны в настоящее время так тесно связываются со всей жизнью государства, что изучение подготовки вне общих экономических и политических факторов совершенно невозможно. Единственным средством быть осведомленным о противнике поэтому является широкая организация тайной агентуры, не только специально военной, но и политической.

Этот вопрос во всем объеме выходит из рамок службы генерального штаба, он должен быть связан с общегосударственной разведочной деятельностью.

Не касаясь вопросов по организации государственной разведки, нельзя не упомянуть слова капитана 2-го ранга Щеглова: «Если мы наконец не последуем в этом отношении примеру иностранцев, то вечно будем бродить в потемках и в следующую войну опять с завязанными глазами расшибем себе лоб».

В Германии, например, существует огромная политическая и военная организация шпионства, руководимая большим генеральным штабом и имеющая в основании идеи образования на территории соседних государств целой сети тайных агентов, имеющих постоянное жительство (постоянные или местные агенты), связь между которыми и управляющими органами поддерживается так называемыми подвижными агентами. Непосредственное ведение личным составом этой организации принадлежит начальнику государственной полиции.

Все секретные сведения, имеющие военное значение, сосредоточиваются и обрабатываются в «разведочном бюро» центрального отдела большого генерального штаба, которое дает указания исполнительным органам о тех данных, которые желательно получить.

Нас слишком далеко завело бы детальное рассмотрение подобной организации: следует обратить внимание на труд Клембовского «Тайные разведки» (военное шпионство), в котором собрано все то, что имеет значение для уяснения вопросов по этой стороне деятельности генерального штаба.

Скажем только, что посредником в деле организации упомянутой системы шпионства является обыкновенно «коммерция», или торговля. Постоянный и подвижной агенты должны прежде всего легализировать свое положение в иностранных государствах и маскировать свою прямую деятельность. С этой точки зрения самой удобной формой является официальное занятие торговлей, требующей также определенной агентуры, как постоянной, так и подвижной, и, конечно, подвижному агенту генерального штаба или тайной полиции естественно принять роль коммивояжера какой-нибудь торговой фирмы, в состав служащих официальных отделений которой входят постоянные военные и политические агенты. Для этой же задачи могут служить и научные, спортивные и прочие организации, особенно международного характера, которых в последнее время развилось достаточно много, чтобы использовать их в желаемом для военных целей отношении.

Как пример можно привести образованную Японией в прошлом году в Восточной Азии «Кооперативную ассоциацию Центральной Азии». Одновременно с ее учреждением японский генеральный штаб разослал японским консулам в Китае, Индокитае, Индии, Бирме и

Сиаме секретный циркуляр об организации интенсивных работ по информации и шпионажу под прикрытием упомянутого учреждения. В этом циркуляре говорится, что «для обеспечения влияния Японии в указанных странах необходимо изучать характеры и привычки их народонаселения, причем также надо приготовить широко организованную военную информацию и придать единство тем усилиям, которые до сих пор прилагали отдельные японцы каждый для себя, со столькими жертвами».

«Такое единство Япония не может организовать лучше как путем густой сети контор и интересов, которые под наименованием и невинным видом кооперативной ассоциации должны таинственным влиянием секты охватить значительную часть Азии и в которой коммерческие интересы должны составлять главным образом видимость и предлог».

Тайная подготовительная работа на территории противника

Подобная организация уже получает значение не только информационной, но и подготовительной.

Государство может, как показывают факты, не только готовиться само к войне и осведомляться о соответствующей деятельности противника, но и вести в определенном смысле подготовку этого противника.

Эта подготовка весьма сложна, но она осуществима, и нет сомнения, что высокоорганизованные государства ведут эту работу. Последняя заключается в создании определенной моральной обстановки, неблагоприятной для военной деятельности. Почва, на которой может быть развита эта деятельность, чрезвычайно обширна, здесь на первом плане стоят различные социальные учения с ярко выраженным противоправительственным, противогосударственным и антимилитаристическим направлением, политические партии, рассматривающие военные вопросы с точки зрения интересов партийной борьбы, а первым средством служит уже упомянутое чисто коммерческое учреждение — печать, вообще всегда покорная капиталу и готовая служить тому, кто больше заплатит.

Имеются совершенно определенные сведения о связи, например, социал-демократических организаций, в некоторых случаях ими самими неясно представляемой, с иностранными государственными организациями тайной полиции, об оплате соседним государствам затрат на предвыборную партийную борьбу тех народных представителей, деятельность которых представляется с рассматриваемой стороны полезной, поддержка стачек и забастовок, особенно железнодорожных,

имеющих огромное значение в мобилизационный период, и т. д. Разложение морального элемента и даже его ослабление, если мы вспомним его значение, указываемое стратегией, — слишком серьезная задача, чтобы оставить без внимания средства для его выполнения, которые к тому же всегда стоят гораздо дешевле, чем неудачная или даже затянувшаяся война. Знакомство с моральной обстановкой нашего государства в минувшую войну достаточно ясно освещает значение этих вопросов и указывает на средства их осуществления, равно как и борьбы с ними.

Подготовка шпионства для периода военных действий

Но помимо этой сложной задачи, которая может быть выполняема только широкой государственной организацией, генеральный штаб обязан выработать подготовку шпионства в военное время, когда способы, принятые и допустимые в мирный период, окажутся неудовлетворительными уже в силу другой обстановки. Эту организацию надо создать постепенно, в подготовительный к войне период, в портах и стратегических пунктах противника, выработать средства связи с агентами и центральными информационными учреждениями при генеральном штабе и штабе командующего морскими силами и соответственно разработать контрразведку для борьбы с агентами противника у себя.

Необходимо выработать мобилизационный план шпионства в военное время, чтобы эта организация начала функционировать сразу и немедленно по объявлении войны и была бы жизненной и полезной в течение ее периода. На необходимость такой организации достаточно указывают факты из минувшей войны: мы не имели, например, даже сведений, что японцы в один и тот же день, кроме погибшего на глазах линейного корабля «Хатсусе», лишились «Яшима» и «Лопино», совершенно не имели понятия о гибели «Такасаго» и узнали об отсутствии этих судов только после Цусимского боя.

Итак, отделения генерального штаба иностранной военной статистики и разведочное, при нем состоящее, имеют своей задачей не только статистическое описание обстановки со стороны противника, но и информацию генерального штаба в отношении намерений и оперативных соображений противника.

Идеалом было бы, на основании совокупности всех данных о противнике, установить план его стратегического развертывания со всеми данными по операционной линии, в отношении цели, места и времени. Разработка данных информационных отделов генерального штаба по этим вопросам составляет отчасти функцию высшего коман-

дования и оперативного отдела, как решение задачи за противника, составляющей часть оценки обстановки как подготовки решения: но на практике, как уже указывалось, очень трудно провести резкую границу между чистой информацией и ее оценкой, поэтому иностранное отделение должно постараться решить задачу за противника, но непременно с обстоятельной мотивировкой, которая давала бы полную возможность начальнику генерального штаба принять ее или же лично дать оценку обстановки и установить определенное решение.

Глава 6

РАБОТА ОПЕРАТИВНОЙ ЧАСТИ МОРСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

Основания оперативной работы

Основанием оперативной работы генерального штаба теоретически служит преподаваемая ему высшим командованием через начальника операционная линия (идея операций), вырабатываемая командованием единолично, путем оценки обстановки, данные по которой сообщаются ему информационной группой органов генерального штаба, состоящих из военно-статистических, разведочного и исторического отделов.

Для генерального штаба безразлично, каким путем будет создана и сообщена ему эта высшая операционная линия, определяемая государственными соображениями и задачами, устанавливающая определенного противника, период времени для подготовки и общий характер военных действий.

Обыкновенно она сообщается в виде директивы, которая является основанием всей дальнейшей оперативной работы. Там, где генеральные штабы являются в действительности штабами высшего командования (Германия, Япония), этот вопрос представляется более ясным и определенным, нежели тогда, когда генеральный штаб занимает положение одного из центральных органов министерства. В последнем случае на практике генеральный штаб в лице начальника с помощью оперативных органов должен сам разработать вопрос об операционной линии, которая получает санкцию верховной власти. Для этого необходима известная связь генерального штаба с Министерством иностранных дел для ориентировки в политическом положении, а также согласование с генеральным штабом армии, так как с общегосударственной точки зрения деятельности флота и армии неотделимы

и стратегически должны быть всегда согласованы. Получив тем или иным образом эти основные военно-политические директивы, оперативная часть должна приступить к оценке стратегической обстановки на данном театре, пользуясь обработанными статистическими материалами, представляемыми отделениями русской и иностранной военной статистики, а также военно-историческим. Иностранная обстановка может быть дана в законченном более или менее виде соответствующим отделом, но это обстоятельство не дает право оперативной части принять ее без собственной независимой оценки, которая должна быть произведена в связи с данными русской статистики.

Эта оценка стратегической обстановки на данном театре, даваемая оперативным органом, является только вспомогательной работой для начальника генерального штаба, совершенно свободного принять ее или преподать свои собственные соображения, утверждаемые высшим командованием.

Важнейшим фактором оценки обстановки является определение времени, к которому должны быть выполнены все подготовительные операции.

Общий план подготовки к войне

Исходя из противника (цель и направление операций) и времени, принимая во внимание все данные стратегической обстановки, оперативная часть вырабатывает общий план подготовки к войне с указанием состава сил и стратегического их развертывания в виде объяснительной записки, заключающей:

- 1) оценку военно-политической обстановки;
- 2) задачи вооруженной морской силы;
- 3) состав вооруженной морской силы, отвечающей обстановке и поставленным задачам;
- 4) период времени, потребный для создания вооруженной силы;
- 5) основные соображения о районе стратегического развертывания вооруженной морской силы.

Этот план подготовки к войне, исправленный начальником Морского генерального штаба, должен быть согласован с соответствующим планом подготовки к войне, вырабатываемым генеральным штабом армии в отношении **задач и стратегического развертывания**.

Планы отдельных подготовительных операций

По согласовании этого плана с оперативными соображениями начальника генерального штаба армии и по утверждении высшим командованием оперативное отделение должно приступить к разра-

ботке планов отдельных **подготовительных операций**, из которых складывается вся подготовка вооруженной силы к войне.

Каждая операция должна вестись по установленному плану, указывающему последовательность и сроки выполнения отдельных, входящих в состав операции, действий.

Главными подготовительными операциями являются следующие.

1. Создание вооруженной силы определенного состава к определенному сроку. План этой операции в конечном виде выразится:

- а) в основаниях судостроительной программы;
- б) в основаниях плана комплектования флота личным составом;
- в) в основаниях плана капитального ремонта судов.

2. Подготовка театра военных действий в инженерном отношении. В основание этой подготовки ложатся задачи, возлагаемые на морскую вооруженную силу, и основные соображения о районе стратегического развертывания.

В конечном виде план подготовки театра в инженерном отношении выразится в основаниях:

- а) оборудования портов, с указаниями на их назначение;
- б) создания укрепленных районов и пунктов;
- в) производства гидротехнических работ по искусственной подготовке театра;
- г) оборудования театра наблюдательными пунктами и устройства службы связи.

3. Обеспечение снабжения флота запасами и материалами. План этой операции в конечном виде должен установить продолжительность деятельности флота оперативного состава, которая могла бы служить нормой по исчислению неприкосновенных запасов для обеспечения главной операции, с указанием распределения их по портам, принимаемая в основание не действительную продолжительность операции, которую нельзя предвидеть, но возможность фактического их образования и пополнения во время войны.

Нет сомнения, что установить обоснованные сроки, а следовательно, и количество неприкосновенных запасов, очень трудно, но тем не менее это сделать необходимо, принимая во внимание, например, сроки мобилизаций сухопутных сил и стратегического развертывания их, весьма важные в смысле освобождения железных дорог от усиленной деятельности мобилизационного периода, исходя из наиболее интенсивной деятельности флота в этот период.

План снабжения должен дать основания для исчисления неприкосновенных запасов с указанием сроков их заготовления.

В основаниях должен быть перечислен судовой состав флота с указанием базирования его и продолжительности определенных

ходов для исчислений запасов топлива, смазочных и иных машинных материалов.

Прочие неприкосновенные запасы должны быть перечислены с упоминанием, на какой срок они должны иметься в определенных портах.

4. Мобилизация, т. е. переход флота с положения мирного времени на военное. В отношении этой операции морской генеральный штаб должен дать «основания мобилизационного плана», руководствуясь которыми исполнительные органы могли бы разработать соответствующие мобилизационные планы.

Мобилизация флота распадается на мобилизацию сил (судовой и личный состав) и мобилизацию средств (порта и учреждения морского ведомства).

Основания мобилизационного плана вооруженной силы должны состоять из:

- 1) состава сил с указанием образуемых по мобилизации частей, отрядов и проч.;
- 2) пунктов мобилизации с указанием, какие части морских сил мобилизуются в данном пункте;
- 3) сроков мобилизации, как частных, так и общего.

Так как с объявлением мобилизации обыкновенно изменяется и организация командования, благодаря расформированию некоторых частей и образованию новых, то к мобилизационным основаниям должна быть приложена схема командования в военное время, вступающая в силу с начала мобилизации.

В отношении мобилизации средств (порта и учреждения) мобилизационные основания должны дать указания на мобилизационные задачи, т. е. состав сил, мобилизуемых данным портом, сроки выполнения мобилизации этих сил, и сроки мобилизации портов и учреждений в смысле их обязательной готовности к выполнению потребностей военного времени.

Необходимо заметить, что практически крайне затруднительно выработать сразу мобилизационные основания, которые бы явились неизменными в течение известного периода времени.

Необходимо проверять выработанные основания, которые первоначально являются поставленной задачей для флота и портов, путем пробных мобилизаций, как частных, так и общих, и уже опытным путем полученные поправки вводить в мобилизационный план.

Последний, таким образом, вырабатывается с помощью последовательных приближений, причем пробные мобилизации укажут те потребности, которые вызывают мобилизационные задания, изложенные в основаниях мобилизационного плана.

5. Стратегическое развертывание флота (сосредоточение) как наиболее благоприятное исходное положение для начала военных действий.

План стратегического развертывания флота является **окончательной работой*** по планам подготовительных операций. Из всех возможных видов стратегического развертывания Морским генеральным штабом должен быть разработан один, по соглашению с генеральным штабом армии, который является постоянным в течение известного периода так же, как и стратегическое развертывание армии.

План стратегического развертывания флота должен состоять из:

- а) указания на пункты сосредоточения сил определенного состава;
- б) путей развертывания, т. е. переходов мобилизационных частей из пунктов мобилизации в пункт сосредоточения;
- в) сроков сосредоточения, как частных, так и общих;
- г) указаний на дополнительные и частные операции, связанные с выполнением стратегического развертывания флота без определения состава частей и планов этих операций, вырабатываемых штабами командующего морскими силами;
- д) указания на систему базирования после выполнения развертывания.

Последним актом работа по подготовительным операциям к войне, составляющая назначение оперативного отдела Морского генерального штаба, последовательно переходит к работе штаба командующего морскими силами.

Вооруженная морская сила выполняет мобилизацию вообще в нескольких пунктах (портах), так как практически мобилизация всего флота в одном порту бывает невозможна, но если даже и приходится мобилизоваться в одном определенном месте, то самая мобилизационная операция представится в виде последовательной мобилизации отдельных боевых частей. По крайней мере ни одно государство не располагает таким портом, где длина стенок, система и численность погрузочных приспособлений позволяли бы одновременно в нем мобилизовать весь флот.

После выполнения мобилизации и перехода в состояние военного времени мобилизованные боевые части должны быть сосредоточены в известном районе, в котором они занимают определенное положение, являющееся наиболее благоприятным исходным положением для начала военных действий и выполнения главной операции; это выполнение выразится в виде стратегического марш-маневра, конеч-

* Необходимо отличить план развертывания от его оснований или иды, составляющей основную часть общего плана подготовки к войне, который является предварительной работой оперативного отделения.

ной целью которого является решение операции — бой с главными неприятельскими силами.

Таким образом, как общее правило, вооруженные морские силы при объявлении мобилизации должны быть распределены по портам, а по выполнении мобилизации сосредотачиваются в заранее определенном месте и одновременно принимают некоторое заранее определенное положение.

Эта операция, которая является по отношению к главной (начало которой есть марш-маневр) последней подготовительной операцией, должна быть конечным актом мирного времени, и выполнение ее должно совпасть с началом военных действий или объявлением войны.

Весьма важно, чтобы объявление войны (начало военных действий) не опоздало и не упредило бы конца развертывания, и это обстоятельство должно быть предметом особой заботы генерального штаба и Министерства иностранных дел в период, предшествующий разрыву дипломатических сношений.

Рассматриваемая операция может иметь две основные формы:

- а) форму соединения всего флота в одном пункте (сосредоточение);
- б) форму распределения этого флота в известном районе (развертывание).

Строго говоря, это подразделение является совершенно условным, так как первая форма редко когда имеет место уже в силу того, что стратегическое развертывание обыкновенно непосредственно связывается с выставлением сторожевого охранения, иногда принимающего характер разведки, постановкой заграждений и проч. Отдельные операции могут начаться даже в мобилизационный период по мере выполнения мобилизации известных частей, которые сразу приступают к решению частных задач. Последние могут входить и в стратегическое развертывание как дополнительные или частные операции.

Представляется безразличным, какого термина следует придерживаться, но «стратегическое развертывание» как общий случай может иметь преимущество перед понятием о сосредоточении.

По отношению к главной операции работа оперативного отдела Морского генерального штаба должна выражаться в совместной деятельности по обеспечению вырабатываемой командующим морскими силами операции всеми средствами, насколько это допускает возможность предварительной подготовки их до начала военных действий.

Оперативные планы по всем операциям должны выражаться в указаниях последовательности и сроков выполнения действий с перечислением состава сил и назначения портов, на основании которых могли бы быть произведены все исчисления по комплектованию,

оборудованию портов, запасов, предметов снабжения и все расчеты по мобилизации.

Оперативная часть Морского генерального штаба ни в каком случае не должна вести эти расчеты, а давать только основание для них, так как все исчисления должны быть произведены теми учреждениями, которые назначены для выполнения этих операций.

Для выполнения изложенной работы оперативная часть штаба должна получить от военно-статистических и исторических отделений все сведения по обстановке, т. е. обработанные в виде таблиц, схем и планов данные о наличии сил, средств, оборудовании театра, состоянии запасов по иностранным флотам данного театра, так равно и своего собственного, а также военно-географического описания театра военных действий.

Конечной задачей иностранного отделения является установление планов подготовки к войне иностранных держав и стратегическое развертывание их флотов.

Оперативная часть тем не менее должна на основании обработанного статистического материала по иностранным флотам дать оценку его в виде самостоятельного установления планов войны иностранного флота и стратегического развертывания его как решение задачи за противника.

Если такой работы сделать нельзя, то это будет служить указанием, что отделение иностранной статистики не располагает соответствующим материалом, и тогда необходимо принять меры для его пополнения в определенном направлении.

Историческая часть должна, в случае надобности, предоставить оперативному отделению все исторические данные, относящиеся до военных действий на любом из театров, которые могли бы способствовать уяснению стратегических особенностей театра, значению инженерной подготовки его, объединению действий морских и сухопутных сил, политической обстановки и проч.

Говоря о сношениях оперативной части штаба с прочими отделениями, следует разуметь сношения через начальника штаба и во всяком случае с его уполномочия. Работа генерального штаба должна быть работой совершенно объективной и безличной — это есть в сущности работа начальника генерального штаба и только его, но ни в коем случае не определенного лица, входящего в личный состав штаба.

Работа отделений штаба должна быть строго согласована и объединена основными директивами и указаниями начальника, и только при этом условии ни одно из отделений не будет иметь преобладающего значения, в высшей степени опасного, так как следствием его

явится односторонняя деятельность, которая приведет к неправильным и ошибочным выводам.

Развитие оперативной работы

Кроме основной, собственно оперативной работы, на оперативное отделение должны быть возложены и следующие задачи, непосредственно связанные и вытекающие из разработки подготовительных операций.

1. Составление заданий и отчетов по большим маневрам флота, которые в своей стратегической части являются поверкой оперативных соображений.

Операторы должны для выполнения этой задачи находиться на маневрах не в качестве посредников, а только присутствующих лиц при главном посреднике или при начальнике Морского генерального штаба, если последний находится на маневрах.

2. Разработка совместно с генеральным штабом армии плана совместных действий в смысле стратегических оснований для согласования планов войны, сухопутного и морского, по элементам времени, цели и направления подготовительных операций, а также заблаговременного решения всех вопросов по организации высшего общего командования в период военных действий.

Для этой цели оба генеральных штаба должны войти в самые тесные сношения, причем последние совершенно необходимы не только для оперативных отделений, но и военно-статистических, особенно же иностранной статистики.

3. Изучение военно-политической обстановки, особенно в смысле разработки военной стороны международных соглашений, значений союзов и политических комбинаций.

Эта работа по существу самого вопроса, т. е. военной политики, практически у нас не существующей, весьма трудно может быть регламентирована. Как элемент обстановки она подлежит в известной степени компетенции иностранного военно-статистического отделения, которое должно рассматривать ее с точки зрения изучаемых иностранных государств.

Тесное соприкосновение вопросов военной политики с общей государственной, казалось бы, вызывает потребность известной связи генерального штаба с Министерством иностранных дел, но, судя по имеющемуся на этот предмет опыту, установление этой связи едва ли возможно.

Во всяком случае начальнику Морского генерального штаба всецело принадлежит определение границ и размеров этой деятельности, а

также ее формальный порядок в отношении отделений или определенных лиц состава Морского генерального штаба.

4. Подготовительные работы по международным декларациям, относящимся к морской войне, определение военной контрабанды и прочее.

Эта задача по существу может быть поручена и специальной комиссией с участием компетентных лиц по международному праву, но во всяком случае она должна быть заблаговременно выполнена, если и не непосредственно Морским генеральным штабом, то при его неперемennom содействии.

На этом кратком рассмотрении функций оперативного отдела Морского генерального штаба заканчиваются настоящие сообщения.

Последние вообще являются только введением в курс службы Морского генерального штаба, где Морской генеральный штаб рассматривался со специальной точки зрения как штаб высшего командования в деле управления подготовительными операциями. Но служба генерального штаба не ограничивается деятельностью штаба высшего командования в промежуточные периоды между войнами.

Мы не рассматривали деятельность Морского генерального штаба в военное время и службу генерального штаба во флоте. Генеральный штаб существует во флоте как тот же вспомогательный орган командования в деле управления операциями и в «мирное», и в военное время.

Таким образом, мы имели возможность коснуться только одного отдела этой службы.

В заключение необходимо сказать, что все вопросы о генеральном штабе стоят в тесной связи с командованием, которому генеральный штаб подчинен.

Командование и его генеральный штаб являются неотделимыми одно от другого понятиями. Если командование возможно представить без генерального штаба, единолично выполняющее все функции службы этого органа (Фридрих II, Наполеон, Суворов), то генеральный штаб без командования является совершенной фикцией. Работа генерального штаба есть работа командования и только командования, но не лиц, входящих в состав штаба.

Сущность работы штаба с формальной или внешней стороны характеризуется двумя свойствами: безличностью (в смысле отношения штаба к командованию) и полной секретностью, которые получают этическое значение для офицеров, занимающихся работой генерального штаба, неотделимой от работы командования, являющегося символом отношения военной власти ко всему окружающему — обстановке в военном значении этого понятия.

А. В. Колчак

КАКОЙ РОССИИ НУЖЕН ФЛОТ

Часть 1

Минувшая война уничтожением Балтийского флота в Порт-Артуре и Корейском проливе привела Россию к потере морского могущества почти на всех водах, омывающих ее морские границы; последовавшая за войной внутренняя государственная неурядица не могла не коснуться остатков бывшей морской силы, нанеся ей тяжелые удары морального свойства, еще более ее ослабившие. И вот теперь, так же как и после эпохи грозных наполеоновских войн сто лет назад, поднимается вновь вопрос о возрождении флота. Финансовые затруднения первой половины минувшего столетия не повлияли на сознание необходимости удержания за собой господства на наших морях и создавали только идеи, ограничивающие роль флота как главного агента развития экономического благосостояния и политической мощи государства, придав создаваемой морской силе оборонительный характер. В настоящее время дело обстоит несколько иначе. Кроме крайне стесненного финансового положения мы должны считаться еще с утратой в значительной части общества сознания необходимости не только обладания нашими пограничными водами, но и с отсутствием правильных идей о морской силе, ее значении, вплоть до сомнений в целесообразности самого существования такой силы.

Воспроизводя копию с существующего хаоса политических убеждений и взглядов на желаемый государственный строй Российской Империи, идеи о вооруженной морской силе, проповедуемые в обществах, собраниях, периодической печати и литературе, заключаются между определенными мнениями о полном излишестве и даже вреде

флота для России и столь же уверенно высказываемыми положениями о необходимости немедленного воссоздания морской силы, способной к борьбе чуть ли не с великобританским флотом, правда, в большинстве случаев на чисто фантастических основаниях.

Среди этого собрания всевозможных понятий о морской силе особенно заметна имеющая вековую давность тенденция создания оборонительного флота и выделяется мнение о первенствующем значении армии для государства в связи с вытекающей отсюда необходимостью иметь флот как одно из вспомогательных средств этой армии.

С другой стороны, сознание тяжелых финансовых затруднений принуждает многих, признающих целесообразность и даже неотложность создания морской силы, искать выхода в осуществлении своих идей путем возможно экономичным, основываясь главным образом или на технических изобретениях и усовершенствованиях, либо на своеобразном понимании свойств и задач, возлагаемых на морскую силу.

Я беру на себя смелость разобрать по возможности беспристрастно основные вопросы: для чего России необходима морская сила и что такое эта сила, или, точнее, в чем эта сила выражается.

Война есть одно из основных явлений жизни государства, сущность которого заключается в непреклонном осуществлении государственной воли по отношению к противнику путем применения открытой силы.

Эта непреклонность и вытекающая из нее война может быть обусловлена или задачами государственной необходимости с конечною целью развития собственного блага, или же противопоставлением своей воли, лежащей вне государства, стремящейся к достижению собственных благ, очень часто ограничивающих благополучие данного государства.

Первый случай определяет собой так называемую агрессивную или наступательную политику, осуществляемую при надобности войной, второй — оборонительную политику, сущность которой сводится к применению войны только в зависимости от воли противника. В том и другом случае понятия «наступательный» или «оборонительный» могут быть отнесены только к политике, определяющей отношение государства к причинам войны, на самую же войну эти понятия вообще не распространяются.

Как всякая борьба, единственно целесообразна может быть война только наступательная, уже по одному основному ее принципу желательности перенесения всей тяжести военных действий и связанных с ними разрушений на территорию противника. Если война, обусловленная наступательною политикой, как учит военная история, не все-

гда вызывается действительной необходимостью положения, то война при существовании политики обороны всегда является неизбежной, раз только она необходима ее инициатору.

В зависимости от этого государство может желать или не желать войны и соответственно быть или не быть готовым к войне, зависящей от его воли, но оно неизбежно должно быть готовым к той войне, которая определяется волей другого государства.

Современный строй государства опирается на политико-экономические основания такого свойства, что не только не умаляется сколь-нибудь значение войны, но они принимают уже формы, не позволяющие ни одному государству быть безучастным зрителем вооруженного столкновения соседей, и, чтобы иметь право принять или не принять участие в борьбе за посторонние интересы, надо иметь силу, обеспечивающую это право.

Таким образом создается необходимость обладания силой и готовности к войне не только для осуществления своих целей, не только для парализования целей других, непосредственно направленных для ограничения собственных, но и вообще для обеспечения самостоятельности своей политики и неприкосновенности государства.

Политическая независимость или, определеннее, безопасность государства обеспечивается неприкосновенностью его границ, что достигается соответствующим расположением вооруженной силы и контролем с ее стороны.

С военной точки зрения полная безопасность пограничной части государства, а вместе с тем и всей государственной территории достигается расположением вооруженной силы, способной в случае надобности произвести вторжение в неприятельскую территорию, как уже выше было сказано, для перенесения туда всей тяжести связанных с войной последствий.

Представляется однако весьма важным выяснить сущность границ государства. На сухопутной территории государство вообще имеет условную черту, устанавливаемую пограничными договорами, которую определяют пределы его территориального верховенства и, следовательно, расположения вооруженной силы государства в мирное время.

Гораздо сложнее представляется вопрос уже в том случае, когда границей государства является река и вообще водное пространство и возникает крайняя неопределенность, когда приходится с военной точки зрения рассматривать естественную границу государственной территории, определяемую открытым морем или океаном.

Основное положение международного права об открытом море не распространяется, строго говоря, только на узкую береговую полосу

территориальных вод, пределы которой тем же правом принимаются в 3 мили от крайних точек суши. Но вопросы и положения международного права о государственных границах отпадают при возникновении войны, когда выступает единственное право фактического обладания вооруженною силой, а следовательно, обладание морем с момента объявления войны устанавливает границы государства, владеющего морем на берегах его противника, не имеющего этого обладания.

Этот вывод получает особую и первенствующую важность в вопросе государственной неприкосновенности, а потому необходимо остановиться на нем несколько дольше.

Объявление войны есть момент нарушения пограничного права, так как война немислима без вторжения вооруженной силы одного из противников в пределы другого или, как иногда случается, в пределы третьего, нейтрального владения.

С момента объявления войны морская граница распространяется от берегов противников в открытое море и устанавливается борьбой за его обладание, располагаясь непосредственно у берегов утратившего это обладание. Следствием этого является возможность вторжения вооруженной силы на сухопутную территорию для одной стороны и полная невозможность выполнить это для другой, т. е. необходимость одной стороне принятия всей тяжести последствий борьбы на собственной территории и обеспеченность в этом смысле другой.

Если физические условия сухопутных границ и пограничных частей государственной территории могут благоприятствовать или затруднять вторжение вооруженной силы, то морские границы вообще являются благоприятными для этого акта. Чем большую ценность для государства представляет его морская граница, тем опаснее являются приистекающие отсюда последствия.

Сущность обладания морем сводится к обладанию возможностью транспорта грузов, как живых, так и неодушевленных, с такою быстротой и легкостью, с какою эта операция на сухом пути совершенно не может конкурировать, особенно в смысле военного груза, понимая под ним людей, лошадей и все средства современной вооруженной борьбы.

Мировое значение моря как совокупности удобнейших и выгоднейших путей сообщения получает исключительную важность во время войны.

Водное пространство моря с этой точки зрения можно рассматривать как развитую до пределов сеть железных дорог, получающих с момента объявления войны желаемое стратегическое значение.

То государство, которое с объявлением войны потеряет эти стратегические пути, можно сравнить с таковым, которое не имеет в пограничной области оборудованных путей сообщения, причем его противник располагает самую развитую сеть совершеннейших железнодорожных путей.

Значение сообщения и транспорта во всякой войне слишком понятно, чтобы стоило об этом говорить далее.

Необходимо еще иметь в виду отличительное свойство морских границ при отсутствии обладания морем: это возможность получить удар во многих пунктах, практическое отражение которого крайне затруднительно благодаря полной возможности для владеющего морем применить и использовать в высшей степени принцип внезапности. Предвидеть, где и когда может быть нанесен удар, почти невозможно, а следовательно, невозможно и предотвратить его.

«Море соединяет тех, кого разъединяет», и этот афоризм мирного времени в период войны можно изменить в следующий: «Море соединяет силы того, кто им обладает, и разъединяет силы потерявшего это обладание».

Итак, по своим свойствам морские границы государства располагаются в зависимости от обладания морем и могут проходить либо по береговой его черте, либо быть отодвинутыми от нее вплоть до береговой черты расположенного на этом море другого государства.

Значение моря вообще для современной жизни государства и развитие плавучих средств, как военных, так и служащих в мирное время мирным целям, придает чрезвычайную важность рассматриваемому вопросу.

Громадные армии и все необходимое их снабжение с необыкновенною быстротой могут быть переправляемы морем, создавая грозные перспективы тому, кто не пожелает обеспечить безопасность своих морских границ.

Вторгнувшаяся с моря в сухопутную территорию противника вооруженная сила, обладающая морем, получает в виде этого моря базу, ресурсы которой неистощимы, так как этою базой является весь мир.

Совершившая вторжение с моря неприятельская армия обеспечена удобным снабжением как всеми средствами своей страны, так и теми средствами, которые могут быть приобретены в любом месте всего мира.

Морские границы благоприятствуют вторжению вооруженной силы и с этой стороны являются самыми опасными, требующими надежного обеспечения, тем более что в большинстве случаев они представляют огромное экономическое значение.

Чем же достигается безопасность морских границ государства?

Из всего вышеизложенного видно, что опасность заключается в расположении морской границы по береговой черте одного из государств, того именно, которое не обладает морем.

Обеспечение от опасного состояния морских границ лежит в этом обладании.

Обладание морем заключается в невозможности в период военных действий противнику выполнить какую-либо морскую операцию, в рассматриваемом случае использовать море как путь снабжения и произвести вторжение своей вооруженной силы на территорию обладающего.

Борьба за это обладание составляет сущность морской войны.

Обладание морем, как конечная цель морской войны, достигается борьбой с вооруженными силами противника.

Опыт истории войны, опыт маневров мирного времени, военные соображения и расчеты показывают, что вторжения неприятельской армии с моря на берега государства, утратившего обладание морем, не могут быть предотвращены сухопутными силами. Армия, действующая на берегу, не может помешать высадке с моря другой армии. Последняя может быть впоследствии разбита или уничтожена в зависимости от соотношения сил, но предотвратить последствия военных действий на собственной территории достигнуто таким путем быть не может.

В эпоху ли карфагенских войн, во времена Вильгельма Завоевателя, в период крестовых походов, в крымскую кампанию, в минувшую японскую войну эта истина оставалась непреложной.

Безопасность государства, или — что то же самое — его границ, не может быть обеспечена ничем другим, кроме вооруженной силы, единственного средства настоящего времени, способного разрешать междугосударственные интересы, не укладывающиеся в рамки дипломатических сношений. Безопасность государства не может зависеть от состояния политики и быть обусловленной какими-либо трактатами или договорами, если последние не опираются на реальную силу. Морские границы не представляют в этом смысле исключения, наоборот, они, как более опасные, требуют особенно надежного обеспечения.

Рассмотрим морские границы нашего отечества.

С точки зрения военно-географической расположение наших морских границ вообще представляет много неудобств. Территориальное развитие государства, состоящее в распространении площади обладания до естественных границ, определяемых открытыми морями или океанами, у нас еще не вполне закончилось. Итоги вековой борьбы за

моря как великие международные пути сообщения выразились в распространении государственной территории только до внутренних морей: Балтийского, Черного и Японского, выходы из которых находятся не в наших руках. Только в северной своей части государство определилось естественными океанскими границами, в настоящее время по своим физико-географическим условиям не имеющими серьезного значения для его существования. Пойдет ли наше отечество дальше в направлении к открытому морю или обратится к использованию того, чем уже обладает, — этот вопрос выходит за пределы задачи настоящей статьи.

Если признать, что обеспечение морской границы лежит в наличии вооруженной морской силы, то казалось бы, что эта сила должна быть создана на всех трех морях, причем в силу изолированности этих морей упомянутая сила должна безусловно обладать своими морями и выходами из них в океан, чтобы не быть разъединенной и иметь возможность оказаться там, где ее присутствия государственные интересы требуют.

Практическое решение такой задачи является невозможным; логически мы неминуемо пришли бы к необходимости обладать несколькими флотами, каждый из которых превышал бы флот государства, наиболее сильного на данном море. Но безопасность государства во все этого не требует. Морские границы, так же как и сухопутные, не на всем своем протяжении имеют одинаковое значение для государственной безопасности.

Важность той или другой части государственных границ определяется ценностью территории, прилегающей к этой границе, и возможностью получить на эту часть границы наиболее тяжелый и трудно парализуемый удар извне со стороны сильнейшего, а стало быть, и опаснейшего противника.

Итак, необходимо рассмотреть, какие из морских границ государства могут быть признаваемы за наиболее ценные и подверженные ударам сильнейшего противника.

Я не буду рассматривать северные океанские границы — их малое значение с рассматриваемой точки зрения слишком очевидно, равно как и крайние северо-восточные границы, определяемые Беринговым морем.

Я начну с наших тихоокеанских окраин. По своему географическому положению они являются отдаленными колониями, настолько удаленными, что сухопутные сообщения метрополии с ними при известной степени экономического их развития в силу дороговизны сухопутного транспорта и фрахта представляются совершенно невозможными.

Поэтому и обладание ими при помощи сухопутной вооруженной силы представляется в настоящее время почти неразрешимым вопросом и могло бы быть достигнуто единственно морской силой. Эти колонии лежат у внутренних морей, коими владеет Япония с ее молодым могущественным флотом, опирающимся непосредственно на ресурсы всего своего государства.

Являются ли наши берега Японского и Охотского морей такими важными для жизни государства, что потеря их была бы невознаграждена? Мы владели частью берегов еще и Желтого моря; правда, обладание этими берегами было достигнуто государственными деяниями, которые теперь называются «Дальневосточною авантюрой», но внесла ли тяжелое расстройство в жизнь нашего отечества потеря этих берегов? Как с исторической точки зрения можно посмотреть на приобщение к Российской Империи наших дальневосточных окраин: разве походы Хабарова, Пояркова и Атласова не авантюра, разве подвиги Невельского и Муравьева не могут быть рассматриваемы с той же точки зрения постольку, поскольку они не вызывались действительною необходимостью и не определялись до сих пор реальною государственною мощью? Распространение России на берега Тихого океана, этого Великого Средиземного моря будущего, является пока только пророческим указанием на путь ее дальнейшего развития, священный всегда с вековой борьбой, ибо только то имеет действительную ценность, что приобретено путем борьбы, путем усилий. Минувшая война -- первая серьезная борьба за берега Тихого океана -- есть только начало, может быть, целого периода войн, которые будут успешны для нас только тогда, когда обладание этими берегами делается насущнейшею государственною необходимостью, которая определит обладание не только одною вооруженною силой, не одними стратегическими железными дорогами и флотом.

Обеспечение этих границ в настоящее время может быть достигнуто политикой, политика должна опираться на вооруженную силу, но присутствие последней в виде флота, надежнейшего разрешения вопроса о неприкосновенности наших тихоокеанских окраин, не является безусловно необходимым.

Вооруженная сила, в частности флот, точнее его стоимость, есть, по выражению Рузвельта, та страховая премия, которую государство уплачивает за обеспечение своих ценностей. Ценность премии не может превышать ценность страхуемого, и с этой точки зрения создание мощной силы, способной бороться за обладание морем в Тихом океане, едва ли является целесообразным.

Совершенно иное значение имеют для нас берега Черного моря, другого замкнутого бассейна, выходами из которого владеет государ-

ство, не представляющее выдающейся военной мощи, особенно на море. Другие государства, владеющие частями западного побережья Черного моря, не обладают морской силой, которую следовало бы принять во внимание. Побережье Черного моря и прилегающий к нему Южно-Русский край получают значение одного из важнейших промышленных районов государства; экономический центр государства, по-видимому, имеет все данные продвинуться на юг к Черноморскому краю, где присутствие Донецкого каменноугольного бассейна и месторождения железа обеспечивают будущность железодельательной промышленности; обилие могучих речных систем связывает Черное море с внутренними частями Империи, и уже теперь мы имеем вывозную торговлю на Черном море, вдвое превышающую таковую же на Балтике. Угроза Черноморскому побережью являлась бы серьезнейшей угрозой экономическому благосостоянию России, но непосредственно на Черном море мы не имеем противника, с которым в настоящее время приходилось бы серьезно считаться. Этот противник мог бы появиться там, приведя свои вооруженные силы с других морей, где противопоставление соответствующей силы могло бы остановить его намерения. Борьба за неприкосновенность Черного моря и наших границ, на нем расположенных, имеет все данные разрешиться частью на западном сухопутном фронте Империи, частью на других северных водах.

Единственный противник, который мог бы угрожать неприкосновенности Черного моря, это — Англия, могущественный флот которой распространяет границы Великобритании вблизи морских границ любой державы.

Но обладание морем, достигаемое флотом Великобритании, получает несколько другой характер, чем тот, который выше рассматривался. Обладание морем как путями сообщения имеет с английской точки зрения значение обладания теми ценностями, которые в каждый момент на этом море находятся; 53% всего тоннажа судов, ведущих торговые сношения с Россией, принадлежит английскому флоту, наш флаг не располагает в этом деле более 10%. Ценности государственной на море по сравнению с Великобританией у нас нет, и если мы обратим внимание на то, что вооруженная сила Англии имеет, главным образом, морской характер, то мы увидим, что с точки зрения государственной безопасности флот Англии, имея одинаковое значение на всех наших морях, нам непосредственно не угрожает. Да и вся тяжесть борьбы на наших черноморских границах не представляла бы с военной точки зрения непосредственной угрозы государственной безопасности, нанеся, может быть, и крайне тяжелые удары экономическому благосостоянию. Чем выше экономическое благосо-

стояние края, тем более представляет он ресурсов для борьбы, для сопротивления тому, кто сделал бы туда вторжение.

С чисто военной стратегической точки зрения единственный узкий вход в Черное море благоприятствует защите его неприкосновенности и задержанию превосходных сил более слабыми. С другой стороны, замкнутость Черного моря придала бы морской вооруженной силе характер изолированности и, следовательно, лишила бы флот значительной доли политического могущества, так как этот флот не мог бы непосредственно влиять ни на один объект высокой политической важности.

Итак, значение наших границ на Черном море обеспечивается самим характером этого замкнутого бассейна, отсутствием в этом море сильного вероятного противника, возможностью защищать это море сравнительно слабыми силами и решать политические осложнения на нем при наличии вооруженной силы в другом месте.

Остается третий водный бассейн — Балтийское море. Этот бассейн с военно-географической точки зрения представляется также замкнутым, но значение его получается иное, чем вышеупомянутого Черноморского.

На берегах Балтики мы имеем могущественнейшего и сильнейшего соседа, соприкасающегося с нами на сухопутной территории. У Полангена эта граница выходит на берег Балтики, где, казалось бы, и разделяется: одна идет на север и восток, определяя территорию нашего отечества, другая на запад по берегам Померании.

На этом море мы имеем один из сильнейших мировых флотов, сильных не только количественно, но и качественно, управляемый непосредственно императором державы, политика которой, основываясь на глубоких экономических причинах, является воинственной и угрожающей единственному мировому ее конкуренту — Англии.

Политика мира в настоящее время определяется политикой Великобритании и Германии, имеющих за собой обеспечение в виде первых в мире вооруженных сил.

Обладание водами Балтийского моря принадлежит Германии, и ее морская граница от Полангена совсем не направляется на запад, а идет параллельно нашей вдоль курляндских берегов, далее по берегам Финского залива и подходит к передовым фортам Кронштадта в 50 верстах от столицы.

Германия располагает вторым в мире коммерческим флотом и одной из первых в мире армий и тем самым представляет собой такую силу, вблизи которой можно существовать постольку, поскольку это определяется ее мировой политикой, поддерживаемой упомянутым военным могуществом.

Но может ли представить это обладание Балтийским морем реальную опасность для существования нашего государства? Экономическое значение Прибалтийского края невелико, хотя бы по сравнению с Черноморским, физико-географические особенности его также не благоприятствуют развитию на нем особо выдающихся ценностей, но на берегах Балтики в 50 верстах от германской морской границы, т. е. самой опасной со стратегической точки зрения, к которой подходят лучшие в мире стратегические дороги — морские пути, — лежит столица нашего отечества, и эта граница лежит на фланге и в тылу нашей западной армии.

Я не буду рассматривать значение столицы с широкой государственной точки зрения, а коснусь этого вопроса только с чисто военной стороны. Взятие и потеря столицы всегда в истории войн имели огромное значение, а иногда определяли окончание вооруженной борьбы за интересы государства, так как столица с военной точки зрения является одной из основных организационных и снабжающих баз вооруженной силы страны. Обеспечение этой базы есть неперемнное условие вооруженной мощи государства и с этой точки зрения представляется совершенно необходимым.

Можно ли считать безопасною основную базу военной силы, в 35 верстах от которой возможный противник располагает такими путями сообщения, которых мы лишены, так как никакая сеть железных дорог по своим свойствам не выдерживает сравнения с морскими сообщениями.

Вооруженные силы государства, обеспечивающие его безопасность на западной границе, имеют у себя на фланге и в тылу море, обладание коим находится теперь не в наших руках; только надежная сила, способная поколебать это обладание, может дать уверенность нашей армии, что она не получит удара с моря, который может поставить ее в положение, хотя бы характеризуемое переменной операционного фронта и неизбежностью принять на собственной территории последствия всей тяжести современной вооруженной борьбы.

Здесь я коснусь уже специального, так сказать, сухопутного, военного вопроса, но я не намерен вторгаться в область чужой компетенции и буду рассматривать этот вопрос постольку, поскольку он связан с морской стратегией. Я обращаю внимание, что массовые перевозки войск морем и операции вторжения вооруженной силой со стороны морских границ получают с каждым днем все большее и большее значение — это явное следствие свойств моря как путей сообщения, о которых я упоминал выше.

Коммерческий флот возможного противника и повелителя Балтийского моря дает ему возможность нанести тяжкие и непредотврат-

тимые удары в этом смысле. Операциям вторжения с моря на балтийских морских границах благоприятствует политическая обстановка Прибалтийского края и Финляндии.

Элементарная истина стратегии определенно указывает, что сосредоточие сил, самая мобилизация у нас, в силу одних географических условий, будет протекать всегда медленнее, чем у нашего соседа. При угрозе с моря со стороны противника, который мобилизует свои силы скорее нас, не может быть уверенности, что мы в состоянии будем произвести развертывание наших армий на западном сухопутном фронте в той мере, в какой этого потребует обстановка войны.

Но допуская даже существование 2-й новой армии, мы неизбежно принимаем пассивное положение в борьбе, неизменно влекущее за собой поражение, не говоря уже о последствиях борьбы на собственной территории.

Действительно, существует тенденция вести борьбу, начиная с отступления внутрь государства, с применением во всем объеме стратегии терпения; я не берусь судить, к чему приведет эта стратегия на сухопутном фронте, но знаю, что на морском она кончится весьма плачевно. Если стратегические соображения основываются на разорении собственной территории, то едва ли их можно признать целесообразными — мы знаем хорошо, что такая стратегия оканчивается не всегда Бородином, но и Мукденом. Но было бы ошибочно рассматривать вооруженную морскую силу исключительно как средство обеспечения тыла и фланга нашей армии на западной границе — на западном фронте Империи мы имеем и сухопутные, и морские границы; последние могут быть целесообразно обеспечены только флотом, как сухопутные только армией, а наличие одной из этих вооруженных сил страны не может в полной мере создать государственную безопасность и политическую независимость.

Политическая оценка прибалтийских государств, нашего Прибалтийского края и Финляндии только усиливает значение вышеизложенного, подчеркивая исключительную важность надежной охраны наших балтийских морских границ, которая может быть достигнута только наличием вооруженной морской силы.

Кроме Германии, мы имеем на Балтийском театре исторического векового врага — Швецию. В силу естественных последствий обладания морем политика Швеции в настоящее время подчинена политике Германии, и ее вооруженные морские силы, специализированные для действия в шкерных районах Балтийского бассейна, явятся грозным резервом германского флота, представляя уже теперь сами по себе силу, которую мы при нашем бессилии не можем игнорировать.

Я позволю привести слова генерала Бобрикова, характеризующие политическое положение вещей на Балтийском театре: «Переход господства на Балтийском море к Германии является уже совершившимся фактом. Вся политическая система на этом бассейне нарушена, и если последствия нового строя вещей еще не осязательны, тем не менее они громадны, как создающие почву к нравственному подчинению Швеции Берлину и, в связи с этим, тяготению Финляндии к новому владыке. Отсюда с достаточною легкостью обрисовываются тяжелые для нас результаты, которыми может сопровождаться одно промедление в воссоздании балтийской боевой эскадры».

Эти слова были сказаны 18 лет назад и, к несчастью, сохраняют полную свою силу в настоящие дни.

Я не буду касаться весьма деликатных по существу вещей, которые к тому же хорошо всеми известны, но, взглядываясь в то, что происходит на берегах Финского и Ботнического заливов, невольно вспоминаешь о «тяжелых последствиях» потери обладания Балтийским морем.

Политическое значение морской силы на Балтике ввиду расположения на этом бассейне сильнейшей державы, управляющей политической всего мира, очевидно.

Вступая в непосредственную связь и так или иначе реагируя на вооруженную силу одной мировой державы, мы тем самым обеспечиваем знание нашей политики во всем мире; и безопасность наших границ на Японском море и, быть может, на Черном будет всегда стоять в зависимости от основания всякой политики — вооруженной силы на Балтийском море.

Но, придавая политическому влиянию морской силы даже второстепенное значение, мы видим, что наши прибалтийские морские границы представляются во всех отношениях самыми опасными, а потому требующими создания такой силы, которая могла бы поколебать обладание морем и быть способной хотя бы к борьбе за обладание в течение известного периода военных действий.

Наше политическое могущество 200 лет назад создавалось на водах Балтики, и нет решительно никаких оснований думать, что за этот период значение Балтийского моря для нас утратилось. Исходя поэтому из оснований государственной безопасности и независимости его политики, следует признать, что вооруженная морская сила должна быть создаваема на Балтийском море.

Я рассматривал вопрос о создании морской вооруженной силы только с точки зрения оборонительной политики, но если бы отечество наше и вступило на путь агрессивной политики, разрешаемой применением силы, т. е. пожелало бы осуществить фактическое облада-

ние водами Тихого океана, омывающими наши восточные границы, или приступить к решению задач Ближнего Востока, то сила для этих целей должна быть создаваема на стапелях Петербурга. Вопрос о свойствах и особенностях этой силы есть вопрос чисто технический, и близость разрешения его не подлежит сомнению, а с ним попутно утратится и значение изолированности наших морских театров.

Часть 2

Всякая вооруженная сила складывается из трех основных элементов: средств нападения, средств защиты и средств передвижения, обеспечивающих приложение силы в известное время в известном месте.

Применение этих элементов в морской войне создало военный корабль как боевую единицу, определенные сочетания которых совместно со всеми средствами, обеспечивающими успешную их деятельность, принято называть флотом.

Эволюция морской силы за все время истории морских войн заключалась в развитии, с одной стороны, численности боевых единиц, а с другой — усилении их элементов нападения, защиты и передвижения. Таким образом выработался тип боевого корабля, если так можно выразиться, *par excellence*, представляя собой возможный в данное время компромисс между этими тремя элементами, ограниченными размерами корабля, в свою очередь определяемыми техническими и военными условиями времени.

Неизбежный закон эволюции в смысле численности боевых единиц выработал понятие о строе, или боевой линии, и эта единица получила название «линейного корабля».

Таким образом исторически сложился тип судна, в котором сосредоточились максимумы средств нападения, защиты и подвижности при неизбежном, как уже сказано, компромиссе.

Вековая практика цивилизованного мира в борьбе на море и суше уяснила сущность этой борьбы и указала, что объектом вооруженной силы является всегда вооруженная сила противника и целью всякой войны является уничтожение этих вооруженных сил. Отсюда происходит подразделение операций на главные и второстепенные, или вспомогательные.

Главной и основной операцией морской войны есть бой с вооруженными силами противника, и линейный корабль строится и строился для этой единственной цели. Сущность этой главной операции заключается в том, что она определяет собой все последующие второстепенные операции: десантную, блокадную, крейсерскую и т. д.,

тогда как последние или невозможны до решения первой, или теряют смысл после ее выяснения.

Наряду с боем военно-морское искусство выдвинуло еще две операции, непосредственно связанные с ним, предшествующую и сопровождающую его: это — разведка, т. е. поиски объекта боя и определение силы этого объекта, и эксплуатация победы, т. е. использование результатов ее в смысле преследования с целью окончательного и совершенного уничтожения противника.

Значение разведки и эксплуатации победы сохраняет полную свою силу и в отрицательном смысле, т. е. если данная сила желает почему-либо избежать невыгодного боя или воспрепятствовать противнику использовать победу при неудачном для этой силы исходе боя.

Значение этих операций определяется достаточно ясно словами Нельсона: эскадра, не имеющая разведчиков и желающая вступить в бой, находится всегда в заблуждении, если же она имеет основание уклониться от боя — то она находится в опасном положении.

Школа Мольтке определила значение эксплуатации победы, высказав, что «основательное преследование плодотворнее новой победы».

Совместимы ли требования, предъявляемые разведкой и эксплуатацией победы к линейному кораблю, строящемуся только для боя? Есть сторонники взглядов, что это так: идея универсального «*navire de combat*», создавшаяся под давлением экономических соображений, действительно существует, но практика последних войн и маневров отвергает целесообразность такой универсальности. Разведка прежде всего подразделяется на две операции: освещение местности в смысле поисков неприятеля, требующее численности разведчиков, и разведка боем для определения действительной силы предполагаемого объекта боя. Основное требование, предъявляемое разведкой, есть большой ход и радиус действия, и отделение для целей разведки линейных судов, во-первых, связало бы главные силы в смысле скорости, получаемой такую дороною ценой и имеющей не только тактическое, но и стратегическое значение, во-вторых, привело бы к разведению главных сил и противоречило бы принципу сосредоточения этих сил к началу боя и, в-третьих, отразилось бы на элементах нападения и защиты судов, так как всякое судно есть компромисс и увеличить один его элемент нельзя без ущерба другим; единственный вывод, может быть, был бы: увеличение водоизмещения универсальных «*navire de combat*» до громадных размеров, что оказалось бы невыгодным с экономической точки зрения и всегда противоречило бы требованию численности разведчиков — осветителей местности.

Поэтому строго логическими типами военных судов, вытекающими из сущности морской войны, являются: броненосный крейсер и легкий крейсер-разведчик.

Современный броненосный крейсер представляет собой тот же линейный корабль, того же водоизмещения, с такою же по качествам артиллерией и системой бронирования, но с большим ходом и радиусом действия или угольными запасами, а потому с несколько ослабленными элементами нападения (т. е. меньшим числом орудий) и защиты, т. е. толщиной броневого прикрытия. Броненосный крейсер, имея своею задачей разведку боем, является частью главных сил эскадры и принимает участие в линейном бою, но не в общем строю линейных кораблей, а в самостоятельной линии для использования в бою драгоценного преимущества хода, элемента с тактической точки зрения двойственного, повышающего вообще элементы нападения и защиты и до известной степени восполняющего меньшее число орудий и слабость брони на броненосном крейсере, придавая ему в бою, может быть, эквивалентную силу с линейным кораблем.

Легкий крейсер-разведчик является уже специальным типом судна, в котором элементы нападения и защиты приносятся целиком в жертву скорости и радиусу действия. Требование численности вызывает естественное желание ограничить водоизмещение этого судна, сохранив за ним лучшие мореходные качества. Легкий крейсер является также истребителем неприятельских минных судов, для чего вооружается сравнительно легкою артиллерией. На легкие крейсера возлагается обязанность поддерживать своим огнем минные суда, нести дозорную и охранную службу в море и при стоянках в неукрепленных местах.

Переходя к четвертому типу судов — минным судам — необходимо прежде всего установить сущность этого типа, обусловливаемую свойством оружия — самодвижущейся мины.

Все суда упомянутых типов имеют главным своим вооружением артиллерийские орудия, на минных судах артиллерия играет вспомогательную или второстепенную роль. Самодвижущаяся мина по существу представляет собой такой же метательный снаряд, как и снаряд, но приспособленный для движения в жидкой среде, а потому поддерживающий свою скорость самостоятельно при помощи собственного двигателя. Совершенно так же, как и снаряд, мина не может изменить приданного ей направления при выстреле, обладая приборами, имеющими назначение только противодействовать отклоняющим причинам и сохранять это направление.

Скорость артиллерийского снаряда в настоящее время можно принять в 3000 ф. в сек., скорость мины, в среднем принимая в

30 узл., будет около 50 ф. в сек. Дальность артиллерийского снаряда 120 каб., мины — 20 каб. Снаряд проходит 20 каб. в 4—5 секунд, мина то же расстояние проходит в 4—5 минут.

В современных башнях выстрел 12-д. орудия производится через 40 секунд, в 120-мм — около 10—12 секунд. Для вторичного выстрела миной из аппарата на миноносце, в зависимости от его устройства, требуется от 15 до 30 минут, причем заряджение под выстрелами совершенно невозможно: миноносец должен выйти из сферы огня, зарядить свои аппараты и тогда только повторить атаку. Опыт войны доказывает, что повторная атака тем же миноносцем — вещь совершенно немыслимая, хотя бы чисто со стороны морального состояния участников атаки.

Так как допустимое среднее расстояние для артиллерийского боя в настоящее время гораздо больше 20 кабельт (т. е. пределы минного выстрела), то применение самодвижущейся мины в начале артиллерийского боя является невозможным.

Поэтому для того чтобы использовать самодвижущуюся мину, точнее, ее высокое разрушительное действие по подводной небронированной части корабля, выработался с первых же дней появления этого оружия специальный тип судна на следующих принципах: малая величина, а следовательно размеры цели, подвижность и атака одного объекта относительно большим числом, с пожертвованием основного элемента защиты — брони. Постепенное повышение требования подвижности, а также мореходности привели тип минного судна к так называемому эскадренному миноносцу, в настоящее время определяемому тоннажем 500—1000 т при скорости 30—35 уз.

Неумолимый закон компромисса с требованиями, предъявляемыми к каждому кораблю, не позволяет ограничить современное минное судно меньшими размерами, хотя с первого взгляда эти размеры, казалось бы, противоречили требованию малой видимости и небольшой поражаемой поверхности. Артиллерийская техника ответила на появление самодвижущейся мины целым рядом специальных противоминных скорострельных орудий, заставивших принять в тактике минных судов для использования своего оружия принцип внезапности, т. е. атаку в ночное время, в туман и пр. Для парализования возможности применения этого принципа явилась сторожевая и охранная служба и целый ряд специальных, более или менее удовлетворительных, технических предложений. Признается во всяком случае одна непреложная истина, являющаяся выводом из опыта всех последних войн: открытая дневная атака минными судами артиллерийских платформ невозможна и может быть допустима только

после артиллерийского боя по отношению к противнику, элементы нападения коего и ход ослаблены.

Уже из простого рассмотрения свойств мины как метательного оружия и качества минных судов можно определенно высказать положение, что самодвижущаяся мина является оружием второстепенным, применение коего ограничивается либо результатами боя, либо условиями применения принципа внезапности. Следует всегда помнить, что если атакуемое судно не видит миноносца, то миноносец совершенно так же не видит объекта своего нападения, поэтому, если даже допустить, что при дальности стрельбы в 20 каб. прожекторы не откроют миноносца, то миноносец с этого же расстояния не увидит цели. Требования хода и мореходности так велики, что пришлось уже на минных судах совершенно отказаться от идеи невидимости, обусловливаемой небольшими размерами. Тем не менее упомянутая выше эксплуатация победы, устанавливаемой артиллерийским боем, стоит второй победы, и для нее к трем типам боевых судов придают четвертый тип «эскадренного миноносца». Поэтому роль минного судна остается чрезвычайно важною, особенно если мы вспомним, что принцип эксплуатации победы имеет и, так сказать, отрицательное значение: противодействовать победившему противнику, помешать ему использовать результаты своей победы и основательным преследованием достигнуть немедленно второй.

Опыт войны, особенно последней, показал это достаточно ясно; позволю напомнить несколько фактов.

Чилийская гражданская война 1891 г. — Атака миноносцами «Lynch» и «Condell» броненосца «Blanco» на рейде Кальдера. Атака ночная на броненосец, стоявший без всякой охраны на открытом рейде и открывший огонь после взрыва мины об его корпус. Броненосец утоплен. Ни одного случая дневной атаки.

Бразильская гражданская война 1893—1894 гг. — Атака тремя миноносцами броненосца «Aquadaban» в бухте Св. Екатерины при тех же условиях. Броненосец утоплен. Ни одного случая дневной атаки.

Японско-китайская война 1894—1895 г. — Атака в Вей-Хан-Вее японскими миноносцами ночью не охраняемых китайских судов. Взорваны броненосец «Ting-Yuen» и три крейсера. Война также не дала ни одной дневной атаки, в бою при Ялу мины не были применены.

Испано-американская война 1889 г. — Ни одного случая применения мины Уайтхеда.

Русско-японская война 1904—1905 г. — Взрыв японскими миноносцами «Цесаревича», «Ретвизана» и «Паллады» на Артурском рейде при тех же условиях, что прочие удачные атаки. За все время

операций под Порт-Артуром дневных атак не было, крайне упорные атаки 10 и 28 июня не дали ни одного положительного результата. В Порт-Артуре после ряда повторных атак целыми отрядами на «Севастополь», стоявший на открытом рейде, получена пробоина, благодаря неполной защите сетевыми заграждениями этого корабля.

После Цусимского боя при эксплуатации победы взорваны и потоплены отдельные суда, не охраняемые ни крейсерами, ни миноносцами, светившие прожекторами, суда, совершенно лишенные возможности сопротивляться (например, «Суворов»), или подбитые тихоходные старые корабли («Сисой Великий», «Наварин», «Нахимов» и «Владимир Мономах»).

Вывод из всего боевого опыта следующий: самодвижущую мину можно применить только случайно, при отсутствии надлежащей охраны и с весьма вероятным успехом после боя на ослабленные боем суда для эксплуатации одержанной уже победы.

Опыты войны определяют, по-видимому, один постоянный процент попадания метательным оружием. Процент этот невысок и, вероятно, не превосходит 4%, а в среднем бывает [равен] 2—3%*.

Есть основание полагать, что на это обстоятельство оказывают влияние психологические факторы, определяющие упругость морального элемента сражающихся. С увеличением дальности и разрушительности снарядов увеличивается расстояние боя, как бы понижая возможный процент попадания, достигаемый техникой.

Этот боевой [?] также прилагается и к самодвижущейся мине, разрушительность действия которой ослабляется свойствами ее как метательного оружия: малою скоростью и малою дальностью. Минувшая война указала еще на один весьма многозначительный факт: всем бывшим на Артурской эскадре известны случаи внезапного отклонения мины при подходе к борту движущегося судна, по-видимому под влиянием действия струи или смещаемых судном масс воды. Нет сомнения, что если это так, то значение мины крайне умалывается, так как описанные явления наблюдались при 10—12 узл. ходе, при котором ни одна из выпущенных мин не попала ни в одно судно.

Удачные попадания были только в суда, стоящие на якоре или подбитые и не могущие управляться.

Пока не будут произведены опыты, трудно будет говорить с уверенностью об этом факте, но я не могу не обратить внимание, что

* Этот боевой процент отвечает бою противников с приблизительно равным моральным сопротивлением. При перевесе одной стороны пад другой боевой процент вырастает для первой и падает для второй. Процент попадания у японцев в Цусимском бою оценивается от 10 до 12%. При стрельбе по лайбам или по щитам он при известных условиях может доходить и до 100.

опыт войны указал на способность артиллерийских снарядов давать что-то вроде подводных рикошетов и двигаться наподобие мины, нанося поражения подводной части корабля столь же тяжкие. В 12-д. снаряде взрывчатого вещества столько же, сколько в мине заграждения, и мне кажется, что опыты и работа в этом направлении могут дать весьма важные результаты и способствовать скорейшему сокращению надводных минных судов, являющихся естественным следствием артиллерийской техники, совершенно не допускающей в настоящее время активной роли безбронному судну.

Подводная лодка, вероятно, в будущем заменит современный эскадренный миноносец, и это случится тогда, когда ее надводная скорость и радиус надводного плавания будут не меньше скорости линейных кораблей, что даст возможность подводным лодкам сопровождать эскадру. О подводных лодках мне придется говорить ниже.

Итак, на основании принципов морской стратегии вооруженная морская сила дифференцируется на четыре основных типа: линейный корабль, броненосный крейсер, легкий крейсер и эскадренный миноносец, причем два первых типа являются судами боевой линии, а два вторых получают самостоятельное крайне важное значение в разведке и эксплуатации победы.

Такая вооруженная морская сила является исторически сложившейся, основывающейся на стратегических положениях, остающихся, вообще говоря, неизменными, так как стратегия есть учение о борьбе, и до тех пор, пока будет существовать борьба, будут сохраняться значение и ее основные принципы.

В первой части настоящей статьи я указывал на глубокую ошибку понятия об «оборонительной силе», в частности «оборонительном флоте». Только глубокое падение понимания военного искусства, идей военных, короче говоря, невежество, могло создать представление о какой-то обороне как совокупности сил и средств, способных противостоять факторам наступления. Понятие об оборонительной политике распространилось на понятие о методах ведения борьбы и, к сожалению, стоило нам многих миллионов на создание средств, коих применение воистину оказалось «покушением с негодными средствами». Тем не менее, совершенно не считаясь ни с опытом войны, не говоря уже о военной науке, ни с примерами иностранных государств, мы слышим постоянные голоса о том, что единственную форму вооруженной морской силы — линейный флот — можно с успехом заменить каким-то суррогатом, основное достоинство которого лежит в большей экономичности средств, потребных на его создание. Тяжкое финансовое положение нашей родины, конечно, способствует особенно легкому восприятию идей, в основание которых

положен принцип «экономичности», а потому вопрос об этих суррогатах силы, называемых оборонительным или специальным флотом, приходится разобрать в зависимости от того, можно ли противопоставить эту фальсификацию реальной силы — линейному флоту, так как ни одна из великих держав, претендующих на это звание, в случае борьбы с нами не явится на театр войны без линейного флота. Я начну с рассмотрения типа судов, известных под именем броненосцев береговой обороны.

Сравнение судов открытого моря с судами береговой обороны

Под броненосцами береговой обороны подразумеваются суда с ограниченным водоизмещением, осадкой, скоростью, радиусом действия, но вооруженные артиллерией крупного калибра и защищенные броней, способной выдерживать удары такой артиллерии.

Разбирать стратегические качества таких судов не приходится, так как существование вооруженной силы, специализированной для пассивной обороны, противоречит основному принципу стратегии: обороняться всегда активно.

Вооруженная сила, обладающая малою подвижностью и ограниченным радиусом действия, с точки зрения стратегии не может быть целесообразной, а потому ниже будут рассматриваться лишь тактические свойства судов береговой обороны. Прежде чем разбирать и сравнивать типы судов береговой обороны с таковыми же открытого моря, необходимо установить основание для этих сравнений. За такое мы примем водоизмещение корабля как фактор, определяющий размеры корабля, его артиллерийское вооружение и стоимость, которые можно принять (вооружение и стоимость) пропорциональными водоизмещению для каждого типа.

Законы движения судов совершенно определенно указывают, что число индикаторных сил на тонну водоизмещения, необходимое для сообщения судну определенной скорости, уменьшается с увеличением водоизмещения.

Запасы топлива уменьшаются пропорционально водоизмещению, но так как сила механизмов на 1 т водоизмещения возрастает, то уменьшится и радиус действия.

Таким образом, монитор, о котором было упомянуто выше, будет непременно малого радиуса действия, а принимая во внимание, что вес механизмов пропорционален силе, придется уменьшить силу механизмов, т. е. уменьшить и ход.

Таким образом, низкобортный, тихоходный и с ограниченным радиусом действия монитор явится логическим следствием стремления создать судно, вооруженное крупной артиллерией, защищенное соответственной броней и ограниченного водоизмещения.

При этом мореходность у такого корабля будет крайне ограниченной.

Запас плавучести и устойчивости, лежащий в защищенном наружном борте корабля, у монитора также явится крайне малым, и каждое повреждение его надводного борта или палубы, равно как и подводная пробоина, будут для него губительны.

При равенстве водоизмещения получатся длины артиллерийской платформы соответственно в 160, 207 и 290% от L ; принимая расстояние между судами равное l , получим соответственно длину линии 240% для двух судов, 345% для трех и 522% для пяти.

При длине корабля водоизмещением D в 500 ф. линия пяти судов с суммой равного водоизмещения будет не менее 3000 ф., или 5 каб. При таких условиях разбирать бой не приходится, так как при большой скорости корабля большого водоизмещения он займет наивыгоднейшее положение и безнаказанно уничтожит тихоходные суда, не говоря уже, что при волнении меньшие суда не будут иметь возможности вести меткую стрельбу.

Еще более очевидной станет участь таких судов при эскадренном бое. Для нормальной эскадры в 8 современных кораблей с 80 12-д. орудиями надо противопоставить линию в 40 современных мониторов по 320 т водоизмещения с тем же числом 12-д. орудий. Так как ход первых равен 21 уз., а вторых 12, то линия из 40 судов, растянутая на 4 мили, будет разбита по частям, не нанеся противнику никакого вреда.

Управление эскадрой из 40 судов в бою против 8 быстроходных кораблей вызовет такие трудности, что практически управлять этой эскадрой не представится возможным. При неудачном исходе боя все тихоходные суда будут уничтожены.

Чтобы допустить возможность боя между двумя упомянутыми эскадрами, необходимо принять, что ход их одинаков, так как в противном случае не может быть сомнения в участии менее быстроходных судов. Только при таком условии наступательные качества, т. е. артиллерийское вооружение и ход, явятся до известной степени эквивалентными.

Сравним для этой цели современный корабль типа Dreadnought с монитором последней постройки типа Florida.

Элементы этих судов следующие (водоизмещение, тонны; ход, узлы; артиллерийское вооружение; наибольшая толщина поясной брони):

Dreadnought, 18 200, 21, X--12-д., 11 д.,

Florida, 3 235, 12, II--12-д., 11 д.

Чтобы противопоставить одному Dreadnought'у соответственную артиллерию, надо иметь 5 судов типа Florida с водоизмещением в 16 175 т.

При этом ход Florida 12 уз.; для придания судну такого водоизмещения хода в 21 узел придется усилить механизмы не менее как вчетверо, т. е. довести число инд. л. с. до 10 000 вместо имеемых 2400. Припимая вес механизмов в 5 пудов на 1 инд. л. с., мы получаем избыток веса не менее 600 т, которые потребуют увеличения водоизмещения судна по крайней мере на $600 \Phi 3 = 1800$ т. Окончательное водоизмещение 21-уз. Florida будет не менее 5 000 т, не беря во внимание соответствующего увеличения запаса угля, размеров судна, бронирования и пр.

Пять таких судов с X—12-д. орудиями дадут тоннаж в 25 000 т, т. е. на 6 800 т более водоизмещения Dreadnought'a, которое равно 18 200.

Эскадра в 40 судов типа 21-узл. Florida с общим водоизмещением в 200 000 т может вступить в бой с 8 Dreadnought'ами с водоизмещением в 145 600 т.

При этом на стороне последних будут: 1) полная управляемость, 2) независимость от состояния погоды и моря, 3) сосредоточение огня, т. е. силы, 4) устойчивость артиллерийской платформы, 5) превышение артиллерии над уровнем моря, 6) практическая непотопляемость самодвижущейся миной, 7) меньшая суммированная поражаемая поверхность, 8) огромный запас пловучести и остойчивости.

Что же касается первых, то все эти качества будут отсутствовать, относительно же управляемости надо полагать, что она в бою на 20-уз. скорости для 40 судов практически едва ли возможна, какой бы строй ни был выбран, а в несколько свежую погоду такая эскадра, потеряв ход и возможность сколько-нибудь удовлетворительно вести огонь, явится совершенно бессильной и будет уничтожена.

Стоимость одной тонны водоизмещения меньшего судна по сравнению с большим является на практике превышающей последнюю на величину от 20 до 35%. Но для сравнения мы примем одинаковую стоимость тонны водоизмещения в 1000 руб.

Стоимость Dreadnought'a определится тогда в 18 200 000 руб. (действительная стоимость 16 254 500 руб.).

Стоимость эквивалентных 5 судов типа Florida с соответствующей скоростью равняется 25 000 000 руб., что дает превышение около 6 800 000 руб.

Для эскадры, эквивалентной по силе восьми Dreadnought'ам, это превышение выразится цифрой 54 400 000 руб.

Можно сказать, что эта цифра минимальна, так как 5000 т взято приблизительно, на деле же водоизмещение будет значительно больше, так как мы не приняли во внимание ни увеличение угольного запаса, ни бронирования и пр.

Необходимо иметь в виду, что противопоставляемые Dreadnought'ам суда являются низкобортными мониторами, т. е. наимыгоднейшим типом судов береговой обороны; если же задаться улучшением их мореходности, т. е. повысить борт, то тоннаж еще более возрастет, явится необходимость увеличения площади брони, так как поверхность сильно увеличится, и стоимость соответственно будет еще значительнее.

Остается сделать еще одно сравнение — численности команд.

На Dreadnought'e команды 690 чел., на Florida 148; на 5 судах типа Florida команды будет 740 чел., но это только при существующей Florida с 12-уз. ходом; приняв для сравнения суда в 5000 т одинаковой скорости с Dreadnought'ом, мы должны будем принять комплектацию их не меньшую как в 350 чел.; на 5 таких судах, эквивалентных по силе Dreadnought'у, число команд дойдет до 1750 чел., т. е. приблизительно будет в 2 1/2 раза больше. Относительно офицеров это сравнение будет еще менее выгодным.

Следовательно, и с точки зрения численности личного состава, его подготовки, содержания, равно как и расхода угля*, доков, мастерских, портовых средств постройка судов береговой обороны представится не выдерживающей критики.

Специальный минный флот

При рассмотрении вопроса об эскадренных миноносцах я указывал, что теоретически и практически на основании опыта всех войн самодвижущаяся мина является в настоящее время оружием второстепенным, оружием случайного использования, кроме эксплуатации победы, когда ослабленные артиллерийским боем суда могут явиться объектом для минной атаки; атака эта при этом условии всегда предполагается более или менее значительною группой минных судов с выбрасыванием возможно большого числа мин, когда только и может быть вероятность успеха. Что же касается не подготовленных боем минных атак — то они являются чистою случайностью, да и то только при условиях темного времени, так как дневная атака признается в этом случае совершенно немыслимой. Я указывал также, что эта опе-

* Теоретический расчет указывает, что число сил, необходимых для сообщения одной и той же скорости пяти судам, по водоизмещению равных одному, потребно на 105% более сравнительно с последним. В рассматриваемом случае на 5 судов потребуется не менее 50 000 с, на Dreadnought'e же 27 000 с.

рация весьма сомнительная, и атака Артурской эскадры 27 января 1904 г. ясно это подтверждает. Наша эскадра стояла так, чтобы быть утопленной без остатка, на деле же — 3 выведенных из строя корабля. Нельзя еще не обратить внимания, что рекомендуемый некоторыми минный флот бессилен в широтах Балтийского моря, когда в течение трех летних месяцев совершенно светло, а стало быть, и минные атаки являются невозможными. Также неприменимыми являются минные суда в ранние периоды навигации или при начале замерзания, когда в море можно встретить плавающий лед в формах, совершенно не препятствующих операциям судов других типов. Шкерная полоса Финского залива очень мало благоприятствует применению необходимого для минной атаки принципа внезапности. Тот, кто ссылается на удобство шкера в этом смысле, попросту их не видел и имеет ложное представление о них. Шкеры имеют стратегическое значение как пути сообщения хотя бы для тех же минных судов, но тактическое значение принадлежит лишь немногим пунктам, так, например, во всех шкерах Финского залива имеются только две позиции (причем одна доступна для очень небольших судов), пользуясь которыми можно при известной оплошности неприятеля применить принцип внезапности. Я уже указывал, что постепенное увеличение хода, дошедшее до 36 уз., и требование мореходности довели минные суда до водоизмещения в 1000 и даже 1900 т, причем эти уже большие суда представляют тонкую коробку, $\frac{3}{4}$ объема которой заняты котлами и механизмами. Длина таких судов будет уже более 50 ф., и какая-нибудь ночная атака на судах этих типов явится немислимой.

Представить себе группу из 9 (современная минная дивизия) или даже из 4 судов, идущих в темное время на 30 — 35 уз. атаковать неприятеля, совершенно нельзя, и только специализацией этих судов для нанесения окончательного удара ослабленному боем противнику можно объяснить их проектирование и постройку.

Лично я считаю такой тип судов мало пригодным для военных действий — эскадренный миноносец не должен переходить предела водоизмещения, за которым явится неудобство управления группами этих судов, да и по основной идее минного судна оно должно быть ограниченного водоизмещения. Появление легких крейсеров — истребителей минных судов по существу с 27-узловым ходом заставляет увеличить ход, а стало быть, и водоизмещение объектов этих крейсеров, в ущерб управляемости, малой цели и пр. свойств.

Подводная лодка, являясь миноносцем *par excellence*, как бы указывает на путь, по которому и должны будут пойти минные суда. Артиллерийская техника сделала невозможной дневную минную атаку на безбронном корабле в 1900 т, и мина Уайтхеда вновь получила

свое значение на подводном судне, весьма далеко в настоящее время даже от того, чтобы признать надводные минные суда излишними, не говоря уже о судах других типов.

Действительно, современная артиллерийская техника решительно исключает возможность активного действия всякого безбронного судна, мы видели также, что современные минные суда приняли такие размеры, что использование при помощи их принципа внезапности становится почти невозможным, и остается только логическое применение их после артиллерийского боя, когда явится надежда на ослабление противоминной артиллерии боевых судов. Подводная лодка является как бы естественным противовесом нарушения требований со стороны элемента защиты, наблюдаемого в минных судах, и этот элемент у нее выполнен и поставлен на первое место, но неумолимый закон компромисса сказался во всей своей силе. Подводная лодка своим свойством погружаться под воду до некоторой степени обеспечена в смысле защиты от артиллерийского огня, малая видимость ее, казалось бы, благоприятствует использованию принципа внезапности, но в настоящее время она не имеет достаточно хода ни в надводном, ни в подводном состоянии. Я не буду вдаваться в разбор, почему это так, но практически современная подводная лодка обладает 15-уз. ходом на поверхности и 10-уз. ходом под водой, и в этом-то и заключается ее слабость. Ведь ход для минного судна необходим для выбора позиции по отношению к противнику, обладающему ходом до 22 уз. (линейные корабли) и даже 26 (броненосные крейсера). В этом весь смысл каждого лишнего узла, который такую ценой достигается на современных судах; ради одного узла жертвуется толщина брони и артиллерийское вооружение, ради скорости минные суда дошли едва ли не до абсурдных размеров в 1900 т, а подводные лодки ходят 7—8 уз. и 12—13 над водой.

Я приведу, может быть, несколько парадоксальное сравнение, если поясню, какое значение имеет узел хода. Каждому понятно преимущество противника, имеющего возможность передвигаться хотя бы со скоростью в 1 уз., перед таким, который не может двигаться, а стоит неподвижно. Так вот, такое же преимущество имеет корабль в 21 узел хода перед кораблем в 20 уз. Главным образом из-за 7 уз. хода в бою под Цусимой наша эскадра была уничтожена в 40 минут, представляя собой простую мишень для расстреливания.

Но разберем дальнейшие тактические свойства подводных лодок: в погруженном состоянии лодка пользуется оптическим прибором для зрения, который при волнении, не говоря уже о дожде, плохом состоянии атмосферы, сумраке, при всех усовершенствованиях, продувании воздухом, конечно, будет иметь недостатки по сравне-

нию с невооруженным глазом и тем самым влиять на боевое качество подводной лодки по сравнению с миноносцем. В летние светлые ночи, когда стоит полусумрак, в котором невооруженный глаз прекрасно видит все до горизонта, оптическое приспособление оказывается неудовлетворительным, а такое время стоит у нас 3 месяца, т. е. половину обычной навигации. Ночью же подводная лодка обращается в миноносец, и даже плохой миноносец, так как в перископ ничего не видно, да и в полуподводном состоянии при самой малой волне через иллюминаторы также ничего не увидишь, при этом миноносец с 13—14 уз., тогда как требуется 35. Предоставляю судить об успешности ночной минной атаки на таком судне. Нельзя не считаться с боевым [?] попаданием, общим для мины Уайтхеда, как и для всякого оружия, действующего на расстоянии; отсюда ведь вытекает понятие о необходимости атак отрядами минных судов и закон численности их. Подводная лодка, не видя другой, ей подобной, не способна быть использована для массовой атаки для выпуска по поражаемой цели нескольких десятков мин, когда явится надежда на верный успех*.

Подводная лодка в определенном районе может маневрировать только в единственном числе, не рискуя столкнуться с подобною же. Что же представляет в действительности подводная лодка? Подводная лодка представляет собой средство для применения мины Уайтхеда, оружия второстепенного значения, с малою подвижностью, в силу чего она получает значение чисто позиционное, т. е. тактика современной подводной лодки заключается в выборе известного ограниченного маневренного района, в котором она действует в единственном числе. Современная подводная лодка с боевой точки зрения является миной заграждения с увеличенным радиусом вероятного действия, определяемым указанным районом. И в этой роли она является достаточно грозным оружием, чтобы признать полную законность его существования. Что же касается самостоятельности ее действия в открытом море в качестве главного агента войны, то ясно, что лодка до этого еще не доросла, да и вряд ли когда-нибудь дорастет. Подводная лодка в открытом море слепа, слепа в стратегическом отношении, так как произвести разведку она не может по многим причинам, из коих первая — что у нее нет хода, а вторая — нет средств связи, которые находятся только в периоде разработки. Какую разведку может сделать 15-узловое минное судно, у которого вы-

* С этой точки зрения увеличение числа минных аппаратов на подводной лодке есть основная задача при ее проектировании, и увеличение тоннажа ее в связи с увеличением скорости и района плавания является вполне естественным. Лодки ограниченного водоизмещения исчезнут со временем так же, как теперь исчезают миноносцы.

сота глаза наблюдателя несколько футов, да еще в сколько-нибудь свежую погоду; можно, скажут, вести разведку, смотря в иллюминаторы боевой рубки или, может быть, в перископ! — Впрочем, сторонники «исключительно» подводного флота признают, что нужны надводные разведчики; одни рекомендуют эскадренные миноносцы даже до 2000 т водоизмещения, другие — легкие крейсеры в 3000—4000 т, третьи — броненосные крейсеры типа *Inflexible*, четвертые — комбинацию из всех этих судов (я не говорю уже о дирижаблях с пулеметами и воздушными минами).

Оставляя в стороне вопрос о связи полной разведки броненосными и легкими крейсерами с подводными лодками, которая существует пока только в воображении, я замечу, что если для опоры броненосных крейсеров присоединить еще несколько линейных кораблей, то получится современная вооруженная морская сила в полном составе, и подводная лодка приобретет тогда весьма важное значение, особенно когда линейные корабли подготовят соответствующим образом противника или своим маневрированием заставят его наткнуться на позиционный район с подводными лодками.

Идея замены современного линейного флота подводным, не имеющим пока никакого боевого опыта, может увлечь только дилетантов военного дела, да и то смотрящих на это дело с экономической точки зрения.

Ни в одном из флотов великих держав развитие техники подводного плавания не оказало никакого заметного влияния на постройку линейного флота — явилось новое применение мины Уайтхеда, которое все признали полезным и даже необходимым, но нигде не нашлось серьезных оснований для замены подводными лодками даже надводных минных судов. И надо признать за истину, что надводное минное судно даже в форме 2000-тонного миноносца имеет пока такие тактические и стратегические преимущества, что замена его подводной лодкой в настоящее время была бы недопустима. Тридцать лет назад совершенно такое же значение придавалось только что появившимся специальным минным судам, которые при состоянии артиллерийской техники того времени составляли серьезную угрозу артиллерийской платформе, но на наших глазах прошла вся эволюция артиллерийской и минной тактики, и одно оружие нисколько не исключает в настоящее время другое.

Итак, современная вооруженная морская сила складывается из целого ряда специализированных более или менее судов с основанием в виде линейных кораблей и броненосных крейсеров большого водоизмещения с придачей к ним известного числа легких крейсеров, эскадренных миноносцев и специальных типов заградителей и подводных

лодок. Но эти суда являются только боевою частью флота; для обслуживания ее существует отдельная группа типов более или менее специализированных судов, посыльных для службы связи, транспортных-мастерских, угольных, водяных и провизионных для боевых запасов, минных, боновых для постановки заграждений на неохраемых рейдах, плавучих госпиталей и пр. Число их и размеры определяются назначением эскадры боевых судов и условиями операций, вообще же к судам, обслуживающим боевой флот, предъявляется требование большого хода и большого водоизмещения, без которого немислима достаточная автономность этих судов, которые ни в каком случае не должны стеснять обслуживаемую эскадру. Наконец, эскадра должна иметь надежные базы-порты с доками, мастерскими, складами и всеми ремонтными средствами, причем базы эти должны быть защищены и обеспечены от всяких покушений как с моря, так и с суши.

Сложность механизма современной морской войны обыкновенно и является главным основанием для изыскания средств упрощения, причем авторы этих упрощений забывают обыкновенно, что такое морская война на деле, и создают в своей фантазии такую совокупность операций, которой в действительности не бывает.

Положим, что мы захотели бы ограничиться частью указанной морской силы и создали бы хоть один минный флот. Неприятель, располагающий линейным флотом, конечно, не стал бы посылать против этого флота линейные корабли, а выслал бы легкие крейсера и минные суда, которые бы и уничтожили минный флот, существующий без поддержки; если бы мы придали к минным судам легкие крейсера, неприятель придал бы к соответствующим типам броненосные крейсера, с которыми легкие крейсера были бы бессильны, и т. д.

С подводным флотом дело обстоит бы совершенно так же, особенно беря современную, а не воображаемую подводную лодку; невозможность при существующем состоянии техники подводного плавания совместных действий большими группами поставить подводные лодки без соответствующей опоры в безвыходное положение; против одной подводной лодки, маневрирующей в данном районе, явится дивизия минных судов — предоставляю изобретать тактику подводной лодки против дивизии эскадренных миноносцев 35-узловой хода и потребностью через несколько часов заряжать аккумуляторы для подводного плавания. Какова будет деятельность подводных судов при применении неприятелем мин заграждения у их баз, наконец, какова служба разведки и связи при подводных лодках?

Надо решать задачу за противника, и это единственное средство выяснить сущность того или другого военного вопроса, опираясь при этом в стратегических соображениях на свойства театра и маневры, а в тактике преимущественно на опыт войны.

Какой же флот нужен России? России нужна реальная морская сила, на которой могла бы быть основана неприкосновенность ее морских границ и на которую могла бы опереться независимая политика, достойная великой державы, т. е. такая политика, которая в необходимом случае получает подтверждение в виде успешной войны.

Эта реальная сила лежит в линейном флоте и только в нем, по крайней мере в настоящее время мы не можем говорить о чем-либо другом. Если России суждено играть роль великой державы — она будет иметь линейный флот как непереносимое условие этого положения. Перед нами теперь стоит этот вопрос во всей его сложности, со всею тяжестью громадных материальных, я скажу, не затрат, а жертв, и, решаясь принести эти жертвы, надо не верить, а знать, что результатом их явится действительная сила. Ограничивая временно значение морской силы под давлением условий внутреннего состояния государственного, следует ограничить до известного предела размеры создаваемой силы, не изменяя ее качественно.

Беря на себя смелость отрицать, хотя бы в настоящее время, необходимость вооруженной силы, — надо идти до конца и отрицать всякий флот, ибо создание фиктивной силы в виде специального минного или подводного флота чрезвычайно дорого — при нашем положении государственном мы не имеем права тратить десятки миллионов на опыты и основывать хотя бы часть государственного бытия на сомнительной или заведомо неудовлетворительной силе.

Никакая отрасль или часть проявления государственной жизни не может быть даже временно приостановлена без ущерба всему целому, и никакими финансовыми затруднениями нельзя оправдать сознательное отречение от неприкосновенности и политической независимости, достигаемой правильным соотношением и развитием сухопутных и морских вооруженных сил.

Эта морская сила должна быть и будет в форме линейного флота; нашему отечеству предстоит выполнить огромную задачу его создания, которое должно быть произведено одновременно во всех частях сложного механизма флота, так как только при этом условии можно будет рассчитывать на результаты, достойные цели.

**СООБЩЕНИЕ
В ОФИЦЕРСКОМ СОЮЗЕ
ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА
И СОБРАНИИ ДЕЛЕГАТОВ АРМИИ, ФЛОТА
И РАБОЧИХ В СЕВАСТОПОЛЕ***

Прошел месяц после объявления Временным правительством воззвания, в котором Правительство открыто высказывало свой взгляд на положение Родины нашей словами: «Отечество в опасности». Изменилось ли это положение в течение минувшего месяца и в какую сторону, уменьшилась или увеличилась эта опасность, какое направление приняло течение нашей государственной жизни, какие возможности открываются нам в ближайшем будущем, к которому мы идем в силу неизбежной связи последующего с настоящим?

По приказу Военного министра мне пришлось на этих днях побывать в Петрограде, встретиться с членами кабинета министров, общественными и политическими деятелями, принимать участие в обсуждении государственных вопросов. Это обстоятельство дало мне возможность более ясно познакомиться с теми вопросами, о которых суждение могло основываться на прессе, частных сообщениях и слухах, и я, вернувшись к месту служения своего, к командованию флотом Черного моря, решил ознакомить вверенный мне флот с положением нашей Родины в конце третьего года европейской войны и двух месяцев, истекших после государственного переворота. По своему положению и компетенции в вопросах государственной жизни я могу обсуждать их преимущественно с военной точки зрения, но я полагаю, что в дни величайшего пожара, охватившего почти весь ци-

* РГА ВМФ. Д. 64. Л. 1–6.

визированный мир, эта точка зрения имеет некоторое значение, даже в ущерб всем прочим.

Должен сказать, что с первых дней государственного переворота общество в лице прессы, значительной части официальных представителей возникших общественных организаций, провозгласив высокие патриотические лозунги, совершенно уклонилось от беспристрастной оценки создавшегося положения нашей вооруженной силы и вытекавших из него последствий. Наряду с великими словами появился никем открыто не провозглашенный, но точно признанный каким-то соглашением лозунг «все обстоит благополучно» в отношении вооруженной силы. Были «беспорядки», были «волнения», были «изменения режима», но все «благополучно», и никто не решился назвать вещи своими именами и открыто сказать, в чем же заключается опасность для Отечества, признанная открыто нашим Временным правительством. Говорили о расстройстве экономической жизни, транспорта, но о расстройстве существенного элемента вооруженной силы, духа ее и «морального элемента», ее способности к борьбе и победе умалчивалось.

Свергнутый государственный строй привел нашу армию морально и материально в состояние крайне тяжелое, близкое к безвыходному. Казалось бы, что революция, знаменовавшая возрождение и новую жизнь государства, изнемогавшего при ранее существующих порядках, должна была возродить, во всяком случае поднять дух и силы лучшей части народа, с оружием в руках отстаивавшего саму жизнь и существование Родины; необходимость этого подъема сознательно и даже бессознательно ощущалась всеми и каждым, и естественно явилось молчаливое признание благополучия в отношении того, отсутствие чего знаменовало бы всеобщее крушение и гибель. И таким образом создалась тенденция непременно говорить, что флот и армия сохранили основание вооруженной силы — дисциплину и организацию, что создание свободы и гражданского долга обеспечивает «моральный элемент» вооруженной силы, что последняя стоит на высоте призвания сохранить неприкосновенность и интересы свободной Родины.

Но великие слова и лозунги в течение двух месяцев остались словами, а желаемое и высказываемое благополучие вооруженной силы не возымело до настоящих дней осуществления.

Я хочу сказать флоту Черного моря о действительном положении нашего флота и армии, о том, что из такого положения вытекает, как нечто совершенно определившееся, и какие последствия влечет это положение в ближайшем будущем. Я буду говорить об очень тяжелых и печальных вещах, и я долго думал, говорить ли о них совер-

шенно откровенно, так как многих слабых людей это сообщение могло бы привести в состояние, близкое к отчаянию, к представлению, что все потеряно и выхода из создавшегося положения нет. Но я не буду считаться с ними — я буду говорить для сильных и твердых людей, способных хладнокровно и спокойно смотреть в глаза надвигающейся катастрофе, обдумать и взвесить ее значение, а затем делом и поступками ее предотвратить.

Мы стоим перед распадом и уничтожением нашей вооруженной силы, во время мировой войны, когда решается участь и судьба народов оружием и только при его посредстве. Причины такого положения лежат в уничтожении дисциплины и дезорганизации вооруженной силы и последующей возможности управления ею или командования.

После переворота наряду с громкими словами о победе, защите свободы и т. п. неоднократно произносились слова о новой дисциплине, основанной на чувстве гражданского долга, сознании обязательств перед Родиной, говорилось даже о «железной дисциплине», построенной на этих же основаниях.

Эти слова остались только словами. Старые формы дисциплины рухнули, а новые создать не удалось, да и попыток к этому, кроме воззваний, никаких, в сущности, не делалось. Все усилия командного состава были обращены на сохранение хотя бы организации или внутреннего порядка, и в некоторых частях путем, совершенно противоречащим основаниям военного дела, этот порядок до известной степени удалось сохранить. Другие части приступили к попыткам создать новую организацию, но, конечно, в этом не успели и пришли в состояние полного развала.

Революционный переворот застал Балтийский флот на зимней стоянке. Эта обстановка позволила флоту без всякой помехи со стороны противника заняться немедленно преобразованиями, ломкой и уничтожением всей своей внутренней жизни.

Намерения создать что-либо новое, конечно, не удалось, и ко времени открытия навигации Балтийский флот оказывается с дезорганизованным личным составом, лишенным всякой дисциплины, какой бы то ни было внутренней спайки и связи, то есть фактически не управляемым в боевой обстановке. Действительно, офицерский состав частью убит, частью удален с судов, а оставшиеся поставлены в невозможность какой бы то ни было работы. Состав кондукторов и сверхсрочнослужащих деморализован и нести обязанностей не может, взаимного понимания, не говоря уже о доверии, не существует, дисциплины никакой нет, и, как явление окончательного распада вооруженной силы, явились дезертирство и политические течения,

совершенно тяготеющие к анархии, под именем и лозунгами которой выступают и прикрываются наиболее низменные и преступные элементы и инстинкты. Говорить о духе, воле к победе в такой воинской части не приходится. Если таковое положение продолжится, Балтфлот надо будет признать как вооруженную силу не существующим. Я думаю, что отдельные части и суда Балтфлота сохранили способность к боевой деятельности, конечно, надо думать, что чувство самосохранения определит возможность выполнить некоторые задачи, но участь столкновения такого флота с дисциплинированными и организованными частями противника предрешена, если немедленно не последуют изменения.

Мои слова, сказанные в отношении Балтфлота, в отношении дисциплины и организации, приложимы и к широким частям нашей вооруженной силы, в которых моральный элемент понижен и частью утрачен. То же явление дезорганизации комсостава, крайняя трудность и даже невозможность военной работы, удаление и вынужденный уход многих опытных начальников и офицеров, лучшие из которых ищут места в армиях наших союзников для выполнения долга перед Родиной, с одной стороны, и явления сношения с неприятелем и дезертирство, с другой, создают грозные перспективы в будущем.

Я остановлюсь более подробно на одном явлении, получившем распространение в различных частях нашей армии, явлении, на которое указывает наша пресса, часто даже с выражением сочувствия. Оно называется «братанием». В некоторых частях наши солдаты самостоятельно вошли в сношение с неприятелем, которое выразилось во взаимном посещении окопов и установлении соглашения о прекращении военных действий. На значительных участках фронта создалось полное затишье и бездействие. Появились явления отказа команд работать для укрепления позиций, идти на смены и т. д. «Братающийся» неприятель посещал наши окопы иногда в таком количестве, что некоторые части команд, сохранившие совесть и представление о долге, намеревались применить для прекращения этой гнусности силу, но встретили сопротивление и даже угрозы со стороны сочувствующих «братанию». В некоторых участках «братание» получило характер постоянных митингов между нашими и неприятельскими частями, где обсуждались приличные этому явлению вопросы.

Жалкое недомыслие, глубокое невежество, при полном отсутствии военной дисциплины, сознания долга и чести, вызвали это «братание», которое получило объяснение, как средство революционизирования армии противника, как прием для создания революции в Германии и Австрии.

Приказы генералов Брусилова и Гурко совершенно исчерпывают этот вопрос. «Братающиеся» немцы и австрийцы в некоторых частях арестованы, и на допросе выяснилось, что неприятель широко использует этот обычай для целей разведки и изучения наших позиций.

«Братание» создано вовсе не нами — это самомнение, свойственное глупости, что подонки армии могут своей явной изменой и предательством создать революцию в Германии! Но если бы вы знали, с каким презрением и насмешками относятся немцы к «братающимся» с ними представителям нашей армии, то никому не пришло бы в голову говорить о создании подобными приемами революции в Германии.

С первых же дней государственного переворота многочисленные германские агенты и шпионы, пользуясь создавшимся беспорядком, преимущественно через Финляндию, проникли к нам и под видом политических деятелей и совместно с некоторыми из них произвели и производят работу по разложению нашей вооруженной силы.

Успехи этой деятельности в Гельсингфорсе, Кронштадте и других местах фронта обязаны их работе в значительной степени, и «братание» есть один из приемов этих агентов.

Другое явление, вызывающее самые серьезные опасения не только за дух, но и за самый состав армии, — это дезертирство. Массовое дезертирство, помимо непосредственного своего значения как убыль личного состава, внесло огромные затруднения и дезорганизацию в железнодорожные сообщения, вплоть до расстройств транспорта и порчи подвижного состава железных дорог. Можно сказать, что в последнее время дезертирство как будто стало ослабевать. Находится ли это явление в связи с установившимся спокойствием на фронте и «братанием», сказать трудно, но, кажется, связь между этими явлениями существует. Значение германских прокламаций и агентурной работы о земельном разделе в развитии дезертирства следует признать весьма значительным.

Великий государственный переворот, свершившийся во время войны, не мог пройти, не оказав влияния на вооруженную силу. Конечно, нельзя не видеть, не признать положительной стороны многих явлений, возникших под влиянием революции в наших вооруженных силах, но вызывает самые серьезные опасения переход естественного и временного беспорядка в прогрессирующий развал и дезорганизацию. Дальнейшие шаги в этом направлении создают величайшую опасность для самого существования нашей свободной Родины, и об этой опасности я буду говорить теперь.

Революция произошла в период зимнего затишья на фронте и замерзших заливов Балтийского моря. В дни слабости нашей воору-

женной силы наши союзники — англичане и французы — перешли в огромное наступление на немецкий фронт на Западе.

Занятые событиями и развитием государственного переворота у себя внутри государства, многие не отдают себе отчета и неясно представляют значение операций наших союзников.

Уже месяц, как на английском и французском фронте идут бои, подается и отходит к востоку немецкий фронт. Немцы стянули все возможные резервы на западный фронт, снимая частью их с нашего, чтобы остановить это наступление. На нашем фронте установилось затишье, «братание». Вот смысл этого явления и той кампании против войны, внезапного миролюбия некоторых кругов, сменивших лозунг «война до победы», появившийся в первые дни революции. Теперь германский фронт ослаблен, насколько это допустимо с точки зрения учета германскими штабами нашего состояния, и союзники сделали все возможное. Дальше надо рассчитывать только на себя, и если дух армии изменится в лучшую сторону, если мы сумеем создать в ближайшие дни дисциплину, восстановить организацию и дать возможность комсоставу заняться оперативной работой, мы выйдем из предстоящих испытаний достойным образом. Если же мы будем продолжать идти по тому пути, на который наша армия и флот вступили, то нас ждет поражение со всеми проистекающими из этого последствиями. Суждения обитателей, собравшихся в горящем доме, о вопросах порядка следующего дня приходится признать несколько академичными.

К сожалению, мне пришлось 20, 21 апреля в Петрограде быть свидетелем событий, носивших характер уже не академический, а угрожающий внутренним пожаром, который называется гражданской войной.

Я убежден, что каждому из 1000 демонстрантов, выступавших на улицах под плакатами и знаменами с надписями «Долой Временное правительство», «Долой войну», «Война войне», вопрос о смене правительства был полностью безразличен, но кому-то он был нужен. Он был нужен тем кругам, тем лицам, которые ведут антигосударственную работу с явной тенденцией к уничтожению всякой организации и порядка, эта работа, которая проявилась в форме «братания» на фронте, дезертирства, в ослаблении и уничтожении дисциплины нашей вооруженной силы, — эта работа нужна нашим врагам. Она ведет нас к поражению и гражданской войне, к государственному разложению и гибели. Это нужно и полезно прежде всего Германии! Наряду с упомянутыми плакатами и знаменами, говорят, в Петрограде было знамя с надписью: «Да здравствует Германия!». Лично я не видел этой гнусности, известия о ней появились в газетах, но

раз возможно «братание» на фронте, то можно допустить появление такого знамени. Я не могу не признать известной ошибки со стороны автора этой надписи — она слишком откровенна и все объясняет.

Вот почему в грядущем, никому из нас пока не известном, встает грозный признак ликвидации войны на началах, о которых мы пока не думаем. Этот призрак будет ужаснее поражения и проигрыша войны центральными европейскими державами. Он обрисовывается из нашего международного или мирового положения. На него указывает железная логика истории!

Мы живем в эпоху величайшей войны, в эпоху решения международных и национальных вопросов вооруженной силой. Можно сочувствовать или нет такому положению вещей — никакого значения для существующей войны эти рассуждения не имеют. И эта сила, которой определяется война, будет решать вопросы мира, вопросы нашего дальнейшего существования.

Деятельность союзников наших в течение минувшего месяца заставляет остановиться на вопросе о взаимоотношениях с ними. С первых дней революции в некоторых общественных кругах создалось представление об универсальном или мировом ее течении и немедленном влиянии на внутреннюю жизнь и даже политический строй иностранных государств.

Никто, конечно, не станет отрицать значение нашей революции на жизнь наших союзников и соседей, но это влияние ослабляется теперь мировой войной, в которой лежит центр тяжести всей жизни воюющих государств.

С этой точки зрения наша революция и интересует наших союзников и врагов: поскольку мы окажемся в состоянии после переворота продолжать войну? Нам приходилось слышать фразы о непосредственном сношении нашей демократии с демократиями иностранных государств, даже помимо их правительств, и первый опыт был сделан в виде известного обращения к германской демократии; он дал совершенно отрицательный результат, с моей точки зрения, прямо оскорбительный для нас.

Практическое решение вопроса о сношениях с демократиями иностранных государств приводит к сношению с правительствами этих государств, и только с ними. Эти правительства и являются выразителями воли демократии, и другого приема сношений быть не может. Демократии иностранных государств и их правительства заняты в настоящее время войной, и наша революция интересует их теперь только с точки зрения отношения нашей демократии к этой войне. Не покажется ли голос части нашей новорожденной демократии, протестующей против войны, как бы сделавшей открытие, что мир есть бла-

го, а война зло, для иностранных демократий слишком слабым, а открытие некоторых истин несколько несвоевременным? Текущая война есть в настоящее время для всего мира дело гораздо большей важности, чем наша великая революция. Обидно это или нет для нашего самолюбия, но это так, и, совершив государственный переворот, нам надо прежде всего подумать и заняться войной, отложив обсуждение не только мировых вопросов, но и большинство внутренних реформ до ее окончания.

Мы должны ясно представить свое положение, которое сейчас нашей силой в виде армии и флота, финансовым и экономическим состоянием не обеспечивается в должной мере, — вот в этом и заключается государственная опасность. Вот тот призрак, он может реализовываться в виде новой войны, к которой неизбежно ведет путь государственного развала и связанной с ним слабости и бессилия.

Какой выход из этого положения, в котором мы находимся, который определяется словами «Отечество в опасности», я скажу более — «Отечество в критическом положении!»?

Этот выход лежит в сознании этой опасности и необходимости всем, кто имеет силу смотреть ей в глаза, объединиться во имя спасения Родины. Это объединение должно быть выражено в форме искреннего признания Временного правительства как Верховной власти. Как представители вооруженной силы мы должны признать единственно верной формулу: «Наша политика есть повеления этой Верховной власти» — и явиться надежной опорой для нее.

Первая забота — это восстановление духа и боевой мощи тех частей армии и флота, которые ее утратили, это путь дисциплины и организации, а для этого надо прекратить немедленно доморощенные реформы, основанные на самомнении и невежестве. Надо принять формы дисциплины и организации внутренней жизни, уже существующие у наших союзников. Это есть единственно правильное разрешение вопроса.

Надо отказаться и по крайней мере сократить самомнение незнания и признать, что Правительство гораздо лучше нас понимает многие вопросы государственной жизни и в вопросах международной политики МИД гораздо более осведомленнее митинговых ораторов.

Цель моего сообщения заключалась в том, чтобы представить действительность такой, какой я ее понимаю. Это мое мнение, но если оно несколько выяснит то положение, в котором находится Родина, и <вынудит> (?) прийти к убеждению, что надо приложить силы для одной цели — спасения Родины, то я буду считать свою задачу выполненной.

25 апреля 1917 года

Вице-адмирал Колчак

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Отец и сын. Штрихи к портрету	8

В. И. КОЛЧАК

Война и плен	21
История Обуховского сталелитейного завода в связи с прогрессом артиллерийской техники	118

А. В. КОЛЧАК

Дневник лейтенанта А. В. Колчака	246
Краткий обзор исследования морского пути вдоль северных берегов России	256
О производстве гидрографического исследования Северного Ледовитого океана от Берингова пролива до устья реки Лены	262
Служба Генерального штаба	264
Какой России нужен флот	345
Сообщение в Офицерском союзе Черноморского флота и собрании делегатов армии, флота и рабочих в Севастополе	375

Научное издание

Колчак Василий Иванович
Колчак Александр Васильевич

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Редактор *Т. Н. Альбова*
Технический редактор *О. И. Фидорович*
Корректор *Н. А. Терюкова*

Оригинал-макет подготовлен ООО «Фирма КОСТА»

ИБ № 1829

ЛР № 010282 от 19.02.98

Подписано в печать 8.08.2001. Формат 60×90 ¹/₁₆.

Гарнитура Peterburg. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 25,0. Уч.-изд. л. 26,0.

Тираж 2000 экз. Изд. № 4676-2000. Заказ 374

Издательство «Судостроение»
191186, Санкт-Петербург, ул. Малая Морская, 8

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ФГУП ордена Трудового Красного Знамени «Техническая книга»
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
198005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.